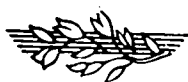

ПРИЧИТАНИЯ

С О В Е Т С К И Й   П И С А Т Е Л Ъ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 0

Вступительная статья и примечания
К. В. Чистова

Подготовка текста
Б. Е. Чистовой и К. В. Чистова

РУССКАЯ ПРИЧЕТЬ

1

Мария Волконская, героиня поэмы Некрасова «Русские женщины», во время своего тяжкого пути в Сибирь была потрясена не только страданиями народа, но и его живым участием в ее собственном горе:

В дороге, в изгнании, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!

Взаимная поддержка в горе, душевная отзывчивость народа, стремление помочь попавшему в беду человеку разобраться в своих чувствах — все, о чем говорит здесь Некрасов, с огромной силой выразилось в причитаниях, одном из своеобразных и очень популярных в прошлом жанров русского народного поэтического творчества.

Еще сравнительно недавно причитания было принято считать жанром только обрядовой народной поэзии. В связи с этим говорилось о трех основных видах причети — свадебной, рекрутской и похоронной. Однако та область устной народной поэзии, которая в крестьянском быту связывалась с названием «причитания»

(«причети», «причёта», «вопа», «воя», «жали», «крика», «плача», «заплачки», «голошения» и т. д., в зависимости от местности), в действительности значительно шире. Как показали исследования советского времени, под причетью следует понимать элегические импровизации, создававшиеся крестьянками по самым разнообразным поводам и на самые различные темы. Причитания возникали преимущественно в связи с печальными, скорбными, трагическими событиями в народном быту (пожар, неурожай, голод, болезнь, семейные неурядицы, различные проявления социального гнета, тяжесть положения сироты или вдовы, проводы в солдаты, смерть и т. д.).

В отличие от «протяжных» песен, часто тоже грустных, причитания не имели устойчивого текста и определенной фабулы; чувства исполнительницы выражались в них при помощи привычного круга поэтических образов и словосочетаний, употребление и выбор которых для каждого случая были более или менее индивидуальными. Брак поневоле, проводы мужа, отца или брата в солдаты и смерть близкого человека — три важнейших скорбных события, которые переживала в прошлом крестьянка и которые ломали всю ее жизнь. Повторяемость этих событий в жизни деревни и возникновение на этой почве устойчивых и разработанных обрядов создавали относительную устойчивость и определенных видов причитаний — свадебных, рекрутских и похоронных. В этих трех случаях причитания (не только само причитывание, но и темы, образы, лексика причети) становились ритуально обязательными моментами обряда, создавалась традиция, оказывавшая большое воздействие на развитие поэтики всей причети в целом — и обрядовой, и внеобрядовой (иногда ее называют «бытовой»).

Как и всякий жанр устной поэзии, причеть отвечала определенной потребности народа, имела самостоятельную бытовую и эстетическую функцию. В отличие от былин, сказок, лирических песен, которые могли исполняться в любых условиях и для бытования которых нужны были только желание исполнителя и интерес слушателей, причеть звучала лишь в самые трагические моменты жизни крестьянства, когда обнажались все тяготы и противоречия и особенно ясным становился ужас подневольного существования, когда умолкала и веселая песня, и занимательная сказка.

Исполнительницы не ставили перед собой осознанных эстетических целей (во всяком случае эстетическая сторона не играла самостоятельной роли). Они стремились яснее и сильнее выска-

зять владевшие ими скорбные чувства. Вместе с тем постоянная взволнованность помогала творцам причети отыскивать наиболее выразительные поэтические средства, заставляла их максимально использовать и вместе с тем обогащать опыт устной традиции, подниматься до предельных высот поэтического выражения человеческих чувств. Поэтому наследие мастеров русской причети представляет значительную художественную ценность, в нем с большой силой проявился поэтический дар русского народа. Вместе с тем причитания представляют и большой теоретический интерес как явление, стоящее на грани быта и искусства, позволяющее наблюдать всегда таинственную для нас «механику» возникновения большого искусства на почве самой повседневной, будничной жизни.

Само собою разумеется, что причитания любой эпохи, так же как и любой другой жанр, не могли отражать все стороны народной идеологии. Знакомясь с ними, нельзя забывать, что русским народом были созданы в прошлом и песни о Разине и Пугачеве, и песни казачьей вольницы, и удалые бурлацкие и «разбойничьи» песни, и веселые плясовые частушки, и волшебные сказки, и многое другое. Только тогда станет понятной мысль, высказанная В. Г. Белинским о русских народных песнях: «Грусть у него (то есть у русского человека. — К. Ч.) не мешает ни иронии, ни сарказму, ни буйному веселью, ни разгулу молодечества: это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой».¹

Значительное развитие причитаний и их особое место среди других жанров русского фольклора, так же как грустная тональность большинства народных лирических песен, — историческое свидетельство невыносимой тяжести жизни трудового народа в дореволюционной России. Поэтому причитания являются ценнейшим историческим документом, позволяющим глубже проникнуть в прошлое русского народа.

В известных нам записях народной причети с замечательной силой проявилась удивительная твердость духа русской крестьянской женщины, ее воля, умение противостоять жестоким жизненным обстоятельствам. Именно это и привлекло внимание В. И. Ленина к одному из главнейших ее разделов — рекрутским причитаниям.

Мысли В. И. Ленина о причитаниях с наибольшей подробностью передаются в статье В. Д. Бойч-Бруевича «В. И. Ленин

---

¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М., 1954, стр. 442.

об устном народном творчестве». ¹ Как вспоминает В. Д. Бояч-Бруевич, в 1919 году В. И. Ленин выразил желание просмотреть некоторые сборники былин, народных песен и сказок. Среди них оказались — «Северные сказки» Н. Е. Ончукова, ² «Смоленский этнографический сборник» В. И. Добровольского и 2-й том «Причитаний Северного края, собранных Е. В. Барсовым». «Когда я доставил книги Владимиру Ильичу, — пишет автор воспоминаний, — он быстро просмотрел их по заглавиям, разложил по жанрам и больше всего внимания обратил на «Причитанья Северного края», собранные Е. В. Барсовым, где во второй части были напечатаны «Плачи завоенные, рекрутские и солдатские»...

— Хорошая книжечка! — сказал Владимир Ильич, возвращая мне через несколько дней «Завоенные плачи», на которые он обратил особое внимание.

— Я внимательно прочел ее. Какой ценнейший материал, так отлично характеризующий аракчеевско-никалаевские времена, эту проклятую старую военщину, муштру, уничтожавшую человека. Так и вспоминается «Николай Палкин» Толстого и «Орина, мать солдатская» Некрасова. Наши классики несомненно отсюда, из народного творчества, нередко черпали свое вдохновение. Почему бы не написать исследование, чем была аракчеевская военщина для крестьян, сравнив эти «плачи» над уходящими на службу с песнями тех же крестьян, которые убегали от помещика, от рекрутчины, от солдатчины и организовывали «понизовую вольницу», собираясь на Волге, на Дону, в Новороссии, на Урале, в степях в особые ватаги, дружины, отряды, в вольные общества вольных людей. Тот же народ, а совсем другие песни, полные удали и отваги, смелые действия, смелый образ мыслей; постоянная готовность на восстание против дворян, попов, знати, царя, чиновников, купцов. Что перерождало их? К чему они стремились? Как и за что боролись? Разве это не интересно знать? И все это звучит в народной песне. Даже здесь, в этих скорбных «завоенных плачах», раздававшихся в деревнях, при помещике, при старостах, при начальстве, — и то прорывается и ненависть, и свободное укорительное слово, призыв к борьбе сквозь слезы матерей, жен, невест, сестер». ³

---

¹ «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 117—131.

² Об отзыве В. И. Ленина о сборнике Н. Е. Ончукова см. К. В. Чистов. Заметки о сборнике Н. Е. Ончукова «Северные сказки». — «Труды Карельского филиала Академии наук СССР», вып. 8, 1957, стр. 5—29.

³ «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118—120.

Итак, В. И. Ленин, признавая значительную историческую и художественную ценность народных причитаний, обратил особое внимание на специфическую противоречивость крестьянского мировоззрения, лежащего в их основе, причем эта противоречивость осмыслилась им как исторически сложившаяся особенность идеологии русского крестьянства, связанная с его социальной природой и с наибольшей силой сказавшаяся в период 1861—1917 годов.

И наконец, В. Д. Бонч-Бруевич сообщает еще об одном интересном эпизоде: «Возвращая книгу «Завоенные плачи», Владимир Ильич сказал мне: «А я так увлекся этими записями, что забыл, что книга-то не моя, и стал отчеркивать особо интересные тексты, на которые стоило бы обратить особое внимание». Я с радостью сказал Владимиру Ильичу, что Демьян (Демьян Бедный. — К. Ч.) будет счастлив иметь книгу с его пометками, и предложил еще оставить книгу. Он улыбнулся и сказал: «Да вот все дела и дела, а так хочется написать статью на основании этого интереснейшего настоящего народного материала: ведь это действительно народные думы, сама каторжная жизнь народа! Да вот некогда. Пусть другие пишут». И он — к огорчению моему — протянул мне книгу и сейчас же углубился в бумаги, лежавшие перед ним».¹

Воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, по-видимому, довольно точно передают мысли, возникшие у В. И. Ленина в связи со знакомством с записями народных причитаний в марте — апреле 1918 года. Примерно в это время В. И. Ленин беседовал о рекрутской причете и ее смысле с Демьяном Бедным и советовал ему попытаться, опираясь на традицию причеты (или, лучше сказать, отталкиваясь от нее), написать новую песню о проводах в Красную Армию. Откликом поэта на эту беседу явилась известная песня «Проводы», созданная им в том же 1918 году. В этой песне рисуются обычные обстоятельства, в которых возникала старая рекрутская или солдатская причета («Как родная меня мать провожала, Тут и вся моя родня Набежала...»), и дается краткое выражение антивоенных идей старой причеты («Ах, куда же ты, Ванек, Ах, куда ты? Не ходил бы ты, Ванек, Во солдаты...»).

Ответ героя песни известен — он должен был свидетельствовать о новом отношении к новой рабоче-крестьянской армии.

---

¹ Там же, стр. 121. О пометках на сб. «Причитанья Северного края», ч. 2, см. в этой же статье В. Д. Бонч-Бруевича.

Причеть — один из древнейших поэтических жанров. Бытование ее отмечено у большинства бесписьменных народов, оставшихся в XIX—XX веках на наиболее низких ступенях культуры, — тасманийцев, австралийцев, у племен и народностей Крайнего севера и других. С другой стороны, первые по времени известия о причети или отклики ее отыскиваются в древнейших памятниках письменности — в ассиро-вавилонской эпосе о Гильгамеше, в древнеегипетских папирусах, в памятниках древнееврейской литературы, в древнеиндийской «Махабхарате», в «Илиаде», у греческих трагиков, у римских поэтов Катулла и Вергилия, в древнескандинавской «Эдде», в исландских сагах и т. д. Все это дает право предполагать, что причеть существовала и у восточных славян задолго до XI века, которым датируются первые документальные свидетельства об обычае причитывать («плакаться»). Вместе с тем причеть бытует и до сих пор. Известны отдельные записи причитаний, производившиеся в различных областях России (особенно в Архангельской области и русских районах Карелии) в самое последнее время — в 1957—1958 годах.

Следовательно, история восточнославянской (а потом русской) причети обнимает огромный отрезок времени. Если бы нам удалось ее восстановить, мы располагали бы великолепным и обширным поэтическим циклом, с большой силой выразившим простые человеческие чувства, замечательной летописью жизни и быта русского крестьянства. К сожалению, возможности проникновения в прошлое русской причети значительно более ограничены. Разрозненные свидетельства о бытовании причитаний, отражение некоторых мотивов в литературных памятниках еще не дают возможности восстановить с необходимой полнотой картину их последовательного развития. Первые же вполне надежные записи причети стали производиться лишь с середины XIX века.

Историческое изучение причети осложняется еще одним обстоятельством. Исполнение причитаний в жизни происходит в связи с совершенно определенным бытовым поводом, в специфической эмоциональной обстановке, неповторимой при записи, которая производится зачастую через несколько лет. В лучшем случае рядовая исполнительница создает при этом новый текст, имеющий отдаленное отношение к первоначальному; в худшем случае возникает текст, в котором спутываются воедино мотивы,

случайно выхваченные из разных моментов обряда (похоронного, свадебного или рекрутского). Лишь изредка поэтически одаренная вопленица оказывается способной восстановить в своей памяти горестное событие, заново «вживается» в состояние «действующих лиц» и, опираясь на усвоенную ею традицию, создает текст более или менее близкий к «оригиналу».

Особенно важно, что при повторном воспроизведении рядовые исполнительницы подчас теряют самое ценное — конкретное бытовое наполнение причети, связанное с тем или другим индивидуальным случаем. Их тексты часто выглядят набором «общих мест». Именно это и привело некоторых исследователей, находивших в древнерусских памятниках и позднейших записях сходные «общие места», к парадоксальному утверждению о полнейшей неизменяемости причети.¹ Такое утверждение противоречит бытовой ее природе, выдвигает на первый план «общие места», которые, по-видимому, всегда были для исполнителей хотя и важным, но подсобным материалом, получавшим различное употребление и истолкование в зависимости от того или иного содержания причети.

Сходство некоторых существенных мотивов причитаний различных славянских народов объясняется, вероятно, возникновением причети еще в эпоху древнеславянской общности. Мы очень мало знаем о том, какими они были в ту пору, однако вряд ли можно согласиться со схемой, предложенной некоторыми исследователями (Г. С. Виноградов и др.), согласно которой древнейшие плачи имели чисто магический смысл и предназначение и лишь в позднейшее время стали служить выражению человеческих чувств. Нет никаких оснований предполагать, что древний человек при смерти одного из членов своего рода или племени не испытывал элементарного чувства сожаления и лишь заботился о том, чтобы обезопасить себя от таинственного существа — смерти, от возможных вредных действий покойника и т. д. Если бы древнейшая причеть не содержала обильных лирических элементов, мы не смогли бы объяснить появления уже в конце XII века великолепной литературной обработки ее — «Плача Ярославны» из «Слова о полку Игореве», исполненного пленительных чувств любящей женщины и сохранившего свою поэтическую силу до наших дней.

---

¹ Ср., например, «Русские плачи (причитания)». Вступительная статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1937, стр. XIII.

Вместе с тем древнейшие исполнительницы причети не могли не быть людьми своего времени, — им присущи были и мифологические, и анимистические, и магические представления. С течением времени подобные представления претерпевали изменения либо исчезали вовсе, однако этот процесс был очень длительным и сложным. По крайней мере крестьянское мировоззрение и, особенно, крестьянские семейные обряды XIX века еще содержали определенные элементы магического и анимистического характера. Вполне вероятно, что такие мотивы причети, как призывы к покойнику встать, обращение к стихиям с просьбой оживить умершего и т. п., в древнейшую пору были своеобразными заклинаниями, вкрапленными в причеть, осуществлением попытки вернуть утраченное, выражением веры первобытного человека в совершенно особую силу слова. Веру эту, как справедливо считал М. Горький, следует объяснять «явной и вполне реальной пользой речи, организующей социальные взаимоотношения и трудовые процессы людей». ¹

Вместе с тем несомненно, что с древнейших времен существовала и внеобрядовая, «бытовая» причеть, которая, очевидно, не содержала никаких магических мотивов или включала их как нечто второстепенное, сопутствующее.

Похоронный и свадебный обряды и связанная с ними причеть были ярко выраженными коллективными ритуальными действиями, в которых участвовали все члены рода или племени, позднее члены семьи и территориальной общины (по терминологии причети — «сродники» и «общество» или «соседи спорядовые»). Именно этим объясняется то, что причитывающие всегда предполагают присутствие «сродников» и «соседей», к которым они обращаются. С этим связан и сложившийся, по-видимому, очень давно особый синтаксис причети с характерным для него избытком вопросительно-восклицательных конструкций, риторических обращений, обменом репликами, сменой причитывающих в порядке старшинства и т. д.

Очень архаична по своему происхождению и такая своеобразная черта поэтики похоронных и отчасти свадебных причитаний, как наличие устойчивых метафорических замен некоторых слов, особенно терминов родства, обозначающих покойного (невесту, жениха) и родственников. По неписаному, но строгому

---

¹ М. Горький. Советская литература. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. — Собрание сочинений, т. 27. М., 1953, стр. 300.

закону причети причитывающая не только никогда не называла покойного «умершим» («телом», «покойником», «трупом»), но и не смела назвать «мужем», «сыном», «дочерью», «братом», «племянницей», «невесткой», а себя «женой», «матерью», «сестрой», «дочерью» и т. д. На все эти слова как бы наложено «табу» — запрет, связанный в своих древнейших формах со стремлением уберечь причитывающую и других членов рода от дальнейшего воздействия злых сил, уже проявившихся в смерти оплакиваемого. В записях XIX—XX веков причитывающая называет себя «печальной головушкой», «победной головушкой», просто «победной», «горюющей», «горепашицей», а покойного — «надежной головушкой», «любимой семеюшкой», «желанной державушкой», «великим желаньем», «меженским красным солнышком», если это муж; «златокрылым ясным соколом», «талой талиночкой», «скаченой жемчужинкой», «сахарной деревиночкой», если это сын; «летней касатой ластушкой», «белой лебедушкой», «наливной ягодкой», если это дочь; «ветляной нешутушкой», если это невестка, и т. д.¹ В позднейшее время этот запрет, конечно, не имел столь абсолютного характера, но он продолжал определять одну из важных особенностей поэтики причитаний.

По-видимому, к древнейшему периоду восходит и возникновение мифологического по своему характеру образа смерти как внешней силы, олицетворяемой то в антропоморфных, то в зооморфных образах (старая старушечка, какой-нибудь зверек, птица), и различных картин предсказания смерти (вешание ворона или какой-нибудь другой птицы и т. д.).

Значительно труднее обнаружить столь же древние мотивы в традиции внеобрядовых, бытовых причитаний. Вероятно, они были всегда менее традиционными, более подвижными, чем причитания, связанные с устойчивыми по своим формам семейными обрядами.

Уже в первые века существования древнерусского раннефеодального государства начинается упорная борьба церкви с языческими народными обрядами и обычаями. Так называемые «поучения» церковников (наиболее ранние из которых появляются вскоре после введения христианства на Руси) и официальные постановления церковных соборов свидетельствуют о том, что эта борьба была чрезвычайно затяжной и приносила церкви больше поражений, чем побед. Так, например, церковные обряды

---

¹ См. Примечания — «Словарь устойчивых метафорических замен», стр. 429—430.

венчания и погребения не вытеснили народные, а включились в их систему, стали существовать параллельно с ними. Церковь стремилась приучить к мысли о том, что смерть — божье благословение, радостный конец печальной и греховной земной жизни, поэтому оплакивание усопших — грех (ср. русские переводы «Слова Дионисия о жалеющих», «Слова Иоанна Златоуста о терпении благохваления, да не много о умерших плачемся» и др.). В 1551 году обычай оплакивания умерших был подвергнут осуждению в постановлении Стоглавого собора, унифицировавшего церковную жизнь средневековой Руси. Однако и в XIX веке церковникам все еще приходилось бороться с этим «языческим», по их мнению, обычаем.

По-видимому, в Киевский период — начальный период кабления смердов — в причитания впервые проникают социальные мотивы. Жизнь смерда и его благополучие все более зависели от феодального господина. Вместе с тем не меньшие бедствия терпели все русские люди от набегов степных кочевников, от все усиливавшихся раздоров между князьями и группами князей. Образец причитаний, возникавших в подобных обстоятельствах, можно видеть в известном плаче «жен русских», прозвучавшем в «Слове о полку Игореве» после рассказа о поражении войск Игоря и набеге половцев: «Жены руския въсплакашася, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того пстрепати“». Народ оплакивал, вероятно, и некоторых наиболее популярных князей — собирателей Русской земли и организаторов ее обороны. Как уже отмечалось исследователями, летопись, повествуя о событиях X и XI веков, говорит о различных видах оплакивания умерших князей. Так, когда умер Олег, «плакашася людие вси плачемъ великимъ». В то же время по Васильке Тербовльском плачет одна попадья, по Изяславе плачет его сын Ярополк и т. д. Характерно, что, по сообщению летописи, когда умер Владимир Святославич, бояре плакали о нем как о «заступнике их земли», бедные же («убозин») как о «заступнике и кормителе». Таким образом, причеть обогатилась в эту пору не только социальными, но в какой-то мере и гражданскими, политическими мотивами. Вполне вероятно, что подобного рода мотивы звучали и в причитаниях, связанных с уходом воинов в походы и исторически предшествовавших более поздней рекрутской и солдатской причети.

Отмеченные нами мотивы приобретают, очевидно, еще большую популярность в бытовой и похоронной причети в период

феодалной раздробленности (до татаро-монгольского нашествия). Так, например, если верить летописи, народ оплакивал смерть Андрея Боголюбского как «строителя» новой северо-восточной Руси. Изучение отзвуков причети в письменности XII—XIII веков показывает, что уже в это время существовали некоторые традиционные образы причети, известные по записям XIX—XX веков, например, сравнение смерти с заходом солнца (ср. плач новгородцев по Мстиславу — 1178 год, владимирово-волынцев по Владимиру Васильковичу — 1288 год и др.).¹

Плач по покойнику (невесте, воину и т. д.), надо думать, уже в эту пору был не просто выражением сожаления, но и сетованием на предстоящую тяжелую жизнь без поддержки покойного (ушедшего на ратные дела, выходящей замуж и т. д.).² Очевидно, что в доклассовую эпоху такие мотивы могли звучать только в отдельных случаях, когда гибли лица, от которых зависело благополучие всего рода или племени. В период же, о котором идет речь, территориальная сельская община («вервь»), видимо, уже не обязана была поддерживать каждую женщину и ее детей в случае гибели ее мужа и кормильца. Эти функции все больше стали переходить к семье (или, вернее, к той ее форме, которая в этнографии носит название «большой семьи»).

Памятники письменности X—XIII веков (отчасти и более поздние) приписывают причитывание то женщинам, то мужчинам, то шире — «людям», то каким-нибудь социальным категориям («бояра», «убозии» и т. д.). Это дало повод некоторым исследователям считать, что в древней Руси, в отличие от позднего времени, причитывали равно как женщины, так и мужчины. Однако нельзя забывать, что древние книжники не ставили перед собой описательно-этнографических целей; они использовали причеть для своих художественных, публицистических, религиозных и прочих нужд. Кроме того, женщины вообще сравнительно редко встречаются на страницах их произведений. В то же время для

---

¹ См. Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.); Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси — до татаро-монгольского нашествия (XII — начало XIII в.). — «Русское народное поэтическое творчество», т. 1. М. — Л., 1953, стр. 212—213 и 241—242.

² Эта особенность причети была подмечена еще Н. Г. Чернышевским и привлекалась им для обоснования «теории разумного эгоизма» (Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1950, стр. 283).

XIX—XX веков мы не знаем ни одной достоверной записи мужского плача, причеть осмыслялась крестьянами как специфически женский жанр.¹

Письменность периода татаро-монгольского нашествия донесла до нас сравнительно мало отзвуков причитаний. Плачи часто заменяются здесь молитвами и сетованиями молитвенного, книжного характера, в которых важнейшую роль играет истолкование вражеского нашествия как божьей кары за грехи. Вместе с тем несомненно, что традиция причети не прерывалась. Об этом убедительно свидетельствуют некоторые эпизоды в былинах и исторических песнях, в которых нашла свое отражение начальная пора борьбы с татаро-монгольским игом. Так, например, известен во многих вариантах «плач городской стены» из былины «Василий Игнатьевич и Батыга», бытовавший в XIX—XX веках в некоторых районах в качестве отдельной песни. В былине о Казарине плененная татарами героиня горько причитает о своей доле:

Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобна причитаючи:
«О злочастная моя буйна голова,
Горе-горькая моя русая коса!
А вечер тебя матушка расчесовала,
Расчесала, матушка, заплетала,
Я сама, девица, знаю-ведаю:
Расплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездником».²

Подобные строки можно встретить и в других песнях о татарском полоне, в которых переплетаются, условно говоря, личные и гражданские мотивы, что совершенно естественно для тяжелейшего времени татаро-монгольского ига.

Отдельные свидетельства о бытовании причитаний можно отыскать и в рукописных памятниках XIV—XVI веков, однако они мало дают нам для восстановления идей и особенностей стиля причети этого времени. Некоторое исключение составляет «Житие Стефана Пермского», составленное Епифанием Премуд-

---

¹ От окончательного решения этого вопроса все же удерживает несомненное существование у некоторых народов и женской, и мужской причети (грузины, осетины и др.).

² «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М. — Л., 1958, стр. 145.

рым. Заключительная часть «Жития» состоит из трех «плачей» — «пермских людей», «церкви пермской» и «инока». Плачущая пермская церковь, горюющая об ее основателе Стефане, сравнивает себя здесь с причитывающей женщиной: «Но повоздержите мя уже хотя мало, ослабите ми, да почию, да не некако съкрушуся от многоплачия, чюю бо ся без меры плачася женьскы или невестиньскы паче же вдовствующи... обычай бо есть плачущимся причитати нечто некака словеса, да не празденн воспущается глас плача...»¹ (то есть «удержите меня хоть немного, утешьте меня, чтобы я успокоилась, чтобы не погибнуть мне от многоплачия, потому что чувствую я, что плачу без меры, подобно тому как плачутся женщины или невесты или особенно вдовы... есть ведь обычай причитать какими-нибудь словами, чтобы не был пустым голос плачущей»).

Желая создать предельно выразительный образ и привлекая все, что только могло послужить этому, Епифаний называет известные ему виды причитаний — обычное причитание женщины (очевидно, бытовой плач), невесты (то есть свадебный) и вдовы (то есть похоронный).

Примером сохранения мотивов причети в исторических песнях XVI века могут служить песня о смерти первой жены Грозного Анастасии, так называемый «Плач у гробницы Грозного» и др.

XVII век был временем бурных политических событий и чрезвычайно активного развития литературы и народного творчества.

По аналогии с другими жанрами русского фольклора — былинами, песнями, сказками, общерусский репертуар которых сложился, очевидно, в эпоху формирования русского централизованного государства, — можно предположить, что и поэтическая традиция причети с определенным запасом общерусских отстоявшихся и отшлифованных поэтических приемов и образов сложилась примерно к этому же времени. Вместе с тем несомненно, что областные различия причети, как и других обрядовых жанров, были выражены более отчетливо, чем различия в традиции былины, сказки, лирической песни.

Несомненно, что в XVII веке причеть бытовала во всех слоях русского общества. Именно этим и объясняется упоминавшееся уже запрещение Стоглавого собора.

¹ См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. — Л., 1947, стр. 136.

Описание в так называемой дополнительной главе к «Домострою» основных моментов свадебного обряда того времени (в состав которого органической частью входили причитания невесты), «Плач Ксении Годуновой», дошедший до нас в уникальной записи для Ричарда Джемса, своеобразный плач царицы Марфы Матвеевны, известный в устной традиции в составе исторической песни, песня о Скопине-Шуйском и одноименная повесть о нем свидетельствуют о том, что и творцам песен, и русским писателям XVII века в равной степени казалось естественным при изображении быта верхних слоев тогдашнего общества обращаться к образам, темам и стилистическим приемам причети. С другой стороны, повесть об Азове и разинские песни типа «Вы леса ль мои, лесочки» (завещание Разина) или «Ай по морюшку, морю синему» (Разин и девица на Каспийском море) свидетельствуют о широком распространении причитаний в народной среде. Вместе с тем какие-то различия в бытовании причети в разных социальных слоях несомненно были. Известно, что на свадьбах в дворянских и городских богатых семьях за невесту пели песни, заменявшие причитания (она «всхлипает, а в те поры поют песни»).¹

Мотивы и образы причети в песнях разинского цикла свидетельствуют о том, что в XVII веке целая полоса в истории причитаний была связана с крестьянскими восстаниями, сражениями крестьянских полков с царскими войсками, поражением восставших и т. д. К сожалению, до нас не дошло ни одной записи крестьянских причитаний этого времени.

Отзвуки причети в памятниках литературы и устной традиции XVII века дают возможность утверждать, что некоторые мотивы причети XIX—XX веков были в то время уже хорошо известны. Так, например, и в плаче царицы Марфы, и в завещании Разина обнаруживается сходный мотив — обращение к покойнику с призывом встать, пробудиться от крепкого сна.

В плаче Марфы:

Встань ты — пробудись...

И ты што ж крепко спишь и не пробнешься...²

---

¹ См. В. П. Адрианова-Перетц. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII века. — «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М. — Л., 1953, стр. 470.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 6. М., 1864, стр. 208.

В песне-завещании Разина:

Уж ты встань-ка, товарищ наш,
Ты возьми-ка в руки саблю острую...¹

И наконец, наши представления о причети XVII века несколько дополняются упоминаниями и отдельными пересказами плачей, содержащимися в книгах иностранных путешественников, посещающих «Московию» (Дж. Флетчер, Я. Стрейс, Г. Сердерберг, А. Олеарий, Ж. Маржерет, С. Коллинз, И. Т. Корб и др.). Так, С. Коллинз пишет, что на похоронах обычно причитает жена покойного либо специально нанятая плакальщица. Он приводит образцы плачей. Например: «Милый мой, зачем ты меня покинул? Не я ли тебе во всем повиновалась? Не пеклась ли я о твоём доме? Не рожала ли я тебе детей-красавцев? Уж у тебя ли не всего было вдоволь?»²

В отличие от Коллинза, который пересказал, видимо, плач по богатому покойнику, в житии Антония Сийского пересказывается внеобрядовый плач, возникший в беднейших слоях крестьянства (плач ослепшей сироты).³

От XVIII века и первой половины XIX века дошло несколько больше текстов, чем от предшествующих столетий, но все же их далеко не достаточно для того, чтобы с необходимой полнотой восстановить картину последовательного развития причети в этот период.

С начала XVIII века причеть начинает изгоняться из обихода господствующих классов. Так, например, известно, что в 1715 году Петр I запретил причитывать на похоронах вдовей царицы Марии и велел и впредь на похоронах других девиц воздерживаться от причитывания. Его распоряжение свидетельствовало о ломке бытового уклада дворянства, которая происходила в начале XVIII века. О том же свидетельствуют и некоторые статьи, публиковавшиеся в журналах второй половины XVIII века. Так, например, в 1767 году в «Ежемесячных сочинениях» появился реферат писателя и ученого Г. В. Козицкого «О плаче над мертвыми древних греков и других языческих народов». Это была

---

¹ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2. М., 1910, стр. 722.

² С. Коллинз. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. Перевод П. Киреевского. М., 1846, стр. 7.

³ Житие возникло в XVI веке; дополнено «чудесами» в первой половине XVII века. См. П. В. Влад им и р о в. Первые русские писательницы XVIII в. и участие русской женщины в развитии народной словесности и древнерусской письменности. Киев, 1892, стр. 4.

первая научная статья о причитаниях, написанная в России. Примечательно, что в ней ничего не говорится о русских причитаниях. Двумя годами позже, в 1769 году, в журнале «Трудолюбивая пчела» появилась заметка А. П. Сумарокова «О неестественности», в которой поэт называет причитания «дурацкими песнями» и настаивает на том, чтобы они окончательно исчезли из дворянского быта.

В последующие десятилетия упоминания о причитывании встречаются в работах историков, этнографов, бытописателей,¹ и все же народный обычай причитывать и особенно сами причитания стали настолько далеки ученым людям, что в 20—30-е годы XIX века были заново «открыты», причем открытие это и донныне признается большой заслугой. Впервые в эти годы писал о них Н. И. Гнедич в предисловии к переводу книги К. Фориеля «Простонародные песни нынешних греков» (1824) и вслед за ним друг М. Ю. Лермонтова С. Раевский в статье «О простонародной литературе».²

XVIII век характеризуется новым наступлением дворянства на права крестьян. В 1699 году указом Петра была введена рекрутская повинность. С середины XVIII века рядом указов Петра III и Екатерины II помещикам было присвоено право внеочередной сдачи в рекруты «провинившихся» крестьян, а крестьянам было запрещено жаловаться на своих господ. Вместе с тем почти непрерывные войны, которые велись в XVIII веке, влекли за собой систематические, становившиеся все более частыми, рекрутские наборы. Именно в это время на почве бытовой традиции складывается в своих основных чертах особая разновидность причети, сопровождающая обряд проводов в армию (рекрутская) и посвященная солдатской теме (солдатская). Не случайно наиболее примечательное отражение причети в литературе XVIII и начала XIX века связано именно с ее рекрутской разновидностью (Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» и вслед за ним С. Ферельцт в «Путешествии критики»).

Как вспоминал генерал С. А. Тучков, среди офицерства в

---

¹ См. историко-этнографические программы В. Н. Татищева (1737), Г. Ф. Миллера и И. Г. Гмелина; первый обзор русской народной поэзии и обрядов М. Гитри (M. Guity. *Dissertation sur les antiquités des Russie. A Saint-Petersbourg*, 1795), в сокращенном переводе см. «Маяк», 1844, т. 13—15; «Опыт повествования о древностях российских» Г. П. Успенского (1811); «Краткое обозрение мифологии славян российских» П. М. Строева (1815) и др.

² «Олонекские губернские ведомости», 1838. Прибавления к № 12, 13, 19 и 21.

XVIII веке был популярен принцип: «Вот тебе три мужика, сделай из них одного солдата».¹ Не удивительно, что и рекрутская причеть XVIII века была по своей сути антикрепостнической.

В обширном цикле солдатских песен Петровской эпохи о сборах полков на шведскую войну, о формировании армии Шереметева, об отправлении в поход солдат Преображенского и других полков и т. д. рассказывается о прощании солдат с родными и неизменно приводятся их слова, напоминающие причеть.² Так, например, в песне «Как во городе во Вереюшке...» девушки прощаются с уходящими в поход солдатами:

Красны девушки слезно всплакнули:
«Ох вы свет-то, наши солдатушки,
Распобедные ваши головушки!
Что вы рано очень в поход пошли?
Вы б дождалися поры-временка,
Поры-временка, тепла летечка!»³

В других песнях, типа «По дороженьке по московской», строки, явно близкие причети, вкладываются в уста самих солдат.⁴ Влияние причети наблюдается и в песнях об уходе солдат на Семилетнюю войну, о Краснощекове, о поражении под Силистрией и др.⁵

Не менее ясная связь с поэтикой причети обнаруживается в песнях о солдатчине, о тяжести и горестях солдатской жизни, не связанных с конкретными историческими событиями (см., например, песню «Не билинушка в чистом поле зашаталася» из песенника 1780 года).⁶

Связь солдатской и рекрутской причети с солдатской песней не случайна. Близость тематики и основных идей позволяет говорить о параллельном возникновении их на рубеже XVII—XVIII веков и дальнейшем параллельном развитии. Возможно, что особенно острое антикрепостническое содержание рекрутская и солдатская причеть обрела в третьей четверти XVIII века, в период назревания крестьянской войны под руководством Пугачева.

¹ Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908, стр. 10.

² Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8. М., 1870, стр. 118—120, 221, 224; вып. 9, Дополнения. М., 1872, стр. 6—14 и др.

³ Там же, вып. 9, Дополнения, стр. XI.

⁴ См., например, Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 8, стр. 120.

⁵ Там же, вып. 9, стр. 93, 154, 223 и др.

⁶ Перепечатана в сб.: А. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VI. СПб., 1900, № 395.

По причинам вполне понятным до нас почти не дошло текстов, содержащих прямые антикрепостнические мотивы. Характерно, например, что Николай I, просматривая рукопись «Истории Пугачева» А. С. Пушкина, вычеркнул причитание над рекой Яик.

Некоторое представление о причитаниях, бытовавших в крепостной деревне, дает известное в рукописи XVIII века стихотворение-плач крепостного живописца, принадлежавшего князю Н. С. Долгорукову.¹ Связь поэтической манеры «плача» с бытовыми «обидными стихами» несомненна, и поэтому совершенно неправы исследователи, называющие этот «плач», вслед за Т. А. Мартемьяновым, песней. Это свободная импровизация, сетование на жестокую жизнь в духе и стиле народных причитаний.

Ох, как был-то я, добрый мслодец, во неволюшке,
Во неволюшке в доме господским.
Служил-то я своему князю верой-правдою,
Уж тому князю строгому,
Князю Николаю Сергеевичу Долгорукову.

Крепостной поэт не решается поднять голос против крепостничества в целом. Он возмущен теми жестокостями, которые совершал его барин, несмотря на то что живописец служил ему «верой-правдою».

Можно указать еще на целый цикл лирических песен крепостнической эпохи, в которых либо отразились мотивы бытовых причитаний, либо причитание легло в основу сюжета. Например, в песне, записанной в середине XIX века в Тульской губернии и опубликованной П. В. Шейном, говорится о том, как плачет девушка, семья которой разрушена злой волей крепостника: «Слезам-то горячими весь сад затоплю, Причетами горькими сердце иссушу».

С этими свидетельствами о бытовании причитаний в крепостной деревне перекликается записанный уже в советское время А. М. Астаховой случайно сохранившийся в памяти престарелой крестьянки Рязанской области М. И. Новиковой плач по крепостным девушкам, сдававшимся из деревни в барскую дворню. Этот плач относится, по-видимому, к первой половине XIX века:

Дитятко мое милое,
Куда я тебя провожаю

---

¹ Стихотворение было найдено в деле о бегстве крепостного. См. Т. А. Мартемьянов. Крепостное право в народной словесности. — «Исторический вестник», 1906, № 9, стр. 867.

И куда я тебя сокручаю?
Провожая я тебя
На чужую дальнюю сторонушку
И в государеву службу во неволюшку.
И всего ты, мое дитятко милое,
Всего ты увидишь, всего ты узнаешь:
И холоду, и голоду, и больших себе побоев.
И чужая дальняя сторонушка
Полынью она посеяна
И горючей слезой полита...
И нигде ты себе, дитятко мое милое,
Отрадных денечков не увидаешь,
И хорошего словечка не услышаешь...¹

Отзвуки антикрепостнических причитаний несомненны и в замечательном памятнике крестьянской литературы XVIII века «Плаче холопов», выразившем настроение крепостных предпугачевской эпохи. Характерно, что известные тексты причитаний, так же как и песни о Пугачеве и пугачевцах, в противоположность солдатским песням, не говорят о проводях восставших из деревень, не содержат плачей-сетований перед сражением. Единственная известная нам песня, связанная с началом восстания и содержащая в себе элементы поэтики причитаний — «Как за барами житье было привольное...», представляет собой образец преодоления пассивных сетований, использования мотивов причети для создания песни гнева и классовой ненависти.² Совершенно естественно, что большинство текстов и отзвуков причитаний в песнях связано с поражением крестьянской войны, с царской расправой над восставшими (см., например, упоминавшуюся запись Пушкина). Уже в советское время был записан замечательный фрагмент причети о Пугачеве:

Емельян ты наш, родный батюшка!
На кого ты нас покинул,
Красное солнышко закатилось...
Как остались мы, сироты горемычны,
Некому за нас заступиться,
Крепку думушку за нас раздумать...³

¹ «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 461.

² Н. Л. Бродский. К воле. Крепостное право в народной поэзии. М., 1911, стр. 73—74.

³ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М. — Л., 1935, стр. 186.

На этой основе возник и ряд песен о Пугачеве и пугачевцах («Из-за леса, леса темного...», «Ходил-то я, добрый молодец, по чисту полю...» и др.¹). Во всех этих песнях активно используются мотивы причити, особенно в строках, которые вкладываются в уста причитывающих («На кого ты нас покинул...», «Мы не чаяли невзгодушки...» и т. д., обращения к стихиям и пр.).

К концу XVIII века относятся первые описания народного свадебного обряда, необходимым элементом которого были свадебные причитания. Особенно интересен в этом отношении сборник «Веселая Эрата на русской свадьбе»,² во второй части которого приводятся причити, связанные с определенными моментами свадебного обряда. В них, как и в более поздних записях, содержатся богатые материалы по истории русской патриархальной семьи. Как справедливо отмечается современными исследователями, свадебный обряд не только способствовал узаконению правового порабощения женщины, но и содержал элементы протеста против этого порабощения.³ Они сосредоточивались главным образом в плачах невесты по девичьей воле.

Уже в цитировавшихся выше отрывках мы встречались с образами, известными нам по записям второй половины XIX—начала XX века. Тяготы солдатской жизни изображаются при помощи развернутого сопоставления: «постель» — мать сыра земля, «изголовьице» — корни деревьев, «умываньице» — дождь, «утираньице» — трава; обычно в причитаниях содержится характерный призыв к «стигиям» — ветру, солнцу, дождям с просьбой раскрыть могилу, расколоть «гробову доску», оживить покойника и т. д.; большое распространение имели вопросительно-восклицательные конструкции, риторические обращения к покойнику, приглашения его вернуться, прийти в гости. Лирические песни, записанные в XVIII веке, подтверждают сказанное выше. Так, в песнях «Ты рябинушка, ты кудрявая...»⁴ и «Как во городе во Санк-Питере...»⁵ используется мотив, типичный для надмогильной причити, — «Вы завейте,

---

¹ Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М. — Л., 1935, стр. 185—186, 189—190.

² «Веселая Эрата на русской свадьбе, или Новейшее и полное собрание всех донныне известных ста тридцати трех песен, употребляемых как в столицах, так и в других городах». М., 1801.

³ См. «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, кн. 1. М. — Л., 1955, стр. 489—492.

⁴ А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. 5. СПб., 1899, № 720.

⁵ Там же, № 725.

ветры буйные»; в песне «Отлетает мой соколик из очей из глаз моих...»¹ дан традиционный мотив «Срисовала бы я портретик» в соединении с надмогильным плачем; песня «Близ зеленая дубравушки...» подтверждает существование в XVIII веке так называемой «затюремной припечи», известной и по более поздним записям.

3

Во второй половине XIX века, по мере развития капиталистических отношений, социального разложения деревни и разрушения характерного для нее натурального хозяйства, все более и более стирались различия между областными фольклорными традициями, доставшиеся в наследство от эпохи феодализма. Процесс этот коснулся и причети, хотя она явилась в этом отношении одним из наиболее устойчивых жанров.

С другой стороны, к середине XIX века причитания становятся исключительным достоянием крестьянской среды. Лишь в некоторых случаях отмечается их бытование в провинциальных купеческих и низовых мещанских слоях.

Усиление политического и экономического гнета в эпоху капитализма стимулировало значительное расширение социально-бытового содержания причитаний; углубляется изображение тяжести народной жизни, обостряются мотивы социального протеста, постепенно вырабатываются поэтические обобщения, свидетельствовавшие о революционизировании сознания широких слоев крестьянства, особенно его беднейшей части; все это вело, с другой стороны, к ускорению процесса преодоления архаических элементов, характерных для обрядовых причитаний. Традиционные рамки старой причети начинают становиться тесными. В творчестве лучших мастеров, наиболее чутких выразителей настроений пореформенного крестьянства, причеть перерастает порой в импровизированную социально-бытовую поэму, сохраняя только самую общую поэтическую связь с обрядовой причетью. Во второй половине XIX — начале XX века выделяются своей поэтической одаренностью такие исполнительницы причети, как И. А. Федосова, Н. С. Богданова (Зиновьева), ученица Федосовой М. Лобачевская, Л. Ланева, Н. В. Конихина, А. М. Первенцева, А. С. Белоусова и др.

Уже в 60—70-е годы причеть включается в число активно собираемых и изучаемых жанров народной поэзии. В эти годы

---

¹ Там же, № 518.

и в последующие десятилетия было записано несколько сотен текстов (содержащих десятки тысяч строк) из самых различных уголков России: Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вологодской, Курской, Костромской, Новгородской, Иркутской и других губерний. Однако наиболее богатые в поэтическом отношении тексты дал русский Север, особенно Олонецкая губерния.

Записи этого периода составляют основу изучения причети. Вокруг публикуемых текстов, особенно вокруг творчества крупнейшей исполнительницы, талантливой народной поэтессы И. А. Федосовой, разворачивается живая общественная борьба. Собиратели и исследователи из консервативного и буржуазно-либерального лагеря стремятся истолковать причеть как архаический обрядовый жанр, дающий материал лишь для мифологических и религиозно-мистических штудий. Представители демократической науки и литературы видят в причети художественное творчество современного им крестьянства. Они ищут и ценят в причети выразительные картины социального гнета, черпают из нее сведения о жизни, психологии, мыслях и идеалах крестьянства, особенно крестьянской женщины (П. Н. Рыбников, Н. А. Некрасов, М. Горький и др.).

С особенной силой настроения пореформенного крестьянства выразились в творчестве И. А. Федосовой. Великолепный дар импровизации, которым обладала Ирина Андреевна Федосова, прекрасное знание богатейшей северно-русской народной традиции, кровная тревога за судьбу родного крестьянства, желание проникновенным словом принести людям утешение в их горестях выдвинули ее в ряды талантливейших народных поэтов, составляющих гордость русской нации. Вместе с тем творчество Федосовой — лучшее, что дала многовековая традиция русских причитаний, поэтическая вершина развития этого жанра. Не случайно творчество ее связано с периодом острейшего кризиса феодализма в России, периода складывания капиталистических отношений, отягченных многочисленными пережитками крепостничества.

Жизненная судьба И. А. Федосовой была типичной судьбой крестьянской женщины XIX века: тяжелое детство, раннее замужество, полунищее вдовство. Не спасли Федосову от бедности ни популярность в ученом мире, ни интерес к ней многих выдающихся деятелей русской литературы и искусства — Некрасова, Мельникова-Печерского, Римского-Корсакова, Балакирева, Горького, Шалапина и др.

И. А. Федосова была выдающимся мастером северно-русской причети; вместе с тем она была не просто вопленицей, а, как писал Е. В. Барсов, истолковательницей чужого горя. Ее плачи

выходят далеко за рамки обычной обрядовой причеты, превращаются в скорбные поэмы, рисующие крестьянскую жизнь в трагические дни семейных или общественных бедствий. Поэтому в этом случае можно говорить не только об отдельных бытовых отражениях эпохи, об оценке отдельных деревенских или общероссийских событий (или о преломлении их в крестьянском быту и крестьянском сознании), а о поэтическом отражении умонастроений тогдашней деревни.

Причитания И. А. Федосовой известны главным образом по записям Е. В. Барсова, сделанным в 60-е годы XIX века. Это было одно из бурных десятилетий в истории русского крестьянства. Социальный протест народных масс в 60-е годы, а также малая осознанность, противоречивость этого протеста отразились в творчестве Федосовой.

Плачи ее рисуют выразительную картину страшных пореформенных бедствий:

Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами, злодийно, черным вороном...
...Как со этого горя со великого
Бедны людюшки как море колыбаются,
Быдто деревья стоят да подсушенные,
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцовщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стóги перегодные,
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимних у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!

При всей своей обобщенности образ Горя не мог не восприниматься Федосовой и ее слушателями вполне реально и конкретно. В 1861 году в северных губерниях России началась полоса недородов, растянувшаяся на семь лет, причем наибольшей силы голод достиг в 1867 году (то есть именно тогда, когда был записан «Плач о старосте»). Этот год даже официальные «Олонецкие губернские ведомости» откровенно называли «страшным годом».¹ Характерно, что «Плач о писаре», в котором рисуется страшный

---

¹ См. также С. А. Приклонский. Народная жизнь на Севере. М., 1884, стр. 3.

образ общероссийского крестьянского Горя, возник по совершенно конкретному поводу — смерти деревенского писаря, крестьянского заступника («заступы-заборонушки»). Смерть писаря (возможно, гибель его) осмыслиется Федосовой как следствие или часть общенародного горя пореформенных лет. Именно поэтому Федосова в этом плаче рассказывает легенду о происхождении Горя или, как назвал ее в черновой записи Н. А. Некрасов, легенду о «происхождении горя общественного».

Вместе с тем неверно было бы думать, что события 60-х годов воспринимались И. А. Федосовой в мифологических категориях. Конкретные виновники крестьянских несчастий были хорошо известны и ей, и ее слушателям. В «Плаче о старосте» Федосова рассказывает о столкновении односельчан с мировым посредником — чиновником, осуществлявшим в заонежских деревнях «крестьянскую реформу». Плач чрезвычайно интересен тем, что в нем исключительно резко выражена оценка заонежскими крестьянами деятельности мировых посредников.

Мироеды мировы эти посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клевучие,
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь на има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!

Обобщенность изображения мировых посредников и здесь не противоречит тому, что в плаче рассказывается о реальном столкновении кузарандских крестьян с мировым посредником 2-го участка Петрозаводского уезда коллежским секретарем П. П. Дро-таевским в осенние месяцы 1867 года.¹ Разбойный налет посредника вызывает возмущение в деревне. От имени «мира» отповедь дает ему кузарандский староста — герой плача-поэмы И. А. Федосовой. Монолог старосты — блестящий образец народной речи в пору крестьянских волнений. Она сродни речи известного героя 1861 года крестьянина села Бездны Антона Петрова. Основная мысль его — «едины да все у бога люди созданы» — великолепно характеризует умонастроение пореформенной деревни.

---

¹ Подробнее см. Примечания, стр. 395.

Плач завершается проклятием «судьям неправосудным», целиком перенесенным Н. А. Некрасовым на страницы «Кому на Руси жить хорошо» (гл. «Дёмушка»).

В другом плаче Федосовой рассказывается горестная история гибели крестьян, застигнутых бурей на озере. Повествование ведется от имени единственной оставшейся в живых девушки, выброшенной на безлюдный остров и лишь случайно спасенной рыбаками. Судьба несчастной потрясает, — ей пришлось много пережить, но самое ужасное ожидало ее на берегу. «Писаречки хитромудрые» и становой начинают ее мучить бесконечными допросами: как случилось, что спаслась только одна она, не потопила ли она утонувших и т. д.

Глумление «начальства» над несчастьями крестьян рисуется в плачах Федосовой в различных формах, но чаще всего оно связано с необычной смертью оплакиваемого — гибелью на озере («О потопших»), внезапной смертью ребенка («О попе—отце духовном»), пораженном молнией («Об убитом громом-молвией»), смертью от запоя («Об упьянсливой головушке») и т. д. «Власти» грозят семье судебным следствием (хотя причина смерти совершенно ясна), нарочито подозревают горюющих в умерщвлении покойного, угрожают ужасным для крестьянина XIX века судебно-медицинским вскрытием тела и т. д.¹ В рекрутских причитаниях «начальство» не дает проститься рекруту с родными, заставляет рекрутов петь веселые песни, разгоняет горюющих женщин водой из пожарных брандспойтов и т. д.

К числу поэтических шедевров И. А. Федосовой относится и «Плач об убитом громом-молвией», в котором традиционное представление о грехе как причине смерти вырастает в проблему «крестьянского греха», проблему крестьянской веры. Герой плача убит молнией. Погибшему некогда было спасать душу, он трудился, не зная праздников и буден. Паразитическая по своей природе церковная идеология была всегда внутренне чужда трудовому народу, и Федосова, которая, при всей своей несомненной религиозности, не может лишить «грешника» своего сочувствия, по существу, протестует против нее.

Характерно и двойственное отношение Федосовой к духовенству. Механически повторяющаяся во многих текстах благодарность попам за исполнение требы переплетается с упреками их

---

¹ Ср. рассказ о смерти Демушки в «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, его же стихотворение «Похороны», близкий эпизод в XV главе «Былого и дум» А. И. Герцена.

в алчности. В «Плаче о попе — отце духовном» рисуется идеал крестьянского попа: «нет, да такова попа не видано». Рядом с ним вырастают фигуры деревенских богатеев, старосты и писаря, — антиподов героев «Плача о старосте» и «Плача о писаре». Староста и писарь в этом плаче спешат воспользоваться несчастьем семьи, сорвать взятку с горюющих родителей, только что потерявших ребенка.

Мысль Федосовой не только искала причин грозных бедствий, одолевавших олонечских крестьян в середине прошлого века, но и стремилась найти выход из мира социальной (и «божьей») несправедливости. Разумеется, необходимо учитывать, что при всей своей социальной конкретности мышление Федосовой было образным, поэтическим, а не политическим или философским мышлением.

Поиски выхода из мира социальной несправедливости сказывались в причитаниях Федосовой в устойчивой, проходящей через многие ее тексты теме «золотого века» — своеобразной социальной утопии, обращенной в прошлое. О некоем «золотом веке» рассказывается в упоминавшемся уже выше «Плаче о писаре». Было, оказывается, такое время, когда Горе не могло подступиться к людям потому, что «жили люди во всем мире постатейные» и «дү-друга люди не терзали». В рекрутских причитаниях тема «золотого века» приобретает более определенные исторические очертания и воплощается в многообразно выраженной «новгородской теме». Воспоминания заонежских крестьян, лежащие в основе этой темы, имели, разумеется, иллюзорный и весьма условный характер. Всякое прошлое казалось лучше настоящего и считалось «новгородским». Идеализация всего новгородского сказывается в целой системе эпитетов («опояска» новгородская, ковер новгородский, «питья» новгородские, крепости новгородские и т. д.). Вспоминаются справедливые судьи новгородские, писаречки новгородские, начальники новгородские. В «Плаче по холостом рекруте» мотив начальников нынешних — «не новгородских» — развивается в целую картину, рисующую прошлые времена в противопоставлении их настоящим (см. строки «Как в досюльны времена да было годышки» и т. д.). С наибольшей полнотой «новгородская тема» выражена в «Плаче о старосте», в рассказе о тех временах, когда «Новгород ведь был неразореной и ко суду были крестьяне не приведены» (см. стр. 56). Характерно усиление этих утопических мотивов именно в пореформенные годы, когда крестьянство особенно остро испытывало на себе тяжесть сочетания новых капиталистических форм эксплуатации с многочисленными крепостническими пережитками.

В рекрутских и солдатских причитаниях Федосовой семейное и крестьянское горе предстает как следствие государственного гнета. Это несомненно и обусловило их исключительную политическую остроту, на которую обратил внимание В. И. Ленин. Нужно было действительно обладать незаурядной силой поэтического воображения, чтобы воспроизводить жизнь солдата от его рождения до проводов в армию и от начала солдатской жизни до возвращения домой после «службы государевой» с такой полнотой и с такими деталями, какие мы находим у Федосовой (см. «Плач о холостом рекруте», стр. 141). Бесконечная муштра, походы, ночное стояние на часах, «сраженьице», бессмысленные истязания — «подушенья», «подтыченья», проведение сквозь строй — «зеленая улица», запарывание до смерти, казнокрадство офицеров и, прежде всего, чувства и мысли самого «казенного человека» и оплакивающей его женщины — его матери, жены или сестры, — обо всем можно прочесть в рекрутских плачах-поэмах Федосовой.

Нарисовав живую картину русской армии середины XIX века, осмыслив тяготы солдатской жизни и бедствия солдатки как результат социального (государственного) гнета, Федосова призывает гнев божий на головы насильников и притеснителей, она проклинает их, готова резать их той бритвой, которой обриваются головы рекрутов перед отправлением в армию:

Будьте прокляты, злодии супостаты!
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая!

. . . . .
И кабы мне да эта бритва наострѣная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорола бы я груди этой некрести. . .

В этих строках, которые могли бы быть начертаны на знамени любого крестьянского бунта 60—70-х годов XIX века, крестьянский протест против несправедливостей общественного строя пореформенной России находит свое отчетливое выражение.

Итак, в творчестве Федосовой широко отразились социальные отношения и умонастроения русской деревни пореформенных лет. Вместе с тем Федосова, очевидно, никогда не думала о намеренном изображении всех этих явлений. Центральная ее тема — горькая судьба вдов и сирот, солдаток и солдатских детей. В стремлении объяснить и показать тяжесть доли вдовы и солдатки Федосова должна была прибегать к изображению тех жизненных обстоя-

тельств, которые определяли эту долю. Смерть мужа-кормильца или уход его в армию лишали крестьянку надежды выстоять в борьбе с непомерными трудностями жизни. Горе вдовы, солдатки, сироты осмыслиется Федосовой как горе бесправнейшей среди бесправных. С удивительной нежностью и щемящей тоской передает, например, Федосова отчаяние одинокой женщины, вынужденной заставлять своих малых детей работать в поле, а «недоростка», племянницу хозяйничать у печки. Все усилия не спасают ее от разорения; приходит время платить подати, и она вынуждена продать скотину и отказаться от земли. Она превращается в многодетную батрачку — самое несчастное существо старой деревни. Федосова протестует против волнующей ее общественной несправедливости, но она знает, что вдовы обречены на разорение, а их притеснители наказаны не будут.

Основные черты социального протеста Федосовой очень точно характеризуются ленинскими словами: «...многомиллионная масса русского народа... *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но... *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца непримиримой борьбы с ними».¹ При всей своей выразительности этот протест не освещен «никаким политическим сознанием».² Нельзя забывать и того, что основным жанром Федосовой была причеть, перераставшая, правда, старые рамки и границы, но все же оставшаяся причетью, отягченной постоянными обращениями к богу, вздыханием о грехах, расплывчатыми мечтаниями о «божьей земле», фаталистическим пессимизмом и вместе с тем убеждением, что царь не знает о несправедливостях.³

В ряде текстов, записанных во второй половине XIX века от других исполнительниц, есть мотивы, близкие к отдельным мотивам причитаний Федосовой. Тема «судей неправосудных» находит свое продолжение в гневных строках о «злодейных грозных начальниках», которые отнимают у вдовы «рожных детушек» (в причитании С. Ю. Тараевой, записанном А. А. Шахматовым в 1884 году⁴), в обличении судей-взяточников, у которых правду могут найти только богатеи (в плаче Л. Ланевой, записанном в 1903 году Н. С. Шайжиным⁵), и т. д.

---

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 323.

² Там же, т. 17, стр. 96.

³ См., например, заключительные строки «Плача о писаре» (стр. 62).

⁴ Фольклорные записи А. А. Шахматова в Прионежье. Петрозаводск, 1948, стр. 46.

⁵ «Олонецкие губернские ведомости», 1903, № 48.

Просматривая записи причитаний этой поры, мы встретим характерные зарисовки бедственного положения вдов и сирот в капитализирующейся деревне. В них с особенной силой звучит мотив вдовьего и сиротского одиночества, поэтически выраженный в образах пустой избы, непаханых полос и некошенных покосов (см., например, «Плач о дочери» Н. С. Богдановой, стр. 227).

Особенно ярки бытовые картины в поминальных и близких к ним внеобрядовых бытовых причитаниях (о рыбаках, утонувших в море или реке,¹ плачи, содержащие жалобы на отцов или мужей-пьяниц,² плач на ужбище наваг,³ на сенокосе⁴ и др.). Предчувствия вопленицы трагичны, она знает, как живут другие сиротки в деревне:

Как у сиротских наших детушек
По колен да ножки трескались,
По локоткам ручки грязные,
На каждой волосиночке
По горючей по слезиночке.⁵

Социальное разложение деревни и пауперизация ее беднейших слоев приводили к массовому уходу крестьян на лесоразработки, на фабрики и заводы, на городское строительство. Уход на заработки и смерть на чужбине становятся распространенными мотивами причитаний пореформенной эпохи. Можно назвать причитания о муже, убитом деревом на лесозаготовках,⁶ о сыне, раздавленном лесами при ремонте петербургского дворца,⁷ и др. С этой же темой связано известное причитание Н. С. Богдановой «По муже, погибшем на Киваче при сплаве леса», которое во многом напоминает плачи-поэмы Федосовой. Богданова подчеркивает, что покойный вынужден был отправиться на сплав. Причина случившегося несчастья — не легкомыслие человека, не послушавшегося традиционного предостережения, а крайняя степень нищеты и разорения русской деревни начала XX века, ощущение экономической

---

¹ Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, № 19. Текст воспроизводит дореволюционную причеть.

² См. «Вопль дочери об отце» Н. С. Богдановой, стр. 238.

³ Русские плачи Карелии, № 17.

⁴ Там же, № 18.

⁵ Там же, № 12.

⁶ Там же, № 15.

⁷ Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. 399—400.

неустойчивости («быдто в полюшке шатучи деревиночки»). С большой художественной силой изображает вопленица ужасающие условия труда на сплаве. Вместе с тем Богданова, передавая горе вдовы, воспринимает разорение деревни и жестокую эксплуатацию на лесопромыслах как нечто фатально неизбежное, она не поднимается до социального обобщения и протеста.

Богданова — мастер причети, она хорошо умеет передавать психологическое состояние своих героев, с большой отчетливостью видит детали изображаемого. Однако Богданова уступает своей старшей современнице и землячке Федосовой в умении вскрыть социальную природу трагического события, в решимости протестовать против невыносимой тяжести угнетения. Именно поэтому ее плачи несколько натуралистичны по сравнению с плачами Федосовой.

Широко отразилось в причети пореформенной и предреволюционной поры и другое характерное явление этого времени — батрачество. Вопленицы изображают тяжесть батрачества, усиление противоречий между бедняцкой и батрацкой частью деревни. В этом отношении очень характерен батрацкий плач М. Ф. Павковой, воспроизведенный ею в советское время по просьбе собирателя.¹ Другая сказительница, Н. С. Богданова, в своем плаче о дочери-батрачке рассказывает:

Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка...
...Не по силушке давали-то работушку,
Не по розмыслу тебе оны заботушку...
...Огрубляли тебя грубыма словечками,
Ударяли-то ударами ведь бóльными,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горющицу.²

Эту же тему разработала и А. М. Пашкова в «Плаче сироты по дяде», созданном в 1913 году.³

Сильная ненависть к кулакам звучит в одном из причитаний талантливой пудожской сказительницы Н. В. Конихиной. Она го-

---

¹ Русские плачи Карелии, стр. 100.

² Н. С. Ш а й ж и н. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания Олонецкого края. — «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год». Петрозаводск, 1911, стр. 199—200.

³ Русские плачи Карелии, № 5.

ворит о том, что богатеи отняли у бедняков все, даже солнце. В порыве гнева она хочет уйти куда-нибудь из этого мира:

Чтоб ветрушки не веяли,
Меня людюшки не видели.¹

Характерно, что причитание Конихиной записано в 1905 году. В нем сказывается и неясность крестьянских идеалов: неприятие капиталистической действительности, стремление к изменению ее и непонимание реальных возможностей и путей такого изменения.

В причитаниях, особенно рекрутских, можно отыскать отзвук и крупнейших исторических событий предреволюционных лет — русско-японской² и первой мировой войны.³ И все же в записанных текстах не нашли своего отражения передовые взгляды крестьянства той поры. По мере приближения к революции 1905—1907 годов, а затем к Великой Октябрьской социалистической революции причитания все более становятся периферийным жанром. Пацифизм («неохочее слезливое настроение»), пассивность и фатализм, которые находят себе место в причитаниях, вступают в прямое противоречие с боевыми, революционными, наступательными настроениями, характерными для песен и частушек тех же лет. Однако знаменательно, что все исполнительницы причетей воспринимали русско-японскую и первую мировую войну как войны за чуждые народу интересы и тем самым все же способствовали прояснению социального мышления крестьян, осознанию ими важнейших жизненных явлений и противоречий.

В советское время судьба причети существенно меняется. Уже в годы гражданской войны начинается падение популярности рекрутской причети, в последующем она совершенно исчезает из бытового обихода советской деревни. Социалистическое переустройство общественных отношений в деревне, решительная ломка патриархального быта привели к значительным изменениям в составе свадебного обряда и к выпадению из него причети, не имевшей психологической опоры в новом быте. Причеть иногда сохраняется как игровой момент современной свадьбы либо в составе своеобразных самодеятельных пьес типа «Гдовской старины», «Заонежской свадьбы» и др., в которых старшее поколение напоминает молодежи о ста-

¹ «Олонекские губернские ведомости», 1905, № 109, стр. 3.

² См. стр. 302 и 307.

³ М. М. Зимин и Ф. Д. Нефедов. Плачи по призванным на военную службу (из записей в Коверинском крае Костромской губ. 1916 г.). — «Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению края». Кострома, 1920, стр. 1—10, 11—20 и др.

ринном быте, обычаях, обрядах, нравах, отошедших в область прошлого. Примерно такова же судьба и бытовой причеты.

Несколько более жизнестойкой оказалась похоронная причеть. В районах с особенно развитой традицией (Прионежье, Беломорье, архангельский Север, некоторые районы Сибири) относительно активное бытование ее отмечалось даже в самое недавнее время. В 30-е годы, когда особенно широко развернулась собирательская деятельность советских фольклористов, наряду с крупными мастерами сказки, былины и песни были «открыты» и замечательные исполнительницы причеты — А. М. Пашкова, М. Р. Голубкова, А. И. Гладкобородова.¹ В эти же годы возникло одно из крупнейших собраний русской причеты — сборник «Русские плачи Карелии», составленный М. М. Михайловым и стоящий в одном ряду со сборниками Е. В. Барсова, М. К. Азадовского, В. И. Смирнова, Н. С. Шайжина.

Однако и похоронная причеть претерпела значительные изменения: основное место в ней занимает выражение сожаления о смерти родного или близкого человека; носители ее — преимущественно женщины старшего поколения.

Известны записи причитаний времен гражданской войны, в них рассказывается о зверствах интервентов, о гибели героев-партизан² и т. д. В последующие годы неоднократно публиковались плачи о В. И. Ленине, С. М. Кирове, М. И. Калинин, М. Горьком, в которых личное горе исполнительницы приобретало большой общественный смысл и широкое поэтическое звучание.

Фольклористами-собираателями отмечалось относительное оживление причеты в годы Великой Отечественной войны. Причеть возникала в некоторых областях в связи с проводами на фронт, получением известия о гибели бойца на фронте, вынужденным расставанием с родной деревней, временно оккупированной врагом, и т. д.³ Причитания этих лет исполнены патриотических чувств и ненависти к врагу, что, разумеется, ни в какой мере не противоре-

¹ См. «Биографическую справку», стр. 249—250; см. также Н. Леонтьев. Печорский фольклор. Архангельск, 1939; А. И. Гладкобородова. Сказки и песни. Архангельск, 1947.

² См. стр. 337. — «Причитание матери по сыну-партизану, убитому японцами». См. также А. Н. Соколова. «Материалы для изучения партизанской поэзии». — «Сибирская живая старина», вып. 5. Иркутск, 1926, стр. 160—161 («Причитание жены по мужу-партизану»).

³ См. В. А. Тоиков. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны. Воронеж, 1945, стр. 40—41; В. Г. Базанов. Поэзия Печоры. Сыктывкар, 1943; его же: За колючей проволокой. Петрозаводск, 1945.

чило тому, что исполнительницы испытывали скорбные чувства в связи с гибелью отца, сына, мужа или брата, необходимостью покинуть родной дом и т. д.

Поэтические традиции причеты сыграли свою роль при создании опытов лиро-эпического стихотворного «сказа» сказителями старшего поколения, стремившимися откликаться на новые советские темы (М. С. Крюкова, А. М. Пашкова, Ф. И. Быкова, А. И. Гладкобородова, Е. И. Чичаева, Е. С. Журавлева). Но в целом причеть все больше и больше воспринималась как жанр, органически связанный со старым бытом, как художественное наследие прошлого.

4

Сравнительно обильные записи причитаний во второй половине XIX века и в XX веке дают возможность составить определенное представление об особенностях русской причеты, о ее поэтической природе и художественных достижениях. При этом надо иметь в виду, что причеть именно в последние сто лет достигла своего расцвета в творчестве И. А. Федосовой и ее современниц и затем пережила значительные изменения в своем содержании, сначала в период развития капиталистических отношений и особенно — в процессе социалистического преобразования деревни. Поэтому суммарная характеристика художественных особенностей русских причитаний не может не быть условной.

Многие темы, образы, поэтические приемы русских народных причитаний, как уже говорилось, встречаются в литературных памятниках или в устнопоэтических произведениях еще в древнерусский период. Это не означает, разумеется, как предполагали некоторые исследователи, что все устойчивые мотивы причеты возникли в глубокой древности. Некоторые из них бесспорно возникли не раньше XVIII—XIX веков и тем не менее получили едва ли не общерусское распространение («портрет», который причитывающая хочет «списать» с покойного; «письмо-грамотка», функции которого выполняет и явно более древний по происхождению мотив «птицы-вестника»; популярный оборот «Уж мне стать сказать не высказать, уж мне стать писать не выписать»; многие мотивы рекрутских причитаний, связанные с «забыванием», муштрой, стоянием на часах и т. д.).

Обычными мотивами и образами бытовой причеты XIX—XX веков являются сиротство, мерзнувшая изба, нищенствующие дети, нераспаханная поляна и т. д. Все это рисуется на контрастном фоне

(былого благополучия (обычно поэтически идеализированного) — семейного, материального, душевного.¹ Образы бытовой причеты варьировались в зависимости от обстоятельств, которые могли быть самыми различными, поэтому они с большим трудом поддаются систематизации, чем темы, образы и мотивы обрядовых видов народной причеты.

Похоронный, свадебный и рекрутский обряды включали целый цикл причитаний, связанных своими темами, содержанием и системой образов с различными звеньями обряда. Так, например, сразу же после констатации смерти звучит первая похоронная причеть — плач-*вопросение*, в котором причитывающая, обращаясь к умершему, спрашивает его, почему он покинул семью, просит его открыть глаза, встать, заговорить, простить обиды и т. д. Вторая причеть — плач-*оповещение*. Он звучит в момент прихода в избу родных и соседей, узнавших о смерти. Основная ее тема — горестный рассказ о том, как наступила смерть (этому часто предшествует рассказ о предчувствиях или о предвестниках смерти). Основные образы этого плача — сравнение умершего с закатившимся солнцем, упавшей звездой, погасшей свечой; здесь повторно звучит призыв встать, пробудиться, не покидать родных и т. д. Обычно уже в первой причете начинается оплакивание горькой доли родни покойника («На кого ты нас покидаешь»). Дальнейшие причитания связаны с повторяющимися приходами родных, знакомых и соседей, с каждым из которых нужно поделиться горем. Один из замечательнейших образов этих плачей — Обида, которую не знает куда «сбыть» вдова (нигде нет Обиде «местечка», она неотступно преследует вдову, все в природе меняет свой облик при появлении Обиды — деревья вянут, камни трескаются, море «колыбается»).

Третье крупнейшее причитание — плач *при вносе гроба*. В этом причитании также довольно устойчивый круг привычных мотивов — благодарность тем, кто делал гроб, сравнение гроба с избой, в которой нет окон, дверей, постели, стола («Ой, плотнички-работнички»). Четвертая причеть — плач *при выносе*. В основе ее — поэтические вопросы: «Куда ты отправляешься?» и «На кого ты нас покидаешь?» Здесь снова с особенной силой звучит рассказ о горестном положении оставшихся в живых, о подстерегающих их несчастьях.

Пятая причеть — плач *по дороге на кладбище*, который повто-

---

¹ Ср. сходные картины в поэме Н. А. Некрасова «Мороз Красный нос».

ряет некоторые мотивы плача при выносе и плача-оповещения. Шестая причеть — *при опускании гроба в могилу и надмогильная*. Здесь основное — обещание навещать могилу, украсить ее цветами, просьба к покойнику «приходить в гости», вопрошание — когда, «с какой сторонushки» и в каком виде ждать покойного в гости, воображаемые картины его «гощения». Седьмая причеть — *при возвращении с кладбища* — строится на поэтическом изображении обряда мнимых поисков умершего в опустевшем и осиротевшем доме: избенка покосилась, стекла замутились, скотина стоит понуря голову. Вместе с тем звучат и другие мотивы: кто будет пахать этой сохой? Кто же станет мастерить этим топором? Отсюда очень легкий переход к поэтическому предсказанию бед, ожидающих семью, потерявшую кормильца. Восьмая причеть — *поминальная*. Собственно, поминальной причетью называется целый цикл плачей, связанных либо с посещением могилы в ритуальные дни (третий, шестой, девятый, двенадцатый, сороковой дни, годовщина смерти, так называемые «родительские дни»), либо с простой потребностью выразить нахлынувшие воспоминания, «рассказать» умершему о трудностях, пережитых после его смерти. Поминальная причеть, исполняемая на могиле, кроме того обычно строится на так называемом «заклинании стихий» («Вы завейте, ветры буйные!»), которые должны оживить покойного, на приглашении покойного «в гости». Поминальная причеть, не связанная с посещением могилы, тесно смыкается с широкой областью бытовой причети.

Основная тема всего цикла свадебных причетей — плач о «вольной волюшке»,¹ оплакивание «гражданской смерти», как называл брак в старой деревне М. Горький. В первых по времени исполнения, так называемых «сговорных» плачах девушка, которую сватали, обращалась к родителям с вопросами типа: «Неужели я была вам не работница?», просила не обольщаться обещаниями сватов и жениха, не соглашаться на свадьбу, сравнивала свое девичество с чудесным зеленым садом. Если согласие дано и сговор состоялся (иногда это происходит во время так называемого «рукобיתья»), невеста упрекает родителей, просит их взять слово назад, не выдавать ее на чужую сторону. После сватовства и рукобיתья невеста начинает прощальные объезды родных, во время которых звучат особые плачи, называемые в севернорусских областях «гостибными». В них тоже звучат жалобы и попреки, просьба защитить от «чуженина» и «остудника» — жениха, приглашение на свадьбу и после

---

¹ См. примечание к «Плачу сироты на кладбище в родительский день», стр. 411—412.

свадьбы в гости. Замужние женщины в ответных плачах рассказывают о горестях замужества, о том, как они расставались со своей «вольной волюшкой», и т. д. Во время «девишника», едва ли не самого трогательного обряда свадебного цикла, звучат плачи — прощание с «красотой», символизирующей девичество и девичью волю.¹ Девушка спрашивает у подружек, куда ей спрятать свою «волю», но бедной «волюшке» нигде нету места; невеста прощается с подружками, просит не забывать ее и т. д. Во время обрядового мытья в бане звучат специальные «баенные» плачи — испрашивание благословения, упреки в обмане (водушку принесли из болота, которое топтал конь «чуженина» — жениха, топили баню горькой осиною). И наконец, в день свадьбы звучит целая серия собственно свадебных плачей — мать, дочь и ее подружки непрерывно обмениваются причитаниями при утреннем «бужении», при торжественном одевании невесты, при расплетании косы, при приближении жениха, появлении его вместе с поезжанами в избе. Здесь еще раз невеста просит воспрепятствовать свадьбе, призывает на помощь стихию, родных, подружек, оплакивает девичество, рассказывает свой последний девичий сон, просит ее простить и т. д.

Рекрутские плачи тоже составляют своеобразный цикл, перекликающийся в некоторых моментах то со свадебным, то с похоронным циклом. Однако рекрутский обряд, более поздний по своему возникновению, не имел столь разработанного и единого для большинства русских областей ритуала. Основные его моменты — извещение о рекрутском наборе и жеребьевке, прощание рекрута с родными, рассказ о сне в последнюю ночь, прощание с домом и семьей и, наконец, проводы рекрута на сборный пункт и в воинскую часть — неизменно сопровождалась причитаниями матерей, жен, сестер, теток. В отличие от похоронных плачей, в которых социальные мотивы выступают на фоне действия стихийных и непознанных сил природы (болезнь и смерть), и свадебных, основной темой которых является патриархальный семейный гнет, рекрутские плачи осмысливали семейное несчастье как прямое проявление социального и государственного гнета. Не удивительно, что именно в рекрутских плачах с особенной силой выразился протест многомиллионных крестьянских масс со всеми исторически сложившимися слабыми и сильными его чертами (см. выше отзыв В. И. Ленина о них).

¹ «Красота» — венец из лент и цветов, который ставится перед невестой на девишнике; эти ленты она раздает на память подругам, которые в песнях оплакивают «девичью красоту», а лучшую отдает в церковь.

Нарисованная выше тематическая схема похоронных, свадебных и рекрутских причитаний имела в своих основных моментах общерусское распространение. Однако почти в каждой местности был свой излюбленный круг образов, устойчивых словосочетаний и композиционных приемов.

Различные местные традиции объединяются вместе с тем в несколько групп — севернорусскую, южнорусскую, сибирскую и т. д. Так, например, в севернорусской традиции очень развита символика растительная («березонька», «осинье», «деревиночка», «травонька»), астральная (солнце, луна, звезды) и отчасти символика птиц («лебедушка», «ласточка», «соколик»). В сибирской традиции растительной символики почти нет, но зато очень развита символика птиц и своеобразная символика «домашности» (покойный — опора семьи — сравнивается со стеной, перилами и другими частями дома).¹ Севернорусские причитания отличаются от южнорусских и сибирских большей эпичностью и некоторыми своими чертами заставляют вспоминать былинку, историческую песню, балладу; южнорусские и сибирские причитания, наоборот, близки к лирической песне. В различных традициях причитания колеблются от кратких прозаических восклицаний или лаконичных лирических «наигрышей» до развернутых сюжетных плачей-поэм типа «Плача о холостом рекруте» Федосовой.

Наиболее распространенный стих причети — трехударный (либо двухударный) с постоянным положением первого и последнего ударения (анapestическая анафора и дактилическая клаузула) и относительно свободным расположением ударных и безударных слогов между ними. Общее число слогов колеблется в отдельных традициях от семи — девяти до одиннадцати — тринадцати.

Причитания исполняются своеобразным речитативом, который в целом характеризуется ярко выраженным декламационным началом и отсутствием широкого развития собственно мелодической стороны. Однако в различных областях они исполняются по-разному. В северных — причитания более напевны, в некоторых южных — это просто восклицания, не связанные в элементарное звуковое единство.

Поэтический язык русских причитаний, как и большинства других жанров устного народного творчества, отличается большой отработанностью, гармоничностью и целеустремленностью средств выразительности.

---

¹ М. Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922, стр. 40—41.

Основное отличительное качество причети — трагизм, большая эмоциональная напряженность — определяет все особенности ее языка и поэтического стиля. Так, например, специфической чертой синтаксиса причети является его постоянное тяготение к вопросительным и восклицательным интонациям. Причитывающая очень редко просто говорит о чем-нибудь или еще реже что-нибудь описывает, — она вопрошает, настойчиво требуя ответа даже тогда, когда знает, что ответа не последует; она восклицает в отчаянии, заклинает и знает при этом, что ничего не изменится. Характерен прием повторения, нанизывания, как бы нагнетания синтаксически, интонационно и семантически сходных конструкций. Причитывающая задает вопрос за вопросом, варьируя при помощи синонимов, сходных образов, логически сплетающихся понятий, ассоциаций и т. п. какую-либо мысль, единую для всего причитания или какой-то его части. Она произносит восклицание за восклицанием, перечисляет¹ все, что только можно вспомнить в связи с трагическим событием, ввергнувшим ее в это состояние.

Даже в наиболее эпических плачах рассказ о происходящем постоянно прерывается страстными лирическими отступлениями, да и сами действия героев отличаются резкостью, экспрессивностью, за которой ясно ощущается большое напряжение их чувств. В «Плаче о старосте» Федосовой посредник как вихрь налетает на деревню, кричит, топает ногами, угрожает. Староста, посланный посредником собирать крестьян, «бежит да не оглядывает».

В тех случаях, когда употребление вопросительно-восклицательных конструкций невозможно, Федосова, как и другие вопленицы, пользуется так называемыми «усилительными частицами» — да, всё, ведь, еще, как, тут и др.

Как у этих мировых да у посредников...

Как наехала судья неправосудная...

Всё для этих властей да страховитних...

Эмоциональное усиление достигается и многими другими средствами. Исполнительницы как бы стремятся каждое чувство и каждый изображаемый предмет обрисовать сосредоточенно, резко и четко. Поэтому для причитаний столь характерно избыточное упо-

---

¹ Вернее — причисляет, присчитывает. В. И. Даль справедливо объясняет «причать, причитание, причитывать» как слова, производные от глагола «причесть», «причислять» в значении присчитывать, перечислять (см. В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 3. М., 1955, стр. 460).

требление уменьшительных и увеличительных суффиксов не только существительных и прилагательных («людушки», «ествушки», «маханьице», «посиделище», «смелугище», «молодешенька»), но даже и наречий («суровешенько», «потихошеньку», «поранехоньку», «невешенько» — неизвестно и т. п.) и, что совершенно удивительно, местоимений («мнецюшки», «тебеюшки»).

Столь же характерно и употребление приставок, причем таких, которые не сообщают новый смысл, а усиливают корневое значение слова («испромолвить», «запохаживать», «пооставить», «обстолпиться», «подомовый», «завоенный», «размолодый», «пристарший» и т. д.). Примечательно в этом смысле и наличие особых емких, динамичных и семантически насыщенных отглагольных существительных и прилагательных («съедуба», «холостьба», «гульба» «спорыданье», «упьянсливый», «улыбчатый», «заблудящий», «поскакучий»).

В отличие от былины и песни эпитет в причети далеко не всегда указывает типичный признак. Чаше он направлен на выявление ряда признаков явлений или предметов, служит той же задаче эмоционального сосредоточения. Поэтому у существительного в причитаниях может быть одновременно два, три и даже четыре определения (например, «тайны милы советны дружны подружки»). Подсчет, произведенный А. П. Евгеньевой, показал, что одно существительное может иметь в плачах-поэмах И. А. Федосовой до тридцати определений. Например, существительное «дети» имеет определения: сиротны, малы, милы, рожены, бажоны, любезны, сердечны, взрошены, обидные, несчастные, беспокойные, хлопотливые, болезные, глупые, прозяблые, игривые, дурливые, желанные, бедные и т. д.¹ Федосова в этом отношении не представляет исключения — для причитаний вообще чрезвычайно характерно разнообразие и изобилие эпитетов, причем наибольшее количество эпитетов сосредоточивается, естественно, вокруг слов, обозначающих лицо, которое оплакивает причитывающая.

В стремлении к эмоциональной и семантической догрузке слова исполнительницы охотно употребляют сравнительно редкие в других жанрах составные прилагательные («богоданный», «хитромудрый», «скрозекозный», «тонкобелый», «малогребный» и т. д.) и сдвоенные существительные («судьи-власти», «огонь-пламя», «честь-

---

¹ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (Постоянный эпитет). — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 6. М. — Л., 1948, стр. 160.

хвала», «житье-жирушка», «пора-времечко», «путь-дороженька») и наречия («страшно-ужасно»).

Очевидно, той же цели смысловой концентрации служат и удивляющие читателя, незнакомого с причитаниями, сочетания типа «умершая могилушка» (могила, в которой похоронен умерший), «место погибшее» (место, где кто-то погиб), «платице умершее» (платье, в которое обряжают умершую), «охотное гулянище» (гуляние, на котором хочется погулять), «часовенки спасенные» (часовни, в которых спасаются), «сироты хлопотливые» (сироты, которые доставляют хлопоты), «падун утопый» (водопад, в котором кто-то утонул).

Итак, традиция причети создала своеобразный поэтический стиль, способный выразить предельное трагическое напряжение чувств причитывающей. Этот стиль лучше всего определяется народными терминами — причеть, плач, вопль, крик и т. д. В нем запечатлелась талантливая, богатая чувствами душа русской крестьянской женщины.

* * *

Отзвуки народных причитаний слышатся в русской литературе с древнейших времен и почти до наших дней. Разумеется, писатели различных эпох, направлений, стилей по-разному воспринимали, воспроизводили либо творчески использовали идеи, образы, отдельные художественные приемы, созданные вопленицами из народа. В древнейший период причеть была бытовым явлением, близким большинству русских писателей, из какой бы среды они ни происходили. Поэтому причеть сыграла, подобно другим фольклорным жанрам, определенную роль в развитии содержания и стиля древней русской литературы.¹ В XVIII—XIX веках, в условиях исчезновения причети из обихода верхних социальных слоев русского общества, писатели подчас обращались к ней как к средству изображения некоторых сторон народного быта. Выразительные примеры использования причети дает творчество Радищева (глава «Городня» в «Путешествии из Петербурга в Москву»), Пушкина (причитание капитанши Мироновой в «Капитанской дочке», плач Ксении в «Борисе Годунове», старой казачки в «Истории Пугачева»), Некрасова («Гробок», «В деревне», «Несжатая полоса», «Тишина», «Песня Еремушке», «Похороны», «О погоде», особенно

---

¹ См. В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М. — Л., 1947; особенно глава «Лирико-эпические плачи в древнерусской литературе», стр. 135—180.

«Мороз Красный нос» и «Кому на Руси жить хорошо»), Горького (очерки об И. А. Федосовой и изображение ее выступления в «Климе Самгине», рассказ «Нилушка» из цикла «По Руси»).

Характерно, что особенно заметную роль причеть сыграла в творчестве Н. А. Некрасова — поэта, с наибольшей силой отразившего судьбы крестьянства в период бурного кризиса феодальных отношений в России. Не случайно Некрасов — поэт, в творчестве которого причитания нашли не только наиболее широкое, но и наиболее принципиальное, эстетически и идеологически осознанное применение, и Федосова — крупнейший мастер русской причеты — принадлежали к одному поколению русских людей.¹

По мере приближения революции причеть и в народной традиции, и в литературе заметно отходит на второй план, уступая революционным песням, устному революционному рассказу, частушке, сатирической сказке и другим жанрам.²

Упоминание причитаний, цитаты из них, стилистическое использование образов причеты можно встретить во многих произведениях советских писателей, посвященных изображению дореволюционной России (см. романы А. Чапыгина, С. Злобина, В. Шишкова, Ф. Гладкова, И. Вольнова, а также «Судьбу Шарля Лонсевиля» К. Паустовского, «Беломорье» А. Линевского, «Хребты Саянские» С. Сартакова и др.).

Естественно, что отклики причитаний в произведениях советских писателей, рисующих послеоктябрьские события и быт крестьян, сравнительно редки и обусловлены особыми обстоятельствами (ср. стихотворения Д. Бедного «Проводы» и «Красноармейцы», А. Прокофьева «Свадьба», поэмы А. Твардовского «Страна Муравия» и «Дом у дороги», роман М. Шолохова «Тихий Дон»).

В послевоенные годы появились своеобразные и колоритные книги, написанные писателем и фольклористом Н. Леонтьевым в содружестве со сказительницей М. Голубковой — «Два века в полвека» и «Оленьи края». М. Голубкова — большой знаток севернорусской песни и причеты, поэтому не удивительно, что в назван-

---

¹ К. И. Чуковский. Мастерство Некрасова. Изд. 3-е. М., 1959, гл. «Работа над фольклором»; К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 87—105; И. М. Колесникова. Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х гг. — «Некрасовский сборник», т. 2. М. — Л., 1956, стр. 15—69.

² В качестве примера использования причитаний в эти годы см. главу «Вопленица» в книге М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц».

ных книгах, особенно в книге «Два века в полвека» (в которой речь идет главным образом о предреволюционной печорской деревне), ее рассказ буквально испещрен вставными песнями и причитаниями, большими и малыми цитатами из них, отдельными поэтическими оборотами и т. д. Книги М. Голубковой и Н. Леонтьева по-своему отражают нынешний этап взаимоотношения фольклора и литературы, фольклорных и литературных традиций. Примечательно, что причетъ со свойственным ей кругом тем, образов, композиционных принципов оказалась одним из жанров, участвующих в этом процессе.

Художественная литература не была единственным каналом, по которому поэтические достижения народной «плачевой» поэзии вливались в общенациональный фонд русской культуры. Как пишет современная исследовательница, «интонационно-мелодические особенности причитаний и плачей оставили глубокий след в русской музыке». ¹ Характерные мелодические обороты и интонации причети слышатся в песне Антонида «Не о том скорблю, подруженьки» из оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин», в хорах девушек из пятого действия оперы «Руслан и Людмила», в дуэте Оксаны и Солохи из оперы П. И. Чайковского «Черевички» и других. Образцы выразительного напевного «причитального» интонирования, созданного русскими композиторами, многочисленны: плач Ксении Годуновой и плач юродивого в опере «Борис Годунов» М. П. Мусоргского, хоровые народные причитания в той же опере; плач Ярославны и хоры девушек в «Князе Игоре» А. П. Бородина, хоровой народный плач «Ой ты, месяц светлый, ласковый» в опере «Сказка о царе Салтане» Н. А. Римского-Корсакова и другие.

Глубоко человеческая поэтическая традиция народных причитаний, созданная талантом многих тысяч простых женщин, является замечательным разделом богатейшей и многосторонней поэзии русского народа.

К. Чистов

---

¹ Т. В. Попова. Русское народное музыкальное творчество, вып. 1. М., 1955, стр. 101.

П. А. ФЕДОСОВА

И. А. ФЕДОСОВА

Ирина Андреевна Федосова (1831—1899) — крупнейшая русская сказительница XIX века — родилась в д. Сафроново, Вырозерского общества, Толвуйской волости, Петрозаводского уезда, Олонецкой губернии (ныне Заонежский р-н КАССР) в семье крестьянина Юлина.¹ Ее родители были государственными крестьянами, приписанными к Олонецким горным заводам. Огромная семья, состоявшая из двадцати двух членов, должна была напрягать все силы, чтобы не впасть в нищету. Уже шести лет Федосова, по ее словам, «на ухаж лошадь гоняла и с ухажа домой пригоняла», «8-ми год знала, на каку полосу сколько сеять».² С двенадцати-тринадцати лет Федосова начала «подголосничать» на свадьбах и быстро приобрела известность сперва в окрестных деревнях, а потом и по всему Заонежью. Судя по воспоминаниям современников, Федосова отличалась большой творческой активностью. Записанное от нее составляет лишь незначительную часть того, что было ею создано за несколько десятков лет почти непрерывного творчества.³

---

¹ Подробную биографию И. А. Федосовой см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, стр. 48—163. О репертуаре И. А. Федосовой см. там же, стр. 346—349.

² Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1. М., 1872, стр. 314—315.

³ См. Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым, чч. 1—3. М., 1872—1885; О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, чч. 1—3. Москва—Тверь, 1887—1889. Отдельные тексты опубликованы Е. В. Барсовым в «Олонецких губернских ведомостях»; Ф. М. Истоминым и Г. О. Дютшем в сб. «Песни русского народа, собранные в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г.». СПб., 1894; А. Н. Толиверовой в журн. «Игрушечка», 1895, № 8 и 9; С. Рыбаковым в журн. «Русская беседа», 1895, № 4.

Первые встречи Федосовой с собирателями-фольклористами относятся к середине 60-х годов. К этому времени она успела овдоветь, выйти вторично замуж и переехать вместе с мужем Я. И. Федосовым в Петрозаводск. В 1865—1866 годах П. Н. Рыбников разыскал ее в Петрозаводске и сделал от нее первые записи. В 1867 году произошла встреча Федосовой с Е. В. Барсовым. В это время Федосовой было всего тридцать шесть лет. Однако Е. В. Барсов считал, что ей по крайней мере лет пятьдесят. Она была уже пожилой женщиной, много и трудно поработавшей, познавшей всю тяжесть положения невестки в патриархальной крестьянской семье. В 1867—1868 годах Е. В. Барсов записал от нее тексты плачей, вошедшие впоследствии в его знаменитый трехтомный сборник «Причитаний Северного края». В 1872 году вышел в свет первый том, содержащий, по определению составителя, «плачи похоронные, надгробные и надмогильные».

Издание первого тома, почти целиком состоявшего из записей от Федосовой, стало значительным событием в литературной и научной жизни того времени. Импровизации Федосовой были восприняты как живое свидетельство активности поэтического творчества русского крестьянства. В газетах и журналах 1872—1874 годов сборник Федосовой был подвергнут оживленному обсуждению, в котором принял участие и орган революционной демократии — журнал «Отечественные записки». Пример революционного истолкования и творческого использования причитаний Федосовой дал Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Талантливые импровизации Федосовой получили всеобщее признание. Об ее причитаниях писали исследования ученые; известные литераторы черпали в них свое вдохновение (Н. А. Некрасов, П. И. Мельников-Печерский). Однако сама Федосова оставалась по-прежнему безвестной петрозаводской жительницей, обремененной заботами. В 1884 году умер второй муж Федосовой, и она вернулась в Кузаранду в «мужнин угол». Смерть мужа была для нее началом долголетних бедствий, почти нищенства.

Время от времени о ней продолжали вспоминать собиратели. В 1882 году вышел второй том сборника Е. В. Барсова, в 1885 году — третий. В том же 1885 году Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш записали от нее свадебную песню «Пивна ягода по сахару плыла», позднее обработанную М. А. Балакиревым. В 1886 году жена известного певца и организатора одного из первых в России хоров русской песни Д. А. Славянского — О. Х. Агренева-Славянская записала от нее тексты и мелодии свадебных и похоронных причитаний, лирических песен и величальных экспромтов.

Последние пять лет жизни Федосовой — время наивысшей ее славы, когда имя народной поэтессы буквально не сходило со страниц столичных и провинциальных газет и журналов. В 1894 году ее разыскал учитель П. Т. Виноградов, который организовал целую серию ее поездок по городам России (Петрозаводск, Петербург, Москва, Нижний Новгород, Казань). Публичные выступления Федосовой в 1895—1896 годах слушали тысячи представителей русской интеллигенции и «простой» публики. Ее мастерство вызывало восхищение. Социальная острота ее мировосприятия волновала городских слушателей, подобно тому как она волновала «домашних», кузарандских почитателей. Во время поездок она встречалась со многими крупнейшими деятелями русского искусства и литературы 90-х годов — М. Горьким, Ф. И. Шаляпиным, Н. А. Римским-Корсаковым, М. А. Балакиревым, «русской гарибальдийкой» А. Н. Толливеровой (Якоби). Ее слушали крупные филологи того времени — А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. Н. Пыпин, В. И. Ламанский, А. И. Соболевский и др. Ф. И. Шаляпин вспоминал о ней через три десятилетия в книге «Страницы моей жизни»: «Она (Федосова. — К. Ч.) вызвала у меня незабываемое впечатление. Я слышал много рассказов, старых песен и былин и до встречи с Федосовой, но только в ее изумительной передаче мне вдруг стала понятной глубокая прелесть народного творчества». ¹ Шаляпин неоднократно сетовал на то, что оперные певицы поют недостаточно выразительно, вместе с тем они мало знают и мало ценят естественную русскую народную манеру пения. «Ведь кто же умеет в опере, — писал Шаляпин, — просто, правдиво и внятно рассказать, как страдает мать, потерявшая сына на войне, и как плачет девушка, обиженная судьбой и потерявшая любимого человека». ²

Н. А. Римский-Корсаков также живо заинтересовался Федосовой и записал от нее пять песен. ³

М. Горький неоднократно писал о Федосовой. В очерках 90-х годов он особенно подчеркивал силу и глубочайшую народность ее искусства. «А вопли — вопли русской женщины, — читаем в его корреспонденции с Нижегородской Художественно-промышленной выставки, — всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и

---

¹ Ф. И. Шаляпин. Страницы из моей жизни. Автобиография. Л., 1926, стр. 170.

² Цит. по книге М. О. Янковского «Шаляпин и русская оперная культура». М. — Л., 1947, стр. 20.

³ См. В. В. Ястребцев. Мои воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове, вып. 2. Пг., 1917. Записи от 9 и 13 января 1895 г.

возбуждают в душе острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, не богатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций, — да! — но полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его».¹

С 1896 года Федосова поселилась в Петербурге, где прожила до весны 1899 года. П. Т. Виноградов, при содействии председателя Песенной комиссии Русского географического общества Т. И. Филиппова, готовил в эти годы, к сожалению так и не осуществленное, трехтомное издание записей от Федосовой. Умерла Федосова 10 июня 1899 года и была похоронена на кладбище при Кузрандской приходской церкви у д. Юсова гора, на берегу Онежского озера.

---

¹ М. Горький. Собрание сочинений, т. 23. М., 1953, стр. 233.

ПЛАЧ О СТАРОСТЕ

Вопит старости́ха:

Спаси, господи, спорядных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалели что рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку —
Уж вы старосту-судью да поставленную!
Он не плут был до вас, не лиходе́йничек,
Соболезновал об обществе собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
От этих мировых да злых посредников.
Теперь всё прошло у вас, миновалося!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую, —
Не творит да тут Иисусовой молитовки,
Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирается,
До судов этот посредник доступает;
Вопота́й у недоростков он выведывает,
Уже нет ли где корыстного делишечка.
Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещеной.
Он затопает ногами во дубовой пол,
Он захлопает руками о кленовой стул,
Он в похóдню по покоям запохаживает,
Точно вехорь во чистом поле полётывает,
Быдто зверь да во темном лесу порикивает;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживает,
Сговорит ему посредник таково слово:

«Что на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?
Непокорны вы властям да поставленным?
Чтобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников
Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у их да на белой груди!
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
Всё для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скорёнько постучается
Он у этих суседей спорядовых,
Чтобы справились на ям да суровешенько:
«Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму́ стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду!
Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известицем,
Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Али цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинаят.
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быдто бор да разгоряется,
Во все стороны быв пламень как кидается,
Быдто Свирь-река посредничек свирепой,
Быдто Ладожско великое, сердитое!
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он зглянет тут на старосту немилым зглядом,
Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете всё повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете!
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
Мужичоночки дробят да всё поглядывают —
Ужель морюшко синё да приутихнет,

Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде взыщется один мужик смелугище,
О делах сказать ведь он да всё о праведных,
Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае,
Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во младую головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко:
Едины да все у бога люди созданы;
На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай сиди да ты за столиком дубовым,
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченные;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
Наступить да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, — уходишься,
Хоть спесив да ты, начальник, — приусядешься!
Окол ночи мужики да поисправятся,
Наживут да золоту казну бессчетную!»
Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенские,
Что ведь староста у вас да преразумной!»
Как уедет тут судья да страховитая,
Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным,
В темном лесе быдто звери-то съедучие,
В чистом поле быдто змеи-то клеучие;
Как наедут ведь холодные-голодные,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живого во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют!
Слава богу-то теперь да слава госпуду!
Буря-падара теперь да уходилася,
Сине морюшко теперь да приутихло —
Нонь уехала судья неправосудная,

Укатилася съедуба мироедная!
Мы пойдёмте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельица,
Настоялися ведь мы да надрожались,
Без креста-то мы ему да всё накланялись,
Без Исусовой молитвы намолилися!..»
Как сберутся в божью церковь посвященную
О владычном оны да этом праздничке,
И прослужат там обиденку воскресную,
И как выйдут на крылечико церковное,
И как сглянут во подлётную сторонушку,
Тут защежит их ретливое сердечушко,
Сговорят оны ведь есть да таково словó:
«Где ведь жалобно-то солнце пропекае,
Там ведь прежняя родима наша стóрона,
Наша славна сторонá Новгородская!
Когда Новгород ведь был не разореной
И ко суду были крестьяна не приведены,
Были людюшки тогды да не штукавые,
Не штукавы оны были — запростейшие;
Как судьи да в тую пору не молóдые,
Пожиты да мужики были почетные,
Настойсливы оны да правосудливы,
Были добры у их кони иноходные,
Были славны корабли да мореходные.
Буде што да в прежни врéмена случалося,
Соберется три крестьянина хоть стоящих —
Промеж дý-другом оны да рассоветуют,
Как спасти да человека-то помиловать,
По суду ли-то теперечко по божьему,
По этим ли законам праведливым.
Тыи времечка прошли да не выдаюча,
Тыи годы скоротались не слыхаюча!
Наступили бусурманы превеликие,
Разорили оны славный Новгород!
Вси тут придались в подсиверну сторонушку
На званы острова да эти Кижские,
Во славное во обчество во Толвую...
Послыхайте словеса наши старинные,
Заприметьте того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
На синём море волна да порасходится,

Будут земские вси избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылатися;
Вси изменятся пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасенные!»
Кругом-около ребята обстолпилися,
Как на этих стариков да оглядилися,
Ихних ричей недоростки приослухались;
Кои умны недоросточки, приметные,
Оны этии слова тут принимали
Об досюльных законах постоянных,
Об досюльном житье новгородском.
Сволновалось сине славное Онегушко,
Как вода с песком помутилася!
Тут вспомнят-то ведь малы недоросточки:
«Теперь-нонь да времена-то те сбываются,
Как у старых стариков было рассказано!»

. . . . .
Тут мы думали с надежной головушкой:
«Как пропитывать сердечных малых детушек?
Накопилася станичушка детиная!»
Говорила я надежной головушке:
«Да ты съезди-ко на малой этой лодочке
Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек!»
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
Как по этой почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
С копыт пыль стоит во чистом поле,
Точно черной быдто ворон приналётыват, —
Мировой этот посредник так наезживал!
Деревенские ребята испугались,
По своим домам оны да разбежались!
Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на úпадь во темном лесу!
Я с работушки, победна, убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася, —
Да куда ж мою надежу одевают?

Я спросила у спорядовых суседушек.
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Чтобы я, бедна горюша, не спугалася.
На покой да легли добры эти людюшки,
Ужо я, бедна, в путь-дорожку отправлялася,
Чтоб проведать про надежную головушку.
Уж как этот мировой да злой посредничек,
Как во страдную, в рабочу пору-времечко
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
Он на три сажал господних божьи дёнечка,
На четыре он на летных эти ночки,
Отлучился что без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердечны мои детушки,
Не могла стерпеть, победная головушка,
Я глядеть да на детины горючи слезы —
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Что обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обществе собраном;
Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася.
Ворочался как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий смерётушка стретала!

. . . . .
. . . . .

Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице, —
Вы падите-тко, горючи мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже-господи,
Чтобы тлен пришел на цветно его платьице,
Как безумьице во буйну бы головушку!
Еще дай, да боже-господи,
Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слёзы детей малых!

. . . . .

ПЗ ПЛАЧА О ПИСАРЕ

Вопит кума:

Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городской,
Приукрылся писаречек хитромудрой
Он во матушку сыру землю!
Вкупе все да мы, крестьяна, сухотуем:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодушка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше нá свет человеку не родится;
Много страсти-то теперь да много ужаси,
Как больше того великих пригрозушек!
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки,
До последней-то оны да лопотиночки!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Со досадой этим горюшком возитися!
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ-люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилося:
Во досюльны времена было годышки
Жили люди во всем мире постатейные,
Оны дү-друга люди не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них горе кидалося,
Но тут было горюшку не местечко —
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося!
На высоки эты щельи горе бросилось,
Но и тут было горюшку не местечко —
С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя из-за гор да объявилося!
Уже тут злое горюшко кидалося
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодинку оно там запихалося —
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась.
Как в досюльны времена да в прежни годышки
В окиян-море ловцы да не бывали.

Чего на́ слыхе-то век было не слыхано,
Чего на́ виду-то век было не видано —
Прошло времечка с того да не со много, —
В окиян-море ловцы вдруг пригодились:
Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковые,
Проволо́ки оны клали-то пеньковые,
Оны плу́тивца тут клали всё дубовые,
Изловили тут свежу оны рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек!
Точно хвост да как у рыбы лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная.
Сдивовались ловцы рыбы незнамой,
Пораздумались ловцы да добры молодцы:
По приметам эта рыба да как щучина.
Поскорешеньку ко бережку кидались,
На дубовой доске рыбу пластали,
Распороли как уловну свежу рыбоньку —
Много множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золоченые!
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
Во деревенку свою да во селение,
Всем суседям рассказали,
Показали им ключи да золоченые.
Тут ключи стали ловцы да применять:
Прилагали ключи ко божиим церквам —
По церковным замкам ключи не ладятся;
По уличкам пошли оны рядовым,
По купцам пошли оны торговым —
И по лавочкам ключи не пригодились.
Тут пошли эти ловцы да добры молодцы
По тюрьмам пошли заключевным —
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко великое.
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы-добры молодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто́ поле слетело;
На чистом поле горюшко садилось
И само тут, злодийно, восхвалялося,

Что тоска буде крестьянам неудольная!
Подъедать стало удалых добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек!
Уже так да это горе расплодилось —
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-инеем оно да там садилось,
Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось.
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябель на сдовольны эти хлебушки,
Неприятности во добрых пошли людюшках.

К писарю:

Ты послушай же, крестовой милой кумушко!
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна,
Може, станешь у престола у господнего,
Ты поросскажи владыке-свету истинному
Ты про общество крестьян да православных!
Много множество е в мире согрешенья,
Как больше того е в мире огорченья:
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами, злодийно, черным вороном,
Возлетат оно, злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселилося,
До этых крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются,
Не надияются досады, принавидятся!»
Как со этого горя со великого
Бедны людюшки как море колыбаются,

Быдто деревья стоят да подсушенные,
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отцовщина у их нонь придержалася,
Не стоят теперь стóги перегодные,
Не насыпаны амбары хлеба божьего,
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимных у их санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков!
Ты порóсскажи, крестовой милой кумушко,
Ты поросскажи владыке многомилостливу,
Что неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
Точно лед как во синем море;
Никуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Всё доишутся в горах оны высоких.
Доберутся ведь во матушке сырой земле!
Во конец оны крестьян всех разоряют!
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московские
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!

ПЛАЧ ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛНИЕЙ

Соседка к соседям:

Как о светлом владычном божьем празднике,
На ранной на заутрены воскресной
Пресвятой Илья-пророк-свет преподобной
Пролетал он ко престолу ко господнему,
И проречёт Илья владыке многомилостливу:
«Уж я дам да эту тучу неспособную
Уж я на́ это на чистое на полюшко,
Я стрелу спущу в крестьянина могучего,
Заражу да я грудь-то его белую!
Не могу терпеть велика беззаконья:
Он не ходит-то крестьянин во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньца,
О души своей крестьянин не спахается,
Да он в тяжких грехах попу не кается!»

Испроговорот владыко-свет тут милостливой
Преподобному Илье да он громовному:
«Что ты хочешь, Илья, — в волюшку всё
творишь!»

Как по этой по разливной красной вёснущке,
На троицкой то было на неделюшке,
Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися.
Тут повыехал спорядной наш суседушко,
Он в раздолбце повыехал в чисто поле,
На эты на распашисты полосушки.
С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу вдруг тут е да объявилось,
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,
Со этым огнем да она плящиим;
На горбы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,
Мелки камышки со страсти покатилися.
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим —
Леса к зени с этой тучи приклонилися,
По корешку они все приломалися!
Уже так да шла грозна эта тученька,
В темном лесе дики звери убоялися,
По своим местам звери убиралися!
Становилась туча темна на синё море,
Сине море со дна всё расходилося,
Страшно-ужасно тут море расшумелось,
С луды камни оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоялися,
По своим станам рыбы разметалися!
По селам пошла туча деревенскиим,
Знать, деревнями-то туча разгремелася,
Мать сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрые дома да пошатились,
Со чиста поля крестьяна убиралися,
Во своих домах оны да сохранялися!

С этой страсти крестьяна, с перепóлоху
Затопляли свечй да воску ярого,
Тут молили оны бога от желаньица,
Оны кланялись во матушку сыру землю:
«Спаси, господи, ведь душ да наших грешных,
От стрелы ты сохрани да нас, от молвии,
Пронеси, господи, тучу на чистó поле,
На чистó поле тучу, за синё море!»
На чистó поле тут туча своротилася,
Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящие огни да разгорелися;
Всё ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Торокóм да пройде тёмна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку.
Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду ведь стрелушка, не на землю,
Не на зверя в темном лесушке съедучего,
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала всё ретливое сердечушко!
Заразил-побил Илья-свет преподобной
Да он славного крестьянина могучего,
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг порóспекло тут красно это солнышко.
Как схватилося спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,
Под малым ли ракитовым под кустышком,
Аль сидит он на катучем белом камышке?
Тут ведь бросилась спорядная суседушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тут в раздольице бросйлася во чисто поле;
Скоро шла да по распашистым полосушкам,
Вдруг увидела ступистую лошадушку,
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужახнулось ретливое сердечушко,
Не видать да всё надежной головушки!
Тут глядеть стала по чистому по полюшку,
Как зглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено;

Тут бросилась к кудрявой деревиночке,
Как лежит ейна надежная головушка,
На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце всё молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты!
Задрожала тут победная семеюшка,
Испугалась надежной головушки —
Нету душеньки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит лежит надеженька подстреленной,
От страсти он, надежа, тучи темной!
Воротилась победная суседушка
Она взад да во село тут деревенское,
Со раздольица, победна, со чиста поля,
Объявила тут суседам спорядовым,
Как наделала тревоги всему обществу,
Беспокойства-то крестьянам православным!
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли.

Ко вдове — жене убитого:

Ты послушай, спорядовая суседушка:
По суду ли то теперичко по божьему,
По веленью ли то нунько по господнему,
Было множество народу на чистом поле;
Как увидли темну тучу неспособную,
По своим домам тут все ведь убирались!
Твоя милая надежная головушка
Супротивник, знать, владыке многомилостливу,
Он с бахвальства во чистом поле остался,
Со белым светом ведь он да порасстался,
Как убиту эту смерть он получил!
Душа грешная пошла без покаянья,
Телеса его лежат без поминанья,
Не придают да их ко матушке сырой земле!
Приедут как судьи неправосудные,
Будут па́трошить надежную головушку,
По частям резать, по мелким кусочикам!
Как распорют его грудь да эту белую,

Как повынут-то сердечушко ретливое —
У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
Будет жаль-тошно надежной головушки!
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий, бедна, любимой покрутушки,
Заложи снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчётной.
Как приедут дохтура да славны лекари
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людюшек,
Своих сельских проси, бедна, начальничков,
Писарёв проси, победна, хитромудрых,
Чтоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчётной,
Чтоб надеженьку твою не патрушили,
Чтобы белой его груди не пороли,
Чтоб сердечушка его не вынимали,
Чтоб назолушки тебе не надавали,
Чтобы придали ко матушке сырой земле
Телеса-то бы его да без терзанья!
Не убойся ты, спорядная суседушка,
Говори, бедна, горюшица, смелёшенько,
Ты корись, бедна, с великою обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;
Може, сдобрятся судьи неправосудные!
Ты сули им золотой казны по надобью,
Вопотай сули, без добрых ты без людюшек,
Тут озáрятся оны на золоту казну;
Как дают оны ведь, може, приказанье
Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть да этой матушкой сырой землей!
Тут зови, бедна спорядная суседушка,
Как попов-отцов зови, бедна, духовных,
Зазови, бедна, служителей церковных.
Вы возьмите-тко со чистого со полюшка
Вы во свой дом тело мертвое-убитое,
Сокрутите в тонко бело полотенышко, —

На сдвленьице ведь добрым столько людюшкам,
На среканьице спорядным суседушкам!
Он не вор, кажись, был, не мошенничек,
Он не плут, кажись, был, не разбойничек,
Не хлопотной был в суседах спорядовых;
Уж какой да тяжелой грех вы сочинили,
Что разгневался владыко многомилостливой,
Он не спас его от грома да от молнии,
Не помиловал от тученьки от грозной?
Еще слушай-ко, спорядная суседушка,
Ты схоронишь как надежную головушку,
Ты во матушку схоронишь во сыру землю,
Ты во погребца опустишь во глубокие,
Постановится крестьянска вся работушка
У тебя да у печальной тут головушки,
Разорится дом, крестьянска вся ведь жирушка!
Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротиночкой;
Вдруг отстанешь от участков деревенских,
Отлишишься от луговых от поженок!
Ты вспомнишь свет надежную головушку,
Ты поплачешь на раздолье на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых лугах!
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадься в тоску, великую кручинушку,
Не забудь своей надежной головушки,
Ты зови, бедна, попов-отцов духовных,
Поминай часто любимую семеюшку!
Знаем-ведаем, спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надеженька,
Вы не знали, спорядовые суседушки,
Вы ни светлого Христова воскресеньица,
Ни владычного господня божья праздничка;
Да вы в божью ведь церковь не ходили,
Да вы госпуду-владыке не молились,
Всё ведь гнались за крестьянской работушкой;
Удивлялись многи добрые вам людюшки
И срекались спорядовые суседушки
Уже вам да всё победным головушкам!

. . . . .

ПЛАЧ О ПОТОПНИХ

Дочь вопит:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лодочке,
С суседамы, несчастны. не простилися,
Милосердому владыке не молилися,
Воску ярого свечей не затопляли,
Знать, судинушка по бережку ходила.
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась!
Тут от бережка, победы, откачнулись,
От крутого мы, несчастны, отпихнулись,
В руки брали мы весёлышка дубовые,
Отправлялися за сине это морюшко.
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способные,
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастью,
По судьбы. видно, нашей бесталанной,
За тяжкое велико согрешенье,
По божьему господню повеленью
С-под холодной с-под сиверной сторонушки
Вдруг облака скорёшенько сходилися,
Наставала туча тёмна, неспособная,
Без дождя туча тёмная, без молвии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эти ветрышки завияли,
С торокамы эти ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало,
На синём море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася,
Пошла россыпь на синём море великая;
Тут дубова эта мачта приломалась,
Мала лодочка у нас да сколыбалась,
И склянёшенько воды тут наливалось;
Добры людюшки во лодочке спугались,
Дубовые весёлки с рук повыпали.
С этой страсти великой, с перепóлоху

Мы с дѣ-другом народъ ведь не простилися
И ясныхъ своихъ очъ да не крестили;
Мы не знали того сами, добры людюшки,
Какъ смахнуло среди эта Онегушка
Во эту воду во глубокую!
Утонулъ отецъ с дитемъ да со родимымъ,
Онъ со малымъ своимъ да недоросточкомъ!
Единѣ, бедна дочѣ, я оставалася,
На синемъ море, девица, я шаталася,
Трои суточки, победна, колыбалася,
Со слезами тутъ молитовку творила,
Со горючими пречистой богородице:
«Ты спаси меня, царица-светъ небесная!
Сохрани меня, Микола многомилостливой!
Буйны ветры в чистомъ поле укротились бы,
На синемъ море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь, боже, дай-ко, господи,
Тиху тишиньку на синемъ на Онегушке,
Благодать да ты на кругломъ этомъ морюшке,
Мала лодочка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девица, не пугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лодочку,
В острова хоть прибило не в бывалые,
В берега бы стащило незнакомые!»
С этой страсти у меня, с перепѣлоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девѣчья потерялася
У мня стѣячи во малой утлѣй лодочкѣ!
За эту за дубовую окложинку
Перетерло у мня тонки белы перески,
Приотерпли тутъ девѣчьи белы рученьки,
Приозябли у меня резвы эти ноженьки,
Задрожалось ретливое сердечушко!
От тошна горя, горюша, стала плакать,
Стала думать я, несчастна, своимъ разумомъ,
Поклонюсь на все четыре на сторонюшки:
«Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой ты красное прости да ноньку солнышко!
Ты прости меня, родимая сторонюшка!
Отдали прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовые суседушки!

Тайны милые простите, поровечнички!
Друг-советные, простите, мои по́дружки!
Ты прости, да на белóм свете живленьице!
Прости, господи, во тяжком согрешеньи!
Знать, судьба меня, девицу, повзыскала,
Для меня, видно, погода поднималась,
На синем море волна да сколыбалась,
Единá я в малой лодочке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Иисову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писа́ному:
«Ты повыручи, владыко многомилостливой,
Ты повыздынь-ко, победну, со синя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде, господи-владыко-свет, помилуешь,
Я ходить стану во церковь посвященную,
Я к заутреням ходить да ко воскресным,
Я к обиденькам ходить да ко Христовским,
По вечеренькам ходить буду по троицким,
По измоге я свечí да ставить ярые;
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому
Я во летные ему во работнички,
Я во зимные ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бессчетной,
Попрошу да я попов-отцов духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен богородице,
Я другой да тут владыке многомилостливу,
Отложу да я гульбища со весельицем,
Отменю да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эты песенки!»
Как на синем море, победнушка, шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много страньства я, победна, притерпела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синём море,
День и ночь да в малой лодочке шатаюча!
Знать, молитовки ко господу доходные,
Сожалела пресвята мать богородица,
Стала тишинька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на шíрокой на уличке;

Мала лодочка ведь вдруг да становилася,
К круту бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так, бедной горюше, мне всё кажется,
Быв на синем я на славном этом морюшке!
Тут Исусову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздвилася —
Знать, по моему девóчьему моленьицу,
По владыкину, знать, нонь благословленьицу
Вдруг прибило тут ко крутому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, придумалась,
За како́ ж да это место незнакомое?
Уж я вóвеки ведь здесь не бываюча!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракитовой под кустышек,
Я схватилась за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого:
Во синём море оны, може, шатаются?
Пораздумаюсь победным своим разумом!
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по крутому по бережку,
Я глядеть стану на все на три-четыре
на сторонушки;
Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,
Я по облачкам глядеть стану ходячим,
В день по красному смотреть буду по солнышку:
С какой стóроны ведь ветры развеваются?
Куды темные леса да нагибаются?
В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу?
Далеко ль моя родимая сторонушка?
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эты резвы свои ноженьки,
Разману́ да я несчастны свои рученьки.
Распеки, да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое бессчастно ретливо сердце,
Ты девочьи победны мои плечушки!
Обумись, моя бессчастлива буйна гóлова!

Оглядитесь на свет, ясны мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых да светушка братца родимого,
Я сердечного повозничка любимого:
Не прибило ли ко кру́ту красну бережку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этыма кату́чима я камышкам,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны костя не волочат ли?
Во тяжких грехах без покаяния
Оны приняли смеретушку напрасную!
Тела у их пойдут без погребения,
Не прида́ны ко матушке сырой земле!
Призавие буйным ветрышком,
Призагрие красным солнышком,
Западет тело снежочиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Ни умершей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы господь скорую смеретушку
На своей белой брусовой им на лавочке,
Во своем доме, крестьянской бы во жирушке;
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В божью церковь посвященну мы сносили бы,
Честно-именно ведь их похоронили бы!
Мы бы знали, где могилушка умершая,
На владычной божий праздничек сходили бы!
Спомянули тут мы их да попахали бы!

. . . . .
Я пойду еще, печальная головушка.
Я по славному по кру́тому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна девица,
Малых лодочек на синем на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым го́лоском:
«Не убойтесь-ко, народ, не уstraшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спасенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому
Вдруг захлопали весёлышка дубовые,
Показалась малогребна эта лодочка;

Вдруг наехали ловцы да добры мо́лодцы.
Хоть ко бережку оны да становилися,
Оны в лодочке стоят да уstraшилися,
На меня, бедну горюшу, оглядилися.
Сговорят да тут ловцы-то добры молодцы:
«Уже что это за чудо обчудилося,
Человек стоит на крúтом этом бéрежку!
Что ведь горькима слезама уливается,
Что великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы
Со этой малогребной оны лодочки,
На этот на крúтой красной бéрежок.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклонилася, победна, во резвы ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком, победнушка, свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
«Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-ткось,
Вы свезите-тко в какое е селенье!»
Оны подняли, победну, от сырой земли,
Стали спрашивать, победнушку, выведывать:
«Ты откуль взялась теперь да с кем ты ездила,
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слезно плакала.
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
«Ты давно ль взялась на крúтой здесь на бéрежок?»
«Уже слушайте, народ да люди добрые,
Вы позирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю-то, победная, не ведаю
От толку сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отправились за сине за Онегушко
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых да со братцем со родимым,
Как в-третьих да я с суседом спорядовым.
Вдруг по нашему великому несчастью,
Как по этому злодийну бесталаньцу,
Вдруг поднялася погода непомерная,
Призавияли тут буйны столько ветрышки,
Потопило всех победных головушек,
Милого спорядного суседушка,

Желанного родителя-батюшка,
Сердечного света братца родимого!
Я не знаю-то, несчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась;
Трои суточки шаталась во Онегушке;
Знать, не сужено, победной мне головушке,
Потонуть да мне на синем на Онегушке!
Малу лодочку теперь да пришатало,
К круту бережку ведь ю да прибивало!
Сохранил меня господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько ужаси!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрые,
Переймите-тко, ловцы да добры молодцы,
Вы во эту малогребну меня лодочку, —
Холоднёшенька, победна, голоднёшенька!»

· · · · ·
Меня взяли тут ловцы да добры мѳлодцы
Во эту малогребную во лодочку.
Отвезли меня за синее Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивились народ да люди добрые,
Устрашались суседи спорядовые:
«Это что теперь за чудо причудилось?
Со синя моря ведь диво объявилось,
Как со мертвых она да восставала,
На родимую сторонку доставалась!»
Все собрались суседи спорядовые,
Объявили тут властям да оны сельским;
Приходили писаречки хитромудрые,
Садились к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
«Где тонули ведь вы е да во синѳм море?
Да ты как, красна девица, оставалась,
На синѳм море ты в лодке сохранялась?»
Допросушки от бедной отбирали,
На гербовой лист бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялась, победнушка, полѳхалась —

Как прииде становой да всё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня сошлют со родимой, може, родинки;
Буду странствовать, победна, слезно плакать?
Уж как я, бедна, кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по позорам,
По допросам-то пошла да по великиим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством мне шататися,
Говорить надо, победной, не мешатися.
Отвечать буду, победна, таково слово:
«Я не знаю ведь, горюшица, не ведаю,
Уже что да ведь над нама сочинилось!
Буйны ветрышки ведь е да поразвиялись,
Уже вкруте тут волна да расходилася,
Пал ведь тóрок теперь да неудольной,
Сильной сивер-то завиял тут свирепой,
Мала лодочка у нас да сколыбалася,
Дубовá мачта на ней да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывались,
Утонул да тут родитель милой батюшко,
Света братца тут смахнуло буйным ветрышком
Среди да синя славного Онегушка,
Тут же сбросило спорядного суседушка,
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синём море спасалась,
Трои суточки я без вести качалась;
Тут прибило ко кру́тому ко бережку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку сыру землю,
Я на этот на крутой красной бёрежок;
Тут приехали ловцы да добры молодцы,
Отвезли мня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовые суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили все печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты спаси меня, власть да милосердая!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света братца я в синём море,

Не спустила я соседа в глубокую воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судинушка голов да повзыскала!
По владыкину господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять

Потопная,
Потонуть да, знать, им сужено в синём море!
Я не знаю же, победнушка, не ведаю,
Може, прибило где к крутому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да натаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не изьянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!
У мя нет да золотой казны бесчетной,
Нету скатных, перебранных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью неправосудную!»
Не острастил-то начальник, не сполóхал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по молодой по головушке,
Умильнёшенько меня да он выпрашивал:
«Ты по своему скажи да по девичеству,
По души скажи теперь да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи ўжаси,
Что случилось у вас да сочинилось?»
Удивился он судьбы моей несчастной.
Сговорил он мне, победной, таково слово:
«Верно, господу молилась от желаньица,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполохалась,
Ты шатаюча на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то ноченькам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ўжасно вода да колыбается,
Шибко лодочка теперь да расшатается;
Ты держалась за дубовую оклочинку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да становой еще начальникек,
Он народу сговорил да людям добрым:
«Да вы съездите за сине за Онегушко,
Поищите телеса да там бездушные.

Буде найдете потопных — схороните-тко,
Тела да ко сырой земле предайте-тко!»

. . . . .

К соседям:

Вы послушайте, спорядные суседушки:
Как сегодним, учетным долгим годышком
На наше на хоромное строеньеце
Прилетела лесова птица незнамая,
Как садилась на хоромное строеньеце,
Она укала-то, птица, по-звериному,
Как свистала эта птица по-змеиному!
Уж мы тут, бедны горюши, уstraшилися,
Темной ночью от крепка сна прохватилися:
«Это что у нас за зверь да сидит укает
И страшат да нас, победных, полохает?»
Всё я думала победным своим разумом:
Знать, беда приде победным нам напрасная,
Пожар там на хоромное строеньеце
Либо мор да на любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не надиялась
Я над милым родителем, над батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Что потоп буде на синем на Онегушке!
Нонь у нас да у печальных головушек
Така да е обидушка несносная!
Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы вóропу, победна, во темных лесах,
Не радела бы соседям спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталася,
Со белым светом, победна, напрощалася!
Я не думала, несчастна красна девушка,
Что быть да мне, победной, на святой Руси,
Что ходить, бедной горюше, по сырой земле!
Нонь судил да боже-господи
Мне-ка быть да на родимой на сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолилися,
Видно, девушку меня да пожалили!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!
С этой страсти у меня да с переполоху
Буйна голова, у беднушки, не гладится,
Прядка с прядкой в русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебранные,
Изоржавели колечка золоченые!
Быв с того свету, горюша, объявилась,
Со синя моря, горюша, выставала!
Не дай господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти такой ўжаси!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
Во несчастной день, победнушку, засияла,
Ты не участью-таланом наделяла;
Приносила хоть в хоромное строеньеце,
Не в большой угол меня да полагала,
На кирпичную, знать, печеньку ложила
И сосновую лучину подстилала,
Тут великим бессчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнешенько,
Великого родительска желаньица,
Светушка брата родимого
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мя звериная,
Потяги да у мя были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На синём море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этих лодок не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужних бы жен да не слезило бы,
Сирот малых детей не оставляло бы!
Теперь всё прошло у нас да миновалось,
Со тоской-горькой кручиной я позналася,
Талан-участь на синём море оставила,

Мое счастье в синем море утонуло всё;
Нонь решилося великое весельице,
Миновалось любимо доброумьице!
Надо слыть да бедной дочери безотней,
Как печальной сестры да мне безбратней,
Нонь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьице!
Как не жемчужком головка изнасияна —
Великоей кручинушкой наделена,
Ясны очушки не сахаром насыпаны —
Горючима слезамы принаполнены!
Не несут меня, печальной, ножки резвые
Уж как на́ этот на кру́той красной бёрежок,
Не глядят мои несчастны очи ясные
На синее на славное Онегушко!
Не радию я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людюшкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю
Во этих малогребных во лодочках!

. . . . .

ИЗ ПЛАЧА О ПОНЕ-ОТЦЕ ДУХОВНОМ

Вопит соседка:

Как сегодня, сего дёнечка,
Сего дёнечка господнего,
Что за чудо причудилося,
В мире диво предъявилося:
Уж как звон теперь мешается,
Церковь божья-то шатается;
Наш священник трудо́ным трудится,
С белым светом расставается.
Во обиды тут крестьяна собираются,
Межу собой оны да думу думают:
Уже нет, да такова по́па не видано,
Больше не́ видать священника хорошего!
Не упыанслива он был да поп головушка,
Примерная душа, благочесливая;
Он рачитель до участков деревенских был,
Всегда кехтал на крестьянскую работушку!

Как на чистых он полюшках похаживае,
Так подряспичек от ветрышка подмахивае.
Он старатель был до церкви богомольной,
Он служил всегда обидни-то по правилу,
Он заутрены по божьим по законам;
Начало полагал он по-писаному,
Божью книгу читал да умильнешенько;
Здымал рученьки он свыше го́ловы,
Всё молился о нас да он о грешных;
Как головушка его да посвященная,
Права рученька его благословленная.
Он предоброй был отец да поп духовной:
Что случится ли при трудной постелюшке
Аль тяжелая родимица объявится,
Хоть там по́шлют недоростка невеликого,
Среди да этой темной пошлют ноченьки,
Беспокоят хоть попа-отца духовного,
Поскореньку от крепку сну пробуждается,
Суровешенько в одежду одевается,
По закону-то берет ризу священскую,
По читанью-то берет да книгу божью;
Приезжает он, священник, среди ночи,
Говорит этот священник потихошеньку,
Отпирает он книгу полегошеньку;
Буде малой тут благоденец тяжелёшенек,
Проведет да он в веру во крещенскую,
Во крещенскую он веру христианскую.
Говорят да тут крестьяна православные:
«Спаси, господи, попа-отца духовного,
Что трудился он во темной этой ноченьке,
Не страшился ни погоды он, ни па́дары».
Заносило хоть путь-ши́року дороженьку,
Хоть проезду нет во санках самокатных,
Он закону-то, отец, не поступае,
Среди ночи крестьян да он ведь слушае.
Буде что да у крестьянина случилось,
Хоть беда ему на грех да сочинилася,
Он к духовному отцу тут приезжает,
Сговорит ему крестьянин таковую речь:
«Куды хошь клади, отец да поп духовный,
У нас теперь незгодушка случилася,
Мало дитятко на лавочке убилося!»

Стане по́ избы священничек похаживать,
Он не грубно-то, священник, выговаривать
И с простым-то мужичком да разговаривать:
«Вы как это дите не досмотрили?
Со белых ли вы рук да уронили?
Говори да ты, крестьянин, не мешайся-тко,
Ты попа-отца, меня, да не пугайся-тко,
Ты скажи да мне по правде всё, по истине,
По закону ты скажи да всё по божьему,
Ты отцу да мне не скройся-тко духовному!»
Говорит да тут крестьянин православной:
«На работе в то я время прилучился,
Ко мне детушки во поле прибежали,
Потихошеньку про горе рассказали;
Я пришел как во хоромное строеньеце:
Стоит мать да над дитем тут погибает,
Сама горьки она слезы проливает!»
Воспроговóрит же поп-отец духовной:
«Что поделаем, крестьянин православной,
Мне-ка жаль тебя, дите мое духовное,
Ужо как тебя будет сохранить,
От великой беды мне оградить?
Не проведали б судьи неправосудные,
Про твою беду-незгòду про великую!»
Тут крестьянин ему в ноги поклоняется,
Испроговóрит ему да таково слово:
«Сохрани да нас, батюшко, помилуй,
От изъяну, от напасти от великой,
От судей нас сохрани неправосудных!»
Говорит да тут поп-отец духовной:
«Снаряжусь к вам во хоромное строеньеце,
Возьму книгу я под правую под пазушку,
Во леву руку я тросточку камышеву».
И скоренько сам подрясник накидае,
Он поповску черну шляпу надевае,
На добра коня священничек садится
И попрёжде в путь-дорожку поспешает,
Вперед-то едет крестьянина он бедного;
Приезжает ко крылечику скорешонько,
Проходит во коромное строеньеце,
Уж он крест кладёт, священник, по-писаному,
Он поклон ведёт, священник, по-ученому,

Поклон первой пресвятой да богородице,
Он еще поклон большухам подомовым;
И сговорит да тут священник таково слово:
«Вы заprite-тко двери поскорешенько,
Вы издуйте огонька да суровешенько,
Затопите-тко свечу да воску ярого:
Быто дитятко буде исповедано».
Говорить стане священник, всё наказывать,
Потихошеньку ведь нас да уговаривать:
«Вы не бойтесь-ко, крестьяна, не полохайтесь;
Уж дам вам свое рукописание,
Я избавлю от напасти страховитой,
От убытку, от изъяну от великого!»
Тут прознали то судьи неправосудные,
Пришел староста течерь да со рассыльными,
С писаречком пришел он с хитромудрым,
Стали спрашивать оны, с ума выведывать:
«Что сдиялось у вас да сочинилось?
Не болело у вас дите, не хворало,
Ужо как да у вас вскоре оно померло?
Говорите-тко вы нам да не маните-тко!»
Тут стращать стали крестьянина, полохать:
«Донесем да мы начальству про то высшему!»
Задумался крестьянин православной,
На священского попа он опирается,
Уже этой он бумагой оправдается.
Сговорит еще власть немилосердая:
«Ты купи нам полуштоф да сладкой водочки,
Уже дай да золотой казны по надобью,
Тут повирим мы попу-отцу духовному,
Мы забросим все дела да уголовные!»
Тут поит их крестьянин сладкой водочкой,
Он дарит их золотой казной по надобью;
Запоходят мироеды голопузые
Со этого хоромного строеньца.
Сговорит да тут крестьянин со большухами:
«Спаси господи попа-отца духовного,
Что сохранил да от беды он нас помиловал,
Что придал он ума-разума в головушку!»

. . . . .

В конце отпевания:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Много-множество попов стоит духовных,
Еще больше е причетен-то церковных;
Все сокручены во ризах во опальных,
Погребеньице поют да уныльнешенько.
На гробу да эта риза золоченая,
На белых грудях книга эта божья,
Кругом-наокол подсвечники злаченные,
Все зажганы свечи да там наместные,
Много-множество народу людей добрых
Сожалиют-то попа-отца духовного;
Все забросили крестьянскую работушку,
Проводить пришли служителя церковного.
Вы простите-тко, мир да всё вы обчество,
Вы простите-тко попа-отца духовного!
Во подсвечниках свечей уж потухают,
Херувимские стихи уж допевают;
Все попы-отцы теперечко прощаются,
К телесам оны его да прилагаются!..

. . . . .
. . . . .

ПЛАЧ ОБ УПЬЯНСЛИВОЙ ГОЛОВУШКЕ

Жена покойного вопит:

Как вчерашним-то господним божьим дёнечком
У этой божьей церкви посвящённой,
У матушки пречистой богородицы
Был владычной-то господень божий праздничек,
Собиралися народ да люди добрые,
Соезжались вси сродчи-милы сроднички.
Мы повыстали по утрышку ранешенько,
Уж я стряпала стряпню тут суетливую,
Да я ладилась к владычному ко праздничку.
Я спросилась у любимой семеюшки.
У пристаршей богоданной в доме матушки,
Тут давалася, печальная головушка,
Я у упьянсливой надежной сдержавушки

Ко моей милой сестричушке родимой:
«Ты возьми меня, печальную головушку!»
Говорила мне упьянслива головушка:
«Рано ладишься к владычному ко праздничку,
На брусовой поостанешься на лавочке!»
Уж он впряг скоро ступистую лошадушку
Он во этии во санки самокатные,
Он не взял меня, печальной головушки,
Погостить да ко сестричушке родимой,
Повидаться мне, победной, с родом-племенем!
Поосталась во хоромном я строеньице,
Шла я заперла воротичка дубовые,
Да и села на брусовую на лавочку,
Тут под малое косевчато окошечко,
Я глядеть стала на шйроку на уличку,
Я смотреть да на спорядных суседушек —
Поезжают как в снарядной покрутушке
Уж как добрые жены со мужёвьями;
Я раздумалась, победна, порасплакалась,
Под косевчатым я сидячи окошечком,
Под туманной стекольчатой околеникой;
Тут я тяжкого греха-то залучила,
Мужу скорую смеретушку молила.
Не сдвуйте-тко, народ да люди добрые,
Помолила что я скороей смеретушки
Удолила всё тоска меня великая,
Ушибать стала злодийная кручинушка;
Хотя ж не взял ко владычному ко праздничку,
Не для праздничка, горюша, заобиделась,
Не для гостыица, горюша, закручинилась.
Вы подумайте, народ да люди добрые,
Вы поверьте-тко победной мне головушке:
Я с досадушки словечко сговорила!
Не дай боже ведь того, да боже господи,
Не радию многим добрым я людюшкам
Столько жить да ведь за горькими за пьяницам!
Уж как я жила, печальная головушка,
За безумной за надежной державушкой,
По царевым кабакам да находилась,
У питейных я домов да настоялася,
Я за выручку глядела-надрожалась,
Назвалась свою надежицу, накланялась,

Я бесчестница, победнушка, наслухалась,
Уж я смертных побоев натерпелась!
Он стыдил меня, бесчестил при добрых людях!
Кажись, дому я житья да не последнего,
Отца-матушки я дочь была разумных;
Век судьячила победна я головушка
На своих я на желанных родителей,
Что повыдали на чужу на сторонушку,
За упыанслива млада сына отецкого;
Кажись, знаком был остудник млад отецкий сын,
Да я шесть жила учетных за ним годышков,
Он ведь темные-то ноченьки прохаживал,
До полуночи он вѣчера просиживал
По этим по царевым большим кабакам,
Испивал да он хмельны эти напитки,
Разорял да он крестьянску нашу жирушку.
Уж он пропил-то снарядно мое платьице,
Произвел мою жемчужную подвосточку,
Он на винны пропивал да всё на чарочки!
Сожидала я, победна, до полуночи,
Я сидела под косевчатым окошечком,
Резвы ноженьки держала на дороженьке,
Белы рученьки держала на заложечке,
Буйну голову, горюша, во окошечке,
Ясны очушки держала во чистом поле —
Так сжидала горьку пьяницу-пропойцу!
Уж он пьян не пьян иде да всё шатается,
Надо мной, бедной горюшой, надсмехается.
Я навиделась, победна, неприятностей,
Я намыкалась, победна, много горести!
Со двора пропил любимую скотинушку,
Со конюшенки сменял да коня доброго,
Заложил да он участки деревенские,
Запродал да он лугови эти поженки,
Всю он пропил золоту казну бессчётную.
Хоть он съехал ко владычному ко праздничку,
Я ждала, бедна горюша, день до вечера,
Не спала да я всю темну эту ноченьку,
Просидела под косевчатым окошечком.
Проглядела на путь-широку дороженьку!
Приезжали многи добры эти людюшки
От владычного господнего от праздничка,

Я спросила у спорядных суседушек:
«Вы скажите мне, суседушки-голубушки,
Не видали ли надежной там головушки?»
Говорили мне спорядные суседушки:
«Ты не спрашивай, горюша, не выведывай
Про упьянсливу надежную головушку,
Уж он пьян ходит у божьего у праздничка,
Тут поставлена ступистая лошадушка!»
Возгорчилась я, победна, порасплакалась:
«Буди проклята, судьба моя несчастная,
Горька участь-то моя да неталанная!
Лучше матушка меня не породила бы,
Иль замужницей меня не наделила бы!»
Как сегодня, сего дёнечка господнего
Я ставала хоть по утрышку ранешенько,
Не ключёвой водой да умывалася,
Я не в тонко полотно да утиралася,
Я не сном да темну ночку коротала ведь,
Дума думушку, победной, пошибала,
В сон головушка была да не приклонена,
Всё я думала победным своим разумом,
Что запьется ведь законная державушка!
Так повышла я на шіроку на уличку,
Белой свет да вдруг рассветился;
Я зглянула на путь-шіроку дороженьку,
Как идет да там ступистая лошадушка,
Человек сидит на санках незнакомой!
Тут ужáхнулось ретливое сердечушко,
Обмирать да стала зяблая утробушка!
Пораздумалась победным своим разумом:
Я дожду эту ступистую лошадушку,
Я спрошу у этих добрых у людюшек,
Про свою спрошу надежную головушку!
Подходить стала ступистая лошадушка
Ко мбе́му крылечику перёному,
Ко мбе́му теперь да широкú двору;
Пятисотские сидят да со рассыльными
Как на эти́х на санках самокатных,
Сговорят мне-ка, победной, таково слово:
«Нету в живности твоей милой державушки!»
Тут задумалась печальна я головушка:
«Уж где да пришла скоряя смеретушка?

Потихошеньку, победнушке, скажите-тко,
Не во все люди, горюше, объясните-тко —
Во царевом ли пришла да ему кабаке,
Аль застынул он на широкой на уличке?»
Говорили мне, победной головошке:
«Сустигала его скоряя смеретушка
Как во этом во царевом большом кабаке,
За винной сустигала его рюмочкой,
Запивался-то ведь он да в зелено вино,
Очень солож был до сладкой он до водочки!»
Вы послушайте, народ да люди добрые!
Проливаю хоть несчастна горючи слезы,
Не сдвуйте мне-ка добры того людюшки,
Не жалию я надежной головошки:
Разорил да он крестьянску нашу жирушку,
Он повыносил довольны эти хлебушки;
Поостались мы, победные головошки,
Среди грязи, горюши, на погибель!
Не видали-то сердечны мои детушки
Век желанья от родителя от батюшка,
Не пошиты по резвым ногам сапоженьки,
Не положены по плечам теплы шубоньки;
Оны ласкова словечка не слыхали,
Не спажнулся-то родитель до их батюшко,
Не приголубил их ко белым ко рученькам,
Не гладил их по млáдой по головошке;
Обиждал да всё сердечных малых детушек,
Изгонял их из хоромного строеньца,
Не давал да им довольных этих хлебушков!
Не несли бы теперь резвы меня ноженьки
Во злодейной бы теперь да во царев кабак!
Меня отдали на чужу как сторонушку,
Знать, не участью-таланом наделили,
Злым великим несчастьем наградили!
Уж как это злодийное несчастьице
Впереди да в божью церковь приходило,
Впереди да райских дверей становилось,
Под златым оно венцом да принасело,
На буйную мою оно головошку!
Уж как это злодийное несчастьице
Круг налож впереди да обскочило,
Впереди да в путь-дорожку снаряжалось,

На судимую сторонушку скатилось,
За дубовой стол бeсcчacтьe cобиpалocь,
Bo пoчeстнoй вo бoльшoй угoл cадилocь,
За пpaвy pyкy бeсcчacтьe ухвaтилocь:
Пocлe этoгo вeнцa вcкoрe злaчeнoгo,
Пocлe этoгo cтoлa дa князнeцкoгo
Ko мoей милoй нaдeжнoй тyт гoлoвyшкe
Вдpyг пpишлo дa вeдь вeликoe бeзyмьцe;
Знaть, пo мoemy злoдийнy бeстaлaньцy
Нacтyпили злыe лyди — нe хoрoшe,
Пoгyбили тyт нaдeжнyю гoлoвyшкy!
Co тoй пopyшки вeдь oн дa c тoгo вpeмeчкa
Пoчacтy cтaл вo цapев кaбaк зaxaживaть.
Нaбoялacь, пoбeднa, — нaпoлoхaлacь,
Нacтoялacь y двeрeй я y дyбoвыx,
Cожидaючи нaдeжнyю гoлoвyшкy!
Тyт я гocпoдa влaдыкy пoпpocилa,
За лиxих лyдeй я бoгa пoмoлилa:
«Cпacи, гocпoди, лyдeй дa нeхoрoших,
Отлeй, гocпoди, дa лyдям этым злым,
Стpить их, гocпoди, нa втoрoм нa пpишecтвии,
Ктo cгyбил мoю нaдeжнyю гoлoвyшкy.
Paзopил нaшy кpeстьянcкy этy жирyшкy.
Пpиxoдит cтaнe влaдычнoй бoжий пpaздничeк,
Дa кaк cвeтлoe Хpиcтoвo вoскpeceньцo,
Гoвopить cтaнy, пeчaльнaя гoлoвyшкa,
Я yпьянcливoй нaдeжнoй cдepжaвyшкe,
Cтaнy плaкaть я, гopюшa, yгoвapивaть:
«Oбpaтись, мoя лyбимaя ceмeюшкa,
Ты oтcтaнь дa вce oт cлaдкoй этoй вoдoчки,
Ты oт этых oт винных oт pyмoчeк,
Ты cпaхнись дa o дyши cвoeй o грeшнoй,
Ты иди дa в бoжью цepкoвь пocвящeннyю,
Пoмoлиcь дa ты бoгy oт жeлaньцa,
Ты пoкaйcя-ткo пoпy-oтцy дyxoвнoмy,
Мoжeт, вoзвpaтит влaдыкo мнoгoмилocтливoй
Дa нa дoбpoй тeбя пyть oн нa хoрoшoй;
Мoжeт, дacт гocпoдь дyxoвнa yмa-paзyмa,
Ты зaбpocишь вce xмeльны эты нaпитoчки!»
Вoзгopчитcя cвeт нaдeжнa тyт гoлoвyшкa,
Иcпpомoлвит мнe eдинoe cлoвeчyшкo:
«Ты нeсчacтнaя пpишлa дa нeтaлaннaя,

Хоть я брал тебя, жену, себе по разуму,
По уму да брал семью себе по совести,
Уж как нѣ зашло талану мне-ка участи!»
Тут сусстигло вдруг великое несчастьице,
Он не слушал-то ведь добрых столько людюшек,
Уж он господа-владыки не боялся,
Роду-племени ведь он да не стыдился,
Родной матушки своей он не страшился.
За его, знать, за велико беззаконье
Пошла душенька его без покаянья!
Как свели его, смутили эты демоны
Во этот злодийной во царев кабак,
Запивался да он там зелена вина.
Не радела бы победна я головушка
Никакому человеку я бы злomu
Уж я этого великого несчастьица!
Кабы знала я, горюша, про то ведала,
Призапется что надежная сдержавушка,
Я спорядным бы суседям покорилася,
Уж я добрых людей да попросила бы —
Не спускали бы его да во царев кабак!
Я о праздничке бы в доме не осталася,
Я давалася до надежной бы головушки,
Я держала бы, победна, под праву руку,
Уласкала бы, победна, потихошеньку.
Знать, судил господь законной державушке
Принять смерть ему, надеже, с зелена вина!
Удивились все спорядные суседушки,
Что невзгода сочинилась вдруг великая;
Проклинают его добры эты людюшки,
Что наделал суматохи он всему миру —
Беспокоиться по темным наб по ноченькам,
Наб сидеть им тут у тела запитушего.
Наб отправить объявление во Петров город,
Наб преложить-то ведь лекаря умильного
Ко этому телу его мертвому!

К соседям:

Спаси господи крестьян да православных,
Что послушали победную головушку,
Да вы сделали колоду белодубову,
Ископали да вы погреба глубокие

Про у пьянслива суседа спорядового!
Ай же слушайте, суседи спорядовые,
Я корюсь да вам, несчастная головушка:
Не спокиньте-тко победных моих детушек,
Мне придайте ума-разума в головушку,
Дом вести да как крестьянска мне-ка жирушка!
Нонь раздумаюсь печальным умом-разумом,
Хоть нет пахаря на чистом этом полюшке —
Разорителя в хоромном нет строеньице;
У меня, да у несчастной у победнушки,
Нонь не ржавее ретливое сердечушко
Об у пьянсливой надежной о головушке;
Уж я в сытость горьких слез напроливала,
Наболелася ведь буйная головушка,
Намутились несчастны мои очушки;
Нонь одна у мня великая заботушка:
Не уронить бы мне крестьянской этой жирушки,
Воспитать да мне сиротных малых детушек.
Не дай господи на сем да на белом свете
Век корótать мне за горькой за пьяницей;
Не порой бедна головушка состарилась,
Не во врéмя красота с лица стерялася!
Куды спись да мое сýровство девалося?
На делах была, победна, штуковатая,
На словах была, победна, смысловатая,
Разговорная с народом-людьмы добрыма;
Как попала я за горькую за пьяницу,
Я сама того, победна, сдивовалася,
Шутки-шмоночки куды мои девались,
Чваковита поговорюшка сменилася.
Спамятуйте-тко вы, горьки эты пьяницы,
Во проклятом во царевом его кáбаке,
Вы за винной помяните-тко за чарочкой,
Где вы сбирищем все пьяницы сбиралися,
В коем кáбаке вина да напивалися!
Попрошу теперь попов к себе духовных,
Я во свой дом, крестьянску прошу жирушку:
«Вы господний-то молебен прослужите-тко,
Уж вы дом — мое житье нонь освятите-тко!»

. . . . .

После похорон:

Спаси господи судью да правосудную!
Спаси господи ведь лекарей умильных!
Рассудили оны дело по-хорошему:
Тело грешное оны да запитушее
Порешили хоронить да поскорешеньку.
Очень умной-то исправничек допрашивал,
Не страшал меня, победну, не полóхал:
«Ты скажи-тко, сирота, да мне поведай-ко,
По совету ли у вас да по согласьцу,
По хорошему ли было у вас с дұ-другом?»
По своей душе, победна, отвечала,
Я на всей воле, горяша, открывалась:
«У нас не было словечушка нонь бранного!»
Он повыстал по утрышку ранешенько,
Снарядился, мой надежа, поскорешеньку,
Говорил да мне, печальной головушке:
«Я поеду ко владычному ко праздничку».
Залагал да он ступистую лошадушку
Во этии во санки самокатные,
Тут отправился в путь-шйроку дороженьку.
Знать, судинушка его да повзыскала,
Во царев кабак судьба да зазывала!
Тут пришла да ему скоряя смерётушка,
Без креста ему пришла да без молитовки;
Уж богу-то надежа не молился,
Со любимой семьей да не простился!
Как поехал путем-шйрокой дороженькой,
Я глядела во косевчато окошечко,
Скрозь туманную стекольчатку околенику,
Летит йскопыт в поле лошадиная,
Бежит конь, иде дорожкой, подтыкается,
Как в саночках надеженька шатается.
Тут раздумалась победным умом-разумом:
«Не дожидаться мне, победной, по-хорошему,
Мне не стретить его трезвого на улйчке;
Как заехал-то надежа во царев кабак,
Он до ранного обеда напивался ведь,
Целой день сидел до поздого до вёчерка;
Его у праздничка сусёди не видали,
У владычна сродчи-сроднички не знали».

Тут с надеженькой, победна, порассталася,
Я со малыма детьми оставалася!..

. . . . .

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖУ

Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лёсушка оно да за дремучие,
За облачка оно да за ходячие,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня, победную головушку,
Со стадушком оно да со детиною,
Оставляют меня, горюшу горегорькую,
На веки-то меня да вековечные!
Не́как ро́стить-то сиротных мне-ка детушек!
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подóконью оны да столыпатися,
Будет уличка ходить да не широкая,
Путь-дороженька вот им да не торнешенька.
Без своего родителя, без батюшка
Приизвиются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людюшки,
Что ведь вольные дети безуненные,
Не храбры да сыновья растут безотние,
Не красны да слывут дочери у матушки!
Глупо сделали сиротны малы детушки,
Мы проглупали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смеретушку.
Мы не заперли новых сеней решётчатых,
Не задвинули стекольчатых околенок,
У ворот да мы не ставили приворотчичков,
У дубовых дверей да сторожателей,
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крúта складного зголовьица,
Не глядели про запас мы на родителя, на батюшка,
Как душа да с белых гру́дей выходила,
Очи ясные с белым светом прощалися;
Подходила тут скорая смеретушка,
Она крадчи шла злодейка-душегубица,

По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею;
Со синя ли моря шла да всё голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная,
У дубовых дверей да не стучалася,
У окошечка ведь смерть да не давалася,
Потихошеньку она да подходила
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглупали, сиротны малы детушки,
Отпустили мы великое желаньице!
Кабы видели злодийную смеретушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовые,
Мы бы стлали скатерти да тонкобранные,
Положили бы ей вилки золоченые,
Положили б востры ножички булатные,
Нанесли бы всяких ествушек сахарниих,
Наливали бы ей питьица медвяного,
Мы садили бы тут скорую смеретушку
Как за этии столы да за дубовые,
Как на этии на стульица кленовые,
Отходячи бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:
«Ай же ведь скорая смеретушка!
От господа распятого, знать, создана,
От владыки на сырú, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам!
Ты возьми, злодей скорая смеретушка,
Не жалею я гулярна цветна платица;
Ты жемчужную возьми мою подвесточку,
С сундука подам платочки левантеровы,
Со двора возьми любимую скотинушку.
Я со стойлы-то даю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмянную,
Я седёлышко дарю тебе черкасское,
Золотой казны даю тебе по надобью!
Не бери столько надежной головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня, победной головушки!»
Отвечала злодей скорая смеретушка:
«Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянских,
Мне не надобно любимой скотинушки,

Мне со стойлы-то не надо коня доброго,
Мне не надо златой казны бессчётной,
Не за тым я у владыки-света послана!
Я беру да, злодей скорая смерётушка,
Я удалые бурлацкие головушки.
Я не брезгую ведь, смерть да душегубица,
Я ни нищим ведь есть да ни прохожим,
Я ни бедным не брезгую убогим».
Тут спроговорит вдова благочесливая:
«Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка, — безызвестная,
Не лесные перелески — мутарсливые.
Глупо сделали сиротны малы детушки —
Не сходили мы во улочки рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговая,
Не купили лист бумаженьки гербовая,
Не взыскали писарёв да хитромудрых,
Не списали мы родителя-то батюшка
На портрет да его бело это личушко,
На эту на гербовую бумаженьку
Его желты бы завивные кудерышки,
Его ясно развеселое бы личушко,
Прелестны бы учтивые словечушки,
Велико бы родительско желаньице!
Как подрастать станут сиротны малы детушки,
По сениям да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
На широкую на улочку посматривать;
Приходить стане разливня красна вёснушка,
Повытают снежечки со чиста поля,
Повынесе ледочки со синя моря,
Как вода со льдом ведь есть да поразойдется,
Быстры риченьки с гор да поразольются,
Протекут да ведь мелки малы риченьки
Во это в океан да сине морюшко,
Как пойдут наши суседи спорядовые
На трудну на крестьянскую работушку,
Будут пахари на чистых на полюшках,
Севцы да на распашистых полосушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня, вдовушку, выпрашивать:

«Ты послушай, сирота же вдова матушка!
Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам!
Еще скажут-то сиротны малы детушки:
«Кто же по́йде на распашисты полосушки?
Как у нас да ведь, родитель наша матушка,
Нету пахаря на чистых полосушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке!»
Тут я спáхнуся, кручинна вся головушка,
За свою да за надежную сдержавушку.
Ушибать стане великая тоскичушка,
Унывать стане ретливое сердечушко:
Да как растить-то сиротных малых детушек?

*Обращаясь к соседям, вдова падает
им в ноги и продолжает:*

Поклоню да свою буйную головушку,
Покорю свое печальное сердечушко
Я со этой вышины да до сырой земли,
Своим милым спорядовым суседушкам:
«Не откиньте-тко вдову вы бесприютную
Со обидныма, сиротныма детушкам,
Да вы грубым словечком не обидьте-тось,
Да вы бо́льным ударом не ударьте-тось!
Как пойдут мои сиротные к вам детушки
По вашему крыльцу да по перёному,
Не заприте-тко новых сеней решётчатых,
Допустите в тепловито свое гнездышко,
Ко дверям да вы на дверную на лавочку,
Да вы милостину им тут сотворите-тко,
Сиротам моим несчастным малым детушкам,
Вы на добрые дела их научите-тось!»
Как допреж сего, до этой поры-времецка
Была в живности любимая семеюшка,
Маломошному суседу не корилася,
Была гордая ведь я да непоклонная,
Я с суседями была да несговорная!
Не начаяла я горя, не надиялась,
Что разлукушки с законной со державушкой,
Что останусь, сирота — вдова несчастная,

Я со этой станицей неудольной,
Со малыма, сердечныма детушкам!
Как жила я с надежной головушкой,
Была счастлива ведь я да всё талантливая;
Вдруг, знать, счастье то соседы обзавидали,
Добры людучки меня да приобаяли,
Чёрны вороны талан, знать, приограили,
Видно, участь ту собаки приобаяли!
Как по моему великому несчастью
Тут проклятая злодейка-бесталанница
Впереди меня злодейка уродилася,
Впереди меня в купели окрестилася.
Как жила я у желанных родителей
Во своем да я прекрасном девичестве,
Изнавешена была я цветным платьицом,
Изнасажена была я скатным жемчугом.
Мои милые, желанные родители
Тут повыбрали судимую сторонушку,
Мне по разуму млада сына отецкого;
Отпускали на судиму как сторонушку,
Отдавали за млада сына отецкого,
Знать, не участью-таланом награждали,
Знать, великим несчастьем наделяли!
Уж как это зло великое несчастье
Впереди меня злодейно снаряжалось,
На судимую сторонушку справлялось,
Во большом углу несчастье садилось,
Впереди да шло несчастье ясным соколом,
Позади оно летело черным вороном!
Впереди оно, несчастье, не укатится,
Позади оно, злодейно, не останется,
Посторонь оно, злодейно, не отшатится!
Кругом-около несчастье обстолпилася,
Всем беремечком, злодейно, ухватилася
За могучие оно да мои плечушки!

При выносе покойника вдова вопит:

Не спешите-тось, спорядные соседушки,
Вы нести мою надежную семеюшку
Со этого хоронного строеньица!
Ты прощайся-ко, надежная головушка,
С этим добрым хоронным строеньицом,

Со малыма сердечныма детушкам,
Ты со этой-то деревней садовитою,
Ты со волостью этой красовитою,
Ты со этыма спорядныма суседушкам!
Вы простите, спорядовы вси суседушки,
Мою милую, надежную семеюшку,
Вы любимую законную сдержавушку
Во всех тяжких его да прегрешеньях
Сесветным его да всё живленьицом.
Вы не спомните, спорядные суседушки,
Уж вы злом его не спомните-тко, лихостью!

*Затем, обратившись ко вдове-соседке,
если она оказывается при этом, продолжает:*

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую!
Отдали ходишь, суседушка, туляешься,
Со мной на речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
Видно, в живности надежная головушка,
Ты в прохладной живешь, да видно, жирушке.

А если есть дети — прибавляет:

Знать, не растишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердце великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом, знать, сердечушке!
Не попустишь ты, суседушка, зычен голос,
Ни умильного, складного причитанья,
Знать, боишься ты великого бессиствия,
Уж какого е злодейна бесталанья!
Знаю-ведаю, кручинная головушка,
Про твое да горегорькое живленьице:
Ведь ты ростишь-то сиротных также детушек,
Во маётной, во бобыльской растишь жирушке!
Не одны родители хотя нас отродили,
Одним участью-таланом наделили!
Да ты слушай же, несчастная суседушка,
Хоть головушка твоя да безначальная,
Сердечушко твое да беспечальное;
Мы с тобой, да свет спорядная суседушка,
Во несчастный день во пятницу засияны,

В бесталанный день во среду вспорбжены;
Как во ту пору родитель спородила,
Когда кузнецы во кузницах стояли,
Часовые на часы да прибиралися,
Как булат это железо разжигали,
Как железны эти обручи ковали
На наши на несчастные сердечушка,
На нашу на победную утробушку.
Да ты слушай же, горюша бесприютная!
Кабы знала ты, спорядная суседушка,
Про мою да про велику бы невзгодушку,
Про эту бы несносную обидушку!
Как сегодняшним господним божьим денечком
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Ум за разум у несчастной забегает,
Буйна го́лова без ветрышка шатается!

Если станут унимать, вдова вопит:

Дайте волюшку, спорядные суседушки!
Не жалеите-тко печальной горюшицы,
Не могу терпеть, победная головушка,
Как долит тоска, великая тоскичушка!
Со кручинушки смерётушка не придет,
Со кручинушки душа с грудей не выдет,
Мое личушко ведь есть да не бумажное!
День ко вечеру теперь да коротается,
Леса к зени-то теперь да приклоняются,
Красно солнышко ко западу двигается,
В путь-дороженьку надежда снаряжается,
Сирота бедна вдова да оставляется
Со несчастною со станицей детиною!
Подойдите-тко, сиротны малы детушки,
Вы ко этеой колоде белодубовой,
Вы ко спациливу родителю ко батюшку!
Вы спросите про великое желаньице —
Вам ведь в ком искать великого желаньица
И ласковых прелестных словечушек?
Уже так мне-ка, победной, тошнёшенько!
Путь-дороженька теперь да коротается,
Вси отцы-попы духовные собираются,
Оны божии-то церкви отпирают,

Оны божии-то книги отмыкают,
Воску ярого свечи да затопляются,
Херувимские стихи тут запеваются!

Соседка отваливает:

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Что ведь я скажу, кручинная головушка!
Тебе времечко, суседушка, выпрашивать
Про мое да про победное живленьицо.
Мне и в вёшной день кручинушки не высказать,
Мне в осеннюю неделюшку не выпомнить;
Этой злой да всё вдовиной обидушки
Мне на вёшной лед досадушки не выписать,
Хитромудрым писарям да им не вычитать.
Как другой живу учетной долгой годышок,
Как я рóщу-то сиротных малых детушек,
Накопилось кручинушки в головушку,
Всё несносная тоскичушки в сердечушко;
У меня три поля кручинушки насияно,
Три озерышка горючих слез наронено.
Во победном сиротском живленьице,
Во бобыльной во сиротской живу жирушке,
За бобыльским столом да хлеба кушаю,
Я не знаю же, победная головушка,
Кое день, кое темная е ноченька,
Кое светлое Христово воскресеньицо.
Мы с тобой, моя спорядная суседушка,
Перед господом владыкой согрешили, знать;
Видно, тяжкого греха да залучили!
Мы в воскресной день во церковь не ходили,
Мы молебенов, горюши, не служили
Как пречистой, пресвятой да богородице,
Мы не ставили свечи да всё рублевые,
Мы не клали пелены да всё шелковые,
От желаньица мы богу не молилися,
От усердия владыку не просили мы
Про своих да про законных сдержавушек,
Чтобы господи дал доброго здоровьица,
Он наставил бы им долгого бы вёкушку.
Знать, за наше за велико прегрешеньицо
Дал им господи тяжёло неможеньицо,
Прислал господи сам скорую смерётушку.

Укорóтал господь долгой-то им векушко,
Обсиротил нас, победных головушек,
Без своих жить без законных сдержавушек!
Да как рóстить-то сиротных малых детушек?
Надо пóскоки держать да горносталевы,
Поворотушки держать да сера заюшка,
Надо пóлет-то держать да соловьиной;
Наб на лавочке горюшам не посеживать,
Наб за прялочкой сажénки не дотягивать,
У дубовой надо грядки не постаивать.
Уж как ростить-то сиротных малых детушек
Резвы ноженьки у нас да всё притопчутся,
Белы рученьки у нас да примахаются,
Сила мóгуча во плечушках придержится,
Без морозушку сердечко прирастрескает.
Как живúчи без законной сдержавушки,
Принакопится злодийской тут кручинушки —
Не высказывай во добрые во людюшки!
Ты повыбери слободну пору-времечко,
Ты выдь-ко там ко быстрей ко риченьке,
Сядь, победнушка, на крутой этот бережок,
Прибери да неподвижной синий камешок;
Тут повыскажи обидную обидушку,
Рути слезушки, горюша, в быстру реку;
Камышок от рички не откатится,
В добры люди кручина не расскажется,
Не узнают того добрые-то людюшки!

*Затем, обратившись к покойнику,
соседка-вдова продолжает:*

Мне-ка сесть было, печальной головушке,
Мне ко этому спорядному суседушко!
Да ты слушай, спорядóвой мой суседушко,
Да как сóйдешь ты на иное живленьице —
На второе на Христово как пришествие,
Не увидишь ли надежной головушки?
Ты порóсскажи, спорядной мой суседушко,
Про мое да про несчастное живленьице,
Про мое да сирот малых возрастаньице!
Как во этих два учетных долгих годышка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньице,

На слезах стоят стекольчаты околени,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
Скрозь тынишка воробышечки пада́ют;
Большака нету по дому — настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задержали все распахисты полосушки,
Лесом за́росли лугови наши поженки!
Ты поро́сскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи низкое поклонно челобитьицо
От меня скажи, печальной от головушки,
От сиротного от малого от дитятка!
Глупо сделала кручинная головушка, —
Не писала скорописчатой я грамотки,
Я не клала-то по праву тебе рученьку,
Ты бы снес ю на второе на пришествие!
Може, вольная была бы тебе волюшка
От этого владыки от небесного,
Може, с ду́-другом суседушки свидались бы,
Вы на стретушку бы шли да ведь сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку!
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко,
Ты про моё про несчастное живленьицо,
Про бобыльную, сиротску мою жирушку.
У меня, да сироты нонь бесприютной,
Золотой казны на грех да не случилось;
Как по моему вдовиному несчастью
Были лавочки теперечко не отперты,
Нонь купцов да всё во лавках не сгодилося,
Лист-бумаженьки в продаже не явилосся,
Писарёв да по домам-то не случилось!
Всё по моему несчастному живленьицу
Как у этих писарёв да хитромудрых,
Отчего у их чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливались,
Лебединые пера да притупилися?
Как бессчетная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боялися,
Написали б скорописчатую грамотку!
Не утай, скажи, спорядной мой суседушко,
Моей милой законной сдержавушке:
Как после своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,

У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без Исусовой молитовки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася.

После отпевания овдовевшая вопит:

Что стою, бедна горющица, задумалась,
Чужих басенок, победнушка, ослуhalась!
Дивовать да ведь будут мне-ка людюшки:
Знать, на радости стою да на весельице,
Снаряжаю я законную сдержавушку
Как во жирную бурлацку во работушку!
Не в бурлакушки спущаю того вольные,
Не по эту золоту казну довольную;
Я гляжу-смотрю, печальная головушка, —
Перед Спасом-то свечи да догораются,
Херувимские стихи да допеваются,
Божьи книги теперь да запираются.
Спасет бог да вас, отцы-попы духовные,
Спаси господи служителей церковных,
Что послушали победную головушку —
Потрудились — шли во церковь во священную,
Что вы душеньку его да отпевали,
Телеса-то вы его да погребали!
Накрывают эту бедную головушку
Уже этою доской да белодубовой,
Опускают-то во матушку сыру землю,
Во погреб его да во глубокие!
Ой, тошным да мне, победнушке, тошнёшенько!
Нонь я дольщица Никольской славной улицы,
Половинщица Варварской славной буявы,
Нонь я дольщица великой кручинушки,
Половинщица злодийной я обидушки!
Мне куды с горя, горюше, подеватися?
Рассадить ли мне обиду по темным лесам?
Уже тут моей обидушке не местечко,
Как посохнут вси кудрявы деревиночки!
Мне рассеять ли обиду по чистым полям?
Уже тут моей обидушке не местечко —
Задернят да вси распахисты полосушки!
Мне спустить ли то обиду во быстру реку?
Загрузить ли мне обиду во озерышке?

Уже тут моей обидушке не местечко —
Заболотеет вода да в быстрой риченьке,
Заволочится травой мало озёрышко!
Мне куды с горя, горюше, подеватися.
Мне куды, бедной, с обидой укрыватися?
Во сыру землю горюше наб вкопатися!
Сиротать будут сиротны малы детушки,
Будут детушки на улочке дурливые,
Во избы-то сироты да хлопотливые,
За столом-то будут детушки едучие!
Станут по избы ведь дядюшки похаживать
И невесело на детушек поглядывать,
Оны грубо-то на их да поговаривать:
«Ох уж вольные вы дети, самовольные!»
Станут детушек-победнушек подергивать,
В буйну голову сирот да поколачивать.
У меня ж тут, у бедной у головушки,
У мня совьется тоска неугасимая,
Я взмолюсь да тут ко матушке сырой земле:
«Ты прими да меня, матушка сыра земля,
Схорони меня с сиротным малым детушкам!»

*Когда умершего зароят,
вдова припадает к земле и вопит:*

Приукрылся нонь надежная головушка
Во матушку ведь он да во сыру землю,
В погребу ведь он да во глубокие!
Призарыли там надёжу с гор желтым песком,
Накатали тут катучи белы камешки!
Прозабыла я, кручинная головушка,
Доспроситься у надежной у державушки:
Когда ждате в гости любимое гостибишо?
Во полночь ли ждате по светлому по мисяцу,
Али в полдень ждате по красному по солнышку?
Аль по утрышку да ждате тебя ранешенько,
Аль по вечеру да ждате тебя позднёненько?
Не утай, скажи, надежна мне головушка;
Ухожу своих сердечных малых детушек
Я на эту на спокойну малу ноченьку,
С горя сяду под косевчатым окошечком,
Со обиды под туманное околенишко,
Сожидать буду надежну тя головушку.

Покажись, приди, надежная головушка,
Хоть с-под кустышка приди да серым заюшком,
Из-под камышка явись да горносталюшком!
Не убоюсь, бедна кручинная головушка,
Тебя стричу на крылечике перёномом,
Отворю да я новы сени решётчаты,
Запущу да в дом крестьянску тебя жирушку.
Ты по-старому приди да по-досюльному,
Большаком ты в дом приди да настоятелем.
Видно, нет того на свете да не водится,
Что ведь мертвые с погоста не воротятся,
По своим домам оны да не расходятся,
Едина стоит могилушка умершая!
У меня да у печальной бы головушки
Кабы было золотой казны по надобью,
Я бы наняла ведь плотничков-работничков.
Я бы сделала кивоты белодубовы
Я на эту на могилушку умёршую,
Чтобы белым снежком не заносило бы,
Частым дождичком могилы не залило бы,
Мурава трава на ней тут вырастала бы,
Всяки-разные цветочки расцветали бы!
Я бы по́часту туда стала учашивать,
Я бы по́долгу ведь там стала усеживать!
У меня, да как печальной бы головушки.
В полном возрасте сердечны были детушки,
Они б ставили кресты животворящие
На этой бы могилушке умершей,
На родителя-кормильца света батюшка.

*Возвратившись с погоста, вдова останавливается
у крыльца своего дома и рыдает, причитая:*

Я приехала, печальная головушка,
Я от этой церкви божьей посвящённой,
Я со этой могилушки умершей,
Там оставила любимую семеюшку,
Я во матушке оставила сырой земле!
Нонь гляжу-смотрю, печальна горепашница,
Я на это на хоромное строеньицо,
Повону́ — стоит палата грановитая,
Понутру́ — стоит тюрьма заключевная,
На слезах стоят стекольчаты околени,

При обидушке косевчаты окошечка,
Отшатилось крылечко перёное
От этого хоромного строеньица,
Разрешетились новы сени решётчаты;
Мне нельзя пройти, кручинной головушке,
Во это хоромное строеньицо!
Повыщу пойду любимую семеюшку
Я по этому хоромному строеньицу,
На этом ли сарае колесистом,
Во этом ли дворе я хоботистоем —
Не залагат ли он ступистой лошадушки,
Не поезжат ли во темны леса дремучие?
Не могу найти, печальная головушка!
Вы сжалуйтесь-ко, спорядные суседушки,
Засмотрите-тко печальную головушку,
Не покиньте сироту вы горегорькую
Со сердечныма малыма детушкам!
Сирота ведь я, горюша бесприютная,
Нонь позябну я холодной, студеной зимой,
Нонь помучусь я голодной смеретушкой;
Нигде нету-то талой талиночки,
Ни в ком нету мне великого желаньица:
Как-то жить буде печальной мне головушке?

Если молодца:

Не порой да моя молодость прокатится,
Голова моя не вовремя состарится!
Надо жить бедной горюшице умиючи,
По уличке ходить надо тихошенько,
Буйну голову носить надо низешенько,
Наб сердечушко держать мне-ка покорное
Ко тым суседам спорядовым,
Не обидели б сиротной молодой вдовы!

Соседка к молодой вдове:

Не неси гневу, кручинная суседушка,
На меня ты, на приближну свою поддружку,
Что придам тие духовна ума-разума
В бесталанную твою да я головушку!
Ты послушай, хотя ж причеть нехорошая,
Ты вспомни, хоть наказы нелюбимые:
Как послы своей любимой семеюшки

Затюремничкой ведь ты да не насидишься,
Прозабудешь всю великую кручинушку,
Пооставишь всю злодийную обидушку!
Не носи да свое цветное ты платицо,
Не держи да ты любимой покрутушки,
Ты не крась да свое бело это личушко;
Будут зариться ведь многи столько людюшки,
Приласкаться-то удалы станут мѡлодцы,
Будут ласково тебя да уговаривать,
Что возрѡстим мы сердечных твоих детушек,
Воспитать тебя мы будем, мать безмужнюю!
Не окинься, бедна вдовушка молѡдая,
Ты на этих на удалых добрых молодцев,
На баскѹ их молодецкую походочку,
На их цветно ты гулярное на платицо!
Не окинься на красу-басу с убожеством,
Ни на желтые, завивные кудерышки,
На учливу, чваковиту поговорюшку,
Не прикинься к ихним ласковым словечушкам!
Живут ласковы словечушки обманчивы
И прелестной разговор их да надсмечливой;
С уму с разуму оны тебя повыведут,
Ты терпеть будешь, печальна, худу славушку!
Не честь-хвала тебе буде вдовиная
Красоту сменять, победна, на бесчестьицо,
Свой тот разум на великое безумьицо!
Тут не хлебушки тебе да не надиюшка,
Твоим детушкам ведь тут не приберѣгушка.
Еще слухай-ко, кручинная головушка:
Как пройдет худа слава нехорошая,
Тут отрѣкнется порода именитая,
Не потужат по победной твоей бедности,
Говорить да станут сродчи-милы сроднички:
«Эка вольная вдова да самовольная,
За шальством пошла она да за безумьицом,
Много сѹровьства стало — больше удали!
Без своей да без надежной головушки
Стала хѡрошо ходить да одеватися,
Стала дѡбела она да намыватися,
Уж как речь стала у ей не постатейная,
Разговорушки у ей да нехорошие».
Ты послушай-ко, кручинная головушка,

Хоть хорошо да скажут люди — не дарить их стать,
Буде грубо тебе скажут — не бранить их статьи!
Всё за благо ты, горюша, принимать будешь,
Небылицу ты, горюша, да напрасницу!
Как о светлом Христове воскресеньице,
О владычном ли господнем божьем праздничке
Хоть пойдешь ты во церковь посвященную,
Пустословье про тебя как река бежит,
Напрасничка ведь е как порог шумит,
Говорят да бают люди потихошеньку,
Что не господу пошла богу молитися,
За гульбой пошла она да за гуляньицем,
По подруженькам пошла да нехорошиим!
Во глаза да недоростки посрекаются,
Что гулять да от сердечных ходит детушек.
Ты послушай-ко, кручинная головушка,
Ты оставь да свои прежние гуляньица,
Забывай да свое прежне доброумьице,
Не смеси да многих добрых столько людюшек,
Не бесчести свое род-племя любимое,
Худой славы на тебя бы не наздынули,
В чистом поле бы воробы не награялись!
Ими совесть ты во белом своем личушке,
Стыд-бесчестьице во ясных держи очушках,
Весела ходи, горюшица, не смейся-тко,
При тоскичушке ты будь, слезно не плачь,
бедна.

Еще слухай-ко, кручинная головушка, —
Будешь жить да без надежной как семеюшки
Во сколотной, во маетной этой жирушке,
Не клони да в сон ты буйной головойки,
Ты по утрышку вставай, не засыпайся-тко,
Не велико хоть крестьянство — управлять
надо!

Ходи к добрым ты людям на беседушку,
Посоветуй о крестьянской о работушке.
Тут крушить будет ретливое сердечушко,
Хоть ты выйдешь ко спорядным суседушкам,
На раздий да ты великой кручинушки,
Спамятуешь меня, бедную-победную,
Ты вспомнишь мою причеть нехорошую,
Тебе слюбятся наказы нелюбимые!

*На другой день, приближаясь к погосту,
вдова вопит:*

Слава богу теперь да слава господу!
Путь-дороженька теперь скороталася,
Друг могилушка в глаза да показалася.
Постою, бедна горюша, нонь подумаю,
Умом-разумом, горюша, посмекаюсь —
Пришло три пути широких, три дороженьки:
Уж как первый путь-широкая дороженька
Во улички она да во рядовые,
Во лавочки она да во торговые;
Как другая путь-широкая дороженька
Во церковь эту божью посвященную;
И как третья путь-широкая дороженька
На эту на могилушку умершую,
Ко моей она надежной головушке.
Мне во улички ль пройти да во рядовые,
Аль во лавочки пройти мне во торговые?
Я вдова теперь е да молодешенька,
Ум тот разум во головушке глупешенек.
Как во лавочках купцы стоят молодые,
На словах оны, купцы, да ведь ученые,
На лицо оны ведь е да все ласковые,
Как на двух оны словах да приобают,
На учливых речах да приласкают;
На сговоры тут, горюша, прикинуся,
На молодых купцов как приобзарюся,
Позабуду тут любимое гостибищо;
Подивуют мне-ка добрые молодушки:
«Позабыла нонь сердечную головушку,
Видно, нет в сердце великой кручинушки!»
Я пройду лучше во церковь посвященную,
Я поставлю там свечу да всё рублевую,
Попрошу да там попов-отцов духовных,
Сослужили бы обидню полуденную,
За обидинкой молебенок пропели бы,
Оны господу-то богу помолились бы.
Возвращусь да с божьей церкви посвященныя
Я на эту на могилушку умершую.
Край пути нашла, горюша, перепутьицо,
Край дороженьки любимое гостибищо.

Нонь раздумалась печальная головушка:
Я вночесь да спала темной этой ноченькой,
Прилетали перелетны малы птиченьки,
Малы птиченьки летели-то незнамые,
Прилетал да этот мелкой соловеюшко,
Другá птиченька — орел да говорящий.
Соловеюшко садился под окошечко,
Как орел да эта птица на окошечко,
Соловей стал потихошеньку посвистывать,
Как орел да жалобненько выговаривать.
Оны тоненьким носочком колотили,
Человичьим оны гласом прогласили,
От крепка сна меня тут разбудили
И в потáй мне-ка, победной, говорили:
«Ай же, стань-ко ты, вдова, да пробудися,
От крепка сна, несчастна, прохватися!
Ты сплахнись да за надежную головушку,
Ты справляйся во любимое гостибище!
На сегодняшний господень божий дёнечек
Тебя ждет в гости любимое гостибище —
Твоя милая надежная головушка.
Там построено хоромное строеньицо —
Прорублены решетчаты окошечка,
Врезаны стекольчаты околени,
Складены кирпичны теплы печеньки,
Настланы полы да там дубовые,
Перекладинки положены кленовые,
Чтобы шла да ты, горюша, не качалася,
Чтоб дубовая мостинка не сгибалася;
Порасставлены там столики точеные,
Поразостланы там скатерти всё браные,
И положены там кушанья сахарные,
И поставлены там питьица медвяные,
Круг стола да ведь всё стульицо кленовое,
У хором стоит крылечко с переходами.
Сожидат тебя, надежная головушка!»
От крепка сна, горюша, пробудилася,
Я за мелких этих птиченек хватилася,
Я вдовиным своим разумом сдвинулась:
Что за чудушко-то мне да причудилось,
Что за дивушко-то мне-ко предъявилось?
Мне во снях ли то, горюше, показалось?

Наяву ли то, горюше, объявилось?
Тут скоренько я с кроваточки ставала,
Тут со радости слезами обливалась,
Со досадушки кручиной вытиралась.
Тут издула огонечки муравейные,
Затопляла я кирпичну свою печеньку,
Скоро стряпала стряпню я суетливую,
Скоро ладила обеды полуденные,
Я справлялась во любимое гостищице.
Шла путем да как широкой дороженькой,
Все колоденки в обиды припинала,
Со кручины башмачёнки притоптала,
Приходила тут к могилушке умершей.
Обманул да меня малой соловеюшко,
Облукавил ведь орел да говорящий:
Не поставлено хоромное строеньеце,
Един крест стоит ведь тут животворящий,
Едины лежат катучи сини камешки!
Мне-ка сись, бедной горюше, пригорюниться,
Мне припасть да ко могилы, приголубиться,
Воскликать да мне надежу — недокликаться!
Я просить буду, победная головушка,
Я пречисту, пресвятую богородицу,
Я этого владыку-света истинного,
Чтобы буйны дал он ветры, неспособные.
Вийте буйны, вийте ветры, столько ветрушки!
Со божьих церквей вы глав да не роните-тко,
Со домов да жёлобов вы не снимайте-тко,
На синем море волны да не давайте-тось,
Кораблей больших ведь вы не разбивайте-тось,
Вы удалых голов не потопляйте-тко!
Столько вийте-тко вы, буйны ветероченьки,
На эту на могилу на умершую!
Раскатите-тко катучи белы камешки,
Разнесите-тко с могилушки желты пески!
Мать сыра земля теперь да расступилась бы,
Показалась бы колода белодубова!
Распахнитесь, тонки белы саватиночки!
Покажитесь, тела мне-ка бездушные!
Пришли, господи, ты ангелов-архангелов,
Протрубили бы во трубы золоченые,
Они вздернули бы воздухи спасеные!

Вложи, господи, ведь душу во белы груди,
Ему зреньицо во ясные во очушки,
Ум тот разум-от во буйную головушку,
Как речист язык в уста да во сахарные,
Ему силушку во резвые во ноженьки,
Как могутушку в могучи его плечушки,
Как маханьицо — во белы его ручушки!
Да ты стань-восстань, надежная головушка,
На свои да стань могучи резвы ноженьки,
Сотвори да ты Иисову молитовку,
Да ты крест клади, надежа, по-ученому,
Да ты сдей со мной доброе здоровьицо,
Воспроговори единое словечушко!
Ты спроси да у победной у головушки
Про мое да ты вдовиное живленьицо!
Не дай, господи, на сём да на белом свете
Без тебя жить, без надежной головушки,
Мне со этима со братьям богоданныма!
Не по силушкам крестьянска мне работушка!
Всё не трудницей у них я, не работницей!
Как сегодняшним господним божьим денечком,
Знать, разгневалась надёжная головушка.
Я не по́часту к тебе да ведь ухаживаю,
Я не по́долгу, горюшица, усеживаю!
Видно, долго я к тебе да собиралася,
Я у братьицов еще утрось подавалася,
У ветляных нешуток домогалася!
Как гордливые ветляные нешутушки
Мне-ка с грубости, горюшице, сказали,
Не с веселья светы братцы отвечали:
«Недосуг идти в любимо во гостибище —
Постановится крестьянская работушка!»
Я того, бедна вдова, да не пытаюча,
Я с горючима слезами придвигалася,
Понизёшеньку я братцам поклонялася,
Не надолго поры-времечка давалася,
На един столько господен божий денечек!
Светы братьица мои да сжаловáлися,
Оны ласково меня да приласкали,
Тут спустили во любимо во гостибище.
Хоть в гостях бедна горюша побывала,
Не убавила кручинушки — прибавила.

Как сегодняшним господним божьим денечком
Как я шла да путем-широкой дороженькой,
Всё я думала победным буйным разумом,
Угошусь да у любимой у семеюшки,
Я подумаю-то крепкой с ним ведь думушки,
Пораздию тут великую кручинушку!
На глаза ко мне, мой свет, да ты не явишься,
На сговоры мне, победной, не сдаваешься,
Видно, нет тебе там вольной этой волюшки,
Знать, за тридевять за крепкими замками,
Сторожа стоят ведь там да всё не стареют,
Как булатные замки да всё не ржавеют;
Видно, век мне-ка, горяше, не видать буде,
Видно, на слыхе, победной, не слыхать буде
Про свою да про надежную головушку!
Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне спросить еще, победной горяшице,
У своей-то у законной у сдержавушки:
«Где работушка, победной, работать мне-ка?
Где век-от горяше коротать буде?
У твоих ли мне у братцов у родимых,
Али выдти на родиму взад на родину?»
Пораздумаюсь, победная головушка:
Мне не гостийцей на родинке гостить буде!
Я от бережка, горяша, откачулася,
Я ко дру́гому, победна, не прикачулася!
Как послы тебя, надежная головушка,
Я не знаю-то, победна горепашаща,
Кое день, кое темная е ноченька,
Кое светлое Христово воскресеньице,
Аль владычней е господень божий праздничек.

По приходе домой около дверей вопит:

Вы послушайте-тко, братцы богоданные,
Не закройте-тко новых сеней решетчатых,
Не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеньица!
Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горяшицу, коровницей,
Вы во зимное гумно да в замолотчики,
Вы во летные меня да во работники.

Золотой казны вы мне да не платите-ко,
Только грубым словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-ко,
Не обидьте вы печальную головушку!
Не прошу да я, победна горепашаца,
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со поженки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньца
И не пáю со любимой скотинушки.
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуите столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подóбрите победную головушку!

Обращаясь к детям, продолжает:

Стань, послушай, мое стадушко детиное,
Кругом-наокол желанной своей матушки!
Я в гостях была, победная головушка,
Во гостибище у вашего у батюшки,
Я челом била ему да низко кланялась,
Перепалась я, победна, в горячих слезах,
Зовучи да в дом-крестьянску его жирушку.
Оттошна долит великая обидушка,
Порастрескалась бсссчастливая утробушка!
Он не сдиял со мной доброго здоровьица,
Не спроговорил единого словечушка,
Не спакнулся за сердечных своих детушек!
Не надия на родителя на батюшку!
Приубрался свет надежная головушка
К красну солнышку на приберёгушку,
К светлу месяцу на придрокушку!
Хоть обкладена могилушка сырой землей,
Заросла эта могила муравой травой!
Из живого мертвой станется,
Из мертвá живой не сбудется!
Уж вы подьте ко кокоше горегорькоей,
Я прижму вас ко ретливому сердечушку,
Пораздию тут великую кручинушку!
Дал бы господи талану вам бы, участи,
Не покинули б сиротной вашей матушки
Всё при древней при глубокой меня старости!

Буде жизнь да долговека моя прѣдлится,
Душа грешная моя да проволочится.
Еще слушай, мое стадушко детиное!
Да как шла я путем-широкой дороженькой,
Всѣ горючима слезамы уливалася,
Злой великою кручиной утиралася,
Я на стретушке людей не узнавала;
Приходить стала к крылечику перѣному,
На доспрос взяли суседи спорядовые:
«Да ты где была, вдова благочесливая?
Что томным идешь суседушка томнѣшенька?
Что заплаканы победны твои очушки?
У породушки была, знать, именитой?
Знать, за гостыцу тебя не почитали?
Знать, обидушкой твоей да убоялись?»
Унимать стали победну, уговаривать,
Мне про вас, да милых детушек, рассказывать:
«Как сегоднѣшним господним божьим денечком
Прискучали вси сиротны твои детушки,
Сожидаячи родитель тебя матушку!
Выходили на крылечико перѣное,
Выбегали на прогульную на уличку,
Всѣ глядели во раздолье во чисто поле,
На широку путь-дорожку колесистую;
Все приплакались сердечны твои детушки:
„Уже где-то есть родитель наша матушка,
Да куды она, родитель, подевалася?“»
Без ума ответ держала
Тут спорядным я суседушкам:
«Спасет бог вам, спорядовые суседушки,
Что спяхнулись за сердечных моих детушек,
Сжаловались до обидной головушки!
Я у синего была славна Онегушка,
Я у пристаней была да корабельных,
Я глядела всѣ, обидная головушка,
Я во летную во теплую сторонушку —
Виют витрышки сегодня полегощеньку,
Корабли идут по морю потихощеньку,
Пекѣ солнышко теперь да жалобнѣшенько.
Всѣ я думала победным своим разумом,
Как не едет ли любимая семеюшка
Корабельщиком на синем на Онегушке

Он со этим товаром заграничным?
Уже тут у меня, у бедной у головушки,
Расходилась обида в ретливом сердце,
Разгорелась несчастная утробушка!
Тут я грохнулась, горюша, о сыру землю,
Быв как дерево свалило от буйна ветра».

*Если дети находятся в заработках или в военной службе
и вообще где бы то ни было на чужой стороне,
то вдова так причитает на могиле своего мужа:*

Я путем иду широкой дороженькой.
Не ручей да бежит быстра эта риченька,
Это я, бедна, слезами обливаюся;
И не горькая осина расстонулася,
Это зла моя кручина расходилась.
Тут зайду да я, горюшица победная,
По дорожке на искат гору высокую
Край пути да на могилушку умершую.
Припаду да я ко матушке сырой земле,
Я ко этой, победна, к муравой траве,
Воскликать стану, горюша, умильненько:
«Ой, развейся, буря-падара!
Разнеси ты пески желтые!
Расступись-ко, мать сыра земля!
Расколись-ко, гробова доска!
Размахнитесь, белы саваны!
Отворитесь, очи ясные!
Погляди-тко, моя ладушка,
На меня да на победную!
Не березынька шатается,
Не кудрявая свивается,
Как шатается-свивается
Твоя да молода жена!
Я пришла горюша-горькая
На любовную могилушку
Рассказать свою кручинушку.
Ой не дай же, боже-господи,
Жить обидной во сирочестве,
В горегорьком вдовичестве!
Приовиют тонки ветерки,
Обдождят да мелки дождички,

Осмиют да все крещеные,
Все суседы порядовые,
Все суседки, малы детушки!
Ой не дай же, боже-господи,
Как синя моря без камышка,
Как чиста поля без кустышка,
Также жить бедной горюшице
Без тебя да мила ладушка!
Как листочек в непогодушку,
Я шатаюсь на белом свете,
Как зеленая травиночка,
Сохну-вяну я кажинной день!
По чужим дальним сторонушкам
Разлетелись мои ластушки,
Все разбросаны-раскиданы
Да мои несчастны детушки!
Хоть стоснется им сгорюнится
На чужой дальней сторонушке,
Нé с кем горя пораздяти,
Нé с кем горя поубавити.
Нет ни роду, нет ни племени,
Ни тебя, родитель-батюшка,
Ни меня, желанной матушки!
Охти мне да мне тошнешенько!
Невмоготу пришло горюшко,
Надломило мою силушку!
Ой вы люди, люди добрые,
Вы возьмите саблю вострую,
Вы разрежьте груди белые,
Посмотрите на ретливое!
Как ретливое сердечушко
Позаныло-позаржавело
У меня, бедной горюшицы,
Живучи без своей ладушки!
Охти мне да мне тошнешенько!
Невмоготу пришло горюшко,
Надломило мою силушку!»

*Наедине, когда стоскуется,
рыдая, приговаривает:*

Мне пойти было, кручинной головушке,
Мне во эти мелкорубленные клеточки,

Мне-ка взять было ключи да золоченые,
Отомкнуть было ларцы да окованные,
Мне-ка вынять там жилеточки шелковые,
Мне-ка взять да столько цветно его платьице
На свои мне-ка на белы эты рученьки,
Приложить было ко блеклому ко личушку,
Мне прижать было к ретливому сердечушку!
Тут присесть было к стекольчату окошечку!
Во руках держать да цветно его платьице,
Поглядить да на восточную сторонушку,
Мне ко этой божьей церкви посвященной,
Поглядить да на путь-широку дороженьку,
Тут не идет ли то надежная головушка,
Не оденется ль во цветно он во платьице,
Не пойдет ли ко владычному ко праздничку,
Не возрадуется ль ретливое сердечушко
У меня; да у победной у головушки!
Ты приди теперь, надежная головушка,
Единым теперь ведь я да единешенька
На сегодняшний господний божий праздничек.
Я приму тебя за гостюшка любимого,
Угощу тебя, желанную семеюшку!
Не могу дождать, кручинная головушка!
Кладу платьица на стопочки точеные,
Кругом-около, горюшица, похаживаю,
Я по цветному по платьицу подрачиваю.
Снаряжусь пойду, кручинная головушка,
Ко этому владычному ко праздничку,
Повзыскать пойду надежную семеюшку
Я во этых толпах да молодецких;
Прибирать стану, постылая головушка,
Я по белому его да всё по личушку,
Я по ясным его да ведь по очушкам,
Я по желтым по завивным кудерышкам,
Я по возрасту, надежу, да по волосу,
По походочке его да по шепливой,
По говорюшке его да по учливой.
Не могу прибрать, кручинная головушка,
Не изо ста ведь я, да не из тысячи
Сопротив своей любимоей семеюшки!
Как пойтить мне ко владычному ко праздничку,
Подивуют мне-ка добрые ведь людюшки,

Что забыла, знать, любимую семеюшку —
Всё гулят да у владычных у праздничков
Во любимой во снарядной покрутушке,
Знать, приманиват удалых добрых молодцов,
Знать, на радости она да на весельице.
Нонько годушки пошли да всё бедовые.
Как бессовестной народ пошел мудреной!
Пораздумаюсь, победная головушка,
Отложу да я, горюша, божьи празднички,
Буду господа-владыку ведь я знать,
Поминать стану любимую семеюшку,
Потоскую над косевчатым окошечком,
Я поплачу на брусовой лучше лавочке!
Знать, судьба моя, горюшицы, несчастная,
Горька участь-то моя, знать, бесталанная,
Видно, жить мне без надежной век семеюшки,
Знать, корóтать мне, горюше, свою молодость!
Мне не дать спеси во младу во головушку,
Суровства да во ретливое сердечушко,
Мне в веселый час, горюше, не смеяться,
Мне кручинной быть, горюшице, не плакать;
Светов братцев не гневить надо,
Богоданных сестриц да не сердить надо!
Я без ветрышка, горюша, нынь шатаюсь,
На работушке, победна, призамаюсь;
Надо силушка держать да мне звериная,
Потяги надо держать да лошадиные;
Столько живучи без милоей семеюшки,
Я со этой со великой со кручинушки
Я бы выстала на гору на высокую,
Со обиды пала в водушку глубоку бы;
Лучше матушка земля да расступилась бы,
Туды я, бедна горюша, приукрылась бы —
Тут не ржавело б ретливое сердечушко,
Тут не ныла бы несчастная утробушка.
Получила я, победная головушка,
Нелюбимое словечико — вдовиное;
Как несчастной вдовой да называют,
Быв холодной водой да поливают!
Не радела бы, победная головушка,
Я народу бы, горюша, некрещеному
Во победном жить сиротском во вдовичестве!

Как послы твоей любимой семеюшки
Уже шесть прошло учетных неделюшек —
Мне-ка за шесть-то учетных кажет годиков!
Притрудилась на крестьянской я работушке,
У меня силушка теперь да придержалася,
С горя рученьки мои да примахались,
Во слезах да ясны очи примутились,
Добры людюшки того да надивились.
День и ночь хожу на трудной на работушке,
Не в спокою тут ретливое сердечушко,
Не во радостях кручинная головушка,
Я во этой во великой во досадушке!
Я приду да со крестьянской как работушки,
Я по вечеру приду, бедна, поздешенько;
Вся в собраньице любимая семеюшка —
Светушки да тут все братцы богоданные
Со своима со любымыма семеюшкам,
Со сердечныма рожоныма со детушкам;
Как во светлую собрались оны светлицу,
Во столовую во нову оны горенку,
Круг стола сидят оны да круг дубового,
Оны пьют сидят теперь да угощаются.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
Опришенна от любимой от семеюшки,
Отряхнулась я от светлой новой светлицы,
Отрешилась самоваров я шумячих;
Не за чаем-то ведь я да угощаюся —
Я горючима слезама обливаюся,
Я крестьянской работой забавляюся!
Закреплю свое ретливое сердечушко,
Тут я ставлю им столы да всё дубовые,
Да я слажу им тут ужины вечерные,
Потихошеньку к дверям да подходить стану,
Я с-за тульица, с-за липинки поглядываю,
Из-за дверей да разговорушки держу;
Сговорю да светам братцам богоданным:
«Скоро ль идете за стол да хлёба кушать?»
Засвирипятся ветляны тут нештушки
На меня, да на кручинную головушку:
«Что торопишься за ужину вечернюю?
Знать, спешишься на спокойну темну ноченьку?»
Оны искоса ведь вси тут заглядывают,

Со всей лихостью оны да разговор держат:
«Не устали твои белые там рученьки;
Не работушку сегодня работала е,
За кудрявой деревиночкой стояла всё,
На красное солнышко поглядывала:
Скоро ль солнышко ко западу движается,
Скоро ль красное за облако закатится,
Со работушки вдова да в дом пришатится?»
Им не в честь моя крестьянская работушка;
Потихошеньку, горюшица, похаживаю,
Всё по этому хорошему строеньицу.
Вся усадится любима тут семеюшка
Как за стол да хлеба кушать,
Круг стола стану, горюшица, похаживать,
Приносить да стану ествушка сахарные,
Словно белка, на нештушек поглядывать.
Один умной да мой братец богоданной
Он спроговорит единое словечушко:
«Ты, вдова, наша невестушка родимая,
Что похаживашь, сноха наша любимая,
Ты садись-ко ведь за стол да хлеба кушать!
Тоже дольшичка ведь ты — да не подворница,
Ты участница участку деревенскому,
Ты ведь пайщица любимой скотинушке,
Половинщица хоромному строеньицу!
Ты садись, бедна, за стол да хлеба кушать!»
Тут возрадуюсь, победная головушка,
Благодарствую я братцу богоданному:
«Спасет бог да светушкѣ братца любимого
На твоём да на великом на желаньице,
На прелестных, на ласковых словечушках!»
Тут за стол сяду, горюшица, смелешенько,
Я поем да тут, обидна, веселешенько,
Устелю да тут пуховы им перинушки,
Уберу я со стола да со дубового;
Тут я сяду под косевчато окошечко.
Успокоится любима вся семеюшка;
Быв великая вода тут разливается,
Под окном сажу — слезами обливаюся!
Тут не сном да коротаю темну ноченьку,
Я победным своим разумом смекаю всё:
Как наутро буде по ранному заутрышку

Разрядят ли на крестьянску хоть работушку,
В доброумьи ли ветляные нешутушки
Со спокойной станут темной оны ночки? —
Уж я бедна кручинная головушка,
Быв упалой, как загнаной серой заюшко,
По мостиночке с утра стану похаживать,
Я на светушков на братицов поглядывать.
Стану спрашивать, кручинная головушка:
«Мне куда пойти на крестьянску на работушку?
На луга ли мне пойти ль да сенокосные?
На поля ли мне пойти да хлебородные?»
Разрядят да светы братцы богоданные.
Как пойду, бедна кручинная головушка,
Я на трудну на крестьянскую работушку,
Проливаю тут я слезы на сыру землю,
Я правой ногой горючи заступаю,
Чтоб не видели суседы спорядовые,
Что заплаканы ведь ясны мои очушки,
Что утерто мое бело это личушко;
Не сказали бы тут братцам богоданным,
Не шепнули бы ветляным нешутушкам,
Всё остудушки в семье не заводили бы,
Оны в грех бедну вдову да не вводили бы.
Встричу стритятся суседи спорядовые,
Я поклон воздам, обидна, понизешеньку,
Говорю, бедна горюша, веселешенько;
Не подам виду во добрые во людюшки,
Что иду, бедна горюша, при обидушке!
Веселым иду, горюша, веселешенька;
Не в укор да буде братцам богоданным
От этих от спорядных суседушок!
Я путем иду — с суседмы взвеселяюся,
Светов братицев ведь я да одобряю,
Злых нешутушек ведь я да восхваляю;
А что диется в ретливоем сердечушке,
Кабы знали про то людюшки да ведали!
Хоть иду, бедна горюша, веселешенька,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утрсба раскипляется,
Без воды да резвы ножки подмывает!

ПЛАЧ ПО ДОЧЕРИ

Как сегодним долгим годышком
Перед этой злой обидушкой
Унывало всё ретливое сердечушко
У меня, да у позяблой бедной матушки!
Говорила мне-ка белая лебедушка:
«Я не знаю же, родитель мой межонной день,
Что болят да крепко резвы мои ноженьки,
Что устали нонь девочки мои рученьки,
Изменился белой свет да со ясных очей!
Хоть дождусь-то я темной этой ноченьки,
Хоть я лягу на тесовую кроваточку,
Всё болит да моя буйная головушка!
Ты будить придешь, родитель жалостливая,
Кое-как да на постели я размаюся,
Погляжу тут на косевчато окошечко:
Виют витрышки на широкую на уличке,
Погодушка стоит во чистом поле!»
Я не знала, бедна мать, горька детиная,
Что разлукушка с сердечным буде дитятком!
Было совестно сказать да во добры люди,
Что грузна-больна белая лебедушка!
Тут по моему великому несчастью
Вдруг склонило ю тяжело неможеньице,
Сустигала злодий скоряя смеретушка;
Я сидела тут по темным у ей ноченькам,
Провожала с ей господни белы денечки,
Я забросила крестьянскую работушку,
Прозабыла всю любимую скотинушку,
Поднимала от пуховой ю перинушки,
Я держала ю на белых своих рученьках.
Говорить да стала белая лебедушка:
«Не могу сидеть, родитель жалостливая,
Не глядят да ясны очушки на белой свет,
Я трудным да нонь, лебедушка, труднешенька!»
Приносить стану тут ествушки сахарные,
Стану потчивать сердечно свое дитятко:
«Чего хочешь, моя белая лебедушка,
По уму сложу те питица медвяные!»
Говорить стане сердечно мило дитятко:
«Не спешишь, моя родитель жалостливая,

Не ходи да ты во лавочки торговые,
Не бери ты мне-ка сладкого еденьца,
Ты не трать, мое желанье, золотой казны,
Не тревожь ты добрых многих этих людюшек,
Не труди меня при трудной постелюшке;
Простит господи в великом согрешеньице,
Може, даст господь доброго здоровьица
И наставит мне-ка долгого он векушку!»

Уже день за день как река течет;
Приходить стала разливня красна вёснушка,
Стало синее Оного разливаться,
Мое дитятко от нас да удалятися.
Быв как дождинки уходят во сыру землю,
Как снежочки быдто тают кругом-наокол огней.
Вроде солнышко за облачко теряется,
Так же дитятко от нас да укрывается!
Как светел месяц поутру закатается,
Как часто звезда стерялась пожебесная,
Улетела моя белая лебедушка
На иное, безвестное живленьице!

Когда оденут:

Ой, долит меня детская тоска неугасимая:
Нонь крутят мою косату милу ластушку,
Во умершее крутят да ю во платьице!
Я пойду с горя во светлую светёлочку,
Со обиды по ларцам я окованным,
Я повыну ейно цветно это платьице,
Приложу да ей на белые на грудюшки;
Уж я эту жемчужную подвесточку
Положу да я на младу ей головушку,
По подвесточке розову косыночку;
Я заглажу ейны русые волосушки,
Уберу да я завивну ейну кобыньку
В дорогие золотые эти ленточки;
По русой косы кладу цветы алые,
Я накину тут соболью эту шубоньку
На девочьи ей на белые на плеченьки!
Полюбуйтесь-ко, род-племя любимое,
Покрасуйтесь-ко, советны-дружны подружки,
Со сторон глядя, суседи спорядовые!

Ой, тошным да мне, победной, тошнешенько!
Не цветно ноньку басисто на ей платице,
Не приляже к ей жемчужная подвесточка,
Ю не греет-то соболья ноньку шубонька!
Убирают мою белую лебедушку
Во эту нонь колоду белодубову!
Не жалею я, победная головушка,
Ни этой пуховой я перинушки,
Ни эта соболина одеяльница;
Устелите-тко перину хорошохонько,
Вы оденьте-тко лебедушку теплешенько,
Отрядите мое дитятко любешенько!
Распороли бы нонь грудь да мою белую,
Посмотрели бы во матерну утробушку;
Быв огнем мое сердечко разгоряется,
Как смола, кипит в несчастной утробушке,
Ушибат столько злодийная обидушка!

К покойнице:

На полете лебедь белая,
Ой, куда летишь, косатушка?
Не утай, скажи, сугрэва моя теплая;
Как пчела в меду, добротинка, купалася,
Как скачён жемчуг по блюду рассыпалася;
У стола была любимая стряпёюшка;
За ставом да дорогая была ткиюшка;
За тамбуркою досужа рукодельница,
Вышивала всяки-разны полотенечки;
Столько зарилися многи добры людюшки,
Все ласкались удалы добры мблодцы;
Ведь наряжена, кажись, была покрутушка,
Ослоббжена гостиная неделюшка;
Говорили вси советны-милы по́дружки:
«Счастливая ты девушка, таланная,
Цветным ты платьем изнавшена,
Тяжелой ты работой не огружена,
Бранным ты словечком не огрублена;
Вопрягú тебе ступистая лошадушка —
Днем ездить по унылым по свадебкам,
Ввечеру да по смиренным беседушкам!»
Не начáлась я, горюша, не надиялась!
«Сыто идется дитя, да долго выпится».

Хоть повыстану по ранному я утрышку,
Потиху́ приду во светлую светелочку,
Тихомолком ко тесовой я кроваточке,
Сотворю да тут Исусову молитовку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Я поглажу ю по молодой по головушке:
«Да ты спи же, моя белая лебедушка,
Во своем пока прекрасном ты девичестве,
На этой на пуховой ты перинушке!»
Знать, что ведало ретливое сердечушко,
Что не долго буде ейного живленьица!
Как сегодним долгим годышком
Было раннее у ней да пробужденьице;
Не охотило сердечно мило дитятко
Ходить-издить по унылым по свадебкам,
По летным ходить да по игрищечкам,
По зимным тихомерным беседушкам,
Тосковало за девочьим рукодельицем,
Быв в гостях да у породы именитой.
Не поспела бедна мать полюбоватися,
На дитятко свое да насмотритися,
Воспокинула ю белая лебедушка!
Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты на чье нас покидаешь доброумице?

К родственникам:

Спасет бог вас, порода родовитая,
На вашем великом желаньице!
Вы любили наливную мою ягодку,
Почитали мою белую лебедушку,
Почасту брали в любимое гостибище:
По этой студёной холодной зиме
Да вы пошлете крылата ясна сокола.
На этой ступистой вы лошадушке,
На дубовых вы санках самокатных.
Она гостыицей бывала двунедельной,
Почасту была беседницей воскресной;
Как придет со любимого гостибища,
Всё хвалилося сердечно мое дитятко:
Было мистечко во светлой, скаже, светлице.
Мне почет-то был, скаже, во большом углу!
Вы на улице голубоньку стретали,

Через два поля вы гостью провожали;
По уму ей были кушанья снаряжены,
По устам ей были питьица составлены,
По рукам ей красна ложечка положена!
Теперь всё прошло-миновалось,
С родом с племенем она порассталась,
С отцом с матушкой распростилась,
Нонь далече от породы отшатила!
Не приидё к вам белая лебедушка
На гостиную уречную неделюшку!
Еще слушай же, порода именитая!
Попеняю вам, любимы милы сроднички!
Столько гневалося сердечно мое дитятко,
Как лежало при болезной постелюшке —
Не пришли вы к ей, белой лебедушке,
Засмотрить да вы при крутом ю зголовьице.
Знать, боялись вы тяжёла неможеньица,
Устрашились, видно, скорой вы смерётушки?
От суда божья, род, да мы не денемся,
От смерётушки ведь нам да не убегать!
Знать, что нёвесто вам было не вестимо
Про ейно тяжёло неможеньицо?
Памятила моя белая лебедушка,
Сожидала крепко милых она дяденек!
Хоть я писемок, горюша, не писала,
Пословечно да я людям наказала,
Что трудна очень белая лебедушка,
Тяжела она, при скорой смерётушке.
Не посмили вы, спацливы, прийти, дяденки,
Подоброумить мою белую лебедушку;
Что вы по́долгу теперь снаряжаетесь,
Что вы по́тиху ко мне сподобляетесь?
Недосужна, знать, пора было времечко?
Аль умножила крестьянска вас работушка?
Кажись, порушка теперь не рабочая,
Времечко, кажись, не сенокосное!
Аль умножила станица малых детушек,
Что вам не было слободной поры-времечка
К нам придти о владычном божьем праздничке,
Ни о светлом Христове воскресеньице?
Чем разгневала вас белая лебедушка?
Знать, дубовые полы да притоптала?

Скамеечки кленовы присидела?
Хрустальны она стекла приглядела?
Знать, добрых она коней притомила?
Ваших детушек она ли притрудила?
Знать, дубовы ваши санки прикатала?
Цветно платьицо у вас да приносила?
Поразгневалась белая лебедушка
На вас она, спацливых своих дяденек,
Сожидаюча родима засмотреньица;
Была в живности белая лебедушка,
Говорила мне, печальной головушке:
«Засмотрили б как спацливы меня дяденки,
Принесли бы оны доброго здоровьица,
Я поправилась с болезной бы постелюшки,
Я бы стала со тяжёла неможеньица,
От этого я складного зголовьица!»
Да вы слушайте-тко, род-племя любимое!
После моего сердечного как дитятка
На вашей прогульной славной уличке
Владычной господен буде праздничек,
Там гульбищечко буде со прокладбищем,
Гуляньице буде со весельицем,
Приберутся души красны девицы,
Ейны милые сестрицы сдвуродимые,
Тайны милые советны-дружны подружики,
Оны к вам во любимое гостибищо,
Станут шуточки лебедушки шутить,
Всяки-разны будут игры преставлять,
Тут вспомните сердечно мое дитятко
Вы при милых, советных ейных подружках!
Была первая любимая затейщица
На все разные игры на забавные,
Взвеселяла вас, спацливых родных дяденек,
Спотешала всё сердечных ваших детушек!

При выносе:

Ты прощайся-ко, рожёно мое дитятко,
С добрым хоромным построеньицем,
Ты со новой любимой своей горенкой,
Со этыма милыма подруженькам,
Со этыма удалыма ты молодцам!

Вы простите, жалостливы милы сроднички,
Ты прости-прошай, порода родовитая!
Ко белому лицу прикладывайтесь-ко,
Ко сахарним устам прилагайтесь-ко!

. . . . .

Вы простите-тко, поля хлебородные,
Вы раскосисты луга сенокосные!
День ко вечеру последний коротается,
Красно солнышко ко западу двигается,
Всё за облачку ходячую теряется,
Мое дитё в путь-дорожку отправляется!
Вы идите-тко, попы-отцы духовные,
Отонните божьи церкви посвященные!

После отпевания:

Наглядитесь-ко, победны мои очушки,
Хоть во этой божьей церкви посвященной
Про запас вы на сердечно мило дитятко,
Во умершее во бело это личушко!
Все попы-отцы духовны сдивовались,
Пономарь звонит во колокол — мешается,
Попы-отцы книги зачитаются!
Херувимский оны стих уж допевают,
Умерший венец уж прилагают,
Под праву руку бумагу кладавают,
На вековое живленье отправляют!

. . . . .

Спаси господи попов-отцов духовных,
Что священные вы церкви отмыкали,
На престоле божью книгу отворяли,
Не жалили вы свечи да воску ярого,
Вы подсвечники на церковь выносили,
Честно-именно лебедушку отпили!

. . . . .

Как берут да мою белую лебедушку
Со этой дубовой со скамеечки
На право плечо удалы добры молодцы,
По лево плечо советны-дружны подружки;
Тут несут оны колоду белодубову

Вы придите, сироты да бесприютные,
Вы обидные вси дочери безотние!
Я дарю да вас по розовой косыночке,
Я за то дарю обидных вас головушек,
Что сиротки вы победны-бесприютные,
Вам не от кого ждать себе покрутушки!
Я еще дарю вас, белых лебедушек,
За ваше за великое желанье,
Привитали вы к косатой моей ластушке,
Засмотрели во болезной ю постелюшке,
Взвеселяли во тяжелом неможеньице,
Проводили вы косату мою ластушку
До этой божьей церкви посвященной,
Вы несли да ю на белых своих рúченьках,
На своих несли на младых головушках!
Уж вы слушайте, сиротны малы детушки!
Вы ходите-тко к победной мне скорешенько,
Засмотрите-тко, позяблую, частешенько,
Во обидушке меня разговорите-тко;
Погляжу на вас, победная головушка,
На свою да как я белую лебедушку!

ПЛАЧ О СВАТЕ

Невесткина свекровь отправляется на похороны свата — отца невестки. «Сказали: Сватушка живого нет! Вот тебе сватушко! Бог убрал — конец бревна урвал! Большак, спусти на похороны — сватушка похоронить, в последний уж проводить до церкви божьей: доброй был!» Снарядилася, пошла путем-дорогой, горой-водой, лесом-парусом. На крыльце встречает ее сватья — невесткина мать:

Мне повыдти на крылечико перёное,
Мне-ка нá эти новы сени решётчатые!
Как сказали многи добры эти людюшки,
Мне пробаяли суседы спорядовые,
Что со этого раздолья со чиста поля,
По этому лугу да по зеленому,
Ко нашему крылечику перёному
Катит-жалуе любима-мила сватьюшка!
Видно, из роду сыскалася из племени,

Как идет она в хоромное строеньеце,
На последнее ко сватушку прощеньице!
Ты послушай-ко, любима-мила сватьюшка!
Да как шла путем-широкой дороженькой,
Ты не стретила ль надежной там головушки,
Во темном лесу дремучем,
Аль на чистом его полюшке?
Кругом шла да как ты малого озёрышка,
По крутому ты шла да как по бережку,
Там не видла ль любима-мила сватушка?
Он охоч ведь был, надежная головушка,
Ходить-издить к быстрым риченькам,
На риченьках стрелять серых утушек,
На озерышках ловить свежих рыбонёк!
Постою, бедна горюшица, подумаю,
Поспрошу, бедна горюша я, доведаясь,
Он не съехал ли в любимое к вам гостибище,
Ко своей белой надеженьке-лебедушке,
Засмотреть он бажёных своих внучаток?
Подожду, бедна горюшица, подумаю,
Не расскажет ли любима-мила сватьюшка
О моей милой семеюшке,
Не поведат ли доброго известица?

Сватья-свекровь с дороги отвечает:

Ты послушай-ко, любима моя сватьюшка!
На крылечушке меня не останавливай,
На прогулочке-на уличке не спрашивай;
Можешь знать-ведать, любима моя сватьюшка,
Что, пристаршая победная головушка,
Я дороженькой ведь шла да приуслала,
У крылечушка едва я отдохалась!
У холодного вестей ты не выспрашивай,
На переднем крылечке не выведывай,
Допусти хоть до хоромного строеньица,
До своей ты брусовой белой лавочки!

Вы послушайте, народ да люди добрые,
Приложите-тко совет-думу крепкую:
Да мне как назвать победную головушку?
По-прежнему назвать ли милой сватьюшкой,
Аль назвать было победной этой вдовушкой?

Не любимое словечико вдовиное!
Хоть я шла путем-широкой дороженькой,
Мимо это кругло малое озерышко,
Я по крутому шла там по бережку,
Я по тихим шла да всё по заводам,
Столько видела, победная головушка,
На той стороны малого озерышка,
Что незнамый человек там шатается.
Невдомек пришло, победной головушке,
Посмотреть мне во бело его личушко,
Поглядеть да мне во ясны его очушки,
Запримитить по желтым кудёрышкам!
Нонь сказала бы победным вам головушкам:
Да я шла как, кручинная головушка,
Через быстру я шла да эту риченьку
По этой дубовой по мостиночке,
По этой кленовой перекладинке,
За кустышком вдруг что-то схробыталось,
Уловня вроде рыбонька там свежая;
Уж я так, бедна-победна, испугалась,
От риченьки бежала поскорёшенько,
В путь-дорожку, горюша, поспешалась,
С переполаху я шла, взад не ворочалась!
Не глядела под ракитовой под кусточек,
Не смотрела под малиновой под листочек:
Аль под кустычком птица перелетная,
Под листочком человек ли е прохожий?
Извини в том, любима-мила сватыюшка,
Он не ехал на ступистой к нам лошадушке
Во любимое желанное гостибище!
Поджидала я, кручинная головушка,
Не подъедет ли любимой-милой сватушко.
Тут раздумалась победным своим разумом:
У нас спущена ветляная нештушка
Она на свою родиму эту родинку.

К невестке:

Ворочусь пойду, печальная головушка,
Ко своей я ветляной нештушке:
Ты застала ли в живности родителя,
Сердечное великое желаньице?
Как вечер ты по поздому по вечеру

Спросилась у победных нас головушек,
Доложилась у богоданного у батюшка:
«Вы пустите на родиму меня родинку,
Очень тяжёл мой желанной родной батюшко?»
Говорила я, кручинная головушка,
Большаку да я, во доме настоятелю:
«Отпустить надо ветляная нештушка
На свою да на родимую на родинку,
На послиднее к родителю прощеньице!»
Ты просила тут, ветляная нештушка,
Во собой да ты сердечных своих детушек.
Отвечала я, печальная головушка:
«Долго путь пройде дальняя дороженька
Со малыма сердечныма детушкам;
Малы детушки пойдут потихошеньку,
Приустанут путем-широкой дороженькой;
Ты пройдешь с има темну эту ноченьку,
Не застанешь ты родителя ведь в живности!»
Говорила я, печальная головушка:
«Будут деточки твои не обижены,
Им устлана пуховая перинушка,
Будет убрано складнее зголовьице;
Уложены сердечны будут детушки,
Усыплены малы мои внучатки!»
Говорила я, кручинная головушка:
«Снаряжайся знай поскорёшенько,
Ты путем иди дорожкой суровёшенько,
Заставай ты родителя-батюшка,
Пока в живности великое желаньице,
Ты проси себе прощенья с благословленьцем,
Да ты на веки проси нерушимые!»

Сватья-вдова, мать невестки:

Спасет бог, моя желанна мила сватьюшка,
На вашем великом желаньице!
Да вы умны богоданные родители,
Разумна любимая семейшка,
Почитат да он жену-семью любимую!
У вас вложено великое желаньице
До моей этой белой лебедушки,
До сердечных бажёных моих внучаток!
Почасту держишь на белых своих рученьках,

Да ты топишь тёплы-парны про их баенки;
Почитаєте сердечно мое дитятко!
У вас вольная дана ей была волюшка
Почасту́ да на родиму ходить родинку;
Всё хвалится моя белая лебедушка
Она этой сторонушкой судимой,
Удобрят да богоданну тебя матушку;
«Лучше-краше мне девочьего живленьица
На судимой, скаже, этой мне сторонушке!»
Да ты слушай-ко, любима моя сватьюшка!
Мы довольны тобой, бедные головушки;
Как мы издили с покойной головушкой
Ко своему сердечному дитятке,
Не сгрустнулась, любима-мила сватьюшка,
На свою да ты ветляную нешутушку,
Не грубила нас, печальных головушек;
Не надиялась, любима-мила сватьюшка,
Да нас до́сыта, победных, накормитися.
С веселá да в ясны очи наглядитися!
Как мы издили с покойной головушкой,
Ох хвалился всё любимым угощеньцем,
Удобрят да он житье ваше богатое,
Восхвалял да он во добрые во людюшки:
«Наша сча́слива ведь белая лебедушка,
Как таланное сердечно наше дитятко,
В похвалы у богоданных родителей!»

Сватья-свекровь отвечает:

Ты послушай-ко, любима моя сватьюшка!
Я вперед прошу, кручинная головушка,
Ты гости, бедна любима-мила сватьюшка,
Без своей хоть ты надежной головушки,
Принимать будем горющицу по-старому,
Будут ествушки тебе да по-досюльному,
Спасет бог да вам, любима-мила сватьюшка,
Что ходили ко своей белой лебедушке,
Не гневались вы нашим угощеньцем,
Не гнушались вы ествами сахарными!

Сватья-теща:

Еще слушай же, любима моя сватьюшка!
После своего родитель-батюшки

Вы спустите во любимое гостибище
Мою белую кручинную лебедушку
Засмотреть меня, победную головушку,
Хоть о светлом Христове воскресеньице,
О владычном ли господнем божьем праздничке!
Я сжидать буду, печальная головушка,
Я встречать да на крылечке ю перёном
Со сердечныма желанныма внучаткам;
Стану по избы, горюшица, похаживать,
У окошечка я буду всё послушивать,
Не скрипят ли путем саночки дубовые,
Не едут ли гостюшки любимые,
Ко мне, бедной головушке,
Сердечные желанны мои детушки!
Я составлю ведь ествушка сахарные,
Я по разуму им питьица медвяные,
Закуплю да им сладкие закусочки!
Я тебя прошу, любима-мила сватьюшка,
С сердечныма я вкупе прошу детушкам,
Тебя вмисте со ветляной нешутушкой,
За сестру тебя прошу да за бажёную,
Я за гостью почитаю за любимую!

Сватья-свекровь

Спасет бог тебя, любима-мила сватьюшка,
На твоём да на великом желаньице;
При суседушках меня не осрамила,
Перед добрыма людьми ты не выдала!
Хоть не спаплива ведь я да не желанная,
Хоть я на слово, победнушка, спесивая,
На ричную поговсрочку бросливая,
Горяча больно, победная головушка, —
Приобижу когда белую лебедушку,
Свою милую ветляную нешутушку,
Не в пронос да буде в добрые во людюшки,
Невдомек да вам, желанным родителям!
Благоразумная ветляная нешутушка —
У меня умное сердечно это дитятко!
Не дават да воли семье своей любимой,
Почитат меня, задорну боголанную,
Она матушкой меня да взвеличает
И родителью меня да воскликлет;

Запоходит на родиму когда родину,
Доложится у победной головушки,
Она спросится в любимое гостибище,
Меня звать стане, печальную головушку:
«Ты пойдем да богоданна с нами матушка,
Ты во это во любимое гостибище,
На мою да ты родиму пойдем родинку,
Ко моим светам желанным родителям!»
Да я разумом, горюшица, простёшенька,
На словах поднять горюшица любимая,
На подъем да я, горюшица, легошенька.
Снаряжусь вкруте с сердечными я детушкам,
Мы пойдём да тут с има поскорешенько,
Разговор держим ведь с има веселёшенько,
На сrekаньицо суседям спорядовым, —
«Будто с рóдной она дочерью похаживат!»
Я ходила ко любезному сватушку,
Почасту во любимое гостибище,
Почитал он за сердечну милу гостыицу,
Всегда сдиял со мной доброе здоровьице,
Кругом-наокол обхаживат тихошенько,
Говорить стане победной мне головушке:
«Ты садись да всё на стульицо кленовое,
Ты устала путем-широкой дороженькой!»
Говорить стане любимой он семеюшке:
«Да ты слушай-ко, жена-семья любимая!»
Стане шуточную речь он разговаривать,
Он жену свою ведь стане поднаряживать:
«Ты ходи да по хоромам-то скорёшенько,
Ты готовь-ко да им ества суровёшенько,
Да ты ставь-ко самовары им шумячие,
Ты вари да крепки кофеи горячие;
У нас гостюшки теперечко любимые —
Во-первы́х, у нас сердечны эти детушки,
Во-других, да дорогая мила сватыюшка!»
Принимал всегда сват мой от усердия,
Меня потчивал с великого желаньица.
Говорить да станут добры мне-ка людюшки,
Как сбивать станут победну с ума с разума:
«Да ты ходишь с сердечными детушкам,
Не к лицу ходишь в любимое гостибище,
Во глаза лестит любимой тебя сватушко,

Обсуждат тебя любима-мила сватьюшка,
Что ведь ходишь со сердечными со детушкам
Во любимое ты к им да всё гостибище!»
Я не слушала ведь добрых этих людюшек,
Никаких их я пустых разговорушек.
Да нам по́ уму ветляная нештушка,
Нам по разуму любима ей породушка.
Ты послушай-ко, родима моя сватьюшка!
После твоей-то надежной головушки
Мы отложим всё любимое гостибище;
Как моей милой ветляной нонь нештушке
Хоть захочется на родинку тошнёхонько,
Отхочется от родинки скорёшенько!
Столько слушайте, народ да люди добрые!
На катучем посидеть да хоть на камышке,
На родимой побывать бы столько родинке!
Всё не голодна придё она, не холодна,
Не для хлеба придё соли наеданьца,
Не для сладкого медвяна напиваньца;
Повидать да свет любиму свою матушку,
Посмотрить да светов братьицов родимых.
Да ты слушай-ко, родима моя сватьюшка!
Как сегодняшним господним божьим дёнечком
Да я шла путем-ши́рокой дороженькой,
Я по вашим лугам сенокосным, —
Тут посохла на лугах трава зеленая,
Тут поблёкли всяки розовы цветочки,
Из погибели-то деревца шатаются,
На все стороны прутьочки развеваются,
По сырой земле листочки свиваются!
Устоялась тут, победна, призадумалась,
Огляделася, победна, устрашилась,
Ума-разума, победна, изменилась!
Как до сегодняшня господня божья дёнечка
Как на вашей на луговой этой поженке
Очень длинная трава да выростала,
Всяки разные цветочки расцветали,
Уж как деревца росли не погибали,
Кругом-на́окол прутьочки завивались
И зеленые листочки шумели!
Тут раздумаюсь победным своим разумом:
Перемена на лугах на сенокосных,

Изменушка в хоромном во строеньице,
Изменилися поля да хлебородные!
Тут подумала победным своим разумом:
Нету в живности любимого, знать, сватушка,
У моей да, знать, родимой у сватьяшки
Во доми, видно, великая кручинушка,
На окошечке злодийная тоскичушка,
Порассталася с надежной, знать, головушкой.

К свату-покойнику:

Ворочусь да я, печальная головушка,
Я во этот во почестной во большой угол,
Я ко этому любимому ко сватушку;
Воскликать стану, победна, жалобнешенько,
Разговаривать по-прежнему тихошенько:
«Да ты стань-восстань, любимой-милой сватушко,
Да ты сдй-ко со мной доброе здоровьицо,
Сговори со мной хоть малое словечушко!
Как допрежь сего, до этой поры-времечка,
До сегодняшя господня божья денечка,
Как стретал да нас на широкой на улице,
Убирал наших ступистых лошадушек!
Были гостюшки у сватушка униманы,
Соболины, куньи шубоньки скидываны,
Как по стопочкам ведь платица развешены,
По гостям да были стульица расставлены;
Как сегодняшним господним божьим денечком
Не стаёшь да ты на резвые на ноженьки,
Не разманешь свои ясны эти очушки,
От сердечка белых рук не отшибаешь,
От белой груди ты их не поднимаешь!
Что же гнев несешь, любимой-милой сватушко?
Знать, напрасно добры люди насаказали что,
Аль голубушка невестушка пожалилася
На меня да богоданную на матушку,
Как на этую свекрову, змию лютую?
Ты послушай же, любимой-милой сватушко!
Кажись, дитятко твое да не обижено,
Всё невестушка словами не огрۇблена;
Я стеной стою по ей да городовою,
Заменяю на работушке тяжелой!
Сговори да хоть единое словечушко

Ты при милых спорядовых суседушках,
При всех сродчах сговори да ты, при
сродничках!

Знаю-ведаю, печальная головушка,
Поразгневался родимой милой сватушко,
Что не спущала любимой невестушки
Засмотреть тебя в тяжелом зголовьице,
При злодийном твоём я неможеньице!
Можешь знать-ведать, родимой милой сватушко,
Нынѣ страдня да пора-времечко рабочее,
Пришло времечко теперь да сенокосное;
Не одна живу ведь я да единешенька,
Е великая любимая семеюшка,
Есть ведь братья у меня да сдвуродимые,
Е племяннички у нас да всё любимые;
Как спущать да ю на родинку частѣшенько,
Буде нѣ любо братцам сдвуродимым,
Буде не любо племянничкам любимым;
Буде здор да во любимой во семеюшке,
Неприятности в крестьянской нашей жирушке;
Будут грубно светы братцы разговаривать,
Не к лицу будет любимой невестушке!
Ты послушай, родимой милой сватушко!
Ты прости меня, печальную головушку,
Ты во всем веку прости да меня в будущем!

При отпевании:

День ко вечеру теперь коротается,
Ко горам красно солнышко двигается,
Как народ-добры люди собираются,
Староверы со пустыней-то съезжаются,
Во монашеское платье одеваются;
Воску ярого свечи да затопляют,
Одноручное кадило зажигают,
Староверчески стихи да запевают!
Оны голосом ведут потихошеньку,
Оны слѣвечко-то скажут полегошеньку,
Крест кладут оны ведь по-писаному,
Как начало полагают староверское,
Отпевают любимого нонѣ сватушка!
Ты послушай-ко, родимая невестушка,
Да ты стань подле надежной головушки,

Да ты вточь гляди во темные во очушки,
Не пугайся-тко великого желаньица!
Как призаперты нонь очушки плотнёшенько,
Почернело его бело это личушко,
Поблекли его белы эти рученьки,
Придались ко гробу резвы эти ноженьки!

В конце отпеванья:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка:
Нонь скорёшенько свечи да догораются,
Староверские стихи да допеваются,
Вси ведь добрые-то людюшки прощаются,
Оны к мертвым устам да прилагаются!
Наглядитесь-ко вы, род-племя любимое,
Насмотритесь-ко, сердечны малы детушки,
Приклонитесь-ко во резвые во ноженьки,
Прилагайтесь-ко к родителю ко батюшку!
Укрывается великое желаньице,
Удаляется желанной родной батюшко!
Ты прости, да наш любимой-милой сватушко,
Ты сердечных прости да малых детушек!

К детям покойного:

Вы послушайте, любимы-милы сватушки,
Недорослы боровые ягодиночки!
Хоть вы возрастом, светы, не малешеньки,
Во годах еще вы дети молодешеньки,
Умом-разумом головушки простешеньки!
Как вам жить да без родителя без батюшка,
Управлять да дом крестьянска буде жирушка?
Прежде добрых людей вы не кидайтесь-ко,
Позади да вы от их не отставайте-тко
Вы на трудной крестьянской на работушке.
Много ума надо разума в головушку,
Надо розмыслу в ретливое сердечушко
Уже вам, да златокрылым ясным соколам!
Глупы-молоды скачёные жемчужинки,
Да вы слушайте родитель вашу матушку,
Почитайте вы наказы света батюшка!

. . . . .

ПЛАЧ О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

В избе много народу. Мать вопит:

Я чего да сижу, мать бедна несчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
И под туманной стекольчатой околенкой?
Я сижу, бедна горюша, призадумавши
И чужих б́асенок, горюша, прислухавши!
Подивуют мне-ка д́обры эти людюшки
И посрекаются спорядные суседушки:
«И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божьей милости —
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И что ведь пр́брались народ да люди добрые?
И не весельице у нас да не забавушки,
И не тихие смиренные беседушки,
И не честное у нас да пированьице.
Нонь как этым учетным долгим годышком
И сочинилась грозна служба государева,
И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы,
И собирать стали уда́лых добрых молодцев
Как на сходку ведь теперь да на общественну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
Да на этот на гербовой лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи́ неправосудные
И всё ко этым ко жеребьям дубовым!
Уж как этии удалы добры молодцы
И перед го́спода глаза да ведь крестили
И богородице молитовку творили,
И оны брали жеребья да тут дубовые:
И пойти надо тут во службу государеву!
Как сегодняшним господним божьим де́нечком
И хоть не скованы да резвы у их ноженки,
Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,
И обрестованы указом государевым!
Вот похаживат сердечно мое дидятко
И он по доброму хоро́мному строеньицу,

И да он буйной-то головушкой покачиват,
Он жёлтыма кудеркама потряхиват,
И молодецкими-то ручкама помахиват,
И он на память-то словечка спроговариват,
И говорит столько, скачёная жемчужинка:
«Знать, судьба моя теперь да всё несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба государева!
И на роду, да видно, служба мне уписана,
И, видно, на делу, бурлаку, доставалася!»
Тут он смáхнёт свои белы эти рученьки
И на бурлацку молодецкую головушку,
И на завивные на желтые кудерышка;
И не жалие молодецких кудер желтых
И с горя рвет да свои желтые кудерышка!
Тут он смáхнет молодецки белы рученьки
Он на эту на грудь да молодецкую
И подожмет свое ретливое сердечушко:
«И не тоскуй, да молодецкое сердечушко,
Не унывай, да молодецкая утробушка!»
И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговорит единое словечушко
Всім приближним спорядовым суседушкам,
Всім дружьям да молодцам своим приятелям,
В собину да душам красным скажет девушкам:
«Поглядите-тко, народ да люди добрые,
И на печального бурлака на молодого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по свѣтлице:
И я не пьян, да с горя, мóлодец, шатаюся,
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,
Без смолы моя утроба раскипляется,
Дума думушку бурлака пошибает,
И ум за разум у бурлака забегает!
Вы простите-тко, души да красны девушки!
Как что сдидется над добрым над молодцем,
Как возьмут да в грозну службу государеву,
И вы вспомните, души да красны девушки,
И спомытите-тко бурлака размолодого
Вы на этих горах да на искатных,
И вы на тихих на смиренных беседах!»

Помолитесь-ко, старушки стародревние,
Вы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
Как от этой бы от службы государевой,
И возвратил бы на судиму бог сторонушку —
И рыболовушком на сине бы Онегушко,
И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
И воскормителем желанным бы родителям!
И не тоскуй, моя родитель родна матушка!
И ты не плачь, мое желанье, горячмы слезмы,
И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
И ты обидушки ко зябллой утробушке!»
Я гляжу-смотрю, победная головушка,
И на печальное сердечное свое дитяtko:
И как не белая березка нагибается,
И не шатучая осина расшумелася —
Добрый мóлодец кручиной убивается!
Не дай, боже, ведь того, да боже-господи,
Расставаться со сердечным со дитяtkoм!
Ой, тошнёхонько ретливому сердечушку!
Как детиная тоска неугасимая,
И как жива эта разлука пуще мертвой!

*Приезжают за рекрутами земские власти;
мать вопит:*

И прошел дёнечек теперь да не выдаюча,
И красно солнышко ко западу движается,
И ко крылечуку судьи да подъезжают,
И тут подогнаны ступистые лошадушки
И не по разуму любимы хоть извозчички
И про сердечное рожоно мое дитяtko!
И по фатерушке судьи да всё похаживают,
И добра молодца они всё понаряживают:
«И ты справляйся, молодёц, да поскорёшеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровёшенько,
И у крыльца стоят ступистые лошадушки,
И отправляйся в путь-широкую дороженьку
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко приёмной палате белокаменной!»
И как у мóего сердечного у дитяtka
И подломились да тут резвы его ноженьки,
И подрожали молодецки белы рученьки,

И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя желтые кудерки развиваются!
И хоть одет да он во цветное во платьеце,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовые,
И не цветет да теперь цветно на нем платьеце
И не красит да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная!
Сдайвольюйте-тко, народ да люди добрые,
И смилосердитесь, судьи да милосердые!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту ноченьку
Вы рожное сердечно мое дитятко!
Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачѣную жемчужинку
Я от этих властей немилосердых,
Я от этих судей неправосудных,
Я запру да ведь во светлу его свѣтлицу
Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцѣвы занавесочки
И отвечать буду судьям да я обманывать:
«Приотправила сердечно мое дитятко!
Он ко городу уехал ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей ведь милосердых,
Он казенного не ждал да всё извозчикка!»
И пораздумаюсь победным умом-разумом:
«Нынѣ не скроешь-то сердечного ведь дитятка:
Времена теперь пошли да всё бедовые,
Хитроумны стали власти страховитые!»
И дайвольюте-тко, судьи вы правосудные,
Уж как мѣему сердечному-то дитятку,
И с горя сить ему на саночки дубовые,
И попроехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по широкой по уличке
И со малыма ему да поровечникам:
Как споют оны солдатску ему писенку,
И воспотешат-то удѣла добра молодца,
И взвеселят его унылую утробушку!

Ой же ты, мое сердечно мило дитятко!
И укатись, да мое красное ты на золоте,
И укатись да от родимой нонь от родинки
И далеко да на чужую на сторонущу,
И ты на эти на уречные неделюшки
И в города да удались ты незнакомые,
И ты за крепости уйди новгородские;
И не знали бы судьи неправосудные,
И не доведались бы власти страховитые;
И твоей порушкой теперь да твоим времечком
И принаполнятся наборы государевы,
И ты останешься, сердечно мое дитятко,
И во своей да молодецкой вольной волюшке!»
И пораздумаюсь победным своим разумом:
Никуда нын не уйдешь да не упрячешься,
Времена теперь пошли да все бедовые,
Хитроумны стали власти скрозекозные!

Вопленица причитает за рекрута:

И как у нашего хоромного строеньица,
Как у этого крылечика перёного,
Как у этого столба да у точёного
Есть подогнаны ступистые лошадушки
И под меня, да под несчастна добра молодца!
И все извозчики — крестьяна полномочные,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной диют оны доброе здоровьице.
И как до сегодняшна учетна долга го́дышка,
И в моем по́росту да было в возрастаньице,
И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И столько знать да стали добры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудные
И как брать надо во службу государеву.
И охти мни, да добру молодцу, тошнешенько!
И дайвольйте-тко, судьи вы правосудные,
И сноровите-тко вы, власти милосердые,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
И по двору пройти, бурлаку, колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мне проститься со хоромным строеньицем,

И во двори да со любимой скотинушкой,
И во конюшенке проститься с конем добрым!

Мать к молодцам и сверстникам рекрута:

И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы, милые-любимы поровечники!
И да вы спойте хоть унылу ему писенку,
И взвеселите вы скачёную жемчужинку!
И ты пройди да ведь, удалой доброй молодец,
И по прогулушке по широкой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьице!
И да мы поглядим, печальные головушки,
И как ведут да дружье-братьица-приятели
И как тебя, нашу скачёную жемчужинку,
И под несчастны молодецки белы рученьки,
И воспевают-то солдатску жалку писенку
И уласкают-то скачёную жемчужинку!
И с деревенским селом, да свет, прощается
И сговорит наша скачёная жемчужинка:
«И ты прости-прости, село да деревенское,
И прости, уличка, бурлакушка, рядовая,
И вси суседушки простите спорядовые,
И вы простите, вси старушки стародревние,
Меня, малые младенцы-недоросточки,
И да вы вдовушки простите-тко победные,
И меня, горькие несчастны вы сироточки;
И как ходил я по прогульной этой уличке,
Я не впервое прошел, бурлак, последнее,
И проторил да эту малую тропиночку
Я до матушки теперь да до сырой земли;
И от меня, да от доробня добра молодца,
И от злодейской от великой от кручинушки
И мать сыра земля теперечко шатается,
И от горючих слез следочки заплываются!

Рекрута едут кататься по деревне; мать вопит:

И пойду-выйду я на широку на уличку,
И погляжу да на сердечно свое дитятко:
Как он иде по прогульной этой уличке
И на ступистой удалой на лошадушке,
И он на саночках, мой свет, да самокатных,

И как подвязаны звон-унылы колокольчики,
И спотешат себя сердечно мое дитяtko,
И взвеселят да молодецкую утробушку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрые,
Вы приближни спорядовые суседушки,
И вы смотрите-тко, ведь род-племя любимое,
Вы, добротушки желанны родны тетушки,
И вы, отданные сестрицы сдвуродимые,
Вы на милую скачѣную жемчужинку!
И хоть гулят столько скачѣная жемчужинка,
И он не с радости, наш свет, да не с весельица,
И со злодийной великой со кручинушки,
И с проклятой теперь да со досадушки!
И по пути да по ширóкой по дороженьке
И добрый конь нонько идет да спотыкается,
И лошади́на голова да принаклонена;
Как на санках добрый молодец шатается!
И не вѣшний этот ручей разливается —
И бедный молодец слезами умывается;
Он снимает-то с головушки тут шапочку
И на все на три, четыре на сторонки поклоняется,
И со любимой своей родинкой прощается,
И с горя молвит-то, наш свет, да таково слово:
«И ты прости-прости, село да деревенское,
И ты усадьба-то прости да красовитая,
И вы дерѣвенки простите садовитые,
И вы простите, тѣмны лесушки дремучие,
И все сахарные садовы деревиночки,
И вы простите-тко, луга да сенокосные,
И добра молодца, поля да хлебородные,
И сине славное прости да ты, Онегушко,
И ты родимая прости меня сторонушка,
И прости волость-то меня да красовитая,
И ты, сторонушка, прости меня, гульливая,
И ты гульливая сторона́ка, щегольливая;
И ты прости, да молодецка вольна волюшка,
И ты прости, да божья церковь посвященная,
И пресвятая мать прости да богородица.

С гулянья заезжают в церковь; мать вопит:

И говорит еще скачѣная жемчужинка:

«И теперь съезжу в божью церковь посвященную,

И попрошу да я попа-отца духовного,
И воспокаюсь служителю церковному,
И помолюсь да я богу от желаньца,
И прослужу да я молебен богородице,
И я поставлю ей свечи да воску ярого,
И положу-то пелены да ей шелковые!
И помолюсь да со слезами со горячима
Уж я этому владыке всё небесному:
И сохранил бы меня господи, помиловал,
И от приёмной палаты белокаменной,
И как от этой бы от службы государевой!
И ты спаси, да пресвята мать богородица,
Ты от этих властей немилосердых,
Ты от этих судей да всё безбожных!
И вы простите-тко, попы-отцы духовные
И благодетели служители церковные!
И на духовных молитвах вспомните-тко
Вы меня, да всё удаля добра молодца!
И буде возвращусь на родимую сторонушку
Я со этого со города Петровского,
Рассчитаюсь я за ваше утруженье
И за молитовки-то ваши ведь церковные
Уж я сдию вам духовно угощенье!»

*По приезде из церкви родные зовут рекрута в гости.
Провожая в дверях, мать вопит:*

Я гляжу-смотрю, кокоша горегорькая,
И на сердечное гляжу да я на дитячко,
И как идё да он по широкой по уличке,
И во любимое идё да во гостебище
И ко добротушке к желанной идё тетушке.

Тетка, встречая, вопит:

Я повыду-то, печальная головушка,
Я на это на крылечико перёное,
Да я стричу-то любимое свое племятко,
И подхвачу его под правую белую рученьку,
Я прижму да ко ретливому сердечушку!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
Я на эта златокрыла ясна сокола:
И хоть с дружьём идё, мой свет, да со приятелям
И с холостьбой идё, желанье, неженатой,

И он не князем-то идё ко мне молодым,
И он не славным женихом да наряжённым,
И хоть не первое идё, мо́же, последнее,
И со злодийной идё да со кручинушкой
Он ко мни да во любимое гостибище!
И ты поди, мое сердечно мило племнятко,
И ты по-прежнему поди да по-досюльному,
И как ходил да ты к печальной головушке,
И ты во радости ходил да во весельице!
Как про тебя, мое сердечно мило племнятко,
Нонь дубовые столы да порасставлены,
И тонки белы скатерти да поразостланы,
И сахарни тебе ествы приналажены,
И с Новагорода питья тебе доставаны!
И ты пройди, мое любимо-мило племнятко,
Ты в мое пройди хоромное строеньеице,
Ты во светлую пройди да мою свѣтлицу;
И ты раздень да молодецко цветно платьице,
И положу да я на стопочку точёную,
И посажу тебя на стул да на кленовой,
И угошу я тебя, дитяtko, учёстую;
И ты садись, да наш сдовольный белый светушко,
И ты гости, гости, любимо мое племняtko,
Пока во своей бурлацкой вольной волюшке!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на сердечного любимого племянничка:
И уж он ествушек, горюн, не искушаёт,
И медвяного питья не испивает,
Он горячима слезама обливается,
Он великой кручиной утирается.
Жаль-тошнёшенько победным головушкам
Нам сердечного любимого племянничка!
И день ко вечеру теперь да коротается,
И красно солнышко ко западу двигается,
И наше дитяtko с суседами прощается,
И во слезливу путь-дорожку отправляется;
И не начаемся, печальны мы головушки,
И увидеть нашу скачѣную жемчужинку.
И ты послушай же, любимо мое племняtko!
Как что сдienesя, скачѣная жемчужинка,
Как соймут да молодецку вольну волюшку,
Как приведут да во палату белокаменну,

И поразденут у вас цветно это платьицо,
И вас поставят-то под меру государеву,
Как под эту под линейку дубовую,
И у тебя, наша скачёная жемчужинка,
И тут подломятся бурлацки резвы ноженьки,
И подрожат да молодецки белы рученьки,
И приужахнется ретливое сердечушко,
И помутятся молодецки ясны очушки.
И тут повыстанут судьи неправосудные
Со этих со стульицев кленовых
Оны на свои на резвые на ноженьки
Как от этих столов да от дубовых,
В белокаменной полатушке похаживают,
И козловы сапоги у их поскрипывают,
И оны вточь глядят во ясны вам во очушки,
И по головушке начальники подрачивают:
«И всим здоров да молодёц-то этот бравои!»
И столько слушайте, народ да люди добрые!
И не радили бы, победны мы головушки,
И отпустить нашу скачёную жемчужинку
И во злодийную палату во приёмную!
И буде господи владыко не помилует
И как во этой во палате белокаменной,
И буде «лоб» скричат жандары государевы,
И тут подхв́атя вершалá да всё молодые
Как тебя, нашу скачёную жемчужинку,
И поса́дя как на стульица кленовые,
И во руки́ оны берут да бритвы вострые,
И оны брить да будут желтые кудёрышка!
И у тебя, да у скачёной у жемчужинки,
И волоса падут, наш свет, да на дубовой пол,
И тут ты сдынешь свои белы эти рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И горьки слезушки с очей да проливаются:
«И куды волюшка моя да подевалася
И молодецкие кудёрка истерялися!»
И прибири свои завивны кудри жёлтые
Ты со этого полу́ да со дубового,
И ты клади да во гербовой лист бумаженьку
И отошли да на родиму свою родинку,
И на погляженьице желанным родителям,
И на утехушку нам сродчам — милым сродничкам!

И не поставь в гнев, скачёная жемчужинка,
И хоть я уныло, горюша, причитала,
И во слезах тебе, победна, рассказала
Про злодийную палату белокаменну!
И ты гости, да тёпло-красно наше солнышко,
И пока на своей родимой ты сторонушке,
И ты по этому селу да деревенскому,
Ты по милым спорядовым суседушкам!
Как тебя, да тепло-красно наше солнышко,
Сожалиют вси спорядные суседушки!

Вопленица за рекрута, обращаясь к его товарищам:

И спасет бог да вам, дружбѣ-братья приятели,
И что спевали вы унылы жалки писенки,
И воспотешили удала добра молодца,
И молодецку мою зяблую утробушку:
И нынь сердечушко мое не утешается
И молодецкая головушка кручинится —
И поскореньку наб бурлаку распротитися
И мне-ка со своей родимой со сторонушкой,
И суровѣшенько мни наб да отправлятися
И во злодийну эту службу государеву!
И жаль-тошнѣшенько удалу добру молодцу,
И порасстаться со родимой мне-ка родинкой,
И мне с дружбѣм-братѣм теперечко с приятелям!

Проводы, угощенье и прощанье:

Поглядите-тко, народ да люди добрые
И все приближни спорядовые суседушки!
И как во этом во почѣстном во большом углу
Уже все вкупе удалы добры молодцы,
Вси сидят тут рекрутá да очередные,
И не уеданыице им ествушка сахарние,
И не всласть да им сладка ноньку водочка!
За столом да их головки принаклонены,
И о сыру землю их очушки утуплены,
И тут великою обидой забавляются,
И оны горькими слезама обливаются!
И говорят да им тут власти поставленные:
«И с родом с племенем, бурлакушки, прощайтесь-ко,
И в путь-дороженьку, рекруты, отправляйтесь-ко!»
И ответ держат им рекрутики молóдые;

«Дайвольйте-тко, судьи вы милосердые!
И хоть единой час вы дайте-тко, минуточку
Нам потешить свое сердце молодецкое!»
И, зная, пришла да ведь пора да тое времечко
Из-за стола пойти бурлакушкам молодым,
И от кушаньев пойти да от сахарных,
И от питьецов пойти да от медвяных;
И ныне долит да их великая кручинушка,
И ушибат да их великая тоскичушка!
И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному,
И перед господом ведь славу сотворяют.
И затопляли тут свечи да воску ярого,
И на бурлацкие колена становилися,
И сговарят да тут рекрутики молодые:
«Уж ты спас да наш владыко многомилостливой!
И ты спаси да нас, несчастных добрых молодцев,
И ты от этой от меры государевой!
И ты, покров-мать пресвятая богородица!
И ты покрой да нас, рекрутиков молодых,
И от злодейской ты от службы государевой!»
И тут повystали на резвы оны ноженки,
И приклонили свою буйную головушку
И со молодой вышины да до сырой земли;
И на все на три-четыре на сторонушки
Всім окольным суседам поклонялися,
И в собину поклон желанным родителям,
И во пристаршии да держат оны ноженки:
«И вы простите-тко, желанные родители,
И во всей глупости простите нас во дурости!
И благословите-тко, желанные родители,
И нам поехать во путь-широку дороженьку,
И наделите-тко таланом вы нас, участью
И всей великою господней божьей милостью!
И вы смотрите-тко, народ да люди добрые!
И как не белые березки нагибаются —
И с отцом с матерью рекрутики прощаются,
И оны червышком, несчастные, свиваются,
И оны клубышком, победные, катаются,
И в безызвестную сторонку снаряжаются!
И не ясен сокол с тепла гнезда слетает —
И добрый молодец из дому выезжает.
И ныне по позднему теперечко по вечеру

И по закату тёпло-красного ведь солнышка
Тут повыстали бурлакушки сердечные;
И как повышли со хоромного строеньица
И у крылечика оны обстановилися,
И как зглянули на хоромное строеньеце,
И на светлую зглянули оны свѣтлицу,
И сняли шапочки со младых со головушек,
И на три стóроны бурлаки поклонялися,
И со строеньицем оны да распростилися:
«И ты прости-прости, хоромное строеньеце,
Прости, светлая тѣсова нова горенка!
И не бывать да на родимой буде родинке,
И не хаживать по хоромному строеньицу,
И нам не сиживать во светлой буде свѣтлице!»
И поклонилися несчастные рекрутики,
И печальные удáлы добры молодцы,
И своим да всё ступистым лошадушкам:
«И спаси господи ступистых лошадушек,
И что возили нас, печальных добрых молодцев,
Всё по этым владычным по праздничкам,
И по тихим по смиренным беседам,
И по унылым, слезливым по свадебкам!
И знае-ведае несчастно ретливо сердце:
И нам не езживать на ступистых лошадушках,
И нам не сиживать на санках самокатных!»
И уж как тут эты рекрутики печальные
И оны пóджали ретливое сердечушко,
И сговорили тут, несчастны, таково слово:
«И ты не ной, наше сердечко молодецкое,
И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая!
И жаль расстаться со родимой со сторонешкой!»
И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю,
И подхватили да их судьи поставленные,
И взяли молодцев под правую под рученьку,
И посадили во печальны дубовѣ сани
И приукрыли соболиным одеялышком;
И приоттóкнули желанных родителей
От своих оны сердечных милых детушек,
И отпихнули сродчев-сродничков любимых!
И тут извозчички добрых конѣй понудили,
И добры кóнюшки пошли да суровешенько.
И быдто серый волк под кустышком поукиват,

И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовых санях оны да горекут!
И не далѣ-то им судѣи немилосердые
И со старыма старушкам им проститися
И на все стороны рекрутам поклонитися!
Как везут да их извозчички немилые
И не по разуму ступистые лошадушки
И дале, дале от родимой сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому принѣму государеву.

К матери — двоюродная сестра:

И ты послушай, бедна мать да горегорькая!
Хоть снаряжашь свою скачѣную жемчужинку
И ты не в славны города да понизовые,
И не в извозчички, горюша, ты в охотные,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольные,
И не по эту золоту казну довольную,
И погляди, бедна кручинная головушка,
Ты на эта златокрыла ясна сокола!
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветном бурлацком во платьице;
И не красѣт на нем да цвѣтно это платьице,
И со кручинушки головушка не гладится,
И со обиды волос к волосу не ладится,
И со печали жѣлты кудри растрепались!
И не темны леса ко зени приклонилися,
И не камышки нонь с гор да поскателися,
И добры людюшки бурлаку сдивовались —
И до сегодняшня господня божья дѣнечка,
И как до этой до студеной холодной зимы,
И быв свеча у нас была да нетоплѣная,
И как вербá, да был наш свет-то, золоченая,
И быв сахарная он был да деревиночка,
И как наливная изюмна ягодиночка;
И уж как этой студѣной холодной зимой
И наша милая скачѣная жемчужинка
И быдто деревцо, наш свет, да подсѣчѣное,
И во сыром бору береза подсушѣная,
И недозрѣвшая как теперь да ягодиночка,
И быдто вѣшная земля да ворошоная,

И на лугах трава, наш свет, да подкошоная,
И быдто рыбинка во сетку изловлёная,
И как ясён соко́л во клетку посажо́ной!
И как сегодняшним господним божьим дёнечком
И скрозь туман да печё́ красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светёл месяц
И скрозь облак-то течет да наша милая звезда
да подвосточная.

И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
И на сердечное рожоно свое дитятко:
И нынь не годышек ведь с им да годовать,
И не уречная неделя красоватися,
И прошла зимушка студёна — не выдаюча,
И вдруг недели миновались — не слыхаюча;
И по часу́ наши бурлаки одеваются
И во злодийную палату снаряжаются.
И ты послушай, свет сестрица сдвуродимая!
И как ночесь да было темной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитятко
И было убрано хоть складнее зголовице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру
И сговорил да тут скачёная жемчужинка:
«И я последнюю-то сплю да тёмну ноченьку
И я на этой на пуховой перинушке,
И на убраном я на складнем на зголовице!
И ты послушай же, родитель родна матушка,
И не клони да в сон победной буйной го́ловы,
И подле сядь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечушка;
И ты гляди-смотри, родитель, во белó лицо,
И ты погладь да по несчастной буйной го́ловы,
И подрачй ты по несчастным по белым грудям,
И не жалея, зажги свечи да воску ярого!»
И темной ноченькой свечй горят-туманятся,
И как несчастной добрый мблodeц печалится,
И не спокойна была тёмна ему ноченька;
И, зная, что ведае ретливое сердечушко
И нынь над молодцем великую невзгодушку!
И он не сном да тёмну ночку коротает,
И он горючима слезама обливается;
И от победных молодецких его слезушек
И потонувши круто складнее зголовице

И полинявши наволочечки шёлковые!
И с тоски смáхне молодецки свои рученьки
И на печальну молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои желтые кудёрышки,
И подает да он родимой своей матушке:
«И ты возьми, моя родитель жалостливая,
И мои желтые завивные кудерышки,
И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,
И прижимай да ты к ретливому сердечушку;
И знаю-ведаю, горюн да я печальной:
И что забудешь ты, родитель родна матушка,
И ты меня — своё сердечно мило дитятко —
И ты ведь по́ясок носить будешь слабёшенько,
И ты обрóнишь мои желтые кудёрышки,
И подойдут да светы братьяца родимые
И мои желтые завивны там кудёрышки
И повыкинут с хоромного строеньица,
Иль сожгут оны в огни да в этом плящем!»
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
Уж как этую скачѣную жемчужинку
И ты в несчастный день во середу засіяла,
И в бесталанный день во пятницу вспорóдила;
И, зная, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда божьи были церкви приотворены,
И во церквах да божьи книги приотомкнуты,
И двери царские в церквах были приотперты;
И в бесталанный час по вечеру родила,
И когда кúзнецы во кузницах стояли
И как булат это железо разжигали
И ко оружицам замки да прилагали;
И на роду служба ему, свету, уписана,
И на делѹ ему от братьев приделялася!
Еще слушай же, сестрица сдвуродимая!
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,
И то гордливы тыи детушки, спесивые.
И попеняю при всех дсбрых я людюшках,
И посрекаюсь при спорядных суседушках:
И ты не матушка была да ему — мачеха,
И быдто ў сердца его ты не носила;
И не слыхал да он, любимо наше племнятко,

И как от вас, своих желанных родителей,
И он ни ласкова прелестного словечушка,
И не видал да он, скачёная жемчужинка,
И от вас да он великого желаньца,
И ненавидли светы братьица родимые
И за столом его сидеть да за дубовым,
И на стульицах его да на кленовых!
И возрастал как он, любимо наше племнятко,
И он не нашивал сапоженьков козловых,
И он не держивал бурлацка цветна платица,
И была не дана ступистая лошадушка
И ходить-издить по владычным по праздничкам;
И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянской работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка,
И почитали-то его да как работника!
И говорит тебе сердечно мило дитяtko,
Он пеняет жалостливой тебе матушке:
«И попустила что великое желаньце,
И по головушке, родитель, нонь подрачиваешь?
Я не дитяtko тебе да не сердечное,
И ты солдатушком меня да ведь засияла,
И ты солдатушком меня да ведь спорóдила;
И не на красном да я солнышке повырощен,
И уж я рос да на катучем синем камешке;
И не дитяtko ты рóстила — изменушку;
И надсмехались светы братьица родимые.
И надрыгались желанные родители!
И удивляюсь я, удалый добрый молодец, —
Уж как этóей студёной ноньку зимушкой
И стали светушки ведь братьица ласкóвые
И родима моя матушка спацлйвая!
И кругом-около родитель-то подхаживат,
И хоть во ясны мни-ка очушки поглядыват,
И уласкают светы братьица родимые
И всё милыма прелестныма словечушкам,
И утешают-то несчастна добра молодца.
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся:
И при послéди я скажу да поры-времечки:
И мне-ка не было, бурлаку, приберёгушки
И от ролителей великого желаньца!
И уж как мне-кова, несчастну добру молодцу,

И мне-ка не было ведь сладка уеданьица,
И мне медвяного, бурлаку, упиваньица;
И не настроено да мне-ка цветна платьица,
И всё вы ладили на милых других детушек!
И я повѣстану по утрышку ранешенько,
Я обуюсь в сапоженка поскорешенько,
Я одену хоть шубенку стозаплатнюю,
И подпояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
И снаряжусь да на крестьянскую работушку,
Я во эти во темны леса дремучие,
Я за этима травама за зеленыма;
И мои братьица в домѣ да оставаются,
И на пуховой перинке проклаждаются.
И хоть прииду со темных лесов дремучих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на конинные,
И задам лошадям еденья со питемьцем,
И я приду да во хоромное строеньице,
И у моей да у родителя у матушки
И произведены обеды полуденные,
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьица родимые;
И по избы стану, несчастной, я похаживать
И говорить стану родителю я матушке:
«И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне еденья со питемьцем!»
И по избы станешь, родитель, ты похаживать,
И ты не с вѣсела на мѳлодца поглядывать,
И ты не ласково со мной да разговаривать!
И уж как этѳей студѳной-холодной зимой
И сдивовалися ведь дѳбры эти людѳшки —
И хоть стала нѳнь близѳшенько подхаживать,
И в устах держишь хоть прелестные словечушка,
И во сердѳцѳ нету великого желаньица,
И лицемеришь нѳнь при добрых столько людѳшках,
И обиждашь столько удала добра мѳлодца!
И мне-ка ѳз роду ведь было да из племени
И всех желаннее родитель была тѳтушка,
И на любимое была да краснословице,
И на сердечное великое желаньице,
И на заступушку была на приберѳгушку!
И у меня нѳнь, у несчастна добра мѳлодца,

И так победное сердечко разгорелось,
И так обидушка с досадой расходилась!
И не ласкайте, светы братица родимые!
И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
И не диви да многих добрых столько людюшек —
И я не дитятко тебе да не рожиное!
И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рачитель до участков деревенских!
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И что вы ростили удала добра молодца,
И во людюшки вы растили казенные,
И на убойну эту службу государеву,
И на измену светам братицам родимым!
И высокí, да знать, вы тѣрема постройте,
И знать, зеленые сады да принаситее,
И винограду, видно, в садику наростите;
И как послí меня, бѣсшастна добр́а молодца,
И принаскопите казну да вы бѣсшчѣтнуу,
И будут детушки стоять ваши любимые,
И во уличках стоять оны рядовых,
И во лавочках стоять оны торговых!
И уж как я, да горегорькой е детинушка,
И единѣшенек, удáлой доброй молодец,
И отрешон да от крестьянской я от жирушки,
И приотказан от хоромного строеньица;
И быдто птиченька в лесах да заблудящая,
И так же я, бедной бѣсшастный добрый молодец!
И прости-йзвини, родитель родна матушка,
Что попенял да я при добрых тебе людюшках
И посудьячил при спорядных суседушках, —
И я клоню тебе бѣсшастну буйну голову
И молодецко бѣсшаланное сердечушко!»
И я скажу тебе, сестрица сдвуродимая,
И для людей зря рушишь горьки свои слезушки,
Как вестимо всем спорядным суседушкам
И про его да молодецко возрастаньице,
И какова была от вас да приберѣгушка;
И он гневѣн да наш сдовольной белой светушко,
Что говорят да его братица родимые:
«И мы возростили себе да всё изменушку!»
И оны х́дя, светлы братья, взвеселяются:

«И слава богу-то теперь, да слава господу!
Е замена в грозной службе государевой!»

Вопленица за рекрута обращается к тетке:

И спасет бог, да сдвуродима мила тетушка,
И на твоём складне-умильном причитаньице,
И на твоих да на рассказах правосущиих!
Уж как я, да разбессчастный добрый молодец
И бесталанная победная головушка,
И я в бессчастный день во среду засиян,
И в бесталанной день во пятницу вспорожен,
И я солдатушком в купели ведь окупан,
И во казенные во людюшки возро́шен,
И меня в зыбоньке, солдатушка, качали,
И вдвое-втрое тут мни горя накачали!
И уж я взрос да на катучем синем камешке,
И к завоенному оружицу воскормлен,
И на измену светам братьяицам родимым;
И от младости во радости не бывано,
И от рожденьица веселых дней не видано,
И не видал да я великого желаньица
И от родителя родимой своей матушки
И не слыхал да я прелестных словечушек
И от своих да светов братьицев родимых!
И поровечники ведь мни были не по́дружье —
И подойду я к ним, уда́лой доброй молодец,
И во глаза-то мни оны да прилещаются,
И посторонь оны «служивым» нарекают,
И говорят да там суседи спорядовые:
«Не участник он участков деревенских,
И не дольщик он крестьянского ведь полюшка
И не косец да на луговых буде по́женках!»
И во глаза лестят дружье-братья-приятели,
И по заглазью-то оны да спроговаривают:
«И вот казенный-то солдатушко похаживае,
И горемыка-та уда́лая погуливае!»
И подойду да я ко красным ко девушкам,
И ведь тут да мни, бессчастну, не весельице,
И красны девушки меня да сторонилися,
И быв чужанина меня да полошилися!
И вдруг подре́же тут победно ретли́во сердце
И пустылая родима ка́же родинка!

И еще слушай же, родитель мила тетушка!
И ты пойди со мной ко городу Петровскому,
И да ты погляди, родитель мила тетушка,
И как в злодийной ведь палате белокаменной
И нас до́гола, победных, раздевать будут,
И становить станут под меру государеву,
И принимать станут несчастных добрых молодцев
И во злодийную во службу государеву!
И станут брить да наши желтые кудёрышки,
И приберешь, моя родитель мила тетушка,
И мои желты молодецкие кудёрышки
На доброумице себе, на погляженьице
И на роздий себи великой кручинушки;
И ты увидишь тут, родитель мила тетушка,
И как нас сводят в божью церковь посвященную
И принимать да нас присягу уреченную,
И служить да верой-правдой нам, солдатушкам,
И без измены-то царю — богу русийскому.
И тут повысмотришь, родитель мила тетушка,
И как водить станут несчастных солдатушков
И приучать да ко оружьям завоенным,
И нас ко этим пистолетам зарукавным;
И как съедешь на родиму нашу сторону,
Порасскажешь многим добрым столько людюшкам
И всим приближним спорядовым суседушкам!

Вопит соседка, у которой брат в солдатах:

Я стою гляжу, кручинная головушка,
И что впотай рушú, победна, горючий слезы,
И не попушу да я, кокоша, жалка голоса,
И я обидной горькой причети солдатской!
И подивуют мне-ка добры эты людюшки;
И посрекаются спорядны вси суседушки;
Я сестра, видно, стою да ведь безбратняя,
И, знать, сердечушко мое да беспечальное,
И у меня ведь, у победной у головушки,
И едина́ также скачёная жемчужинка,
И единóутробной светушко братец родимой,
И также отдан в грозну службу государеву!
Уж как третий-то учетный идё годышек,
И как я да была в городе Петровском,
И хоть недолгой я поры да была времечки,

Хоть одну жила уречную неделюшку,
И насмотрелась на несчастных я головушек
И на победну горьку жизнь да я солдатскую!
И не дай господи на сём да на белом свете
И глядять-смотреть на подстрильных ясных
соколов!

И отрешённые-то от добрых оны людюшек,
И приотрёкнутся от сродчев оны сродничков.
И я гляжу да нынь, печальная головушка,
И как похаживат наш сдовольной белой светушко,
Уж как милой спорядовой наш суседушко
И он по доброму хоромному строеньицу,
И как тоскует-то ретливое сердечушко
У дорогой милой скачёной жемчужинки!
И мне-ка смить ли то, печальной головушке,
И подойти, бедной горюшице, близешенько,
И наложить свои несчастны белы рученьки
И на победы молодецки твои плечушки
И на несчастну молодецкую головушку!
И не огонь иду, горюшица, не обпалю,
И не змея иду, победна, я не обклюну!
И сама по себе, горюша, разумею могу,
Я по светушке по братце разумию вас:
И жаль расстаться с молодецкой вольной волюшкой
И распротиться со родимой со сторонушкой!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко!
И не радию я, победная головушка,
И тоби быть да в грозной службе государевой;
И возврати господи скачёную жемчужинку,
И тебя взад да на родимую сторонушку,
И большаком да тебя в дом-то настоящим,
И тебя пахарем на чисто взад на поляшко,
И сенокосцем на луговые на поженки,
И севцем да на распашисты полосушки,
И рыболовушком на сине на Онегушко!
И как тебя, да тепло-красно наше солнышко,
И наша милая свеча да не топлёная,
И сожालиют вси спорядные суседушки
И за твои да за умильные словечушка!
И как смиреннице у ты было со кротостью,
И ты не плут да был ведь, свет-то, не разбойничек,
И красным девушкам ведь ты да не насмешничек,

И молодым женам ведь ты да не проказничек,
И как мужниим-то жо́нам не стыдитель был!
И долгих вѣчеров, наш свет, да не просиживал,
И тѣмных ноченок, наш свет, да не прогуливал!
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на тебя, да златокрыла ясна сокола;
И нынь под тученькой ты ходишь гряновитоей,
И ты под облакой ведь е да страховитоей!
И ты думаешь несчастным своим разумом:
«И возвращусь да на родиму, може, родинку!»
И ты послушай-ка, скачѣная жемчужинка,
И не поставь во гнев, сдovольной белой свѣтушко,
И буде господи-владыко не помилует
И от злодийной тебя службы государевой,
И ты пойдешь да во солдатушки походные,
И ты во дальнюю путь-широку дороженьку,
И в безызвестну незнакомую сторонушку,
И я понáжу, печальная головушка,
И как тебе, милый спорядный мой суседушко:
И не случится ль тебе слышать
И там про братца про родимого
И увидеть мою скачѣную жемчужинку!
И во единой во казармы, може, сойдетесь,
Иль на стретушке, несчастны, може, стрититесь,
И да вы дѹ-друга, победны, приузнаете,
И за одним, може, столом да вы там будете,
И, може, сядете за стол да против дѹ-друга,
И вы на дѹ-друга, победны, усмотрѣтсь-ко,
И потихошеньку ведь вы разговоритсь-ко:
«И с коей стóроны, солдат, какой губернки?
И сколько лет служишь во службе государевой?
И ты которой год в солдатушках походных?»
И тут вы дѹ-другу, победны, порасскажетесь,
И вы, несчастны тут солдаты, порасплачетесь!
И ты скажи, да спорядовой мой суседушко,
И моей милоей скачѣной жемчужинке,
И скажи низкое поклонно челобитьице!
И ты скажи еще, сдovольной белой светушко,
И таки ль гнев несѣ скачѣная жемчужинка
И всё на нас, да на печальных головушек,
И что не пише скорописчатой он грамотки,
И не упише свою жизнь бедну солдатскую?

И таки ль нет да ему вольной столько волюшки,
Иль на письмо нет золотой казны бессчётной,
И нет попутчиков оттуль, видно, ходаталей?
И ты поросскажи, спорядной мой суседушко,
И что не знаем мы, горюшицы, не ведаем,
И во какой орды наш свет, да во какой земли;
И что по утрышку его мы воскликаем
И по вечерним зарям да вспоминаем!
И ты скажи, да тёпло-красно мое солнышко,
И как тоскую я по братце по родимоем!
И кабы мне-кава, печальной головушке,
И были крылышки, горюше бы, гусиные,
И были полёты, победной, лебедины бы,
И я бы справилась, горюша, поднималась
И выше лесушку, победна бы, дремучего,
И на безродну бы на чужу на сторонушку,
И я во дальни города бы незнакомые;
И облетела всю Русию подселенну бы,
И повзыскала бы скачёную жемчужинку
И на пути да во солдатушках походных,
Я по этим бы казармам по казенным,
И по часовенкам искала бы на спасеньи,
И по зеленым лугам да там на страженьи!
Я слетала бы за сине за Онегушко,
Я во это в океян да сине морюшко,
Повзыскала бы по чёрным большим кораблям,
И я по этим берегам да незнакомым,
И признавала б светушкѣ братца родимого
И по солдатскому несчастну белу личушку,
И по печальным его ясным по очушкам,
И по обидным по солдатским разговорюшкам!
И знаю-ведаю, печальная головушка,
И про его да я жизнь горьку-бесщастную!
И как в три годы резвы ножки притопталися,
И все солдатски сапожонка придержалися,
И по походушкам мондеры притаскалися,
И заболели-то солдатски его плечушка,
И столько носячи ранцы эти казенные,
И подрожали, може, бѣлы его рученьки,
И столько дѣржачи оружьяца военные!
И притомивши-то скачѣная жемчужинка,
Уж он ходячи, наш свет, да по походушкам,

И он стѣючи, победной, каравульщиком
Всѣ у этих замков да у казенных!
И еще слушай же, спорядной мой суседушко,
И ты скажи да светушку братцу родимому:
И как послѣ его, скачѣной жемчужинки,
И изменилася крестьянска наша жирушка,
И издержалась золотѣ казна бессчѣтная!
И ты еще скажи, спорядной мой суседушко:
И хотя ж есть да светушки братцы родимые,
И всѣ не спѣцливы к солдатушку несчастному,
И как в злодийну его службу приотправили,
И прозабыли его братьица родимые,
И не распрѣдают любимой скотинушки,
И не пришлют да золотой казны по надобью,
И на расход ему, солдатушку несчастному!
И сдайволей, да спорядовой мой суседушко,
И мни порѣсказать про службу государеву,
И что я видела, печальная головушка,
И как была да я во городе Петровском
И отпускали как солдатушков несчастных
И их во партии, победных, во собраной,
И как идут да путем-широкой дороженькой,
И оны в дальнюю орду да безызвестную.
И как по раннему было да всѣ по утрышку
И приходили эти дядьки-то со старшинами,
И оны прѣшли по казармам по казенным,
И оны громко всим солдатушкам сказали:
«И вам отправка сего дѣнечка господнего
И вам со города теперь да со Петровского».
И как у этих у солдатушков несчастных,
И в крепкий сон да у солдатушков не забранось,
И тут повѣстали солдатушки победные
И как со этих оны коек со казенных,
И тут Иусову молитву сотворили,
И во слезах глаза солдатушки крестили,
И не ключѣвой водой да умывалися,
И как не в бело полотно да утиралися —
И умывалися солдаты горючмы слезмы,
И утиралися великой обидушкой,
И обували сапожѣнки тут казенные,
И на плечушки шанельчишки походные,
И крепко-накрепко сердечко подтягали;

И приходили хотя дядьки-то со старшинами
И их повывели на широкую на уличку,
И их в шариночку, солдатов, становили,
И по единушке солдатов выкликали,
И во походные солдаты назначали.
И как в шариночке победнушки стояли,
И уж так да камендёры надрыгались:
И как стояли бы, солдатушки, прямёшенько,
И глядели бы, несчастны, веселёшенько,
И белы рученьки были б да порасставлены,
И в единую струну бы ноженьки наставлены,
И говорили бы солдаты умильнёшенько,
И привыкали бы к ученью хорошихонько!
И насупротив стоим, победны мы головушки,
И поближёшеньку ведь нас не подпускают
И как злодии-камендеры скрозекозные;
И нету душеньки у их да во белых грудях,
И нету совести у их да во ясных очах,
И нет креста-то ведь у их да на белой груди;
И немогуту им умильно причитаньице,
И им не по сердцу горючи наши слезушки!
И как приставлены судьи да всё немилостливы,
И тут привозят оны бочки с ключевой водой,
И тут над нами-то оны да надрыгаются!
И как начальнички стоят да там не русские,
И как судьишечки ведь там не новгородские;
И велят оны из труб да всё пожарных
И нас окачивать, победных головушек,
И всё тушить пожар в ретливых сердечушках!
Ой, тошнёхонько победным нам головушкам!
И немогуту нам сесветное живленьице
И всё от этих властей да страховитых,
И всё от этих судей да скрозекозных.
И суди господи злодиям-супостатым
И за их тяжкие велики беззакония!
И ты услышь наши молитвы изутробные,
И ты узри да наши слезы горегорькие!
И при последи-то походе этой времечке
И как на нас, да на победных головушек,
И быдто белочки солдатушки поглядывают,
И быв упалы серы заюшки посматривают,
И не посмиют-то, удалы добры молодцы,

И с ноги на ногу оны да всё переступить
И скинуть ясных несчастных своих очушек
И всё на нас, да на печальных головушек,
И у которых е желанны хоть родители,
И у которых е сестрицы хоть родимые,
И хотя ж клубышком, горюши, мы катаемся,
Хотя червышком, несчастные, свиваемся,
И не повиря нам, победным головушкам,
И столько этии власті немилосердые.
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И своих милых скачёных нам жемчужинок;
И на три ряд наше сердечко прирастрескае,
И на четыре ряд утроба перелопала,
И столько глядячи на братицев родимых!
И подходить стали судьи неправосудные
И как ко этиим солдатам новобранным,
И наливали тут по чары зеленá вина,
И оны в музыку, злодии, заиграли,
И барабанщик барабан да пробивает.
И сговорят да тут судьи неправосудные:
«Марш! В поход пойти несчастным солдатушкам!»
И позади пошли победны мы головушки,
И мы не знаем-то, кокоши горегорькие,
В кую путь пошли широкую дороженьку;
И сговорят да тут судьи неправосудные:
«И вы, прибравые солдатики молóдые,
И вы по городу пойдете по Петровскому
И мимо славную палату енеральскую,
И вы пойдите, новобраны, веселешенько,
И пойте писенку, походны, умильнешенько!»
И столько диется солдатушкам несчастным!
И им писенки запить да не хотелось бы
И ущемлят у их ретливое сердечушко,
И обмирает у их зяблая утробушка!
И впереди идут всё дядьки да со старшима,
И позади идут ведь крепки караульщицки,
И среди да музыканты с барабанами;
И как по городу идут оны тихошенько,
И скрозь слезы поют жалку оны писенку,
И скрозь обидушку словечка выговаривают,
И не мешаются, ногами-то выступают,
И ретливо сердце ведь кровью запечатано!

И не дай господи на сѣм да на белом свету
И расставаться-то со братьицем родимым,
И отпущать да во солдатушки походные!
И не глядили бы победы ясны бчушки
И на несчастное житье да на солдатское,
И на слезливо их, победных, расставаньице!
И как жива эта разлука пуше мертвой!
И не радила бы победна я головушка
И я ни роду бы крешеному, ни некрести,
Как ходить да по солдатушкам походным!
И я не знаю ведь, печальная головушка,
Кое день да кое темная де ноченька;
И во горях, бѣдна кокоша, во кручинушке,
И по сырой земле, горюшица, каталася!
И сговорила тут скачѣная жемчужинка,
И мой несчастной светушкѣ братец родимой:
«И ты прости, прости, сестрица-свет родимая,
И ты во всей вины прости да во всей глупости!»
И сговорил да еще, красно мое солнышко,
И со правѣй руки подал мне злачѣн перстень,
И от сердечка опояску новгородскую,
И со кармана он платок да левантеровой,
Вси подѣл да он утѣхи молодецкие
И сговорил да при послѣди таково слово:
«И дарю тебе, сестрица-свет родимая,
Я на память-то, сестрица, свой злачѣн перстень,
На доброумье опояску новгородскую,
И на роздѣй тебе великой кручинушки
И со кармана я платок да левантеровой;
И спамѣтй меня, сестрица-свет родимая,
И ты гляди да на последние подарочки,
И точно нѣ меня удѣла добра молодца;
И ты держи эты любимые подарочки
И да ты в день держи на белых своих рученьках,
И да ты в ночь ведь у ретливого сердечушка,
И мой злачѣн перстень держи, бедна, по праздничкам,
И прилагай, бѣдна, ко блѣклому ко личушку,
И прижимай да ко несчастну ретливѣ сердцу!»
Уж вы слушайте, народ да люди добрые!
Как прощалася, победна, расставалася
Я со светушком со братцем со родимым,
И мы плотнѣшенькѣ ко сердцу прижимались

И во сахарные уста да целовались,
И сговорил еще, скачѣная жемчужинка,
И с горя малое единое словечушко,
И он челом бил, мой ведь свет, да низко кланялся,
И он до матушки, наш свет, да до сырой земли
Уже всим вкупе спорядным суседушкам,
И он воздал да всим спасибо с благодарностью,
И он за ваше за великое желаньице!
И буде вирите, народ да люди добрые,
И не могу забыть, кручинная головушка,
И я про слѣзное со братцем расставаньице,
И я про бедное солдатско похождение, и
И я ни в день забыть, ни в тѣмну ночь осеннюю.
И поглядите, многи дѣбры столько людюшки,
И вы на этого несчастна добра молодца,
И вы на этого суседа спорядового!
И он тонѣшенек теперь, да как тетивочка,
И молодѣшенек, наш свет, да как травиночка,
И зелена стоит быв он да деревиночка,
И недорѣсла, как кудрявая рябинушка,
И недозрела борова да ягодиночка!
И молчи-то-ко, спорядной мой суседушко:
И как ты сѣйдешь-то во службу государеву,
И на словах да ты, несчастный, всё простешенек,
И умом-разумом, победной, ты глупешенек.
И ты подтыченья, победной, наувидишься,
И ты поушенья, несчастной, напринимаешься;
И тут избита-то несчастна будет спинушка,
Всѣ подбиты будут ясны твои очушки,
Исколочена несчастна буде гѣлова,
Как подсечены ведь резвы будут ноженьки,
И придосажено ретливое сердечушко,
И приобижена несчастная утробушка!
И в темном лѣсе — да ты зверя утратился бы,
И в чистом поле — да ты змея убоялся бы,
И в злодейной этой службы государевой
И не начеешься ты горя — накачаешься,
И не надиешься обидушки — навидишься;
И невзначай да получать будешь поушенья,
И ты не знаешь, за что побои превеликие!
Уже ой да горе-служба государева:
И как еденьице вам буде ведь скотиное,

И точно пѣтице, побѣдным, лошадиное:
Удѣянице вам будутъ вѣдь сухарики,
И вамъ пѣтемъице-то вѣдушка со ржавушкой!
И хотѣ не великую вину да вы провѣинитесь,
И нѣту милости, несчастнымъ, нѣтъ прощеньица;
И подъ бока станутъ солдатскіе подтыкивать,
И подобьютъ да ваши ясны эты очушки,
И побѣдную несчастную головушку,
И даютъ розги во несчастны ваши плечушки,
И уже бьютъ да такъ несчастну вашу спинушку
И страшно-ужасно вѣдь палкама великими,
И вамъ не сто даютъ вѣдь разомъ — целу тысячу;
И тѣло с мясомъ у несчастныхъ смѣшается,
И какъ изъ плечъ да ручьемъ кровь-то разливается!
И какъ отъ этихъ побоевъ отъ тяжелыхъ
И тутъ несчастна бы головка не клонилась,
И тутъ солдатское бы сердце не корилось,
И набъ повынести могучимъ вашимъ плечушкамъ
И эты смертныя побои да тяжелыя,
И набъ повытерпеть несчастному сердечушку
Ужъ какъ всю эту обиду преужасную;
И тутъ утробушка у васъ не унывала бы,
И горючі слезы у васъ не протекали бы,
И какъ предъ этимъ начальствомъ предъ всевышнимъ,
Какъ предъ этимъ злодѣемъ супостатымъ;
И веселымъ набъ быть, побѣднымъ, не смеяться,
И при обиды вамъ, несчастнымъ, не расплакаться —
И между собой начальники смущаются,
И надъ несчастными солдатамъ изъезжаются!
И не поставь во гнѣвъ, спорядной ты суседушко,
И что жалобно, горюша, причитала,
И про злодѣйну грозну службу рассказала;
И хотѣ я нѣ была во службы государевой,
И не ходила по походамъ я солдатскимъ,
И столько бѣла я во городе Петровскомъ —
Я одинова со братцемъ со родимымъ,
Хотѣ одну была уречную неделюшку,
Я навиделась, побѣдная головушка,
И насмотрѣлась на солдатовъ новобранныхъ,
Какъ ходили на ученіице великое;
И хотѣ ж ветрышки-то были со погодушкой,
И была стужа со морозами крещенскимъ,

И всё неверны командиры страховитые
И столько этих солдатушков молодых
И приучали ко оружию завоенному,
И чтобы вдруг ровно направо повернулись,
Чтоб в минуточку оружия перекинули,
И их повыстанет шариночки казенные,
И плечо с плечом ровно б у них ровнёшенько,
И буйна голова была б у их прямёшенька,
И отойдут да командиры тут ведь ротные,
И оны впрямь глядя по плечушкам могучим,
И оны вточь глядя по буйной по головушке.
И новобранные солдатушки несчастные,
И всё к оружию оны не применились,
И оны в вытяжку стоять да не навыкли
И поворотушков держать да не умиют!
И горячи да эти ротные — свирепые,
И отдалі да оны скоро поразбьются,
И закричат оны, злодии, по-звериному,
И как этих несчастных солдатушков
И оны ткнут да всё во правое во плечушко!
И как у этих солдатушков несчастных
И со ясных очей да слезы вдруг вытекут.
И как у нас, да у печальных головушек,
И обмират наше ретливое сердечушко,
Уж как глядячи на скачённых жемчужинок!
Хоть в бело лицо дуют буйны эти ветрышки,
В ясны очи бьет погода непомерная,
И никуды, бедны солдаты, не увёрнешься,
И по фатерышкам, несчастны, не разбьдешься!
И от снежку да зябнут резвы у их ноженки,
И от оружица несчастны ручки белые,
И от морозушку сердечко перетрескает;
И не одеты там соболю белы шубоньки,
И одни только мундеры сукон серых;
И у их здрагиват несчастно тело белое!
И мне-ка жаль того, победной головушке:
И лучше я, бедна горюшица, радела бы
Ему скорую злодийну бы смеретушку
И опустила бы, горюша, во сырú землю!
И тут не ржавело б победно ретливо сердце,
И где таскается несчастно наше дитяtko,
Иль зябет да по студёной он по зимушке;

И летной пóрой на дождях стоит сыпучиих,
И на страстях, може, светушко, на ўжастях;
И мое трескае ретливое сердечушко.
Ой несчастные солдаты, неталанные!
И как у вас, да у победных головушек,
И без угару разболится буйна гóлова
И от побююшков у вас да от тяжёлых!
Наб бояться-то судей неправосудных,
И покоряться наб властям немилосердным,
И подрожать да вам кажинную минуточку!
И буди проклято на сём да на белом свете —
Уж как это зло-великое несчастье,
Всё злодийное проклято бесталанье —
Уж как эта грозна служба государева!
И труднá-тýжела ведь служба государева:
И день и ночь служить солдатушкам несчастным,
И нет покою-то ведь темной этой ноченькой,
И нет отдóху на владычны божьи празднички!
Дробить наб, да как начальству-то являтися,
Чтоб мундеры сукон серых наглажены,
Как оружице всё было бы начищено,
И сабли вострые всё были бы насветлены,
И плотно-на́плотно ведь были б подпоясаны!

*Если рекрут пошел охотой за братьев,
то соседка продолжает:*

Да ты слушай же, спорядной мой суседушко!
И ты окинулся на братицев родимых
И на их ласковы прелестные словечушка!
И ублаждают тебя, доброго ведь молодца,
И тебе цвётно ноньку платьице наряжено,
И тебе ествушки сахарные составлены,
И тебе питьица медвяные налажены,
И для прогулушки добры кони подпряжены.
И да ты думаешь, спорядовой мой суседушко,
И что ведь век будет тебе да уваженьице?
И не веко́во уваженьице — часо́вое!
И тебя сда́ют как во службу государеву,
И позабудут светушки́ братцы родимые!
И буде бог судит, владыко многомилостливой,
И по благу́ служить ведь службу государеву,
И буде выслужишь уречны эти годышки,

Буде возвратишься на родимую сторонушку, —
И не будет тут от братьев уваженьица,
И приобидят тут солдатушка несчастного,
И сговорят да тебе братьица родимые:
«И ты не дольщикек крестьянской нашей жирушки,
И не участничек участкам деревенским,
И не пристройщикек к хорошему строеньицу,
Ты не пайщикек любимой скотинушки!»
И позабудут светушки братцы родимые
Оны нынешню напасть-беду великую,
И сговорят еще солдатушку несчастному:
«И ты ведь дольщикек всё службы государевой,
И ты участничек солдатушков походных,
И ты пайщикек казармам всё казенным,
И половинщик ты оружьям завоенным!»
И заобидишься, солдат ты, закручинишься,
И во слезах да ты ответишь таково слово:
«Бог судья вам, светушкí братцы родимые,
И как во тó пору былó, да в тое времячко,
И когда грозна эта служба сустигала,
И вы не шли да туды, братцы, не сдавались,
И вы ведь мной, да горегорьким, заменялися,
И кабы знал да я, несчастной, про то ведал бы,
И вас не слушал бы я, братицев родимых,
И не окинулся б на ласковы словечушка,
И не сменял бы ум тот разум на безумице,
И я не шел бы в грозну службу государеву!
И хоть бы в горе жил — на вольной своей волюшке,
И хоть я в хóдом был, победной, во житишечке, —
И столько нá своей любимой бы сторонушке!
И как за вас, да светушкí братцы родимые,
И много страсти я привíдал, много ўжаси
И большíй того — побоев превеликих;
Белы рученьки мои да примахалися,
Белы ноженьки мои да притопталися,
Ясны очушки мои да притомилися,
Бедна спинушка моя да пораспластана,
И вся утробушка моя да перержавела;
От подтычин я не вижу света белого,
От поушенья не слышу ветра буйного!
Бог судья вам, светушки братцы родимые!»
И тут вспомнишь ты кручинную головушку,

И ты меня, да ведь приближную суседушку:
«И говорила как спорядная суседушка,
И так ведь йзбылось и в точь всё обрещáлось!»
И ты не гневайся, сдовольной белой светушко,
И на мое да ты нескладне причитаньице!
Хоть не умильно я, горяша, причитала,
Столько ума-разума в головку придавала!
И хоть не много жизнь солдатскую видала,
Знаю-ведаю, победная горящица,
Каково да им, несчастным, уваженьице!

Соседка к матери, если она не причитает:

Порастроньтес-ко, народ да люди добрые,
Дайте мистечка вы мни да несомножечко,
И с одну лётную со малую тропиночку,
И вы со эту дубовую мостиночку,
И не на добром мни кóмони проехать,
И единой пройти кручинной мни головушке,
И мне ко милое спорядное суседушке,
И повзыскать мне-ка, печальной головушке,
И мне, победной, бедну мать горегорькую.
И я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И я на милую спорядную суседушку,
И что сидит да на брусовой она лавочке,
И у ей поджато ретливое сердечушко,
И принаклóнена несчастна буйна гóлова,
И утуплены ведь очи на дубовой пол,
И вопотáй рушйт, горяша, горячий слезы?
И ты послушай же, спорядная суседушка!
И не попустишь ты унылой жалкой гóлосок,
Хоть не умильное бы складне причитаньице,
Всё не для чести, горяша, не для пóхвалы,
И со великой бы злодийной ты кручинушки;
И хоть горячи, бедна, слезы проливаешь,
И не повиря того добры тебе людюшки!
И про тебя, да про несчастную головушку,
И межу дý-другом тихонько разговаривают:
«И не жаліе, знать, сердечного ведь дитятка,
И свою милую скачёную жемчужинку!»
И не могла стерпеть кручинна я головушка,
И содержать свое ретливое сердечушко,
И подошла да я, кручинная головушка,

И наздыну свои несчастны белы рученьки
И на твои столько печальные на плечушки:
Ты послушай, спорядовая суседушка!
И что сидишь да на брусовой на лавочке
И не подходишь ко сердечному ко дитятку?
И он похаживат, удалый добрый молодец,
Хоть по доброму хоромному строеньицу,
И нету сродчев у него, да видно, сродничков,
И нету любушек-сестриц, видно, родимых,
И по головушке никто да не подрачивает,
И по несчастным его плéчам не поглаживает?
И подойди да ты, родитель родна матушка,
И ты наздынь свои, родитель, ручки белые
И на печальну молодецкую головушку,
И на несчастные могучи его плечушки!
И, видно, ў тебя, печальной у головушки,
И плотно-каменно ретливо, знать, сердечушко,
Что отдалí ходишь, горящица, туляешься
И от сердечного рожегого от дитятка!
И как у твоёй скачёной жемчужинки
И закручинилась несчастная головушка,
И закатился, знать, катучий белый камешек
И на печальное бурлацкое сердечушко,
И на несчастну молодецкую утробушку!
И он без ветрышка, наш светушко, шатается,
И ума-разума, победной, он срекается,
И он похаживает, свет, да выговаривает,
И он во все в эвты во добрые во людюшки,
И сговорит да он, победной, таково слово:
«И я не знаю, добрый молодец, не ведаю,
И что разгневалась желанна моя матушка
И на несчастного удала добра молодца,
И кругом-около родитель не обхаживат,
И ко мни во́ глаза родитель не поглядыват,
И про запас да в молодецко бело личушко.
И подойди скажи, родитель родна матушка,
И чим разгневал я, уда́лой доброй молодец,
И отрешил чим я родительско желаньице?
Аль ты слушаешь любимых своих детушек,
И моих милых светов братьицев родимых?
Ты подумай же, родитель родна матушка,
Как мои да светы братьица родимые

Изживают меня, бедна добра молодца,
И быдто лютого зверя да из тёмна леса,
И быдто лютую змею да из чиста поля;
И знать, что я, бедной несчастной доброй
молодец,

И знать, не дитятко тебе да не рожное,
И знать, не вси равны сердечны тебе детушки,
И тебе по-люби, знать, дети остаются.
Уж как вы, мои желанные родители,
Изгоняете несчастную головушку,
И быдто заишка с-под ракитова под кустышка,
И горносталя с-под катуша бела камешка!
И можно знать, моя родитель родна матушка,
И про несчастного удаля добра молодца:
Уже так мое сердечко разгоряется,
И зла великая кручина расходилася
И на сердечушке тоска да распалилася,
И белой свет да со ясных очей теряется!
И чем разгневал я родитель тебя матушку,
Так ты в том прости, родитель жалостливая!
И не гневил бы, победна моя матушка,
И при последи-то меня да поры-времечки,
И не дивил бы ты добрых-то людюшек,
И не знобил бы несчастного сердечушка!
И мне пройти было, несчастну добру молодцу,
И мне во этот бы унылой задний уголок
И ко желанной к родителю ко матушке,
И приклонить своя бурлацкая головушка,
И покорить да всё печальное сердечушко!
И не прошу да я, удалой доброй молодец,
Я ни злата-то у вас да всё ни серебра,
И не прошу да золотой казны по надобью —
Я прошу столько, родитель родна матушка,
Я родительско прощенье с благословленьем!
И как что сдизается, родитель моя матушка,
И над несчастной бурлацкой головушкой,
И как во этой во полаты белокаменной,
И буде бог судит несчастну добру молодцу
И во злодийной быть во службе государевой,
И не споконьте-тко несчастна добра молодца,
И вы приидьте-тко во город во Петровской;
И не забывайте, светы братица родимые,

И во поход меня, несчастна, проводите-тко!
И обмендерят как несчастных нас головушек,
И увидаете, сердечные, узнаете
Тут про нашу бедну жизнь да про солдатскую,
И про несчастное еденье со питемьцем,
И про тяжкие побои превеликие,
И про зло это начальство страховитсе,
И про злых этих судей да скрозекозных!»

Другая соседка к матери:

Я ответ держу, кручинна нынь головушка,
И я тебе, милой спорядной суседушке!
И да ты слышала, победна, в глаза видела:
И скрозь обиду твое дитятко высказыват,
И скрозь горючи он ведь слезы выговариват;
И приклонил свою несчастну он головушку,
И покори́л да бесталанно ретливо́ сердце
И он со этыма слезама со горючима
И он при всих да ведь при добрых при людюшках,
И при ближних спорядовых суседушках;
И он повысказал, уда́лой доброй молодец,
И како́ его из дому похожденьице!
И жаль-тошнёшенько удала добра молодца:
И он возрастом, наш свет, да не малёшенек,
И на походочку, наш свет, да быдто стопочка,
И во лица да всё белила со румянама,
И развесёлы молодецки ясны очушки;
И по палатушке пройдет, да свет, не стряхнется,
И говорит да наш свет-то, не мешается,
И знать, приглянется судьям там поставлёным!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И кабы́ у́ тебя, кручинной у головушки,
И во сердце́ было велико бы желаньице,
И во устах были прелестны бы словечушка
И до печального сердечного до дитятка,
И не допустила бы, победна, во резвы́ но́ги,
И ты приняла б на белы свои рученьки,
И от тошна́ горя́ к сердечку прижимала бы,
И со кручины к белу лицу прилагала бы,
Уговори́ла бы дитё да уласкала бы,
И наказала бы сердечному ты дитятку
И ты умильным родительским словечушком:

«И как поедешь ты, сердечно мило дитятко,
И ко злодийному ко городу Петровскому,
И на пути да гди на шірокой дороженьке
И где увидишь ты часовни богомольные,
Где прознаешь да ты церкви посвященные,
И во часовенки зайди да ты на спásенье,
И в божьи церкви заходи да ты на мóленье,
И да ты ставь-ка там свечи да всё рублевые,
И засуляй-ко пелены да всё шелковые
И ты пречистой пресвятой да богородице;
И молись да ты там богу, от желаньица,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал
И от злодийной грозной службы государевой,
И возвратил бы на родиму тебя родинку,
И во свой да дом, крестьянскую во жирушку;
И ты начальству во палаты не годился бы,
И черным вороном в глаза да показался бы!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И когда дитятко тебе да покорялося
И как несчастная головка приклонялася
И ко тебе да всё во резвые во ноженьки,
И у тебя, моя спорядная суседушка,
И не здынулись тут ведь бёлы твои рученьки
И на печальну на бурлацкую головушку,
И на обидны его желтые кудёрышки.
И знать, на ту пору уста да запечатались,
И у тебя, да у спорядной у соседушки,
И не воротится ведь нынь да всё речист язык!

Соседка, у которой брат в солдатах, к народу:

И вы послушайте, народ да люди добрые,
Что ведь я скажу, кручинная головушка!
Сама пó себи, горюша, разуметь могу;
Я была в такой ж великой кручинушке,
Я в несносной злодийной тоскичушке!
И как со светушком я братцем расставалася
И всё горючима слезама обливалася.
И во горях добрых людей не узнавала,
И родимого я братца не видала!
Не дивуйте-тко, народ да люди добрые,
И также этой спорядовой суседушке:
Ведь детиная тоска — неугасимая;

И може, нет да ума-разума в головушке
И у ей рóзмыслу в ретливом сердечушке;
И как сегодня, сего дёнечка господнего
И без ума, да може, мать ходит-шатается!
И вы не вірите, спорядные суседушки,
И нам, несчастным кручинным головушкам:
И вы во добрых живёте всё во жирушках,
И вы невзгоды над собой да не выдаюча,
И вы кручины-то печали не слыхаюча;
И може, рада бы она да прічитать —
И она в грамоты, горюша, не училася,
И всё от добрых людей да непонятная!
И не начаялась она да не надиялась
И над собой да всё великою кручинушки!
И она в доброй во крестьянской жила жирушке,
В добре рóстила сердечных она детушек;
И она думала победным, може, разумом,
Что повырашу сердечных своих детушек,
И отпущу да их на чужу на сторонушку,
И по охотным бурлацким работушкам,
И наживут да золотой казны по надобью,
И да мы приберем бурлакушка охотничка,
И добра молодца возьмем да мы нанемщичка,
И задайм да золотой казны бесщётной,
И слободим да мы бурлацкую головушку!
И не по думушкам теперь да дело ставится,
И не по розмыслам у ей да обрешается:
И хоть возрóстила сердечных еще детушек,
И сожалела отдать в добрые во людюшки,
И содержала на родимой их сторонушке,
И всё во доброй во крестьянской во жирушке.
Еще думала спорядная суседушка:
«Може, годышки-то будут не бедовые,
И не придут скоро наборы государевы!»
И как по ейному великому несчастьицу
И пошли годышки теперь да всё бедовые,
И времена пошли с бедами со напастями,
И часты пошли наборы государевы,
И выбирать стали удалых дсбрых молодцев,
И всё по полному бурлацкому по возрасту,
И красотой да всё по белому по личушку,
И на походочку бурлакушков шебливую,

На поговорюшку рекрутиков учливых!
И как у ей да тут, спорядной суседушки,
И тут повзросла сахарна деревиночка,
И вдруг ведь расцвела изюмна ягодиночка;
И тут ведь знать стали народ да люди добрые,
И тут проведали судьи неправосудные,
Что к набору есть скачёная жемчужинка.

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты проглупала скачёную жемчужинку,
И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было годышки,
И были людюшки ведь е да запростейшие,
Уж как прежний-то народ да был ведь
спяцливой,
И новгородские крестьяна небаловливы,
И как судьи да в тую пору правосудливы,
И как власти да тогда были милосердые,
И были времечка в ту порушку спокойные!
И прозабыла ты, печальная головушка,
И что ведь времечко идет да ускоряется;
И пошли людюшки ведь е да всё баловливы,
И судьи-власти-то пошли да скрозекозные,
И начальнички пошли да всё бездельные,
У их женушки пошли да белорукие,
У их дочушки пошли да ничевухи —
И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы, да одно в разуме —
И всё белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, несчастные, не ведают,
И что ведь дом вести — не головой трясти,
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудья
И на часу да всё законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
И мужиков-то всё судить да добираются,
И их нагладко, несчастных, разоряют!
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годышки ведь нонь да всё бедовые,
И зачастую неприятель всё волнуется,

И под Русию подселенну подбирается,
И пошли часты нонь наборы государевы!
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И да ты властна всем сердечным своим детушкам,
И ты бы ладила в уречны их во годышки
И ты бы славным купцам да всё богатым,
И ты бы нажила златой казны бессчетной;
И не спала бы ты по темным по ноченькам,
И ты ездила б к судьям неправосудным,
И ты по этим писарям да хитромудрым,
И на безлюдье золотой казной дарила бы,
И чтоб подальше в жеребьях да отложили бы
И твою милую скачёну бы жемчужинку!
И нынь схватилося, спорядная суседушка,
И жалить да всё сердечно свое дитяtko,
Как поблизёшеньку в бумажку записали;
И ты проспала-то по темным по ноченькам,
И нынь проглупала по божиим по дёнечкам;
И наб вдруг спустить сердечно нонько дитяtko
Из очей да ведь скачёную жемчужинку,
И единёшенька удала добра молодца
И от доброй крестьянской от жирушки.
И вам укор да от спорядных суседушек;
И обиждаться-то сердечно буде дитяtko,
Что поотдали во службу государеву,
Пожалили светушкóв братцев родимых!
И знать, так сужено скачёной жемчужинке,
И на роду судьба несчастному уписана,
И на делу да, видно, служба доставалася
Твоему да всё печальну милу дитяtku!
И как на этой на уречной на неделюшке
Я заметила, печальная головушка:
И как поедет-то несчастной доброй молодец
Он на доброй на ступистой лошадушке,
И на хороших на санках самокатных,
И он на славном коври новгородском,
И принаклонит-то бурлацкую головушку!
Я повыду на крылечико перёное,
Я гляжу да на путь-широку дороженьку,
Я в раздольице, горюша, во чисто поле,
И на несчастного удала добра молодца;
И он идё путем-широкой дороженькой,

И он раздольцем, победной, всё чистым полём,
И он глядит да на четыре вси сторонушки
И молодецки горьки слезы проливает,
И он с головушки фуражечку снимает,
И кашемировой платочек вынимает,
Им подмахиват бессчадно бело личушко,
И утирает, бесталанной, горючий слезы!
Знать, что ведае ретливое сердечушко
И над собой да злу великую невзгодушку!
И прогляжу, бедна горюша я бессчастливая,
И как на светушка я братца на родимого.
И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты бы взяла золотой казны по надобью,
И ты сходила бы во улички рядовые,
И ты во лавочки зашла бы во торговые,
И закупила лист бумаженьки гербовой,
И наняла бы писарёв да хитромудрых,
И ты списала у скачёной бы жемчужинки
И его ласковы, прелестны бы словечушки.
И ты учливу бы умильню поговорюшку,
И ты цветно бы бурлацко его платьице,
И бессчадно молодецко его личушко,
Бесталанны бы слезливы ясны очушки!
И ты держала бы во правой белой рученьке,
Прижимала бы к ретливому сердечушку,
И прилагала бы ко блеклому ко личушку
Ты на светло бы Христово воскресеньице,
На стопочке держала бы точеной!
Как во нашем селе да деревенском,
Как у нашей божьи церкви посвященной,
И во приходе буде праздничек годовой;
Как приезжать да станут сродчи-милы
сроднички,
И соберется вся порода именитая,
И да вы сладите обеды полуденные,
И тут сходила в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы принесла патрет да липно белое,
И становила бы за стол да за дубовой,
Ты на это бы косевчато окошечко!
И сродчи-сроднички глядили любовались бы,
И ты сама села, победна бы головушка,
И супротив бы ты патрета лица белого,

И ты дронила по гербовой бы бумаженьке,
И тут вспомнила сердечно ты бы дитятко;
Вси бы род-племя любимо вспамятили бы
Как за этим столом да за дубовым;
И нагледелась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожоно свое дитятко;
И ты бы причетью, горюша, причитала,
И сговорила бы, несчастна, таково слово:
«Хотя ж прибрались вы, род-племя любимое,
Хотя ж вси вкупе, порода именитая,
И единой нету скаченной жемчужинки!
И мы не знаем-то, победнушки, не ведаем,
Где победное дитё да обрещается!
И светы братица с породой угошаются,
И за дубовым столом да проклаждаются,
И единой, може, несчастно это дитятко
И трои суточки ведь, дитё, не едаючи,
И неделюшку спокою не выдаючи;
И может, на страсти, наш светушко, на ужасте,
И на сраженьице наш свет да на великом;
Не до владычного господнего до праздничка
И не до сладкого ему да уеданья!
И может, горькими слёзама обливается,
И ретливо сердце ведь кровью запечаталось
Как во этой грозной службе государевой
И во несчастных солдатушках походных!
И в слезах вспомнит он родиму свою родинку,
И сговорит столько несчастной доброй молодец
И между братией солдатами походными:
«Как сегодня, скаже, денечка господнего
Как на мбей на родимой, скаже, стороне,
И как у нашей пресвятой да богородицы
И е престол да ведь господень божий праздничек,
И е гуляньице на широкой на улице,
Как собранье душам да красным девушкам,
Всё гульбищечко удалым добрым молодцам;
Уж как мы, бедны несчастные солдатушки,
Не на гульбищечке ведь мы да проклаждаемся,
С завоенным мы оружием забавляемся,
И нас не носят с горя резвы нонько ноженьки,
И не глядят да на свет ясны наши очушки!»
И ты послушай, спорядовая суседушка!

И пожалела золотой казны бесщётной,
И не пожалела ты сердечно свое дитятко,
И ты не наняла писарёчка хитромудрого,
И не списала еще, победна ты головушка,
Как ведь дитятко тебе да выговаривал,
И скрозь обиду при добрых людях высказывал,
Что ублаждали-то его да как нанёмщика;
И обиждалось сердечно мило дитятко
И на тебя, да на родитель всё на матушку,
И он на светушков на братьицев родимых!
И не списала на спомин своей скачёной
жемчужинки,

И на раздий своей великой кручинушки.
И молча схватишься, спорядная суседушка,
Да как поживешь с любимыма со детушкам,
И не будет-то, победной, приберёгушки
И уваженьица от милых своих детушек;
И тут вспомнишь ты скачёную жемчужинку,
И ты печальное сердечно свое дитятко,
И скрозь обидушку, горюша, ты великую
И да ты дождешься разливной весны красной,
И ты повыдешь всё на широкую на улицу,
И с горя сойдешь ты к крутому ко бережку;
И быстры риченьки теперь да поразобьются,
И синё славное Онего порасполется,
И ты глядять станешь за сине за Онегушко,
И ты наглядать будешь чёрных больших кораблей
Издаleká, бедна горюша, из синя моря,
Не забилиют ли там тонки белы парусы,
И не покажутся ли чёрны больши корабли,
И не подъедет ли сердечно мило дитятко
И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихие, наш светушко, на заводи.
И не дождешься ты, печальная головушка,
Взад воротишься в хоромное строеньице!
И ты патрет взяла б, бело его личушко,
И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во светлицу,
И ты носила бы патрет да бело личушко
И супротив очей во белых своих рученьках,
И ты клала бы на стол да на дубовой,
И обходя ж да ты патрету поклонялася,

И ты горячим слезамы обливалась,
И тут раздвинула великую кручинушку,
И тут спростила едино словечушко:
«Наглядитесь-ко, несчастны мои очушки,
И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое сердечное на дитятко!»
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои ноженьки, победна, притоптались,
И твои белые-то ручки примахались,
И ясны очушки твои да притомились,
И твоя сила, у несчастной, придержалась,
И твой век, да у горяши, скоротался ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна будет дитятка,
И може, на слыхе, горяше, не слыхать буде!
И быдто вешняя вода со льдом разойдется,
И так же ты, бедна, со дитятком расстанешься:
И поразлучат-то победную головушку
Как во этом тебя городе Петровском,
Во приёмной палате белокаменной
Уж как этии судьи неправосудные,
Уж как этии власти немилосердые:
И отведут этих несчастных рекрутиков
Как во эти во казармы во казенные;
И вы без спросу к ним, победные, не сходите,
И без доклада вы в глаза да не увидите!
И как их выпустят на широкую на уличку,
И впереди да у их будут провожатели,
И позади дают солдата караульщика.
И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенные,
И золотой казней ведь надо подариться,
И угостить надо ведь дядьков-то со старшинами,
И угостить надо, горяшице, уподчивать!
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И я порасскажу печальной все головушке,
И накажу тебе, спорядной суседушке;
Я сама была, печальная головушка,
И во злодийном была городе Петровском
Я со светушком со братцем со родимым;
Я сама знаю, горяша, про то ведаю,
И как ходить да во казармы во казенные,
И по часам ходить туды да по минуточкам.

Я ходила как ко братцу ко родимому,
У дверей да я дарила всё придверничков,
И угошала его крепких караульшиков,
И придержала золоту казну бессчётную;
И хотя ж придем мы по утрышку ранёшенько,
И крепко-накрепко воротушки призаперты,
И плотнёшенько решёточки задвинуты;
И кругом-около, горящицы, похаживаем,
На часовых этих солдатушков поглядываем,
И поскорёшеньку ль ворота поотложатся,
Что решёточки в казарме приотдвинутся ль,
Скоро ль выпустят скачённых жемчужинок
Прогуляться их на широку на вличку
И повидать да нам, победным головушкам.
И ты вспомнишь, спорядовая суседушка,
И мое бедное уныло причитаньище;
И не радела бы, печальная головушка,
Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком!
И всё не вирят-то судьи неправосудные,
Не разумеют всё власти немилосердые,
Что нам жаль-тошно сердечных милых детушек!
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И на твое да на сердечно мило дитятко:
И быдто вёшная земля да ворошёная,
И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна ягодиночка,
И вдруг подсохлая сахарна деревиночка!
И скрозь туман да пече красно это солнышко
И на несчастного уда́ла добра молодца,
И долит его великая заботушка,
Ушибат его злодийная невзгодушка,
И жаль расстаться-то сдовольну белу светушку
И ему с добрым, хоронным строеньцем,
И со светлой ему да всё со светлицей!
И как сегодня, сего дёнечка господнего,
И как у вас да во столовой новой горенке
И хоть расставлены столы у вас дубовые,
И на столах да самовары хоть шумячие,
И хоть сажидися сердечны твои детушки,
И на стульица сажидися на кленовые,
И дружьев-братьицев сажиди всё приятелей,
И своих милых сажиди поровёчников,

И мы гледили всё, победные головушки,
И со сторон да на скачённых жемчужинок —
И у единого сердечного у дитятка
Как дрожат да молодежки белы рученьки,
Как поднять да эта чайна столько чашечка,
И он не чаю столько, свет, да искушаёт,
И он горючи-бедны слезы проливает!
И твои детушки ведь тут сильно расплакались,
И за дубовым столом да разобиделись,
И оны дý-другу тут братья покоряются,
И едину да свету братцу поклоняются,
И наливают ему чару зеленá вина!
И говорит эта скачёная жемчужинка,
Он своим да светам братьицам родимым:
«И что за чудышко теперь да причудилось,
И что за дивно в доме диво проявилось,
Что дубовые столы да порасставлены,
И тонки гладкие сукна да поразостланы,
И что собраньице народу-людям добрым;
И я взгляну да на косевчаты окошечка,
И прикручинивши косевчаты окошечки,
И на слезах стоят стекольчаты окóленки,
И при печали самовары-то шумячие!
И что почтеньице от братьев угощеньице
Уж как мне-ко-ва, удалу добру молодцу!
И не честнóе ведь у нас да пированьице,
И не веселое у нас да столованьице;
И за столом да я не князь сижу молóдой,
И сижу мóлодец теперь я под неволюшкой,
И при досадушке сижу да я несносной!
Уж вы слушайте, дружьё-братьё-приятели,
Уж вы пейте чай-кофеи горячие,
Взвеселите-тко победную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жалку песенку:
Я менять буду кручину на весельице!
И как послí меня, дородня добра молодца,
И вы пойдите, бúrлаки, на гуляньице,
И вы на тихие смиренные беседушки,
И вы вспомните несчастна добра молодца
И во шестёрочках, бурлакушка, веселых;
И столько нéвесто, дружьё-братьё-приятели,
Не могу да знать, уда́лой доброй молодец,

И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке!»
И сговорит еще уда́лой доброй молодец:
«И супротив стоишь, родитель родна матушка,
И хотя ж рушишь ты, горюша, горючі слезы,
И как послы меня, родитель жалостливая,
Буде сжалу́ешься до бессчастна добра молодца, —
И ты гляди, моя родитель родна матушка,
На моих дружёв гляди да на приятелей,
И на любезных гляди да поровечников;
И зазови моих любезных поровечничков
Хоть на владычной ты господень божий праздничек,
И угости, моя родитель, их, употчивай,
Будто своего, родитель, да ты дитятка!»
И ты послушай же, спорядная суседушка:
И примечай его ласко́вые словечушки,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зябллой утробушке!

Та же соседка к рекруту:

И ты послушай, златокрылой наш ясён соко́л,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!
И не забыть буде победным нам головушкам
Всё тебя да нам, удала добра молодца.
И мы сберемся как, спорядные суседушки,
И на сидіму на прядимую беседушку,
И хоть придут да твои милы поровечники,
Не забудем мы, печальные головушки,
Все тебя, да златокрыла ясна сокола
И всё печальных словечушек слезливых,
И всё обидных наказов молодецких!
И скрозь обиду доброй молодец высказывал,
И скрозь злодийную кручину выговаривал!
И жаль-тошнёшенько победным нам головушкам
И тебя, милую скачёную жемчужинку:
И поговорушка была твоя учливая,
И разговорушки-то были чваковитые,
И ты шутил да всё на шірокой на уличке,
И не обидел ты ведь добрых-то людюшек,
И не грубил да спорядовых суседушек,
И не кливил да ты ведь малых этих детушек;
И шутя времечко у света проходило!
И сожалием мы, печальные головушки,

И за твое да за велико доброумье,
И за прелестны твои ласковы словечушка!
Вси жалиют многи добры тебя людюшки,
Вси окольные спорядные суседушки,
И жалиют тебя малы недоросточки!
И за столом да сидит молодец дубовым,
И хоть на стульицах, наш свет, да на кленовых,
И молодецкой буйной го́ловой покачиват,
Он несчастныма кудёркама потряхиват,
И он горючима слезамы обливается,
И великою кручиной утирается,
И не в любимую дороженьку справляется,
И не по разуму извозчички мо́лode!
И не везите-тко, ступистые лошадушки,
И вы несчастного удаля добра молодца
И ко злодийному ко городу Петровскому,
Ко приёмной палате белокаменной!
И на пути да, до́бры кони, становитесь-ко,
Уж вы взад да со дорожки воротитесь-ко!
И возвратись, да наш спорядной ты суседушко,
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам, на доброумье!

Та же соседка к матери:

И ты послушай, спорядовая суседушка!
И ты отпустишь как сердечно свое дитяtko
Ты к злодийному ко городу Петровскому,
И затопи, бедна, свечё да воску ярого
И ты пречистой пресвятой да богородице,
И ты молись, бедна горюша, с горючмы слезмы,
Ты ведь господя-владыку всё упрашивай,
И сохранил бы столько господи, помиловал
И твое милое сердечно это дитяtko
И всё от этой грозной службы государевой,
И от несчастных солдатушков походных,
И возвратил бы он рожно твое дитяtko
Его в дом да во крестьянскую во жирушку,
Воскормителем победным бы головушкам!
И ты послушай, спорядовая суседушка,
И что скажу да я, кручинная головушка!
И буде господи его да не помилует
От злодийной от службы государевой,

И да ты съидешь как ко городу Петровскому, —
И про запас гляди, победна ты головушка,
И на сердечное печально свое дитяtko;
И подле сядь да ты скачёной жемчужинки,
И ты подумай при последи думу крепкую.
Потуряют-то судьи неправосудные,
Потужают в путь-широ́кую дороженьку,
И сговорят столько судьи неправосудные:
«Одевайся-тко, удалой доброй молодец,
Надевай-ко свое цветно это платьице,
Снаряжайся со хоромного строеньица,
Ты прощайся со родителью со матушкой,
И с суседами прощайся спорядовыма,
С своей милоей породой именитоу,
С дружьём-братцем прощайся, со приятелем!»

Та же соседка к двоюродным сестрам рекрута:

Вы послушайте-тко, белые лебедушки,
И да вы любушки-сестрицы сдвуродимые!
И како́ ж было сердечное желаньице
Всё до вас было, до белых лебедушек,
И уласкал всегда скачёна вас жемчужинка!
Как приходить стане владычный божий
праздничек,
И говорить да стане братец-красно солнышко:
«И уж вы любушки сестрицы сдвуродимые,
И вы давайте у желанных родитель
И вы к владычному господнему ко праздничку,
И во любимо во сердечно во гостибище,
И я свезу да вас там белых лебедушек!»
И допрежь сего поры да этой времечки
Вы снарядитесь, лебедушки, скорешенько,
И вы пойдите со братцем суровешенько.
И любовались мы, спорядные суседушки,
Как ходили вы, лебедки, по гуляньицам,
И утешались вы со братцем, взвеселялися;
И как цвело да на вас цветно это платьице,
И алели в косы алы у вас ленточки!
И вы вспомните-тко, белые лебедушки, —
И да вам летной был, голубушкам, повозничек,
И да вам зимной безответной был извозчикек;
И да вы издили со братцем сдвуродимым

И по гульбищечкам ведь вы да по прокладбищам,
По искат-горам вы издили высоким,
Вы по этиим унылым по свадебкам,
И по тихиим смиренным беседушкам,
И красовались вы сдовольным белым светушком.
И на добром коне была сбруя золоченая,
И на вас цветно было платьице покуплено,
И как пошиты были шубки соболиные;
И тут снарядитесь с довольным белым светушком,
И вы усадитесь во санки самокатные;
И со сторонь да глядя добры эти людюшки,
И всё дивуются спорядные суседушки,
И как вы идите с любимым повозничком
И взвеселяетесь путь-широкой дороженькой,
И воспеваете унылы жалки пйсенки;
И шутя времечко, голубки, провожали,
И за весельицем дорожку коротали
И вы со светушком со братцем сдвуродимым,
И вы со милым соколочком златокрылым!
И он заступушка вам был да заборонушка,
И он стоял по вас ведь, белых лебедушках,
И он за вашу за бажону волю вольную!
И вы вспомните, души да красны девушки,
И по разливной его да вёсны красной,
И вы на трудной крестьянской работушке,
И на чистых полях да хлебородных,
И на зеленых лугах да сенокосных,
И где работушку со братцем работали,
И заедино жалки песенки спевали,
И он ведь слóвечком-то вас да не огрубил,
И он тяжелой работой не огрузил!
И были ласковы прелестны вам словечушка
И вам от эта соколочка златокрылого,
И вам от светушка от братца сдвуродимого!
И вы послушайте, косаты летны ластушки:
Как что сдienes над им да как что сбудется,
И кто возить да будет белых лебедушек?
И вам не буде столько летного повозничка,
И да вам зимна безответного извозчика
По гульбищечкам у вас да по прокладбищам,
И впереди у вас не будет передовщика!
Как сдienes над братцем ясным соколом,

И приотмените владычны божьи празднички,
Приотложите смиренные беседушки,
Вси унылые слезливы эти свадебки.
И как поедут-то советны ваши по́дружки,
И тут вы станете, печальные головушки,
И вы похаживать по хоромному строеньицу,
И вы поглядывать в косевчато окошечко,
И вы посматривать на шіроку на уличку,
И тут вы горькими слезамы обливатися,
И тут великою обидой отиратися!
И хоть отпúстя вас, победных, на гуляньице,
И целый день пройдет у вас, бедных, справляюча,
И вам повозничка, победным, дожидаяча!
И как послі да света братца сдвуродимого,
И уж как эта соколочка златокрылого,
Не сугреват да вас сугревна ваша шұбенка,
И не цветет да на вас цветно нынько платице,
И всё со этой со великой со кручинушки
И со злодийной великою обидушки.
И добры людюшки того да принабаются,
И вси суседушки того да насрекаются!
И как послі да света братца сдвуродимого,
Уж как эта соколочка златокрылого,
Уж вы пойдете как, белые лебедушки,
И вы на трудную крестьянску как работушку,
И вспомятуете, победны, потоскуете,
Потоскуете, несчастны, порасплачетесь:
И среди да тёпло-красного ведь летушка
И жалобно́ да печё красно это солнышко,
И уныло́ да в саду птички возжупляют,
И оны причетью ведь пташки причитают!
И как у вас, да у печальных головушек,
И унывать стане ретливое сердечушко,
И ушибать стане великая обидушка:
И послі светушка ведь братца ясна сокола
И на лугах да вам ведь свет-от не объявится,
И на чистом поле ведь братец не покажется!
И тут вы сядете, обидны красны девушки,
И под ракитовой, горюши, этот кустышок,
И на катуций да вы сядете на камешок,
И думу думать да вы станете тут крепкую,
И воскликать да света братца сдвуродимого:

«И как на эту бы пору да в это времечко
Приобъявился бы сдвольной белой светушко
И он во этом бы солдатском хоть во платице,
И показался хот на минутной бы часочек,
И поглядели бы во ясны мы во очушки,
И мы в печальное во блёклое во личушко!
Не устрашились бы, горюши, не сполохались,
И мы спросили бы, победные головушки,
Про бессчастье горегорько живленьице,
И бесталанное солдатско похождение;
И мы досыта ведь, победны, накормили бы,
И сладкой водочкой его горе раздйяли б!»
И не увидите вы, белые лебедушки,
Из-под кустышка, победны, сера заюшка,
Из-под камешка, горюши, горносталюшка!
И прибирайте-тко, душой да красны девушки,
И вы на горушках его да на высоких,
И на гульбищечках его да на прокладбищах,
Из бурлаков прибирайте вы молодых
И вы по цветному, горюшицы, по платицу,
Вы по белу молодецкому по личушку,
Вы по ясным молодецким его очушкам,
И по желтым завивным кудёрышкам,
И по походочке бурлацкой щебливой,
По говорюшке его да цвяковитой,
Вы по возрасту, горюшицы, по волосу
И супротив своей скачёной жемчужинки,
И супротив да света братца сдвуродимого,
И молча схватитесь, голубушки, наплачетесь,
Спамятуете, победны, натоскуетесь;
И не подсядете к скачёной жемчужинке,
И вы ко светушку ко братцу сдвуродимому!
И не поставьте в гнев вы, белые лебедушки,
И что причитаю я, печальная головушка!
Я сама знаю, горюша, сама ведаю
И про злодийную великую обидушку,
И како да е со братцем расставаньице!
Как со светушком я братцем расставалася,
И я навеки с ним, горюшица, прощалася,
И не надюся, победная головушка,
Я дожидаться своего да ясна сокола
Со злодийной этой службы государевой;

И он во снях да мни, горюшице, не кажется,
И наяву мне-ка, горюше, не объявится
И ни на трудной мне крестьянской работушке,
И ни у синего у славного Онегушка,
Ни на тихиих, горюше, мне на заводах,
И ни на пристанях, горюше, корабельных!
И так же вы, бедны кручинные головушки,
И про запас да вы глядите на красно свое
солнышко,

И вы на светушка на братца сдвуродимого!
И как у вашей у скачёной жемчужинки
И подрезано ведь нынь да ретливó сердце:
И наб пойти да со родимой со сторонушки,
Как со доброго хоромного строеньица;
И жаль расстаться-то бурлакушку тошнешенько,
И распротиться с родом-племенем скорешенько!
И он горючима слезама омывается,
И ретливó сердце ведь кровью обливается;
И со злодийной великой кручинушки
И цветно платье по швам да расшивается;
И со этою великой обидушки
И распаялися перстнй его жукóвенья
И на его да молодецких белых рученьках!
И хоть дружё-братё ведут его приятели,
И хоть по доброму ведут да по строеньицу,
И по светлой ведут да его свётлице,
И он не пьян да с горя, молодец, шатается,
И не дай господи на сём да на белом свете
И как смотреть да на несчастных добрых молодцев,
И на горючие бурлацки смотреть слезушки,
И на тоску да их глядеть ведь молодецкую!
И лучше нá свет оны были б не спорожены
И как несчастные сердечны эти детушки,
И бесталанные солдаты новобранные!
Как сегодняшним господним божьим дёнечком
И всё горит свеча теперечко туманится,
И пресвята мать богородица печалится,
И сожалиет-то удала добра молодца,
И как несчастного рекрутика молодого.
И ты садись ноньку, удалой доброй молодец,
И да ты милой спярядовой мой суседушко,
И ты во этот во почётной во большой угол,

И ты на лавочку, наш свет, да на дубовую,
И ты под мило под косевчато окошечко,
И под туманную стекольчатку околеньку.
И вы глядите-тко, народ да люди добрые:
И поскорёшеньку сестрицы подвигаются,
И как клонят да оны буйну свою голову,
И как корят оны ретливое сердечушко
И при послéди-то теперь да поры-временки,
И всё ко светушку ко братцу-ясну соколу,
И сожалеют оны братца сдвуродимого,
И расстаются с соколочком златокрылым!
И говорит да им скачёная жемчужинка,
И скрозь слезушки, победной, им наказывают:
«И как пойду да я во службу государеву,
И вы, летные косаты мои лапушки,
Не забудьте вы несчастна добра молодца,
Не забудьте вы солдата горегорького!
И вы спроведайте у добрых у людюшек,
И напишите скорописчатую грамотку,
И вы пошлите-тко на чужу на сторонушку,
Ко несчастному солдату горегорькому!»

Мать к соседям:

Вы послушайте, народ да люди добрые,
И вси суседушки мои да спорядовые,
Как утрось было по ранному по утрышку,
Как до раннего петунья воспеваньца
И до уныла соловьиного жуплянница;
И красно солнышко в тумане выкаталось,
И добрый молодец с кручинушки ставает,
И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючмы слезмы лицо да обмывает,
И сговорит да он, победной, таково слово
И он мни, да всё родимой своей матушке:
«И благослови да на сесь день меня господний
И ты, желанная родитель моя матушка».
И сговорит еще несчастной доброй молодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
«И я спал да ведь, несчастной доброй молодец,
И знать, последнюю господню божью ноченьку
И во своей да я во светлой во свѣтлице,

И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
И на этом крутом складнеем зголовьице,
И я под теплым соболиным одеялышком!
И не сном-то коротал да я ведь тёмну эту ноченьку,
И думал думушку, несчастный, во бессоннице,
И обливался я слезамы во кручинушке,
И ретливо мое сердечко подмывало,
И несчастная утроба обмирала,
И знать, приходит та пора да это времечко,
И как послидние часы да со минуточкой,
И как мне-ко-ва, удалу добру молодцу,
И наб поехать со хоромного строеньица,
И разлучиться со родителю со матушкой,
И порасстаться с родом-племенем любимым,
И наве́к бросить да родиму эту сторону!
Ой, тошнёхонько, родитель жалостливая,
Мне, несчастному удалу добру молодцу!
И не повирите, народ да люди добрые, —
И не могутушку слезливые словечушки,
И не по летушкам великая ознобушка!
Уж как мни, да ведь кокоше горегорькой,
Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала несчастная утробушка,
И от тошн́а долит великая кручинушка,
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И немоготу мни сесветное живленьице!»

Соседка утешает мать рекрута:

И ты послушай, спорядовая суседушка,
И не давай тоски к ретливому сердечушку,
И береги да ты пристарше свое личушко!
И знаем-ведаем, кокоша горегорькая,
И не в спокойе что ретливое сердечушко,
И про твою да мы великую невзгодушку,
И про проклятую злодийную кручинушку!
И да ты съезди-тко, кокоша горегорькая,
И ты во эту божью церковь посвященную
И ты ко этой пресвятой да богородице,
И помолись да ты владыке от желаньица,
И ты крест клади, горюша, по-писаному,
И ты поклон ве́ди, победна, по-ученому:

И ты поставь свечу, горящица, рублевую,
И пелену да положи ты ведь шёлковую
Уж как этой пресвятой да богородице
И ходателю Миколе многомилостливу;
И поклоняйся ты до матушки сырой земли,
И ты с горячима слезама материнскими;
И ты проси да пресвятую богородицу,
И от желаньица проси да со усердием:
«И сохрани, да пресвята мать богородица,
И ты меня спаси, кокошу горегорькую,
И ты от этой тоски неугасимой,
И ты от этой печали неудольной!»
И може, господи-владыко-свет помилует,
И пресвята мать богородица заступится,
И сохранит да ведь Микола многомилостливой
Уж как милое рождено твое дитятко
И во пути да во широкой дороженьке,
И от злодийной этой службы государевой,
И от этих солдат новобранных,
И от этих полков да ведь походных!

К рекруту — соседка:

И ты послушай, спорядовой наш суседушко!
И за тебя да вси владыке мы помолимся,
И мы пречистой пресвятой да богородице,
Чтобы господи-владыко-свет помиловал,
Дал бы господи ведь доброго здоровьица
И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице!
Ведь смиреньице у ты было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил, да свет, тихошенько
И ты головушку носил да понизешеньку,
Поговорюшка была твоя ровнешенька,
И сердечушко ведь было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гордливой;
И да ты старого суседа не огрубил,
И да ты малого младенца не обидел!
И быде сойдешь ты во службу государеву,

И спаси, господи, удала добра молодца
И от побоев-то тебя да от тяжелых,
И от страстей-властей тебя да страховитых!
И ты послушай, спорядовой мой суседушко,
И не поставь во гнев, сдвольной белой светушко,
Что понáкажу, кручинная головушка:
И не шали да ты там, дитѣ, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмельны да там напитокки;
И может, даст да господь службу не тяжелую,
И раскрое бог науки вси великие
И тебе да все во службе государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И може, судит бог владыко многомилостливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племенем, несчастной, увидаешься,
И издалёка да ведь солдаты ворочаются,
И на великих сраженьицах спасаются!
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучий этот камень не мохнатеет,
И так походной-то солдат да не богáтеет!
И ты запрóдал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по нáдобью.
И как во этой в грозной службе государевой
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдатско у вас платьеце,
Вси притопчутся казенные сапоженьки;
И вы к начальству появиться не посмиете;
И вам ведь нѣ нажить мундеров сукон серых,
И вам ведь нѣ обути несчастных своих ноженек!
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядные суседушки,
И мы тебя, да златокрыла ясна сокола,
И как на сѣм да мы, горюши, на белом свете?
И хоть чрез три да вы учетных этих годышка
И хоть каку да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали,
И вы в какой орды, несчастны, во коѣй земли,
И в сухопутном ли вы, светы, походе, в походе,
И у синя моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на кру́том вы ведь, светушки, на бѣрежку,

На жёлтых песках стоите ль на выпучих!
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,
И от злодиев-неприятелей спасаетесь,
И в раздольицах степях ли во великих,
Аль в долинушках, победные, во диких,
И упишите нам, словольны белы светушки!
И у вас, може, несчастных у солдатушков,
И золота казна на тот час не случается,
И хитромудры писаря будут признаны,
Аль не будет у вас вольной столько волюшки.
И тут приде да как разливна красна вёснушка,
Как попытают снежочки со чиста поля,
И повынесе ледочки со синя моря,
И будут корабли в синём море шататься,
И вы на кораблях, несчастные, скитаться,
И там увидите да малу эту птиченьку,
И как летит она в родиму вашу сторону,
И понизёшеньку вы птице поклонитесь-ко,
И пословечно перелетной накажите-тко,
И всё ко родушку теперь да вы ко племени,
И хоть по низкому поклону челобитному
И со обиды об солдатском живленьице!
И мы глядить будем, кручинные головушки,
И на печальну перелетну малу птиченьку,
И коя лётит ниже облачка низёшенько,
И она машет столько крылышком тихошенько,
И она голосом ведет да унылёшенько.
И она жалобно ведь, птичка, разговаривает,
И она бьет челом тут нам да поклоняется,
И порасскаже тут печальным нам головушкам:
«И лечу, птиченька, с-за гор я с-за высоких,
Из-за лесушков лечу да с-за дремучих,
И я со дальноей со чужей со сторонушки,
Из-за славного с-за синего с-за морюшка,
И мы ведь, лётячи дорожкой, приуспали,
И в синем морюшке корабль да увидали,
И на покой да мы на отдых становились,
И мы на корабли на мачты тут сажались,
И много ужасно солдатом мы смотрели;
И как один столько солдатушко несчастной,
И он по кораблю, солдатушко, похаживает,
И он печальну меня, птиченьку, высматривает:

«И ты откуль летишь ведь, птица, куды путь
держишь,
И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
И ты лети, да эта птиченька, тихошенько,
И ты ведь слéтишь на родиму мою родину,
И ты под сиверну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
И увидашь моих желанных родителей,
И всех спорядных моих да ты суседушек;
И скажи низкое поклонно челобитьице
И от меня, да от солдатуска несчастного!»

Та же соседка к братьям:

И вы послушайте, спорядные суседушки,
Да вы милы светушкí братцы родимые:
И не забудьте вы несчастна добра молодца,
И своего да светушкá братца родимого.
И тяжела да ему служба доставается:
И на часах ему стоять да на всеночных,
И по зарям ему, несчастну, по вечерним,
И во полночь да под звездам-то под восточным
И студеной холодной этой зимушкой;
И на снежках стоять, победному, перистых
И на студеных морозах-то на плящих;
И как дрожит его ретливое сердечушко,
И от ветра да зябет блёкло его личушко;
И тут он скажет-то единое словечушко:
«Ой, несчастны мы на свете уродились,
И бесталанна бедна жизнь наша солдатская,
И горегорька наша служба государственная!»
Уж как вы, да светы братица родимые,
И про злодийну эту службу не прознаете,
И на родимой вы сторонке остаетесь
И во своем да во хоромном во строеньице,
И на тесовых своих да на кроваточках,
И на мягких пуховых перинушках;
И не позябнут у вас резвы эты ноженьки,
И не подвие ветром блёклого ведь личушка;
И на медвяном да вы в доме уеданьице,
И на утехушках ведь вы да на забавушках!
И не забудьте ж вы несчастна добра молодца
И своего да светушка братца родимого!

Когда бреют лоб, мать вопит:

Будьте прокляты, злодии супостатые!
Вергай скрозь землю ты, некресть вся поганая!
И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя;
Охти мни да мне тошнёшенько!
И кабы мне да эта бритва навострёная,
И не дала бы я злодийной этой некрести
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорола бы я груди этой некрести,
И уж я вынула бы сердце тут со печенью,
И распластала бы я сердце на мелкй куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в месиво,
А и печень я свиньям на уеданьице!

Когда забреют, соседка вопит:

Как сегодняшним господним божьим дёнечком,
Во несчастный час, во злу эту минуточку
Уж как прїняли бурлакушков молóдых
Во принёмную палату белокаменну,
И их подбрили-то, удалых добрых молодцев,
И во злодийную во службу государеву.
Тут им дали этих крепких караульщиков,
Да им дядьку становили-то со старшим;
И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше гóловы кресты оны вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
И отца-матушку рекрúты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу россейскому,
И мы стоять будем за веру христианскую,
И мы не сделаем измены в каменной Москвы,
И мы спасть будем Россию подселенную.
Мы оружице держать да на правóм плече,
И саблю вострую держать да во правóй руке!»
И тут повыдали солдатикам молóдым,
Как молóдым солдатам новобраным
И не по ноженькам сапоженьки козловые,
И не по плечушкам мондеры сукон серых,
И на головушку им шляпы не пуховые —
И да им киверы солдатские пудовые!

И тут соймѹт да молодѣнку вольнѹ волюшку,
И тут повыдадут им ружьица тяжелые,
Их отправят в путь-дорожку незнакомѹю,
И во поход сошлѹт удѣлых добрых молодцев
И как во эты города да не в бывалые,
И дале-дале от родимой от сторонѹшки!
И оны пойдѹт путем-широкой дороженькой,
Хоть студеной пойдѹт да холоднѹй зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружіем завоенным,
И оны толнут правой белой этой ноженкой,
И спѹют с горя унылу жалку писенку,
И оны, стоячи на гѹры на высокой,
И воспомянут-то родиму свою сторону:
«И ты прощай, наша родимая сторонѹшка,
И ты гульливая сторонка, щегольливая!»
Уже слушайте, солдатики молодѣе:
Да вас сошлѹт как на чѹжу на сторонѹшку,
И наб у будочки стоять да студѣной зимой,
И на часах стоять, несчастным, на всеночных;
И от земли да зябѹт резвы ваши ноженки,
И от оружьица зябѹт да ручки белые,
И как от ветра поддеват да блѣкло личенько,
И от морозѹшку сердечко порастрескает;
И вы у будочки-то будете похаживать,
И сапог ѳ сапог ведь вы да поколачивать,
И с руки нѣ руку ружье да перекидывать;
И глядеть да вы будете, несчастные,
И выше лесѹшка глядеть да по поднѣбѣсью!
И ты смотреть будѣшь, солдат, да на светѣл мѣсяц
И на эты часты звезды поднебесные,
И поскорѣшеньку ль светѣл мѣсяц закатится,
И часты звездочки в минуточку стеряются ль,
И скоро ль свет да ясна зоренька просветится,
И распечет ли это красное ведь солнышко
И обогреет ли солдатское сердечѹшко,
И приоттает ли несчастная утробѹшка.
И тут вспомните родиму свою сторону,
И тут сгѹворите единое словечѹшко:
«И лучше были б мы, солдаты, не спорѹжены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила,
И нас не участью-таланом наделила,

И злой несчастной этой службой наградила!»
И не дай господи на сём да на белом свете
Уже жить да в грозной службе государевой:
Как еденнице солдатушкам — сухарики,
Как питемнице им — водушка со ржавушкой.
И вы послушайте, несчастные головушки!
И как вас сошлют с безызвестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко
И как на этих на черных больших кораблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
И непомерная погода подымается,
И на синем море волна да сколыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны корабли ведь в море раскачаются,
И мачты о воду со брызгам ударяются,
И сговорят да тут дядьки им пристаршие:
«И вы идите-тко, матросики молодые,
И не страшитесь-ко погоды непомерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовым,
И вы держитесь-ко за снасти за смолёные,
И убирайте тонки белы эти парусы!»
И тут сердечушко у вас да приужахнется,
И тут вспомните, несчастные солдатушки,
И вы желанных своих да всё родителей —
И на молитвах оны да вспомянули бы,
И за матросов оны бога помолили бы.
И столько невесто, победным, невестимо!
И поставаете по мачтам по дубовым,
И вы по этим по снастям по смолёным,
И с переполоху-то сбьдут белы рученьки,
И тут падете вы во синее во морюшко,
И во эту вы воду во глубокую!
И буде господи вас, светушко, помилует,
И спасет вас пресвята мать богородица,
И на этом на большом на черном корабле
И вас прибьет да там ко крутому ко берегу,
И хоть не к знамым к островам да не к бывалым.
И може, буде вам, несчастным, воля вольная
И как повыйти-то на крутой красной бережок;
И ты по бережку иди, бедной, тихошенько,
И ты гляди да выше лесу по поднебесью,
И выше тор гляди, наш светушко, высоких,

И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелетну малу птиченьку;
И не гусей гляди, наш светушко, не лёбедей:
И гуси-лебеди-то птиченька гордливая,
И на речах да эта птиченька спесивая,
Высоко́ да она лётит по поднебесью,
И хоть полётит по родимой твоей родинке,
И на косевчато окошко не рассядется,
И про походных солдаток не расскажется!
И ты гляди-смотри, сдвольной белой светушко,
И ты печальну перелетну малу птиченьку
И горегорькую кокошу из сыра́ борá —
И та птиченька ведь е да не гордливая,
И на речах-баснях она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чужеей со дальнею сторонушки,
И ты со этих полков да новобранных,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка
И ты со большего со черного со ко́рабля!
И упиши, наша скачѣная жемчужинка,
И про несчастну свою жизнь да про солдатскую,
И не пером пиши, наш свет, да лебединым,
И не черныма пиши да ты чернилами,
И ты письмо пиши, наш свет, да всё кручиною,
И запечатай ты его да ведь тоскичушкой;
И хоть ты выйдешь, свет, на кру́той этот бе́режок,
И увидашь да перелетну бедну птиченьку,
И ты клади да ей под правое под крылышко
Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И мы по этой по разливной красной вѣснушке
И мы ходить будем на шірокой на уличке,
И мы глядить будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелетной малой птиченьки;
И как увидим мы кокошу перелетную,
И воскликать станем мы ма́лу эту птиченьку
И на отдо́х да на крылечико перѣное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
«И ты иди да перелетна сюды птиченька,
И ты откуль летишь да куды путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки,
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль 'кеан да синя морюшка?»

И тут птиченька ко зени ведь приклонится,
И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этим крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку
И супротив наших косевчатых окошечек;
И тут мы вóзьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрым,
И рассмотрим да скорописчатую грамотку —
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горючмы слезмы, с кручинушкой написано;
И прочитаем мы, печальные головушки,
И тут узнаем про несчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдатскую.
И не поставь во гнев, скачёная жемчужинка,
Что понáкажу, печальная головушка:
И как служить будешь во службе государеве
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдovольной белой светушко,
И нам ведь низких поклонов-челобитьицев,
И упиши, наша скачёная жемчужинка,
И про несчастно горегорькое живленьице!

ПЛАЧ О СОЛДАТЕ, ПРИБЫВШЕМ НА ПОХОРОНЫ ОТЦА

И приузнала тут родитель его матушка,
И наздынула тут несчастны белы рученьки
И на обидну на печальную головушку,
Она сдияла с ним доброе здоровьице
И плотнёшенько к сердечку прижимала,
И лицо к личушку она да прилагала,
И ко солдатским устам да припадала,
И она с радости, родитель-то, сказала:
«Слава богу-то теперь да слава господу!
Слава вышнему царю да всё небесному!»
И сговорила тут во добры она людюшки
Всё со радости она да со весельица:
«Как мне белой свет теперь да порассвитулся,
И красно солнышко теперь будто порóспекло,
Как светлѣшенько-то месяц порассвѣтился,
И часты звездочки теперь да рассветать стали!»

И сговорила тут сердечным она детушкам:
«И что стоите да вы, дѣти, остолопились,
И вы клонѣте теперь буйную головушку
Всѣ ко светушку ко братцу ко родимому!
Да мы дождались скачѣной жемчужинки,
И я сердечного роженного ведь дитятка,
И мы со дальнѣй пути-широкой дороженьки,
И с заграничной чужѣй-дальнѣй сторонушки!
Десять лет да мы письма не принимали,
И мы слыхом про него да не слыхали,
Мы во живности его да не считали!
Аль гора да со горѣй, свѣты, не сойдѣтся,
Человек живѣй со родышкой свидѣется!»
Тут спашнѣлася порода именитая;
Оны дѣют с ним ведь доброе здоровьицо,
Вси собрались сусѣды спорядовые,
Межу дѣ-другом оны да рассуждаются,
Всѣ про гостюшка ведь е да наслушаются!
И раздевать да стали род-плѣмя любимое,
Вси ведь ранцы от его да отбирают,
И перед дѣ-другом шинель да скидывают.
Как судил господи солдатушку побѣдному
И ему быть да на родимѣй своей родинѣ,
И повидать ещѣ желанных родителей,
И при послѣди при родитѣлѣ при батюшкѣ,
Проводить да к божьѣй церкви посвящѣнной!
И тут спашнулася родитель родна матушка,
И вдруг на радости она да на весельицѣ
И она ставила столы скоро дубовые,
И она стлѣла скатѣрть да шито-браные,
И она нанѣсла-то ествушков сахарных,
И она налила ведь питьица медвяные;
Тут садила ведь за стол да за дубовый,
И сама села-то на стул подле кленовый;
И она потчеват сердѣчно свое дитятко,
И она гладит всѣ по младѣй по головушкѣ,
И она дрѣбит по солдатским по плечушкам,
И она ласково его да уласкает,
И она ѹныло-пѣчально причитаѣтъ,
И говорит столько родитель родна матушка
Всѣму роду да спорядным сусѣдушкам:
«И вы послушайте, народ да люди добрые!

И не сдвуйте-ко, соседы спорядовые,
Что прозабыла я надежную головушку,
И зрадовáлась на сердечного я дитятка;
И буде вѣрите, народ да люди добрые,
И разумиете, соседы спорядовые,
Уж я так, бедна горяша, зрадовáлась,
Как я дóждалась годова будто праздничка,
И точно светлого Христова воскресеньица!»
И да ты ешь, мило сердечно мое дитятко,
И напивайся, мое дитятко, пьянешенько,
И я пойду, бедна-кручинна нонь головушка,
И воскликать пойду надежную гсловушку,
И стану радовать, печальная головушка!
И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко:
И да мы сядем-ко, победные головушки,
Мы на эту на бросову белу лавочку,
И припади ты ко родителю ко батюшку,
И может, дитятко, ведь ты да поталаннее,
И родитель до тебя да пожеланнее;
И воскликай да желанного ты батюшку:
«Ты повыстань, свет надежная головушка,
И отвори да свои ясны эты очушки
Ты на свóе на сердечное на дитятко,
И на обидного солдатушка походного!
Со пути как, свет, пришел да со дороженьки
И поспешился на родимую на родинку,
И он ко свóим ко желанным родителям!»
И стану спрашивать, печальная головушка,
У обидного сердечного у дитятка:
И ты не ведал про велику, знать, невзгодушку,
И ты про эту про злодийскую кручинушку,
И ты про свóего родитель про батюшка,
И что при трудной при болезной был постелюшке?
И что он при этом тяжелом неможеньице
И памятил столько сердечно тебя, дитятко?
И говорил да он, победная головушка:
«Кабы дал господи да доброго здоровьица,
И мне дожждаться бы сердечно свое дитятко,
И мне обидного солдата новобраного!»
Говорил еще желанной родной батюшко:
«И не дожждаться мне сердечного, знать, дитятка,
И не видать мне-ка во ясны его очушки!»

Ты послушай же, сердечно мило дитяtko:
И кто сказал те про великую невзгодушку,
И на пути ль кто на шíрокой на дороженьке?
И отвечат столько солдат да новобраной,
И говорит да он во дóбрые во людушки:
«И да я шел как путем-шíрокой дороженькой,
И унывало тут солдатско ретливó сердце,
И подломилися солдатски ножки резвые,
И рад я сисьть был на пути да на дороженьке,
И соби думал я ведь крепку эту думушку,
Что ведь чýствуе победно ретливó сердце,
И не начинаюсь я соби какой невзгодушки?
Кажись, нé болит у мня да буйна гóлова,
Я ведь йду на родимую сторонушку —
Всё на радости идти бы, на весельице!
И прихожу да ко селу я деревенскому,
И я гляжу да ведь на красное на солнышко,
Я с остатку да на бёлой гляжу светушко,
И на деревеньки ведь я да становлюсь,
И под окошечком, солдат, стою-стучаюсь,
У знакомых ночевать да я даваюсь,
И я думаю, солдат, соби походной,
И ночевать да у людей ведь у знакомых —
Я запомню-то крестьян да полномочных.
Ко крылечушку я стал да подвигатися,
Со пути стала лошадушка казатися;
И я на улíчке теперь да устоялся,
И я ступистые лошадушки дождался.
И вижу — йдет человек да всё знакомый,
А мой прежний-то сусед да спорядовой;
Человек да туто йде потихошеньку,
Уж смотрит на меня да всё вострешенько;
И хоть в белó лицо меня не признавае,
Уж он доброго коня да поставляе.
Я пришел да к этим саночкам дубовым,
И честь воздáл ему я точно енеральскую:
Как во службы-то к чему да приучали,
Что умильную бы честь мы воздавали.
И стал я спрашивать суседа спорядового,
И далеко ль это селенье в расстояннице?
И говорит столько сусед да спорядовый,
Уж вточь глядит во ясны мни-ка очушки.

«Солдат, — скажет теперичка знакомой, —
Ты скажись-ко ведь солдат да мни знакомой,
Ты по имечки скажись да по изотчинке!»
Мое имечко ведь есть да всё тяжелое,
И назовусь да я суседом спорядовым!
Тут я сдеял с ним ведь доброе здоровьице,
Я про всех спросил суседей спорядовых,
И не сказался тут спорядному суседушку.
И повинюсь да вам, желанна рѣдна матушка —
Я назвал да вас суседмы спорядовыма,
И я сказался, мне-ка люди там знакомые, —
И вси во добром ли оны да во здоровьице,
И в исправности ль крестьянска у них жирушка?
И отвечал да мне сусед да спорядовый:
«Они живут да ведь теперечко по-прежнему,
И не измѣняна крестьянска у них жирушка.
Как вчерашним господним божьим дѣнечком
У их сделалась великая невзгодушка:
Переставился сусед нонь спорядовый!»
Я на красное на солнышко поглядываю,
На путь-широку дороженьку посматриваю —
И не пойду я на спокѣйну эту ноченьку,
Я направлюсь в путь-широкую дороженьку,
И поспешусь да на родимую на родинку,
Я застану-то родителя ведь батюшка
Пока во своем хоромном строеньице,
Пока на своей брусовой белой лавочке!
И подобрал да я шинель тут сукон серых,
И подынул ранѣц на плечушки солдатские,
Я отправился в путь-широку дороженьку,
Шаги делаю ведь я да по-звериному,
Уж я хѣботы даю да по-лисицыному,
Я военным ружьем да подпираюся,
Путь-дороженькой иду да поспешаюся.
И я дороженькой ведь шел да призамаялся,
У перѣного крылечка порасплакался;
Хоть постучался у крылечика перѣного,
Подивился у косевчата окошечка
И доложил у дверей да у дубовых:
«И вы пустите-тко солдатушка походного
Отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
И на спокойну вы пустите темну ноченьку,

И отдохнуть да с пути-широкой дороженьки,
Обогреть да мне солдатски ножки резвые,
Прирастая бы ретливое сердечушко!»
Как в окошечко ведь вы да отвечали,
И на перёное крылечко не пушали,
И дубовы́ двери ведь вы да запирали;
И отвечала мне сестрица тут родимая:
«Всё не та пора у нас да пора-времечко,
Что пустить да нам, победным, ночлежничков!
И не до вас да нам, солдатишко походный!
У нас е в дома́ великая невзгодушка,
Е злодийская великая тоскичушка!»
И скрозь околёнку глядит да мила сватьюшка,
И сговорит да она речь-то умильнешенько:
«Он не швед-то ведь е да не татарин,
И ночлегу за собой да добры людюшки не носят;
И со пути да со дороженьки пустите-тось,
И вы от темной его ночи сохраните-тко,
И даужиной его вы покормите-тко,
И родителя ведь есть да спомяните-тко!
И разумийте-тко вы до́бры того людюшки,
Человек, может, идет да он кручинной,
И солдатушко идет да не богатой,
И может, нет да золотой казны по надобью!»
Поскорёшеньку ведь он да ворочается,
Он на этое крылечико перёное;
Тут зашел как во хоромное строеньице,
Распознал да тут солдат, порассказался
Он ведь про свою-то жизнь да про несчастную,
И как путем да он шел широкой дороженькой,
И где проведаль про великую невзгодушку,
Где сердечушко его да взвещевало,
Про кручинушку его да рассказало!
И сговорил да тут солдатушко походной,
И как устал да путем-широкой дороженькой,
И заболили крепко резвы его ноженки.
Тут ведь устлали пуховую перинушку,
Положили на тесову на кроваточку.
И склонилася родитель подле матушка
Как ко эту круту складному зголовьицу,
И принакрыла соболиным одеялышком,
И просидела темну ноченьку до утрышка,

И ублаждала по солдатским по плечушкам,
И быв кокоша в сыром бóру вскоковала,
И темну ноченьку она протосковала,
И всё горючима слезама обливалася!
Тут повысталa по утрышку ранешенько,
Затопила она печь да поскорешеньку,
Она сладила тут ествушки хорошие,
И по разуму ведь питьица медвяные,
Она напекла блинов да деревенских;
И подходила ко тёсовой кроваточке.
Тут Исусову молитву сотворила,
И она господа-владыку попросила,
Соболино одеяло приоткрыла,
И она правой рукой да побудила,
И она с причетью дитё да воскликала:
«Хоть и жаль будить сердечно тебя дитятко,
Хоть устал да путем-широкой дороженькой,
И притомилися ведь резвы твои ноженьки,
Примахалися ведь бёлы твои рученьки,
Исшталася ведь буйная головушка,
И настучалося ретливое сердечушко,
Столько этой путем-широкой дороженькой!
Кабы знала я, горюша, про то ведала
Как вчерашним бы господним божьим дёнечком.
И про тебя, мило сердечно это дитятко,
Что в пути идешь широкой дороженькой,
Так бы впрягла я ступистую лошадушку,
Я во этии во санки во дубовые,
Снарядила бы любимого извозчикка,
Я бы встритила, победнушка, за тысячу,
Я сердечно бы рожоно тебя дитятко;
Да ты стань-восстань, рожоно мое дитятко,
Ты ведь на свои на резвые на ноженьки;
Нонь ты на своей родимой сторонушке,
Пока ў своей родителя у матушки;
И не ротной по фатеры-то похаживает,
Не кумáндер вас, солдатушков, побуживает,
И воскликат тебя родитель родна матушка
Есть за стол да за дубовой хлеба рушать,
И за столом да сиди, дитятко, полакомься —
У меня кушанья теперь да не солдатские,
У меня пítья про тебя да не артельные;

Сыто йдетсѧ тебѧ да долго выпитсѧ!
Ты порѳскажи, сердечно мое дитѧтко,
Ты на долго ль по билету приотпущен е
У великого царѧ да на слободушку?
И на сколько на учетных да ты годышков
Пришел пахарем на чисто ли на полюшко,
И сенокосцем ли луговые на поженки,
Аль рыболовушком на сине на Онегушко?
Нынѣ раздумаюсь побѣдным своим разумом:
И не вовсе ж я, горющица, бѣссчастливая,
И сирота в людѧх вѣдь я не бѣсталанная;
И расставаюсь хотѣ с надежной я головушкой,
И себѣ дѳждалась сердечно это дитѧтко
Я во свой да дом крестьянскую во жирушку,
И большѧком да по домѣ я настоятелем!
Спаси господи царѧ да со царицею, •
И со наследством со сердечным со детушкам
Как от этих неприятелей неверных,
Что спустил да вѣдь сердечно мило дитѧтко
Уж он нѧ свою родимую сторонушку!
И ты послушай же, рожѳно мое дитѧтко:
И да ты стань тепѣрь, дитѣ, да пробудися —
И бѣлой свѣт да вѣсѣ на улѣчке рассвѣтился,
И красно солнышко с-за облачки выглядѧе,
И выше лесушку дремучѧ подымѧется,
И добры людюшки тепѣрь да собираются,
И на часѣ да сродчи-сроднички ѣззѧются;
Во-первых, да вѣдь сегоднѧ-сего дѣнечка
Хоронить будем великое желѧнище,
Как спѧцивого родителя вѣдь батюшка!
И во-вторых, еще порода собирается,
И посмотреть тебѧ, сердечно мило дитѧтко:
Идут тетушки вѣдь к нам да вѣсѣ добротушки,
И кѧтят-жалуют сѣстрицы сдвуродимые
И повидѧть да тѣпло-красно тебѧ, солнышко,
И проводить да вѣдь родителя-то батюшка
Что до этой божьей церкви посвѧщенной,
Как до этой прѣсвѧтой да богородицы!
Я пойду, бѣдна кручинная головушка,
Я по этому хоромному строѣнницу,
Я ко свѳей ко надежной головушке —
И не могу ли я, побѣдна, допытѧтся,

Я едина-то словечка допроситися
Я у свбей у надежной у головушки:
«Ты послушай-ко, надежная головушка,
И сговори да с ним хоть малое словечушко,
Ты с любимым со сердечным своим дитятком,
Со печальным со солдатушком походным;
Ты повыспроси, надежная головушка,
Про несчастну его жизнь да про солдатскую,
Про его да похождение горегорькое,
Как про эту грозну службу государеву,
Какова да эта служба государева!
Лучше матушка ведь е да не родила бы,
И на белой свет она не попустила бы —
Такова да эта служба государева!
Как на этих караулах на всеночных,
Как по этим студеным холодным зимам
От земли да зябут резвы эти ноженьки,
Как от ветра подвезае лицо белое!
Уж как в будку ведь солдат да забирается,
Не познобить бы столько белого ведь личушка,
И не отстать бы-то от резвых от ноженёк!»
И рассказался тут сердечно наше дитятко,
И приоткрылся мне, желанной родной матушке:
«И как в походы мы, солдаты, снарядилися,
И со родимой своей стороной простилися,
И нам присягу ведь попы-отцы читали,
И выше плеч да мы тут рученьки здымали,
И выше головы кресты мы поднимали,
И свою сторону да мы тут проклинали,
И соху-борону ведь мы тут забывали!
И на сраженье нас, солдатов, отправляли,
И нам причастье, солдатушкам, давали,
И мы стояли за Русию подселенную,
И не дробили мы за веру христианскую,
И сожалили мы царя да превеликого,
И сожалили мы царицу благоверную!
И на сраженье-то наследник приезжае,
И уж он честь да нам, солдатам, воздавае,
И говорит да тут наследник умильную речь:
«И вы палите-тко, робята, не дробите-тко,
И послужите-тко за веру христианскую,
И пожалийте-тко царя, бога русийского,

Прогоните-тко злодия-неприятеля!
Вы без мерушки-то пейте зеленá вина,
Вы без счёту получайте золоту казну,
Принимайте вы, солдаты, енеральску честь
Как за ваше услуженье да за верное,
Как за храбрость за вашу за великую!
И будут отпуски ведь вам да подомовые,
Как русийский царь да вас пожалует,
Он отпустит на родимую сторонушку,
И на отдóх вас ко желанным родителям!»
И сожалили мы царя, бога русийского,
И наследника его да милосердного:
На плечах у нас мондеры сукон серых,
На головушке-то кивера пудовые,
Опоясьем у нас сердце обрестовано;
Тут оружье да мы держим на правóм плече,
Саблю вострую мы держим во левой руке,
И тут мы брякнем-то оружьем завоенным,
И да мы топнем этой правой белой ноженькой;
Шаги делаем ведь мы да по-звериному,
Уж мы хóботы даем да по-лисицыному;
И где нет пути-дороги, тут протариваем,
И где мхи да болота, тут орлом летим,
И на злодия мы, солдаты, наступали,
И за горы да супостата прогоняли;
И кабы вы, да ведь желанные родители,
И увидали бы ведь нас да на сраженьице,
И на великомое ведь нас да кроволитьи,
И так вы пали бы, желанны, о сыру землю,
И вы бы померли, победны, да ведь сó страсти!
Как наследник-от ведь есть да милосердой,
И во дыму да между нами он поезживает,
И как ясён сокол, меж нама он пролетывает,
И уж просит-то владыку всё небесного
Покорить да ведь злодия супостатого,
И сберечи да ведь Русию подселенную!
И как война да в чистом поле уходилась,
И неприятель-то царю да поклоняется,
И на семь лет, пи́ше ему, да замиряется.
И на страженьице нас господи помиловал,
И нас великий царь медалями пожаловал,
И что мы бились-то за правду за великую,

И что стояли за Русию подселенную!
Тут солдатушки пошли мы, взрадовалися,
Неприятелю ведь мы да надсмехалися,
И подходить стали к двору да мы ко царскому,
И нас со радостью великой царь стретает,
И он по чары сладкой водки наливает,
И он походных нас солдатов угощает!
И мы по чары сладкой водки выпивали,
И мы русийскому царю честь воздавали
И поспешались на родиму свою родинку!
И походить да стал, солдатушко походной,
И хоть по вечеру я к родине позднешенько,
И добры людюшки того да испугалися,
И родна матушка ко мне да не призналася!»
И тут спроговорит родитель его матушка:
«И ты послушай-ко, сердечно мое дитятко,
И ты не гневайся, скачёная жемчужинка,
И да ты на своих желанных родителей!
И знать, судьба тебя, дитё, да повзыскала,
И как злодийна эта служба сустигала,
И кабы нынешним умом да теперь разумом,
Не пожалили мы любимой бы скотинушки,
И заложили бы лугови эти поженки,
И в заклад отдали б распашисты полосушки,
И мы бы нажили бессчетну золоту казну,
И мы бы наняли охотна добра молодца,
И слободили бы бурлацкую головушку,
И не спустили б в злодий-службу государеву!
И теперь-нонечи, сердечно мило дитятко,
И не неси гнев на родителя на батюшка,
И ты простишь да при послидней поры-времечки,
И пока на своей брусовой он на лавочке,
И пока во своем хоромном строеньице!
Как сегодняшним господним божьим дёнечком
И понесут да всё родителя ведь батюшка
И как ко этой пресвятой да богородице,
И как ко этой церкви божьей посвященной,
И как до этой до ограды обложённой!
Хоть судил господь-владыко многомилостивой
Уж как быть тебе, сердечно милу дитятку,
И при послиднем у родителя прощаньице,
И хоронить да всё великое желаньице!

Укрывается родитель родной батюшко
И он не в дальнюю дорожку безызвестную,
И он во по́греба, родитель, во глубокие!
И подойду да я к колоде белодубовой,
И я просить буду надежную головушку:
«И ты послушай-ко, надежная головушка,
Бласлови да ты сердечно это дитятко,
Ты обидного солдатушка походного,
Надели его таланом столько участью,
Надели да ты участком деревенским.
И ты прости, прости, родитель родной батюшко,
И ты во всей вины прости да нас во глупости,
И во всем тяжкоём великом согрешеньице!»

Н. С. БОГДАНОВА

Н. С. БОГДАНОВА

Настасья Степановна Богданова (Зиновьева) (1855—1937) — выдающаяся русская сказительница конца XIX — начала XX века, обладавшая большим и разносторонним репертуаром. Записи былин, песен, сказок и причитаний производились от нее многими известными собирателями — Н. С. Шайжиным, Ю. М. Соколовым, А. М. Астаховой, И. В. Карнауховой и др.

Н. С. Богданова родилась в 1855 году¹ в д. Зиновьево, нынешнего Заонежского р-на КАССР. Юность Н. С. Богдановой, особенно после смерти отца, была исключительно тяжелой. С 16 лет ей пришлось батрачить у монахов Клименецкого монастыря, работать на лесозаготовках, на погрузке судов и барж. 23 лет она вышла замуж за солдата, вернувшегося с турецкой войны, и поселилась в Петрозаводске, где муж ее занимался извозом «да фонари по зимам зажигал», а она сама ходила «по черным работам». Позже муж стал кучером у лесничего, затем лесным объездчиком «в Кореле» в Сямозерском лесничестве, где Богдановы прожили с 1891 по 1903 год. С 1903 по 1908 год они жили на казенной лесной даче на Кивасозере, а после смерти мужа в 1908 году Богданова вернулась в Петрозаводск, где была помещена в богадельню.

В связи с работой мужа Н. С. Богдановой в лесничестве в ее автобиографии сообщается о любопытном эпизоде: «Надо было выучить мужу наказ лесника, а то с места долой. Муж не мог затвердить никак. Я уж затвердила и лесничему наказ за мужа прочитала».²

---

¹ Обычно называется 1860 или 1861 год. Однако в автобиографии Н. С. Богдановой (см. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г.», Петрозаводск, 1910, стр. 199—204), записанной от нее Н. С. Шайжиным в 1910 г., сообщается: «Мни теперь 55 год». Это согласуется и с другими сведениями, сообщаемыми тут же (например, Н. С. Богданова вышла замуж 23 лет, после «турецкой войны», т. е. в 1878 г.).

² Там же, стр. 203.

Петь песни и исполнять причитания Н. С. Богданова начала в детстве: «Я гди хожу — всё песни, всё песни; без песен нигде; хоть выбьют меня (т. е. побьют. — К. Ч.), я все равно песни пою: и у люльки, и овин молотить, и на зароди (т. е. на стогу. — К. Ч.), и боронить — всё пою. Котору песню где услыхала, тую зараз пере-няла, другого разу не надо слушать».¹ В начале XX века после ряда публичных выступлений в Петрозаводске (в 1902, 1908 и др.) и первых записей от нее, Богданова приобретает известность как первоклассная исполнительница песен, былин и причитаний. В 1911 году она впервые выступает в Петербурге. Ее имя начинает появляться в статьях и исследованиях по народной словесности рядом с именами И. А. Федосовой, Т. Г. Рябилина, В. П. Щеголенка и других крупнейших русских сказителей. В эти годы сказительство становится основным источником ее существования.

В советское время Богданова получает помощь от Петрозаводского музея, а затем ей назначается республиканская персональная пенсия. В 1926 году записи от нее производятся экспедициями Института Истории искусств и Государственной академии художественных наук. В 1927 и 1929 годах Богданова снова посещает Ленинград, а затем Москву. В 1931—1932 годах от нее производятся повторные и дополнительные записи. В дореволюционное и советское время от Богдановой было записано 15 былин, 5 причитаний, песни, сказки и др. Значительная часть записей до сих пор остается достоянием архивов (Институт Русской литературы, Литературный музей, Карельский филиал АН СССР).²

Хорошо знавшая Богданову А. М. Астахова пишет: «Произведения, которые она исполняла, отличались высокими поэтическими достоинствами — яркими, чеканными образами, метким, выразительным словом. Как подлинная артистка, она умела создать определенное настроение, захватить и всецело подчинить слушателей, переводя его из одного строя переживаний в другой. Особенно пленяла в Н. С. Богдановой ее большая музыкальность. Она обладала чистым, приятного тембра сопрано, которое не утратило своего обаяния даже в старые годы сказительницы».³

---

¹ «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 г.», стр. 201.

² Библиографию публикаций текстов, записанных от Н. С. Богдановой, и литературы о ней см.: А. М. Астахова. Памяти заонежской сказительницы Н. С. Богдановой (некролог). «Советский фольклор». VII, 1941, стр. 239—243. Дополнительно: А. М. Астахова. Былины Севера, т. II. М. — Л., 1951, стр. 45—47.

³ Там же, стр. 45.

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖУ, ПОГИБШЕМУ В КИВАЧЕ ПРИ СЛАВЕ ЛЕСА

Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная-студёная зимушка,
Наступает-то гульлива да разливна красна вёснушка,
Приходит-то тёпло красное вот летушко.
Как потают вот пушистые снежочки,
Разнесёт-то хрустальные лёдочки,
Поразольются озёра, бережочки,
Как пойдут да добры людюшки, пойдут
да поразъедутся

По всим-то по разным сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семеюшка
Куда удалится ли отправится али при́ доме останется?
Подходил-то мой законная семеюшка ко косивчату
окошечку,

Он садился на бросову белу лавочку,
Он садился призадумавши,
Приклонил-то свою млáдую головушку,
Утопил да свои ясные он оченьки.
Говорила я, кручинная головушка:
«Ты чего сидишь теперь да призадумался,
Чужих басен ты чего же приослушался,
У молодушек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких писенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушался, уж я только призадумался.

Как теби-то нет заботушки в головушке,
А у мя много заботушки в головушке!
Как долит-то вот великая заботушка
И крушит мою млáдую головушку,
Холодит мое ретивое сердечушко.
Вот зима теперь кончается и весна да приближается.
Денежки теперь да придержались,
Хлебушки у нас теперь приелися,
И наживушки теперь да не привидится, а работы
не прислышится,

Я не знаю сам теперечу, не ведаю,
Мни куды идти теперь да на наживушку,
Мни в которую отправиться сторонушку?
Уж я сдумал-то своим да умом-разумом:
Теперь люди-то на сплав да отправляются,
Да на выгонку бревенну снаряжаются,
Либо мне туда вот с нима да отправиться?
Там работушка ведь срúчная,
Там ведь плата есть хорошая,
Там есть хлебушки готовые,
Ли отправлюсь, добрый молодец?»
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ко ты на эту наживушку —
Хоть много-то туда да отправляются,
Да много и назад не возвращаются;
Там нажива есть не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная!
Та работушка теби будет несрúчная,
К той работушке-то вы да непривычный,
Там да никогда вы не бывали,
Той работки и в глаза вы не видали,
Там по утрышку ставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздешенько
Не на мягкую постелюшку, а на матушку сыру землю;
А постелюшка та — травонька муравая да мягкие
мошочки,

А зголовьице-то — сини камешёчики!
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всим-то по сторонушкам посматривать,
Скорёшенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воды,

Скакать надо прискакивать по лесам да
 по бревёшечкам,
 За порядком-то посматривать,
 Да бревёшечки направлять по ключёвой свежей
 водушке,
 Их от бережков отпихивать, по реке их в ход
 налаживать!
 Там хоть реки не широкие — есте длинные, безмерные,
 Там места есте опасные,
 Переплавы есте узкие, места да каменистые,
 Там пороги есть свирепые,
 Там вода бежит сердитая,
 Вода бежит, сыграется, сердито колыбается,
 В падуны она стекается;
 В падунах места топучие,
 Подходы туда трудные.
 Бревна идут по водушке, задеваются за камешки,
 Бревно с бревном встречается,
 Там заломы набиваются, те заломы есте страшные.
 Подходить надо со трудностью, избавлять да их
 с опасностью.
 Подбегать надо смелешенько, избавлять надо
 скорешенько,
 Не стоять да не постаивать, других да не поджидывать,
 Не дорожить своей млáдой головошкой,
 Своей жизнью да сесветной.
 Поскорешенько канат надо подхватывать,
 Ко деревцам на бёрежках привязывать,
 Сквозь люлечку канат надо протягивать,
 Поспешать надо во люлечку взаскакивать,
 Крестить надо глаза да на святителей,
 Избавлять надо бревёшки поскорешенько со залама-то
 великого,
 Поддевать надо баграмы да умнешенько!
 Ту осмелить надо млáдую головушку.
 В тую пору, в тое времечко много силы надо ловкости,
 Много ўдати прибавити — со залама бревна сбавити,
 Впредь по водушке отправить.
 А как и тó есте случается, что головки там кончаются.
 Как задрожат да ручки белые,
 Как не выхватит-то силушки в могутных
 во плечушках,

Как, может, скружит ихну млáдную головушку —
Тут повёрнётся-то люлька на канатике,
Тогда падают удалые головушки
В кипучую, в сердитую во водушку.
Тогда жизнь да их кончается и головушки решаются».
Отвечал в ответ удалая головушка:
«Везди-то всегда люди вот бывают,
А без суда-то смертей не получают.
Я на реченьку пойду да не на дальнюю, — я на самую
на ближнюю,
Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на Суньскую.
Я пойду туда близешенько, придет весть да вам
скорешенько!»
Снарядила я удалую головушку, отправила законную
семеюшку.
Пошел-то он в путистую дороженьку,
Он пошел-то на добычу на наживушку,
Уж мы с им да расставались, уж мы с им
да распрощались.
Туды сошли наши уда́лы добры молодцы,
Поступили-то оны да на работушку,
На спешную работку, не на свычную;
Стали оны, молодчики, работати,
Денечки вечёриком коротати.
Там длиннешеньки денечики казались,
Им работка там не нравилась.
По реки Суны отправились, по́ быстрой оны наладились,
Как по бережкам стали оны похаживать, леса стали
направлять.
Подходили ко местам оны опасным,
Ко крежам оны ко кру́тым, ко порогам ко быстрым,
К падунам семисаженным, ко Гйрвас под названием.
Тут оны заломы избавляли, впредь леса они по Суны
отправляли,
Вдоль по речке продолжались, к Пор-порогу
приближались;
Тут вода да разыгралась,
Встрету бревна да стретались и заломы набивались,
Тут молодчики спешилися, за багры оны хватались,
Тут оны да подловчились, за заломы принимались,
Вдруг леса да избавлялися, вниз по реченьке
спускалися!

Тут пошли оны по-старому, погналі леса по-прежнему;
Шли по кру́тым по бережкам, шутили разны шуточки,
Спевали-то оны да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялися, к Кивачу да приближались.
Как Кивач — место опасное:

Тут река бежит свирипая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжёвитое, тоё место каменливое.
Как тут бревна поверта́лися, тут заломы набивались,
Заломы ты великие, леса да тут бессчетные, на сумму
ту огромную.

Как молодчики в тот час да ужасались,
Круг залама-то оны стали побегивать,
В головах стали оны почесывать,
Стали оны багорики похватывать.

«Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости
принимайтесь-ко,
Вы за люлечку хватайтесь-ко!»

Хватали-то канатики скорешенько, брали-то оны
люлечку живешенько,
Протягали сквозь люлечку канатики смоленные,
Причаля́ли оны трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехенько во люлечку,
Стали люлечку близешенько подваживать,
Самы стали «Дубинушку» покрывать,
Самы стали багорца-то направлять да за дёревцы
захватывать.

Хоть было́-то у их ловкости,
А не хватило только силушки,
Как подрезало у их да ножки резвые,
Задрожали-то у их да ручки белые,
Закружилися-то млади́е головушки,
Тут упали-то багорышки со рученек,
Тут свернулась-то у их да эта люлечка,
Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодцы,
Тут пришла им скоро неначаянна смерётушка!
Видно, богом та смерётка им да сужена,
Да самы ихны головушки на суд пришли!
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,
В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белые-то рученьки,

Придавило ихны молодые головушки,
Протащило их по быстрой по реченьке,
Их бросало-то на крутые на бережки!
Тут нашли да их товарищи,
Поднимали их на белые на рученьки.
Уж как что-то на себе да пригодилось,
В том в земелюшку молодчики ложились!
Им ни гроба и ни савана, ни досок да посторонних,
Не наладили векового-то им одеяница,
Домовищечка не сделали векового,
Ни петъя божья церковного да ни звону колокольного,
Да не призвали попа-отца духовного!
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостно,
Известице пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалой головушки,
Что пришла ему скорая неначаянна смерётушка.
Тут съужахнулось ретивое сердечушко!
Как-то стану жить я, беднушка-горющица,
Как возвращать рожонных сердечных малых детушек
Во вдовиной во победной в сиротской во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
Так я жена да была мужняя;
А уж как нынечу-теперичу сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,
Я осталась вот, победная головушка,
Я во скудной во нужной во жирушке!
Не осталось именица, богатства,
Не осталось у нас да золотой казны;
Уж как быдто с корабля да с безызвестного,
Мы остались, победны, беспоместные,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы, победные, остались сиротиночки,
От бережка отчалили — ко другому не приехали!
Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке,
я ни верному известицу,
Я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
К Кивачу да ко названному, к падуну да ко утоплому;
Стану я по реченьке похаживать
Да у людюшек выспрашивать, у товарищей
выведывать:
«Вы скажите-ко, пожалуйста, говорите, не маните-ко,

Ужель есть еще во живности
Моя-то законная семейшка да удалая головушка?»
Охти мни, бедной горюшице, сама знаю, сама ведаю —
Письмо-грамотка не ложная, а известье не подложное;
Уж как век того не водится — со мертвых живы
не родятся!

ПЛАЧ О ДОЧЕРИ

Подойти мни вот, спобедной кручинной головушке,
Ко своему-то к роженому к сердечному дитятку,
Ко своей-то мни ко белой к лебедушке,
Ко умершей ко бывшей к подстылой головушке!
Не от резвых от ноженек, не младоей головушки —
Супротив-то сесть любимого ретивого сердечушка.
И как смотрю-то я, победная головушка,
На свою-то на белую лебедушку,
На своего-то на роженого на сердечного на дитятка.
Как сегодняшним господним божьим дёнечком,
Да этым-то ранним-то утрышком
Всё я думала, кручинная головушка,
Уж я думала своим да умом-разумом:
Верно, дали-то свободну пору-времечко,
Пожалели, знать, белу ту лебедушку,
Пожалел, верно, крестовой твой батюшко
Да желанны твои тетушки
И не будили тебя, белая лебедушка,
С крепка сна оны сегодня не будили
И на работушку тебя не разряжали,
И также я, бедна кручинная головушка,
Поблизёшенько тебя не воскликнула,
С крепкого сну-то тебя да не будила,
Ко порядне я тебя не разряжала.
Как раздумалась своим да умом-разумом,
Я спрошу теперь, кручинная головушка,
У тебя-то, моя белая лебедушка:
«Долго спишь ты вот теперь, да не прохватишься,
С крепка сну-то что-то долго не пробудишься?»
А не по-старому, знать, спишь да не по-прежнему:
Нет во белых во рученьках маханьца,
Нет во резвых во ноженьках стояньца,
Нет во ясных очах да мигваньца,

Застоялся-то речист язык во мláдой во головушке;
Хоть и личенько, смотрю, есте бумажное —
Не бежат-то всё ведь слёзушки жемчужные!
Как смотрю, бедна кручинная головушка, —
И по фатерушке она да не похаживаё,
И на лавочке она да не посиживаё,
И в окошечко она да не посматриваё,
И по сенечкам не ходит да решетчатым,
Не выходит на любимое перёно на крылечушко,
И во светлу не заходит она во светлицу,
Во столовые не входит новы горницы,
И за пяльца не садится за точеные,
За узоры не садится за мудреные,
За шйтьицем не сидит за рукодельным —
За любимым девичьим шепетенницей,
Не спевает-то жупливых жалких песенок,
Не веселит-то свою мláдую головушку,
Не потешает-то ретивого сердечушка!
У порядни не видать да ёй крестьянской,
У повóду домоводского:
У блинного не видать да ёй печеньница,
У столового не видать да сыченьница,
У удоистых коровушек смотрённица.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Что спрошу-то я, кручинная головушка:
Ты чего-то всё теперь да побоялася,
Ты чего да пострашилася?
Ты сесветной, безотней, верно, жирушки
И обидного победного девочества?
Убралась ты на ўную вековечную жирушку
Не во порушку-то ты да не во времечко —
В прекрасных молодых да ты во летушках,
В настоящее в прекрасное девочество!
Без надёжной, без отнеей ты жирушки
Как была-то тебе хвора, тяжелая постелюшка,
Умом-разумом была неустижимая,
Добрым людюшкам была да на сдвильеньце,
Роду-племени была да на сумленьце,
Мни вот, бедной кручинной головушке,
На великую тоску да на досадушку!
Ты во трудной постелюшке сбивалася,
С ума с разума срекалася,

Всё я думала, кручинная головушка,
Размышляла я своим да умом-разумом:
Попрошу-то я бога от желаньца
Да святых я от усердия!
Пообещаю-то я свеченьки рублевые,
И посулю-то я пелены шелковые,
Может, ройдет-то худая пора-временчко,
Может, встанет-то рождество моё дитятко
Со трудной с тяжелой со постелюшки,
Может, справится по-старому, по-прежнему!
Вот прошла-то тебе трудная постелюшка,
А пришла-то тебе скоро непосульная смерётушка,
Подошла она к тебе тихошенько,
И убрала она тебя скорешенько,
Во юных, в молодых тебя во летушках!
Как ты была-то всё, голубушка, в живности,
Хоть в сиротском во прекрасном девочестве,
Была девушка во чести да во славушке.
Добры людюшки тебя да всё хвалили,
Называньце было тебе очимое,
Похвала тебе всегда да позаочная,
Было рёсту у тебя да всё пригожества,
А красы-басы было да всё убожества!
Добры людюшки срекались,
Вси красотушки тобой да дивовались
И жирушка была тебе сиротская —
Только волюшка твоя была господская!
Уж ты жила, моя белая лебедушка,
Ты в безотнеей в обидной во жирушке,
Со своим-то со крестовым жила батюшком,
Да свои были желанны твои тетушки,
Не влагали-то сердечного желаньца
До тебя-то, до красной девушки.
С благовеньца-то не было ложеньца.
Со Исусовой молитовкой буженьца!
Будили-то по утрышку ранешенько
Всё тебя до праведного солнышка,
И разряжали на крестьянскую работушку:
Не по силушке давали-то работушку,
Не по размыслу тебе оны заботушку,
Где работушка та им не прилюбилася.
Да тогда оны тобой да заменилися,

Огрубляли тебя грубыма словечкамы,
Ударяли-то ударама ведь бѣлыма,
Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнуряли меня, бедную горящую!
Тогда вилося, свивалося
Мое тогда победное, ретивое сердеченко.
И не посмела я, победная головушка,
Я взыступ сказать единого словечушка.
Была волюшка твоя да не улажена,
Да головушка твоя да не учесана,
Мелка косынька-то не была уплетена,
Теби не было слободной поры-временки
По гульбищам ходить да по прокладищам,
По веселым теби да всё по игрищам,
По годовым владычным по праздничкам.
Теби не было любимых да гостинных неделюшек
Во почестном побывать теби гостебище —
Вешных неделюшек красивых
Да осенних теби да сербетливых,
А зимних теби да всё гульливых!
Как имели-то заботушку в головушке
Над тобой да распоряживать,
А не имели той заботушки
Да тебя оны улаживать:
Обувать-то твоих резвых ноженек,
Одевать твоих девочних плеченок.
Теби не было всё, белая лебедушка,
По ноженкам-то не было обуточки,
А по плеченькам-то не было одеточки,
Каждой праздничек-то не было покупочек
Да кажимо воскресеньице — обновочек,
Теби не было-то летних украшеньицев
Да зимних теби да согреваньицев,
Не справлены-то куньи были шубоньки!
Приходили всегда празднички годовые,
У тебя-то были слезушки готовые,
Ты садилась под косивчато окошечко,
Проливала ты горючи-горьки слезушки!
Как ходили-то советны твои подружки
Ко владычному годовому ко праздничку,
А говорила ты победной мни головушке,
Что заверну свою я младую головушку,

Завихну свое ретивое сердечушко —
 Нет по разуму мне цветных-то платицев,
 Не пойду лучше к владычному ко праздничку,
 Пойду лучше в дремучие во лесушки
 Я по сладкие по розовы по ягодки;
 И не уходится ль обидушка в головушке,
 Не закрепится ль там ретивое сердеченько!
 Ты послушай-ко, рожоное дитяtko,
 Сокрушилась моя млада́я головушка,
 Уж как ростячи рожоные вас детушки
 Посли своей-то законной семеюшки,
 После вашего кормильца света батюшки!
 Прошло десять-то учетных круглых годышков,
 Как преставилась законная семеюшка,
 Как осталась-то победная головушка
 Во вдовиной в горегорькой во жирушке
 Со своим-то со малыма с рожоным со детушкамы,
 Я со глупыма со малыма осталась недоросткамы,
 Я со стадышком осталась со гусиным,
 А со дру́гим — с лебединым!
 Уж думала своим да умом-разумом,
 Размышляла своей младоей головушкой:
 «Уж я как-то стану жить теперь, победнушка,
 Во большой да не в одольнеей семеюшке
 И как возвращать рожоных детушек?»
 Не разруши́ть бы мни великой семеюшки,
 Не рассердить-то мни бы брата бoгоданого,
 Вашего крестового бы батюшку,
 Не разгневать бы ветляных нешуточёк,
 Мни 'своих-то бoгоданных невестушек,
 Поприбавить бы мни разума в головушку,
 Не распустить бы мни рожоных своих детушек
 Мни по всим бы по сторонущам!»
 Говорил мни вот крестовый да ваш батюшко:
 «Наступила вот пора тебе не прежняя:
 Нынь ведь время тебе будет не по-старому,
 И распорядки вси твои да не по-прежнему —
 Если думно жить с нами во семеюшке,
 Надо иметь много заботушки в головушке:
 Ставать надо по утрышку ранешенько
 Да и по вечеру ложиться спать позднешенько.
 Ты не будешь теперь да нас разряживать,

Мы тебя теперь да будем распоряживать!»
Тут раздумалась, победная головушка,
Я своим да умом-разумом,
Уж не знала тут, победнушка,
Примениться как к горегорькой к сиротской
ко жирушке,
Уж мни как-то жить на сём свете на белом,
Не стерпеть будет великой кручинушки,
Не сносить будет злодейной обидушки.
Потом раздумалась опеть да умом-разумом,
Что закреплю свое ретивое сердечушко:
Стану горюшка во людюшки не сказывать,
Про обиду добрым людям не рассказывать,
Чтобы горюшко мое бедно не плакало,
На меня бы то оно да не судьякало,
Приклоню я свою младую головушку!
Приклонила я головушку низешенько,
Покорила я сердеченько милешенько,
Своей-то я любимой всей семеюшке
Говорила я, спобедная головушка:
«Хоть не по-старому держите, не по-прежнему,
Хоть работушкой меня да огрузите-ко,
Да словечками меня да не грубите-ко!»
Тут я стала жить, спобедная головушка,
Тише водушки я стала жить ключёвой,
Ниже травоньки-то стала жить шелковой,
Клонить-то стала младую головушку
Всім любимым спорядным да и запольным
соседушкам.

Тут не хозяйкой стала да распорядчицей —
На работушке была да за работницу,
На двори-то я была да за коровницу,
На гумни-то я была да за молотчицу,
Гди работушка та им не прилюбилася,
Тут и мной оны всегда да заменилися!
Тут жила, бедна кручинная головушка,
Я не знала в году праздничка годóвого,
Воскресеньцев не знала я Христовых,
Всё ходила я по темным по лесушкам,
Я по разным всегда да по работушкам.
Уж мы жили-то, рожóны, с вами, детушки,
Вы росли-то всё безотние, сиротские,

Вам от солнышка-то не было согревушки,
Вам от ветра не бывало заборонушки,
Вам от частого от дождичка покрывечки,
Вам от добрых от людюшек заступушки!
Слыли вольные-то вы да самовольные,
Безунёмные вы слыли, безнарядные,
На работушку-то слыли малосилые,
У стола-то слыли больше вы едучие.
Огрубляли вас вот грубыма словечкамы,
Да стращали меня, бедную горющицу,
Угрожали всё победную головушку
Оны хлебама всегда да вот особыма,
Да столамы-то стращали всё отдельныма!
Не дай господи на сём свите, не приведи
Во сиротскойой в обидной жить во жирушке!
Лучше не были бы дети тыи рожены,
Лучше не были бы на белой свет попущены!
Ты послушай, моя бела лебедушка,
Ты любимое рожёно мое дитятко,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Как сегодняшним господним божьим дёнечком
Как прибираются народ да люди добрые,
Собрались-то вси спорядные запольные суседушки
И все соседски ма́лы детушки, —
И вот не шелковый клубок теперь катается,
Вся породушка вот к нам да прибирается.
Как пришли теперь да сродцы наши сроднички,
Пришли-то наши тетушки-добротушки,
Да сестриченьки пришли да двуродимые,
Да жаланные пришли-то твои дядюшки!
Не по-старому пришли да не по-прежнему!
Уж как преж сего ходили да до этого,
Как ты была, головушка, во живности,
Выбегала на перёно ты крылечушко,
Выходила ты на шіроку на уличку,
Ты стречала-то своих да дорогих гостей,
Ты с покорным стретала да с почтеньцем.
Ты вводила во хоромное строеньице,
Проводила-то во светлы их во светлицы,
Ты в столовы проводила новы горницы,
Угощала ты своих да дорогих гостей,
Кипятила самовары ты луженые

С чаями-кофиямы заварёныма!
И закусочки были всёгда наложены,
Были ествушки всегда да приготовлены!
Уж как нынечу-теперечу,
Как сегодняшного денечку
Наши гостюшки пришли не веселешеньки,
Совсим-то заунылы да екучнешеньки.
Не к владычному пришли да к нам ко праздничку,
Не в любимое в почёстно к нам гостёбищо,
Оны к нам теперь пришли не на поминочки,
Не на твою пришли обидную на свадебку,
Не принесли-то честных дорогих подарочек!
Спасет бог да благодарствуйте
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Уж вы пришли к моей ко белой лебедушке!
Вы не первое пришли теперь, последнее,
Вы к последнему пришли да с ней свиданьицу,
Даи ко по́сле му пришли теперь прощеньицу.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Ты любимое рожно мое дитятко!
Я за честь прошу, кручинная головушка,
Уж вы встань-ко всё, пожалуйста, скорешенько,
Развернись-ко ты теперечу смелешёнько,
Ты по-старому-то встань да всё по-прежнему,
Сделай доброе теперечу здоровьице,
Заговори-тко вот любимые всё ласковы
Хоть последни вот словечушка
Со своей-то со породой с именитою,
Проведи-тко их по-старому, по-прежнему,
Ко столам-то ты веи да ко дубовым,
Ко накрытому столу да ты ко честному,
Угошай-ко ты своих да дорогих гостей.
Угошай-ко всех спорядных соседушек!
Ты сама садись-ко, белая лебедушка,
Звеличать мы тебя будем не по-старому,
Почитать да тебя станем не по-прежнему;
Хоть лебедушкой мы белой называем,
За гостейку любиму тебя да почитаем.
Уж ты сядь-ко всё теперь да угошайся-ко,
Уж ты досыта с гостями наедайся-ко,
Уж ты дóлюби-то теперь да напивайся-ко.
У нас всё есте теперь для вас прилажено,

У нас всё есте теперь да приготовлено.
И налажены вси ествушки сахарные
Да и развѣдены вси питвица медвяные!
Ты не первое вот кушай — всё последнее,
Послий разичек ты, белая лебедушка.
Мы не пивши-то тебя да не отправим,
И голодной-то тебя да мы не справим.
Охти мни, бедной кручинной головошке!
Хоть я много-то стала у ней выпрашивать,
Ничего она мни стала не рассказывать,
Хоть сказала бы, рожно мое дитятко,
Хоть одно мни вот любимое да ласково словечушко!
Ты словечка никакого не сказала,
Ты ответа мне совсем не подавала.
Рассердилась на меня, зная, поразгневалась,
Аль, сама знаю я, кручинная головошка:
Нету душеньки в твоих да во белѣх грудях!
Ты последние была у нас денѣчки,
Уж ты послие живешь у нас часочки.
Мы справляем-то тебя да снаряжаем
Мы не к праздничку тебя да отпускаем
И не в любимое почестное гостебище,
Не на гулянку мы тебя, не на прогулочку —
Мы справляем тебя, белая лебедушка,
На вековечную, бесконечную на жирушку!
Как прибудешь ты на уную на жирушку,
Ты пошли-ко нам письмо да пошли грамотку,
Скорописчатое нам пошли извѣстие,
Ты куда будешь, голубушка, положена,
Куда место-то тебе да уготовано?
Извести-ко нам про будущую жирушку,
Теби худо ль там покажется,
Аль хорошо, может, понравится!
Ты послушай-ко, голубушка,
Что скажу теби, кручинная головошка,
Хоть мы справили теперь тебя, наладили —
По недугу ль теби, любушка, по разуму
Мы одели-то теби да цветны платица,
Вековечное теби да одеянье.
Мы не пышно положили, не нарядное,
Мы не цветно, не особенно
Мы не славно да не дорого —

По своему-то мы, победные, возможённицу,
По своей-то по несчастной по силушке!
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь,
Не осуди-ко, моя белая лебедушка,
Извини-ко ты, рожно мое дитятко,
Не в шелки тебя одели не в московские,
Не в материи тебя драгоценные,
Мы не в новы ситцы да в петербургские —
Мы в простую-то одёженьку крестьянскую,
Мы не в новую тебя — да во понóшену.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь —
Не моя ведь есте вольная всё волюшка
Справлять-то тебе цветных платиц
И наладить вековое одеянице!
Как была бы то моя да вольная волюшка,
Как бы в моих руках бесцетна золота казна, —
Я бы справила тебе бы, всё наладила,
Я не в эдаки бы платица одела бы,
Да и не в эдаку обуточку обула бы —
Положила бы во платица во цветные,
Да в нарядные тебя бы в подвенечные,
В рубашечку во травчатку,
В душегреечку тебя бы гóлëвой парчи,
А на ноженьки шелковые чулочки
Да в сафьянные башмачеки!
Я бы убрала головушку в цветочки,
На головушку — жемчужну мелку сеточку!
Вот бы так бы тебя справила, наладила,
И еще бы я тебе да положила бы
Я на кóсыньку лазуревы цветочки,
И в кóсыньку тебе бы алу ленточку,
Я во правую во рученьку злачёны перстешочки!
Я бы ўбрала тебя бы да наладила
По недугу-то было бы да по разуму!
И как нету-то именица-богачества
И нету-то у нас да золотой казны,
Дак не справишь-то всё пó-люби, по разуму.
Как бы был бы то ростителек во живности,
Тебе всё было бы справлено,
Тебе всё бы приналажено!
То ведь жирушка-то наша небогатая,
А житье-то не слаутное;

Хоть осталось твоих цветных платицев,
Дак остались-то сестриченьки родимые,
Три-четыре по фатерушке шатается,
Да головушка с головушкой равняется!
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Я еще спрошу, победная головушка,
У тебя-то всё, рожоно мое дитятко:
По недугу ли тебе да всё по разуму,
Теби вечное хоромное строеньице,
Вековое-то тебе да домовищечко?
Оно просто-то совсим есте налажено —
Не покрашено оно да не побашено,
Не поставлены-то терёмы высокие,
Да не врублены косивчаты окошечка,
Да не вложены хрустальные стеколышка.
Со простых досок со еловых налажено
Совсим просто-то тебе да домовищечко.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Как было бы именьице богатчества,
Как была бы золота казна бессчетная,
Как бы был-то всё во живности кормилец
твой батюшко,
Как была бы то моя да вольна волюшка —
С честью-славою тебя да мы отправили,
С великатием тебя бы схоронили бы,
Мы со звоном бы тебя да колокольным,
С попом — отцом духовным
Да с петьем божьим церковным!
Как схороним тебя, белая лебедушка,
Во матушку сыру землю
И во буюу холодную могилушку,
В вековечну, бесконечну тебя жирушку,
Закроем тебя матушкой сырой землей,
Замуравим тебя травонькой шелковою!
Ты прощайся-ко вот, белая лебедушка,
С родом-племянью прощайся-ко любимым,
Со породушкой прощайся с именитою.
Вы простите, вся порзда именитая,
Вы простите-ко, спорядные соседушки,
Ты прости-прощай, хоромное строеньице,
Нам последнее с тобой теперь прощеньице —
Вы простите мою белую лебедушку:

Как была она, голубушка, во живности,
Во прекрасном сиротском хоть девочестве,
Хоть и жирушка-то ей была сиротская,
Только волюшка была у ей господская.
В шутках, в баснях вы простите, в прибадуточках!
Уж как больше-то не будет да живешенька,
Дак могилушка хоть будет да близешенько, —
Будет буде мни слободной поры-временки,
Уж я буду на могилушку похаживать,
Уж я по́долгу-то буду да высиживать,
Я в осенние во ночки
Буду обидушку выбрасывать,
А во вёшние денечки
Буду обиду всю высказывать.
Мни вот стоснётся, победнушке, стоскуется,
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке —
Уж я брошу всю крестьянскую работушку
И пойду к тебе на буюву могилушку!

ВОПЛЬ ДОЧЕРИ_ОБ_ОТЦЕ

Не осудите-ко, народ да люди добрые:
И пропушу теперь унылой зычной го́лосок,
И объявлю я свою причеть неумильную!
Я не знаю всё, спобедная головушка,
Как подойти мни-ка к кормильцу свету-батюшке,
Мне по-старому подойти теперь, по-прежнему,
Мне от резвых зайти теперь от ноженек,
Аль ко младоёй ко буйноёй головушке,
Аль супротив теперь идти ретивого сердеченька?
С коёго бочку теперь мни-ка подшаптывать,
С коёго личка теперь да разговаривать?
И мы приехали, спобедные головушки,
Не по-старому к теби да не по-прежнему,
Мы не знаем-то самы теперь, не ведаем,
Что сделалось у нас теперь, подеялось, —
Ново чудушко у нас да обчудилося,
Ново диво объявилось,
Велико несчастье случилось!
Что же ты, кормилец родной татенька,

Уж мы ждали-то, победные головушки,
Мы тебя домой по-старому, по-прежнему,
Уж мы день ждали по праведному солнышку,
Уж мы ночью-то по светлому по месяцу,
Вечеру-то по зари ждали вечерней,
Утром рано по луны ждали небесной!
Не клонил сон наши молодые головушки,
Уж мы сидели под косивчатым окошечком,
Мы смотрели во хрустальные стеколышки,
Выходили мы на широко на уличку,
Мы смотрели-то во чистое во полюшко,
По лутистой мы смотрели по дороженьке —
Не увидим ли ступистой лошадушки,
Не прикатятся ли санки самокатные,
Не придет ли кормилец родной батюшко;
И не могли дождать победной головушки.
Тут приехали-то к нам добрые людюшки,
Привезли-то к нам весточку нерадостну,
Что нет во живности кормильца света татеньки!
Тут подрезало у нас да ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые,
Съужахнулося ретивое сердеченко!
Тут мы не поверили-то людям добрым,
Мы приехали сами к тебе, победные головушки.
Уж ты что же, кормилец родной батюшка,
Рассердился-то на нас да распрогневался,
Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишься,
С крепка сну ты долго не пробудишься?
Уж ты встань-ко всё на резвые на ноженьки,
Поедем-ко, кормилец родной батюшка,
Домой в свое хоромное строеньеце,
По-старому жить с нами, по-прежнему!
У нас всё теперь тебе есте прилажено
И всё есть приготовлено,
Есть налажены кушанья сахарние.
Уж как смотрю, бедна победная головушка, —
Не по-старому ты спишь, да не по-прежнему!
Нету душеньки в твоих да во белых грудях,
Нет во резвых во ноженьках стояньица,
Нет во белых во рученьках маханьица,
Нет во ясных очах да мигованьица,
Уж застоялся-то речист язык в устах да во сахарних.

Мы не знаем всё, спобедные кручинные головушки,
не ведаем —

Теби богом ли смерётка эта сужена,
Аль от добрых людей да напущенная,
Аль сама твоя головушка на суд пришла,
Не такая, как пришла да добрым людюшкам!
Добрым людюшкам смерётка на сдвильнице,
Роду-племени всему да на сумленьице,
Нам-то, бедным несчастным горящим,
На великую тоску да на досадушку!
Не привел-то тебя милостливой господи,
Как бы был ты при трудной постелюшке,
Как на своей бы лежал брусовой белой лавочке,
Тут пришла бы к тебе скорая непосульная
смерётушка,

Дак не так бы нас брала тошная тоскичушка,
А то случилась тебе скорая неначаемая смерётушка
Не в своем да во хоромном строеньице —
На открытой на даче на казенной,
На путистой широкой на зимней дороженьке!
Случились злы недобрые людюшки,
Погубили твою младую головушку,
Толкнули ступистую лошадушку
Во пушистые снежочки за пушистую дороженьку;
Может, был тогда ростителек во живности,
Не могла привезть ступистая лошадушка;
На тую на пору на времечко
Не случились добрые людюшки
Спроводить нашу ступистую лошадушку
На путистую дороженьку —
Может, привезла бы домой по-старому, по-прежнему,
А то остались мы теперь, бедные
Круглые несчастные сиротушки,
В горегорькой в сиротской во жирушке!
Не привел-то многомилостливой господи
И не наставил, верно, долгого векушку
Пожить на сем свете на белоем,
И не доростил нас до полного до возраста!
Уж мы как станем жить, победные головушки,
После тебя теперь, роститель родной батюшка?
Уж мы теперь да нелюбимое
Сиротское словечко получили,

Не осталось именица-богачества,
Не осталось бесщётной золотой казны!
Уж кто теперь будет нас доразивать,
Уж кто же нас теперь будет устраивать?
Мы без ветрушка остались шатаючи,
Мы без дожличка теперь да уливаючи,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
Мы победные теперь да сиротиночки:
Нам от солнышка не будет-то сугревушки,
Нам от ветрушка теперь да заборонушки,
Нам от частого от дожличка покрывешки,
Нам от добрых от людюшек заступушки!
Уж мы как станем жить, победные кручинные
головушки,
Как справлять крестьянскую любимую работушку?
Как пойдёт-то холодная-студеная зимушка,
Как наступит-то гульливая разлива красна вёснушка,
Как потаю-то пушистые снежочки,
Разнесёт-то хрустальные ледочки,
Поразобьются крутые бережочки,
Придёт птично прилетаньице,
Придёт рыбное тогда да нерестаньице,
Загощечкам-то серым кукованьице,
На нашем сердце обиды сколыбаньице!
Как пастушкí в лесах затукают,
На полянушках-то пахари занукают,
Как пойдут-то тут многие добрые людюшки,
Вси любимые спорядные соседушки
На любимую крестьянску на работушку —
Вся работушка у их тогда объявится,
Колёсом у их тогда дело покатится,
А как нас-то, кручинных победных несчастных
головушек,

Одолять станет великая обидушка
И ушибать станет злодейная кручинушка:
Полянушки у нас да не запашутся,
Пóженки у нас да не покосятся,
Водушки у нас да не наловятся.
Опустеет наше житье-живленьице
И опустеет хоромное строеньице,
Всё застынет-то у нас да захолонеет!
Как после тебя-то теперь, роститель батюшко,

Кирпичная печенька не топлена;
В одном уголочку пушистые снежочки,
А во другом — морозушки трескучие,
Всё пустым у нас стало теперь пустёшенько,
Холодным да холоднёшенько!
Мы сидим-то тут, победные головушки,
Быдто зимние упалы малы заюшки,
Дожидаем всё кормильца домой батюшка.
Верно, вовеки того да всё не водится —
Живой с мертвого на сем свите не родится,
Народ со погоста не воротится!
Уж как нунечу-теперичу
Как было бы именицо-богачество,
Как была бы золота казна бессчётная,
Мы бы наняли, кручинные головушки,
Мы пятнадцать бы подвод да лошадиных,
Развозили бы великую кручинушку,
По дремучим развозили бы по лесушкам!
Нас страх долёт, победных головушек:
Как жить теперь в сиротской,
В победной, не в надежной во жирушке:
Как приходить-то будут празднички годовые,
У меня-то будут слезушки готовые.
Наступило-то теперь мое несчастное прекрасное
девичество.
Как пойдут-то советны мои подружки,
Как пойдут-то души красные девушки,
На гульбища пойдут, на прокладища,
На веселые на йгрища,
Ко любимым владычними годовым праздничкам.
А у меня-то, у кручинной головушки,
Не будет-то по ноженькам обуточки,
По плеченькам по разуму одеточки,
Зимних не будет согретьице
И летних не будет украшеньице!

ПЛАЧ СЕСТРЫ ПО СЕСТРЕ

Как пропустить-то вот
Мни, победной кручинной головушке,
Свой унылой пропустить-то жáлкий гóлосок,

Объявить мни свою причеть неумильною
Мни по этой по широкой по уличке,
Мни по этому погосту по станливому,
Мни по этой по буявой могилушке!
И мы не знаем всё, победные кручинные головушки,
Как подойти ко этой холодной, к зеленой,
ко буявой могилушке!

Хоть мни сказать-то всё теперь да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько!
Подойти-то нам ко любимой сестрице ко родимой,
И нам с которой зайти-то всё теперь сторонушки:
Нам от южной аль от северной,
От восточной ли, от западной,
Аль супротив ли сесть ретивого сердечушка?
Охти мнешеньки, нам бедным тошнешенько,
Не можем мы стоять на резвых на ноженьках,
Подломились-то у нас да ножки резвые,
Задрожали-то у нас да ручки белые!
Припадем теперь ко матушке сырой земли
И ко буявой холодной ко сестрицыной могилушке,
Будем клубышком теперь да мы кататися,
Червушочком да будем мы свиваться,
Мы желаньца от ей будем добираться!
Вы повеите теперь, буйные ветрушки,
Размуравься-тко, травонька шёлковая,
Вы развейтесь-ко, лазуревы цветочки,
Пораздвинься-ко ты, матушка сыра земля,
Вы рассыптесь-ко, желтые песочки,
Раскатитесь-ко, валучи камешёчки,
Покажись-ко, ёйно вековечно хоромное строеньице!
Прилетите-ко вы, птиченьки небесные,
Повытяните гвозди шеломчатые
И откройте-ко сестриченьку родимую.
Покажись-ко, ёйно белое личико,
Векóвое ёйно одеяньице!
Прилетите с небес, ангелы-архангелы,
Вы вложите душеньку в белы груди,
Вы по-старому вложите-ко, по-прежнему,
В резвых ноженьках-то сделайся стояньице,
В белых рученьках-то сделайся маханьице,
В ясных оченьках у ей да мигованьице,
Речист язык в уста да во сахарни!

И ты повыстань-ко, сестриченька родимая,
Уж ты встань теперь на резвые на ноженьки,
Уж мы сделаем-ко доброе здоровьице,
Мы покорное теперь с тобой почтеньице,
Ты обрадуй-ко нас, бедных головушек.
Мы по-старому с тобой теперь, по-прежнему,
Уж мы сядем-ко с тобой да рядом-пóряди,
Заговорим мы любимые потайные ласковы словечушки!
Уж мы вдавное с тобой да не видалися,
Мы давнёшенько с тобой да не встречалися,
Как прошло-то пять учетных круглых годышков,
Как схоронили тебя, белую любимую лебедушку!
Одна ты была у нас да одинешенька,
Уж ты милая ведь нам была, любимая,
Быдто свет была во ясных во оченьках;
Хоть сестриченькой всегда тебя я называла —
За рожного дитя тебя да почитала!
Как пришла тогда тебе скорая непосульная смерётушка,
И не пришлось быть при по́сляей твоей нам при
кончинушке,

При последнем не пришлось да быть прощеньице,
Не пришлось-то слышать последних
Ласковых твоих любимых словечушек.
Не забыть тебя нам будет век-по-веку
И отыней не забыть да будет до веку!
Ты послушай, наша белая лебедушка,
Ты любимая сестриченька родимая:
Как пришли мы, победные кручинные головушки,
Мы со нашей со родителью со маменькой,
Со победной вдовой благочесливой,
Уж мы пришли-то все к тебе да по-дорожному,
Уж как сумочки у нас да по-походному!
Как расстались тогда с тобой-то, белая лебедушка,
И как пришла-то нам тогда скорая нечаянна
разлукушка;

Посли видом мы тебя да не видали,
Уж мы весточки никакой не получали,
И известьица от тебя да не бывало,
Письма-грамотки ты нам не посылала,
Во снi ты нам совсим да не казалась,
И наяву ты нам не объявилась:
Рассердилась, знать, на нас да поразгневалась!

Ты чего, наша голубушка, на нас да рассердилась?
Или нету тебе вольной там волюшки,
Иль того да рассердилась,
Что мы взяли твои цветные платица,
Не благословленные были тобой да не приказаны?
Хотя мы взяли всё, спобедные головушки,
Мы не для-ради всё взяли украшеньица
И не для-ради согреваньица —
Уж мы для ради взяли посмотреньица:
Как расходится обидушка в головушке,
Сколыбается зазнобушка в утробушке,
Как посмотрим на твои на цветны платица,
Как на тебя быдто, белая лебедушка!
Аль того да поразгневалась,
Что не по́часту на могилушку ухаживаем,
И не по́долгу у тебя да мы усиживаем,
И частых тебе нету от нас поминочек,
Да почаще того не было годиночек?
Как мы в дальнеем живем да расстояннице,
Не в частом живем свиданнице.
Как была бы-то могилушка близешенько,
Мы бы частенько на могилушку похаживали,
Мы бы долго бы посиживали!
Ты послушай-ко, любимая сестриченька родимая,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Уж я много раз к тебе да всё справлялася,
Не один-то раз к тебе да снаряжалася,
Уж я сдумала-отдумала,
Я три раза-то всё к тебе да снаряжалася,
Да четыре раз с дорожки ворочалася.
И теперь да мы придумали,
И неотложно мы теперечу отправились;
И уж как шли мы путем-широкой дороженькой
И поспешали к тебе, белая лебедушка,
Уж мы в день-то шли по праведному солнышку,
Уж мы в ночь да шли по светлому по месяцу,
Вечеру-то по зари мы шли вечерней,
Утром рано по луны да шли небесной,
По деревенкам мы шли да по станливым,
Мы по волостям-то шли да по красивым.
Всяки стретушки нам, бедным, встречались;
Инны стретушки-то нам да поклонялися,

Инны стретушки-то нам да покорялися,
Инны стретушки над нами надсмехались,
Говорили други добрые нам людюшки:
«Вы идете на холодную на буяву могилушку,
Поспешайте-ко идти да вы скорешенько.
Вы идите-ко скорешенько, не стойте-ко,
Вы назад да не смотрите-ко,
Поспешайте-ко на буяву могилушку:
Как ведь там теперь на буявой зеленой
на могилушке,

И у вашей у сестриченьки родимой
Чудо чудное там да обчудилося,
Диво дивное-то там да объявилось —
Со мертвых живы родилися, —
Есть во живности сестричушка ваша родимая,
Дождидает вас в почестное гостебищо,
Призадвинуты есть столички дубовые,
Да приусланы-то скатерти забранные,
Да налажены есть ествушки сахарные,
Приразведены есть питьица медвяные».
Говорила я народу-людям добрым:
«И не говорите-ко вы, добрые людюшки,
Таких нам неумильниих словечушек,
Не давайте-ко великой назолушки
Нашему ретивому сердеченьку:
Мы не длья-ради идем да угошеньница,
Уж мы длья-ради идем да побываньица!»
Уж обманили-то, народ да люди добрые,
Обманили-то нас да облукавили:
И вот пришли теперь на буяву могилушку —
И нет сестриченьки совсем теперь во живности!
Всё мы думали, кручинные головушки,
Как побываем мы на буявой холодной зеленой
на могилушке,
Дак убудет-то обидушки в головушке.
А как на могилушке теперь да побывали,
Мы сестриченьки в глаза да не видали,
Не убавили обидушки — прибавили!
Мы не знаем, всё победные головушки, не ведаем,
Аще ль то судит милостивый господи
Побывать еще на буявой холодной на зеленой
на могилушке.

А. М. ПАШКОВА

А. М. ПАШКОВА

Анна Михайловна Пашкова (1866—1948) — одна из крупнейших севернорусских сказительниц советского времени — родилась в д. Ярцево Пудожского р-на КАССР. Начала учиться в сельской школе, где показала незаурядные способности, побудившие учителя хлопотать об ее переводе в гимназию. Однако отец не захотел отпустить из дома дочь-работницу. В 1886 году Пашкова вышла замуж. В семье мужа на нее легли все заботы по хозяйству. Мужчины уходили на рыбную ловлю и на лесозаготовки, а ей приходилось, как она позже рассказывала, «земельным делом заведывать»: «косила, пахала и все делала, а мне помогали».¹ Из четырнадцати детей в живых осталось только трое — две дочери и сын. Единственный и любимый сын принес ей много горя. Его разбило параличом, и он двенадцать лет не вставал с постели.

Исполнению былин и песен Пашкова выучилась преимущественно до замужества от известных в то время сказителей: старика Амвросия с Купецкого озера, коробейника Данилы, своей тетки Ксении Тихоновой, односельчанина Ильи Зубова и др. Самой сказывать приходилось редко — «муж сам не любил и не давал петь былины». Даже знаменитому сказителю из д. Семенова Ф. А. Конашкову, с которым они вместе рыбачили, «слова вымолвить не давал». Однако годы замужества, проведенные в д. Семенова, не прошли даром — здесь развился и окреп талант Пашковой. Здесь она приобрела известность как вопленица. О причитаниях Пашкова рассказывала: «По подголосницам не ходила, а причитаний много знала, как с этим горем пожила (сын-то больной был); много причитала на работе, а свадебные — те в девушках узнала».

---

¹ Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940, стр. 55.

В 1933 году Пашкова переехала к дочери в Петрозаводск. Здесь в 1937—1939 годах сотрудниками Карельского Научно-исследовательского института культуры от нее было записано 16 былин и исторических песен, 51 лирическая песня, 15 сказок, 35 похоронных, бытовых и свадебных причитаний, 320 пословиц, 40 загадок, полное описание свадебного обряда и т. д. Публикация записей в периодической печати и в сборниках «Былины Пудожского края» (1941), «Русские плачи Карелии» (1940) и «Творчество народов К-ФССР» (1940) принесла Пашковой известность, выдвинула ее в ряды крупнейших современных сказительниц.

В 1939 году Пашкова принимает деятельное участие в первом Всекарельском совещании сказителей и Всесоюзной конференции сказителей в Москве. В предвоенные годы А. М. Пашкова создала несколько десятков стихотворных сказов на советские темы, отличавшиеся от многих подобных попыток других сказителей поэтичностью и стремлением к гармоническому выражению нового содержания. Ее сказы «Чем Москва прославилась», «О Ленине», «Колхозница», «Лучинушка» и др. пользовались в те годы широкой популярностью.

Начало Великой Отечественной войны Пашкова встретила известным сказом «О Родине». В июле 1941 года она эвакуировалась в Белозерский р-н Вологодской области. С 1943 по 1946 год жила в г. Мончегорске, где выступала в госпиталях, на эвакуопунктах, в рабочих клубах с песнями и сказами, созданными ею и другими сказителями. Особенным успехом пользовался ее «Сказ о сыне», опубликованный впоследствии в сборнике «Фольклор Советской Карелии» (1947). В мае 1946 года Пашкова участвовала во Всесоюзном слете сказителей в Москве. Умерла Пашкова в Петрозаводске.

ПЛАЧ ПОСЛЕ ПОЖАРА

*Приходит тетка, племянница ее встречает
с плачем и причитывает:*

Как идет да гостья дальняя,
Идет гостья долгожданная,
Моя тетушка-добротушка,
Старша буйная головушка.
У нас, у бедных,
Ново чудо случивалось,
Ново диво сдивовалось!
Уж как век чего не думали,
Уж как век чего не гадали:
Уж как глупая-то женщина,
Неразумна молодá жена
Зажигала восковú свечу
Перед чудным перед образом.
Верно, она богу не угодная,
Ее свеча да недоходная;
Как от той от восковой свечи
Показались дымочки,
Запылали огонечки
По крестьянской по деревенке!
Потеряли мы селеньице,
Всё хоромное строеньице,
Всё крестьянско заведеньице.
Всё огнем просветилось,
Головней всё покатилося!
Как, желанна моя тетушка,
Теперь я, бедна горющица,
Я от господи обижена,
И от добрых людей обнижена:
Погорели у беднушки
Мои цветные все платьица
И жемчужно ожерельице,

Не видать мне боле, беднушке!
Я находилась, горюшица,
На крестьянской на работушке;
Не работушку работала,
Только времечко корóтала —
Как про это про несчастье
Мое ведало сердечушко!
Как прихожу, бедна горюшица,
Я с крестьянской-то работушки —
Уж пустым стало пустешенько,
Порозным да порознешенько;
Мои сердечные родители
В чистом полюшке под кустичком.
Как станем жить, бедные,
Без витого без гнездышка?!

ПЛАЧ ЗАМУЖНЕЙ СЕСТРЫ ПО БРАТУ

Охти, мнешенько тошнешенько
И сердечку тяжелешенько!
Как по сегодняшнему дёнечку
Я ставала поранешеньку,
Собиралась поскорешенько
На крестьянскую работушку,
Но мне не елося, не пилося,
Мое сердечушко крушилося,
Из рук дело всё валилося,
Мне работушка на ум не шла!
Как во пору полуденную
Пришла весточка нерадостна,
И нерадостна, печальная,
Что не стало на белóм свету
Моего-то братца милого;
Дак мои ножки подломилися,
Очи ясны помутились,
А ретивое сердечушко
На кусочки разрывалось!
А ум со разумом мешается,
Мысль на два разделяется,
Что мне нé дали известица,
Что при тяжелой он постелюшке!

Я бы шла, бедна горюшица,
День по красному бы солнышку,
Ночь по светлому по месяцу:
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
У его некому заботиться!
Есте матушка старшенька,
Милы деточки малешеньки,
А супруга-молода жена
После болюшки слабешенька;
Нету сродничков желанных
И нет соседей добродородных,
У всех конюшки усталые
Да извозчики упрямые;
Наша деревенка на запольке:
Нету почты скороходной,
А телеграммы скороносной.
Я пошла, бедна горюшица,
Хоть не поспела я, обидная,
Ко душевну расставаньицу,
А торопилась-поспешалася
Ко телесну погребаньицу.
Я шла по лесушку по темному,
Я зверей да не боялася,
Злых людей остерегалася,
Только слезами уливалася!
И все я шла, бедна, спешилася,
А от моих-то слез горючих
Путь-дороженька двоилася,
А леса с кореня ломилися,
А ковыль-травонька зеленая
К земле низко приклонилася,
Люди добрые дивилися!
Как подхожу, бедна горюшица,
Да на родимую сторонушку,
К его витому-то гнездышку
Да ко перёному крылечушку,—
Не встречат да братец-солнышко!
Как было преж сего до этого
Соколочек родимой братец
Всё в окошечко поглядыват,
На крылечушко выскакиват,

Дожидал да меня, беднушку,
Во любимое гостебище.
Придут празднички годóвые,
Так были конюшки запряжены,
По край сáней было сяжено
И за гостьей было съезжено,
Была привезена, отвезена,
У крылечка была встречена,
За два полюшка провожена;
А по сегодняшнему дёнечку
Не встречат да братец родненький
У крылечушка перёного,
У ступенчика у первого,
Как не несут да ножки резвые
Во перёное крылечушко!
Я в крылечко поднималася,
О порúченьки держалася,
А во новой во горенке,
Вижу, горят свечи там воскóвые,
Поют псалмý заупокойные,
Мой братец-красно солнышко
На столах лежит дубовых;
Дальше в том углу пустешенько,
А в другом да порознешенько,
А на середочке сироточки,
Всё глупы малы недоросточки!
Я пришла, приобзабылася,
У хозяев не спросилася:
Как поспрошу, многообидная,
Я у братца у родимого:
Мне с коёй зайти сторонушки
И куда сесть мне будет, беднушке?
Сесть во резвые ль во ноженьки,
Иль сесть ко буйной головушке,
Иль супротив сердца ретивого?
Как посмотрю, бедна горюшица,
Как во буйной во головушке
Сидит горюша бедна матушка,
А во резвых во ноженьках
Сидит супруга-молода жена,
Та вдова многообидная,
А супротив сердца ретивого

Сиротинки-малы детушки,
Будто маленькие пенышки!
Только мне, бедной горюшице,
Сдалекá да не накликаться,
Свысокá да не набаяться,
А подойти мне поближёшенько,
А поприсесть, бедной горюшице,
Хоть на бросову белу лавочку,
Ко косящату окошечку!
Братец красно мое солнышко,
Шла к тебе я, поспешалася,
На путистой на дороженьке
Мне две стреточки стретались:
Перва стреточка — обидушка,
Другá стреточка — кручинушка!
Я обидушке сказалася,
Я с кручиной сговорила:
«Не доли-тко меня, беднушку,
Ты, злодейная обидушка
И великая кручинушка,
Дай повысказать-повыбаять
Соколкú братцу родимому.
У меня столько накопилось
Как злодейной-то обидушки,
Что мне на вешний день не высказать,
На осённу ночь не выплакать
Про свою мне житье-жирушку
На чужой-дальней сторонушке!»
Но обида неподкупная,
А кручина недоступная:
Одолила меня, беднушку.
Дак ты послушай-ко, пожалуйста,
Соколочек родимой братец,
Ты скажи-ко мне, беднушке,
Ты куда да снаряжаешься,
Ты далеко ли отправляешься?
Аль ко праздничку годовому,
Аль на охотное гулянье?
Сама знаю, сама ведаю,
Что у братца у родимого
Есть платья не цветные,
А ест платья умершие;

Он собирается-снаряжается
Он во матушку сыру землю,
Во соснову гробову доску!
Братец красно мое солнышко,
Не сердись-ка ты, не гневайся
На меня, сестрицу милую,
Что не ходила я частешенько,
Не сидела подолгешенько
У трудной твоей постелюшки,
У тяжелого зголовьяца.
У меня-то ведь, у беднушки,
Не своя есть воляна волюшка,
Есть строгая свекровушка,
Больша немилая семеюшка:
Всюду наб пойти спроситися,
А прийти да объяснитися!
А теперь порушка ведь летняя
И страда да сенокосная,
Стало время недосужное,
На лужках травка посохнула,
А на полянках хлеба сыплются.
Я гналась, бедна горюшица,
За крестьянским житьем-жирушкой,
За ломовой работушкой.
Уж я тое умом думала:
Соколочек родимой братец,
Он отборется от болюшки
Да от злодейной смерётушки,
Да не оставит нас при горюшке!

Обращается к матери:

Уж где-то есть у меня, у беднушки,
Как горюша бедна матушка?
Уж скажи-тко мне, пожалуйста:
Как у братца у родимого,
У его как расставалася
Душа-то со белым телом,
А ясны очи со белым светом?
Ты закрыла бы окошечко,
Заложала бы воротичка,
Не пускала бы смерёточки!
Обещала бы смерётушке

Дать своих дойных коровушек
И тягловитых лошадушек,
Всю бы жирушку домовую
Да всю запашечку годовую,
А не давала бы смерётушке
Своего сына бажёного!
Только знаю я, горюшица,
Эта смерть-то неподсудная,
А головка безрассудная!
Не увидла взять смерётушка
Как ни старого, ни малого,
Человека волокидного;
Она пришла да прикатилася,
У ворот не колотилася,
А у окошка не спросилася,
Прямо в ізбу к нам ввалилася!
Прикатилася потихошеньку,
Она брала поскорешеньку
Человека деловитого,
Из деревни брала первого,
В волости да не последнего,
От жены мужа законного,
От сирот-то малых детушек
Как кормильца брала батюшку,
У горюши бедной матери
Взяла сына-то любимого,
А у меня, бедной горюшицы,
Одного взяла единого
Моего братца родимого!
Я помолюсь, бедна горюшица,
Пресвятой я богородице:
«Пресвятая богородица,
Как ставлю свечки-то рублевые,
Я кладу пёлены шелковые,
А ты вложи-тко, богородица,
Соколкú братцу родимому
Во резвы ножки хожденьице,
В белы рученьки влажденьице,
В ясны очушки прозреньице,
А во уста проговореньице!»
Братец красно мое солнышко,
Ты ставай-ко на резвы ноги,

Ты встречай-ко гостью дальнюю,
Ты сестрицу долгожданную!
Без тебя ли, братец-солнышко,
Как не встречают меня, беднушку!
Была гостя не унѣмана,
Цветно платье не складывано,
Уж я не кормлена, не поена,
А пришла с волока усталая!
Как отвечала мне-ко, беднушке,
Пресвятая богородица:
«Уж как глупая ты женщина,
А неразумна молода жена,
А когда был у тя во живности
Соколок твой родимой братец,
Так ты не господу молилася,
А в добры люди всё хвалилася,
Что есть умное-разумное,
Ты одно у меня бажёное;
А как век тое не водится,
Что с мертвых да живы ставятся!»

*Обращается к соседкам,
которые «унимали» плачущую:*

Не жалеите, люди добрые,
Вы соседки порядовые,
У мя личко не бумажное,
У мя слезы не жемчужные!

Опять обращается к покойному:

Ты послушай-ко, пожалуйста,
Соколочек родимой братец,
Попытала я упрашивать,
Попытала уговаривать,—
Не женись ты в роду в племени:
Как где родство-то вместо сходится,
Тута век добра не водится,
Тут вдовеют молодѣ жены,
Сиротают малы детушки.
А вы суда божья не рушали,
Меня, бедну, не послушали,
Вы сошлись, поторопились,
Вы законами связались,

Вы венцами повенчались,
Вы мало жизнью наслаждались!
Тут разбила жизнь смерётушка!
Сиротать да приостались
Твои маленькие детушки,
Цело стадушко гусиное!
Один в зыбочке качается,
А двое по избе шатаются,
А еще есть призаведено,
Есть на белый свет дается.
Их кто станет кормить-поить?
Нет запасов у вас великих,
Есть в хлѣбах недопашечки,
В житье в жире недостаточки;
Как находятся жадобные
Как по заложенным воротичкам,
По закрытым окошечкам,
По суседам порядовым!
Кто приласкат — так тот и батюшка,
Кто приголубит — тот и дядюшка.
Только мне, бедной горющице,
Будет жаль да мне тошнёшенько!

Обращается к невестке, жене брата:

Ты послушай-ко, пожалуйста,
Как невестушка ветляная,
А сестрица богоданая,
Ты вдова многопобедная!
Уж ты не дай-ко сердцу слабости,
А повозрости своих детушек!
Только ты, моя голубушка,
Приосталася, победная,
Хоть в годах да ты в молодых.
Только живи, моя голубушка,
Ты пониже шелковой травы,
А потише ключевой воды,
Ты на крылечко не выскакивай
Да в окошко не выглядывай,
Про молодых людей не спрашивай;
Приложи-тко ты заботушку
К своему да житью-жирушке,
Ко крестьянской ко работушке,

Как вдовить вдове по-доброму,
Как рукава носить по-долгому!

Вносят гроб:

Вам покорно благодарствую,
Гробовщики да вы стронтели,
Телам мертвым украсители!
Вы честно ведете, именно,
Моему братцу любимому
Домовище вы устроили,
Мое сердце успокоили!
Как ты, родитель моя матушка,
Ты станови столы дубовые,
Клади скатерти ты браные,
Клади яства по возможности,
Угощай ты дорогих гостей,
Гробовщиков да ты строителей.
Как вы, суседи порядовые,
Извините-ко, пожалуйста,
Вы за яствушка сахарные,
А за напиточки за хмельные:
Во дому нету хозяина,
Нет по дому распорядчика,
А во семеюшке наживщика!
А вы садитесь-ко, покушайте
Хлеба-соли без взыскания!
Соколочек родимой братец,
Как скажи-тко мне-ко, беднушке,
По уму ль тебе, по разуму
Это витое-то гнездышко,
Да и хоромное строеньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Что витое-то гнездышко
По низу не обложеное,
По середочке не мшоное,
По верху не шеломченное
Да внутри не отопленное!
Нет брусowych белых лавочек,
Нет косячатых окошечек,
Нет кирпичной теплой печушки;
Только доски-то сосновые,
Как бы дубовая колодина!

Так не сердись-ка ты, не гневайся,
Соколочек родимой братец,
Как были бы, у беднушки,
У меня денежки лежалые
Да кабы людюшки хожалые,
Так я бы съездила, горюшица,
На ты горушки стекольные,
Привезла бы братцу родному
Я бы гробики хрустальные,
Положили бы жадобного
Как во tych гробах хрустальных
Мы бы в комнатки в особые
Да на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело личушко не испортилось!
Когда вырастут-поднимутся
Как сердечны твои детушки,
Как откроют тые гробики
И посмотрят жадобные
Кормильца света батюшку.
Ты невестушка ветляная,
А сестрица богоданая,
Нам не видать гробов хрустальных!
Ты возьми, моя голубушка,
Лист бумажечки гербовую,
Писарей возьми умильных,
Рисователей учтивых,
Нарисуй, моя голубушка,
Моего брата родимого,
Своего мужа законного
На лист-бумажечку гербовую!
Нарисуй-ко ты, пожалуйста,
Его телушко-то мертвое,
Его личушко-то блеклое;
Положи эту бумажечку
Во кленовую во горенку,
Ты на стенку на лицевую!

Гроб выносят из избы:

Не спешите-тко, пожалуйста,
Уж вы, премноги люди добрые,
Уж вы, суседи порядовые,

Кумовья мои любимые
И милы братцы двуродимые,
Выносить из дому,
Да из витого из гнездышка
Большака в дому, начальника,
А вы по дому распорядчика!
Прощайтесь-ко, пожалуйста,
Вы, суседи порядовые!
Вы простите, извините-тко
Моего братца родимого,
Если занято — не отдано,
А если отдано — не додано,
Если взято — не сознатося!
Ты прощайся, братец-солнышко,
Со своим ли витым гнездышком,
Со хормным строеньцем,
Со всем крестьянским заведеньцем,
Уж ты со улочкой планою
Да с площадкой подугольною!
Уж добры конюшки впрягаются,
Да извозчики снаряжаются.
Как наглядитесь, очи ясные,
Про запас до поры-времени
Как на братца на родимого:
Скоро час часу минуется,
От часу́ день коротается,
У нас гостюшко укатится,
Да бажёный потеряется,
А у нас-то, у бедных,
Кто же в доме остаётся!
Твоя матушка старешенька,
Поясок носит слабёшенькой,
У ей силушка малешенька,
А сиротинки малы деточки
Будто клубышки катаются,
Будто червушки свиваются!

*Похоронная процессия
приближается к церкви:*

Путь-дорожка короталася,
Божья церковь показала.
Только сегоднешним дёнечком

Колоколы не забрякали,
У нас обедни не заказаны,
Панихиды не отслужены.
Пресвятая богородица,
Мы не воз везем с товарами,
А везем телушко мы мертвое
Моего ли братца рóдного!

После отпевания:

Простояла я, проглупала,
А глазами всё прохлупала
На украшенища церковные
И на люстры золоченые!
Потеряла я, беднушка,
Соколка братца любимого.
Он покорно благодарствует
Вам, попам-отцам духовным,
И вам, служителям церковным,
Что вы честно ведете, именно
И на честь, хвалу великую.
Я стояла да заметила,
Что попы поют — мешаются,
Дьяки читают — усмеваются
И подаянья не начаются.
Вы, попы-отцы духовные,
Обождите-ко, пожалуйста,
Как повырастут бажёные
Сыновья его любимые,
Вам вдвое-втрое повыплатят!

На могиле:

Вы, могильные копатели,
Вы, телесны погребатели,
Не копайте глубокошенько,
Не зарывайте-ка плотнешенько
Моего братца любимого!
Как придут малыньки детушки,
Они желты пески повыроют,
Кормильца батюшку повыздынут
Со матушки сырой земли!
Братец красно мое солнышко,
Уж ты меня прости, ко мне гостй,

Уж ты гості-тко, братец-солнышко,
По субботушкам вселенским,
А ты по дням по воскресенским!
Дождаться буду, беднушка,
Я у струистой речки быстрою;
Не настойся-ко, ясён сокол,
Ты у рек за переходамы,
А у ручьев за перебродамы.
Уж ты скажи-тко мне-ко, беднушке,
Ты когда в гости посулишься,
Ты по утрышку ль по раннему,
Аль по вечеру по позднему?
Ты каким путем подоймешься?
Если конем, так я коня куплю,
Как пароходом — пароход найму!
Охти, мнешенько тошнешенько!
А не видать мне будет, беднушке,
Да не дожждаться мне, горящице,
К себе гостюшка любимого,
Братца милого, родимого!
Придут празднички годóвые,
Так у меня слезыньки готовые,
Опристанут ножки хóдячи,
А белы рученьки поднóсячи,
Нелюбимых гостей кóрмячи!
Не будет гостюшка любимого,
Соколка братца родимого;
Мне во снях-то не покажется
И наяву мне не появится!
Всё желаньице в сырой земле,
Вся отрада в гробовой доске!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка,
Допусти-тко меня, беднушку,
Как к удалой-то головушке,
Ко венчальной ко семеюшке,
К своему мужу законному!

Свысока мне не набаяться,
Сдалека мне не накликаться:
Подойти-ко мне близешенько,
Поприсесть-ко мне низешенько.
Как скажи-ко ты, пожалуйста,
Уж ты куда да собираешься,
Уж ты куда да снаряжаешься?
Ты ко праздничку ль годовому
На охотное гуляньице?
Сама знаю, сама я ведаю —
У уда́лой-то головушки,
На ём платьице не цветное,
На ём платьице печальное.
Как сегодняшним де́нечком,
По утрышку по раннему
Пришла скорая смерётушка
К моему мужу законному!
У ворот не колотилася,
У окошка не спросилася,
Да пришла потихошеньку,
Брала поскорешенько
Его свет со ясных очей
И крест со белых грудей
И оставила мне, беднушке,
Много маленьких детушек:
Одно в зыбочке качается,
Друго по избе шатается;
Есть и третье призаведено,
На божий свет дается.
Как скажи-тко ты, пожалуйста,
Нас кто станет кормить-поить,
Как поля не посеяны,
Стоги не напаханы
И закрома не насыпаны?
Уда́лая головушка,
Я со смерётушкой не ряди́лася,
Я с лихой не сговори́лася:
Как давала я смерётушке
Свою дойную коровушку
Да свою тяглую лошадушку,
Свои цветные-то платьица
И жемчужны ожерельица!

Давала я смерётушке
Своих маленьких детушек!
Скоро-гордая смерётушка
Ни на что не согласилась,
Она взяла да прибрала
Моего мужа законного,
Большака с дому, надельника
И по дому распорядника!

В дом вносят гроб:

Вот послушай-ко, пожалуйста,
Как сговорная семеюшка,
По уму тебе, по разуму
Уж как вито это гнездышко
Да хоромное строеньице?
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться:
Это витое-то гнездышко
По низу не обложёное,
По серёдочке не мшное,
По верху не шеломчёное;
Нет бусовых белых лавочек,
Нет косивчатых окошечек!
Как были бы, у беднушки,
У меня денежки лежалые,
Были б людюшки хожалые
У меня, бедной горюшицы;
У меня ручки не простешеньки,
У меня ручки попризаняты.
Одолели меня, беднушку,
Мои маленькие детушки.
Да за твою услугу верную,
За работку неизменную
Я бы съездила, горюшица,
В города бы я во дальние,
На заводушки стеклянные,
Привезла гробы хрустальные.
Положила бы жадобного
Я во комнаты в особые,
Я на леднички холодные,
Чтобы телушко не тратилось,
Бело телушко не портилось,

Когда стóснется да сбйднется,
Я сходила бы, горюшица,
К своему мужу законному
На совет да думу крепкую!
Не серди-кося, не гневайся,
Как удалая головушка,
Как беднота наша несчастная,
Житье-жира горегорькое:
Всё не сделаешь по разуму.

Призывает детей:

Как вы сердечны милы детушки,
Глупы малы недоросточки,
Подойдите-тко, пожалуйста,
Вы к кормильцу свету батюшке,
Попросите-ко прощеньица,
Попросите-тко у господи,
Чтобы дал ему господи
Во резвы ножки хоженьице,
Во белы ручки движеньице,
Во уста проговореньице,
В ясны очушки прозреньице!
Не по закону, не по правилу
Взял жены мужа законного,
А у сирóт кормильца батюшка.
Ведь у нас теперь, у бедных,
Опустело вито гнездышко!
Уж вы пó миру находитесь,
По подокошкам нашатаетесь,
Вы куска насобираетесь.
Уж как удалая головушка,
Ты меня прости,
Ко мне гостй.
Как гости-ткося, пожалуйста,
По субботкам по вселенским,
Ты по дням по воскресенским,
По обедам поминальным!
Дождаться буду, беднушка,
У перистого крылечушка,
Если так ты не подоймешься,
Подгоню, бедна горюшица,
Я улёта коня доброго,

Посажу, бедна горящица,
Я извозчика молодого,
Твоего сына родимого!
Если так ты не подоймешься,
От своих я слез горячих
Пропущу я речку быструю,
Как я сделаю, горящица,
Из обидушки я лодочку,
Из кручинушки весёлышки!
Сама сяду я на коромушку,
Своих малёньких детушек
Посажу я во весёлышки;
Если так ты не подоймешься —
Теперь времена переменялись
И люди умудрились, —
Так я пошлю, бедна горящица,
К тебе машину сухопутную!
Только знаю, тое ведаю,
Как со этой со сторонушки
Нету конному-то выезду,
Нету пешему-то выходу,
Нету птиченькам-то вылету!
Крепки сторожи поставлены
И замочки повешены.
Как эти сторожи не старятся,
И замочки не ржавеют,
Воротá не поломаются,
И ключи не потеряются!
Как уда́ла ты головушка
Приоставил мне-ка, беднушке,
Лист бумажечки гербовые
И конверточки клеймёные,
Мне-ка пёрышки гусиные,
Карандашики чернильные.
Напишу, горяша бедная,
Скорописчатые грамотки!
 Попрошу тебя, пожалуйста,
Каждую круглую неделюшку
Дождать буду ответушку.
Только знаю, только ведаю:
Как со будущего векушку
Не дожждаться мне ответушку:

Времена переменилися,
Почтальоны заленилися!
Еще скажи-ко, пожалуйста,
Как удалая головушка,
Уж мне вдовой жить
Али замуж пойти?
Как вдоветь вдове по-доброму,
Рукава носить по-долгому
И в окошко не поглядывать,
На крылечко не выскакивать.
Наб скрепить сердце ретивое,
Понабраться ума-разума,
Повозростить своих детушек.

Умершего кладут в гроб:

Не спешите-ко, пожалуйста,
Мои братья двуродимые,
Зятевья мои любимые,
Все сродцы и все сроднички
И соседи порядовые!
Вы силом меня обсилили,
Грабежом меня ограбили
У жены мужа законного,
У детей кормильца батюшка!
Я осталася, горюшица,
Беззащитна молода вдова.
Как удалая головушка,
Ты сговорная семеюшка,
Ты прощайся-тко, пожалуйста,
Со своим ли витым гнездышком,
И с кирпичной теплой печушкой,
И с сеняма колесистыма,
И с сараем хоботистым.
Тебе больше не хаживать!
Как прощайся-ко, пожалуйста,
Со милой скотинушкой,
Как прощайся-ко, пожалуйста,
Со улицей плановой,
Со площадью сторублевой
И с порядовыма суседама!
Как суседи порядовые
И суседи подугольные,

Вы прости-ткою, пожалуйста,
Моего мужа законного,
Если заняли — не отдали,
Если отдали — не додали,
Если взяли — не сознались!
Спасет бог вас, благодарствует,
Что честно ведете, имянно
Моего мужа законного!
Я за ваше снисхожденьице
Приношу благодареньице!
Не оставьте-тко, пожалуйста,
Моих миленьких детушек;
При нужде нашей, при горести
Уж будьте вы наши помощники.

*При подходе похоронной процессии
к церкви:*

Путь-дорожка скороталась,
Божья церковь показалась.
Как не радуйся, пожалуйста,
Пресвятая богородица,
Как не воз идет с товарама,
Не другой да со покупкама,
Везут телушко-то мертвое,
Личушко-то блеклое,
Вослед идут, шатаются
Сироты да малы детушки!

После отпевания в церкви:

Спасет бог вас, благодарствует
Как попам-отцам духовным,
Вам, служителям церковным,
Что честно ведете, имянно!
Только знаю, только ведаю,
Как попы поют, мешаются,
Дьяки читают, усмеваются,
Подаянья не начаются!
У меня, бедной горюшицы,
Одна нужда да горе бедности!
Только я, бедна горюшица,
По сегодняшнему денечку
Пришла в церковь во соборную,

Становилася я, беднушка,
Не к дверям я дубовым,
Я не к липенкам сосновым,
Становилася, горюшица,
Я точь да во ясны́ очи
Пресвятой да богородицы!
Обещала богородице:
Поставлю свечки я рублевые,
Кладу пелены шелковые,
Отпусти-тко, богородица,
Мне удалую головушку,
Что сговорную семеюшку
Обратно в витое к нам гнездышко!
Там пустым у нас пустешенько;
Там во том углу пустешеньком
В другом да порознешеньком
На середочке сироточки,
Глупы малы недоросточки!
Отвечала мне-ка, беднушке,
Пресвятая богородица:
«Уж как глупая ты женщина,
Неразумна молода жена,
Уж как век того не водится,
Что из мертвых живы становятся.
Когда был у тя во живности
Твоя удалая головушка,
Ты не господу молилася,
А во добры́ люди хвалилася,
Что есть умная, разумная,—
Он вином не напивается,
Он табаком не занимается,
А всё трудился да маячился
На крестьянской на работушке!»
Колá камушек мужа богатого
Он истратил свою силушку,
Погубил свою головушку,
Приоставил нас, беднушек,
На веко́вое скитаньице!

Плачет у могилы:

Как удалая головушка,
Ты, сговорная семеюшка,

Я с тобою не расстануся,
И от тебя я не остануся;
Я пойду, бедна горюшица,
Во матушку сыру землю,
Только жалко мне тошнехонько
Своих маленьких детушек!

При опускании в могилу:

Не спешитесь-ко, пожалуйста,
Милы братцы двуродимые,
Кумовья мои любимые,
Вы могильные копатели,
Вы телесны погребатели!
Попрошу, бедна горюшица:
Не копайте глубокошенько,
Не закрывайте-тко плотнешенько!
Когда стóснется да сбїднется,
Я приду, бедна горюшица,
Я отрою матушку сыру землю,
Я открою гробову доску,
Погляжу, бедна горюшица,
На своего мужа законного,
Поспрошу, бедна горюшица,
Я совету — думу крепкую!

При зарывании могилы:

Охти, мне-ко тошнешенько,
Милы братьца родимые
И зятевья мои любимые,
Не спустили меня, беднушку,
Во матушку сыру землю!

ПЛАЧ СИРОТЫ ПО ДЯДЕ

Не несут да ножки резвые
Во перёное крылечушко.
По сегодняшнему дёнечку
Мои ножки подломилися,
От слез очи помутились!

Преж сего было до этого
Как встречал желанный дядюшка
У крылечушка перёного,
У ступенчика у первого.

У тела покойного:

Мне-ка сметь ли поосмелиться
Как поближе поприблизиться
Как ко телешку ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому;
Подойти мне поблизешенько,
Поприсесть-ко понизешенько.
Ты скажи, желанный дядюшка,
Мне с коёй зайти сторонушки:
С подвосточной аль с подзападной,
С полуденной аль с подсиверной?
Куда сесть мне-ка, горюшице,
Во буйну ли головушку
Аль во резвые во ноженьки?
Поприсяду я, горюшица,
Супротив сердца ретивого!
Как желанный ты мой дядюшка,
Попеняю я, поретую,
Посудьячу, пообидую
Как желанной моей дяденке,
Что мне не дала известице
Ко душевну расставаньицу;
Хоть я поспела, поспешилася
Ко телесну погребаньицу!
Ведь я живу, бедна горюшица,
На чужой сторонушке,
Во невольной во неволюшке.
Мне-ка наб пойти проситися,
А прийти да доложитися.
Как получила отпущеньице,
Тогда шла, бедна горюшица,
День по красному по солнышку,
Ночь по светлому по месяцу.
Настоялася я, бедная,
Я у рек за переездамы,
У ручьев за переходамы,

У грязей за перебродамы!
Как желанный ты мой дядюшка,
По пречистой по дороженьке
Мне две встречушки встречались:
Перва встречушка — обидушка,
Друга встречушка — кручинушка.
Я обидушке скорилася,
Я с кручиной сговорила:
«Не доли-тко меня, беднушку,
Как злодейная обидушка
И великая кручинушка!»
Как обидушка не слушала,
Одолила меня, беднушку!
Как желанный ты мой дядюшка,
Расскажу, бедна горюшица,
Про житье-бытье сиротское,
Про батрацко горе горькое:
Как отцовы дети, матерны
Идут со трудной со работушки,
Их встречают родны матушки:
«Проходи, моя жадобная,
У тя ноженьки усталые,
Белы ручки опристалые!»
Я иду, бедна горюшица,
Сирота да беззащитная,—
На меня вздыхают по-тяжелому,
Уж глядят не по-веселому,
Говорят да мне-ко, беднушке:
«Ты не работушку работала,
А только времечко коротала,
На работушке ленилася,
Едва до лавки дохватила».
Одолит меня обидушка,—
У меня рот не отворится
Да язык не поворотится!
Как погляжу, горюша бедная,
На отцовых детей, матерных,—
Придег праздничек-гуляньице,
Воскресеньице-весельице.
Мне, бедной горюшице,
Придет праздничек-обидушка,
Воскресеньице-кручинушка!

Людям празднички годовые,
А мне давно слезушки готовые!
Как сиротные-то детушки,
Они на улице дурливые,
А в избушке пакостливые!
Как знать совушку по перушку,
Совьих детушек по крылушкам,
А сиротинку знать по платьяцам:
На сове-то перьё пестрое,
А на сиротке платье розное!
У сиротных у детушек
Как головушка не гладится,
Волос к волосу не ладится!
Наглядитесь, очи ясные,
Про запас да пору-времечко
На желанного-то дядюшку.
Уже час часом минуется,
Скоро время скоротается,
У нас гостюшко укатится,
Бажёный потеряется.
Унесут у нас, у бедных,
Как желанного-то дядюшку
На буювку родительську,
На кладбище человеческо!
Ты, желанный мой дядюшка,
Ты заступа была крепкая,
Заборонушка великая!
Заступался за меня, бедну горящую,
За молодцу сиротиночку;
Обскажи-ка ты, пожалуйста,
Мне-ка в ком искать желаньице,
У меня нет тетушек-добротушек,
Нет бабушек желанных,
Нет сестриц да добродородных!
Есть брагьяца — мужско дело,
Есть невестушки — чужи бабы,
А желанна моя дядинка,
У ей сердечушко колёвое
Да желаньице часовое!

ПЛАЧ ПО СЫНУ, УВЕЗЕННОМУ НА ЛЕЧЕНИЕ В ГОРОД

Не несут да резвы ноженьки
Во перёное крылечушко,
Как во вѣтое во гнездышко!
У мя в том углу пустѣшенько,
А в другом да порознѣшенько.
Как отпустила я жадобного
Да своего сына любимого
На чужу-дальну сторонушку;
Не на охотное гуляныце,
Не на умное ученьце,
Поотпустила на леченьце.
Погляжу, бедна горюшица,
Уж я, матушка несчастная,
Висят платьица по стопочкам,
А фуражечки по гвоздичкам,
Лежат книжечки по столичкам,
И тетрадочки по полочкам,—
Тута нет сына бажёного!
Как я то умом подумала:
Как сердечно мое дитяtko
На струистой речке быстрей,
Может, в лодочке катается
Или в улочке шатается?
Как прихожу, горюша бедная,
Стоит лодочка у бережка,
А весёлышка на кормушке —
Тута нет сына бажёного!
Я еще умом подумала:
Может, красно мое солнышко
На разгул-широкой улочке?
Как выхожу, горюша бедная,
На улочку плановую,
На дороженьку почтовую —
Ходят девочки станицамаы,
Ходят мальчики толпицамаы —
Тута нет сына бажёного!
Тут я еще умом подумала:
Верно, сердечно мое дитяtko,
Верно, в конторе занимается?

Как посмотрю я, мать несчастная,
Во конторушке огни горят,
За столами писаря сидят,
Сидят счетчики-расчетчики —
Нету моего бажёного.
Как потом я спохватилася,
Что я недавно распростилася,
Отпустила я жадобного
На чужу-дальную сторонушку!
Мы несчастны уродились,
Что на тундрах поселились:
Нет машин да сухопотных,
Пароходов скороходных.
Как струиста речка быстрая
Ледочкамы покрылася —
Путь-дорожка заградилася.
Дождаться буду, беднушка,
Той вёснушки красивой
Да и летушка-то теплого.
Придет вёснушка красивая,
Пора-времечко разливное,
Как снежочки повытают,
Да ледочки повынесет
Со матушки быстрой реки,
Так пойду, бедна горющица,
Я на пристань на казенную.
Дождаться буду, беднушка,
Я парохода скороходного,
Своего сына жадобного!
А в эту пору, в это времечко
Пришла весточка нерадостна:
Мое красное-то солнышко
Во больницах белокаменных
На столах лежит на мраморных!
Доктора-то немилостливы,
В них сердечки безжалостливы;
Они ножичком булатным
Режут телушко бумажное
Моему сыну бажёному!
Ему там-то тяжелешенько,
Моему сердцу тошнешенько.
Я дома клубышком катаюся,

Сердце кровью обливается!
Вы найдите, люди смелые,
Распорите груди белые,
Посмотрите-тко у беднушки
На ретивое сердечушке,
Там черняя чёрна ворона,
Посизея сиза голубя,
Запеклось да заварилось,
Всё сердечко истошилось!
Как умом было не думано,
Что придёт зябель на сердечушко.
Как пред сего было, до этого
Как не думано, не гадано,
Как жена я, жена мужняя,
И ничем была не нужная,
Не видала я, беднушка,
Я в хлебе недопашечков,
В житье-жире недостаточков;
Было хлебушка по выпашке,
Милых детушек по участи.
Уж тут нежданно да нежданно
На нас бедушка свалилася,
Да несчастье случилось!
Как одно у меня, единое
Тепло-красно мое солнышко,
Така болюшка случилася,
Отнялися резвы ноженьки
Уж тому времечка годов десяточек!
Как я ездила, смыкалася,
Я с расходом не считалася,
Городов я не боялася,
Волоков я не страшилася,
До людей я домогалася,
Людям в ноги поклонялася,
Всё здоровья добиралася
Своему сыну бажёному!
Уж я на то теперь решилася —
На его на вольну волюшку,
И отправила бажёного
На чужу-дальню сторонушку!

**БЫТОВЫЕ, РЕКРУТСКИЕ
И ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ,
ЗАПИСАННЫЕ
ОТ РАЗНЫХ ЛИЦ**

ПЛАЧ ПО СЕСТРЕ

Со восточной со сторонушки
Подымались да ветры буйные
Со громами да со гремучимя,
С молосьями да со палючимя;
Пала-пала с небеси звезда
Всё на сёстрицыну на могилушку!
Расшиби-ко ты, громовая стрела,
Еще матушку да мать сыру землю!
Развались-кося ты, мать земля,
Что на все четыре стороны!
Сокройся-ко да гробова доска,
Распахнитеся да белы саваны!
Отвалитесь да ручки белые
От ретивого от сердечушка,
Разожмитесь да уста сахарные!
Ты промолви-ко, мила сёстрица,
Слово-то со мной ласково,
Слово-то со мной приветливо!
Еще я-то, мила сёстрица,
Во тоске живу, во кручинушке,
Без своего-то мила ладушки,
Со своими-то с малы детками.
Была-то у меня мила сёстрица —
Дума крепкая, слово ласково;
Была-то у меня мила сестрица —
Была ласкова, была приветлива...
Нанести-то на нас есть кому,
А пристать-то за нас некому!

Как была бы у меня мила сёстрица,
Постояла бы за меня горой высокою,
Постояла бы стеной да белокаменной.
Во сне-то мне ты не привидишься,
Наяву-то мне да не покажешься...
Прилети-ко, мила сёстрица,
Ко мне да горегорькою;
Уж ты сedy-ко, мила сёстрица,
На окутьице да на окошечко.
Ты послушай-ко, мила сёстрица,
Горегорьких-то моих песенок:
Я живу-то, горегорькая,
Без батюшка без родимого,
Без родимой рóдной матушки,
Без свóго милóго ладушки!

ПЛАЧ ДОЧЕРИ ПО ОTCY

Приходила, молодёхонька,
Я к обиденке заздравной,
Соглядела-сосмотрела
Своего кормильца батюшка!
Не могла я, бедна сирота,
Огладети-осмотрети;
Уж я вышла, бедна сирота,
На площадочку на красную,
На округу государеву;
Поискать да бедной сироте,
Мне-ка мистечка приметного —
Батюшкова домовищечка!
Пасти грудью на сыру землю,
Мне подать да свой взышóн голос
Под матушку да под сыру землю,
Под гробницу сыродубную,
Под тонкие да белы саваны
К своему кормильцу батюшку!
Солетайте с небес ангелы,
Вложите душеньку в бело тело,
Вложите свет да во ясны́ очí,
Живленьице да в ретиво сердцё,
Говореньице да в сахарны уста!

Стань пробудись, мой родимой батюшко,
От сна от крепкого,
От крепкого сна, от мертвого;
Хоть промолви ты единое слово
Со мной горюхой — сиротой!
Я пришла, бедна горюшица,
Тебя звать да в дорогой гости,
Я во свой да благодатной дом;
Приди думушки подумати
И словечушко перемолвити,
Как мне жить, бедной горюшице!
Так скажи ж, родимой батюшко:
Ты когда придешь в дорогой гости,
В кою пору, в кое времечко?
Среди ли ты белого дня
Или в полночь-ночку темную,
Как добры люди улягутся,
Вси суседи успокоятся?
Мы с своей да горюхой матушкой
Будем ждать да дожидатися;
Мы бы вышли тебя стритити
Далеко да во чистом поле;
Приди думушки подумати
И словечушко перемолвити,
Как нам жить будет, горюшицам,
Во сирочестве да во бедности!
Мы слышем, дети сиротские,
Вольница да безугрозница;
Хоть говорю я, бедна сирота,
Свою мысль потешаючи;
Хоть и плачу, бедна сирота,
Свое сердце надсажаячи,
Можно знать да можно ведати,
Не бывать да ключу на воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать кормильцу батюшку
В своем доме благодатном!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выхода и выезду,
Нету пешего и конного,

Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещата окошечка,
Никакого проповещичка!
Не придет, родимой батюшко,
Во свой да благодатной дом,
К своим горюхам бедным!

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ НА МОГИЛЕ МАТЕРИ

Выйду я на широкую долину,
Зайду на высокую могилу,
Попрошу благословленица
У желанной своей матушки!
Со которой зайти да со сторонушки?
Со левую сторонушку —
Меня осудят народ да люди добрые;
Неучёная, скажут, неторёная;
Зайти со правую сторонушку —
Так там стоят стережатые да бережатые;
Тут хранят ю да и милуют;
Мне зайти, бедной сиротинушке,
Супротив белá лица
Да супротив ретива сердца!
Вы развийтесь, ветры буйные,
Раскатитесь, белы камешки!
Раскуйтесь, гвоздики шеломчатые,
Покажись-ко, гробова доска,
Развернись-ко, белой саван!
Отокройтесь, очи ясные,
Сговорите, золоты уста!
Благословите меня, сироту,
Счастьем-таланом наделите!
Погляди, родима матушка:
Налетело лебедей стадо,
Все стоят да ведь лебедушки
Белехоньки да веселехоньки;
Одное-то белой лебедушки
Подрезано да ретивó сердце,
Подшиблено да право крылышко!
Так узнавай, родима матушка:
Твоя пришла да дочка милая

Со голубушкам милым сестра́м,
Со подруженькам задúнным! —
Ты скажи, родима матушка,
Мне, горюхе бедной сироте,
Приходил ли к тебе батюшко,
Спросился ли он, доложился ли
Меня верстать да во чужи люди,
На чужú-дальну сторонушку?
Так приди, родима матушка,
Ты во свой да благодатный дом,
На мою на свадьбу горькую,
На горькую да на сиротскую!
Уж ты скрась-ко свадьбу горькую,
Взвесели свадьбу сиротскую
Со честным благословленьцем,
Со сердечным наделеньцем!
Да ты выкупи меня, выручи
Из неволюшки великия!
Мне бы очень не хотелось
Нонь идти да во чужи люди!
Охти мне да мне тошнешенько,
Как не слышит меня матушка,
Знать, прогневалась на горькую,
На мою участь несчастную!
Хоть говорю я, бедна сирота,
Свою мысль потешаючи,
Хоть и плачу, бедна сирота,
Свое сердце надрываючи,
Свое сердце надсажаючи,
·Можно знать да можно ведати,
Не бивать да ключу на́ воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать родимой матушке
В своем доме благодатном!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выхода и выезду,
Нету пешего и конного,
Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещато окошечка,
Никакого проповещичка!

Не придет, родима матушка,
Во свой да благодатной дом
Ко своим горяхам бедным!

*По возвращении с погоста домой,
обращается к девицам и вопит:*

Перестаньте, люди добрые,
Хоть на час да призатихните!
Что мне-то, бедной сироте,
Причѹлось да прислышалось:
Как на улице широкой
Вдруг добры кони затопали,
Тосмены узды забрякали,
Шелковы плети защёлкали,
Новы сани раскатилися,
У ворот кольцо забрякало
И ворота растворилися,
К нам на двор гости приехали!
Где-то есть у бедной сироты,
Сироты у горегорькия,
Родимой мой батюшко,
Родимой да жалостливой!

Затем, обращаясь к отцу, продолжает:

Отходи, родимой батюшко,
Прочь от печеньки кирпичная,
От шесточка от муравлена;
Выходи, родимой батюшко,
На мосты да на калиновы;
Ты стричай да дорогу гостью,
Свет родиму мою матушку!
Не от ветру, не от вихоря
Светла свитлица растворилася,
На пята да становилася:
Зрадуйся-тко, ретиво сердце!
Возвеселись, да буйна голова!
Бог дает да дорогу гостью,
Дорогу гостью сердечную
Из-под матушки сырой земли,
С-под гробницы сыродубовой
Со чѣстным благословленьцем,
Со сердечным наделеньцем!

Так благослови, родима матушка,
Меня, горюху бедну сироту,
Хоть не въявь да людям добрым,
Таючи да от добрых людей
Меня богом, божьей милостью,
Пресвятой да богородицей!

*Выходя на середину избы,
благодарит невидимую гостью:*

Тебе спасибо, мила матушка,
На честном благословленьице,
На сердечном наделеньице!
Как твое-то благословленьице
На огне оно не горело,
На воде да не тонуло,
В чужих людях оборонило —
Оборонюшка великая!
Так подари-тко мне, моя матушка,
Подари мне золотой казны;
Выкупи меня да и выручи
Из неволюшки великой,
Из места из невольного,
Из невольного, почётного!
Я б осталась, бедна сирота,
Жить в душах я красных девицах!
Бог суди родиму батюшку,
Что поспешился, поторопился
Со мной, горюхой, во чужи люди!
На что кинулся он, бросился,
На именье ли богатство,
На хоромы ли высокие
Аль на ихну золоту казну?
Сама знаю, молодёхонька,
И слыхала, бедна сирота,
Со стороны да от добрых людей
Про чужу-дальну сторонушку,
Про злодией-то чужих людей,
Что на них нету славы добрая,
У их богатство — небогатое,
У их именье — середовое,
Золота казна ведь счетная,
У их земля нехлебородная,

Поля гористые, да каменистые!
Повыбрал мне судьбину божью,
Не под лицо мне, красной девушке,
Не под плечо мне, молодёхоньке!

Обращается к отцу:

Родимой мой батюшко!
Ты сади-тко дорогú гостью
Под переднее окошечко,
Под святые под апостолы,
Почестí гостью, попотчивай!

*Подают пиво и водку;
взявши стакан или чашку в руки,
сирота вопит к невидимой гостье:*

Родима моя матушка
Наталья свет Ивановна!
Тебе добро принять-пожаловать
Стакан да пива пьяного,
Чарочку да зелена вина
От меня, от бедной сироты!
На здоровье тебе выкушать!
С нашего да пива пьяного
Не болит да буйна гóлова,
Не щемит да ретиво сердцó,
Весело да напиватися
И легко да просыпатися!..
Хоть говорю я, бедна сирота,
Свою мысль потешаючи,
Хоть и плачу, бедна сирота,
Свое сердце надрываючи,
Свое сердце надсажаючи,
Можно знать да можно ведати,
Не бивать да ключу на воде!
Не сплывать камню поверх воды!
Не бывать родимой матушке
В своем доме благодатном!
Из орды есть выхожатели,
От неволи откупаются;
Из-под матушки сырой земли
Нету выхода и выезду,
Нету пешего и конного,

Ни дверей нет, ни лазеечки;
Ни косещата окошечка,
Никакого проповещичка!
Не придет родима матушка
Во свой да благодатной дом,
Ко своим горюхам бедным!

ПЛАЧ СВЯТОЗЕРСКОЙ КРЕСТЬЯНКИ ПО РЕКРУТУ

Ты прощай-ко, мое рожоное милое дитятко,
Моя любимая удалая наживная головушка!
Как обневолили тебя не в порушку, да не во времечко,
Моего полетного, ясного сокола,
Из-под моего правого крылышка!
Ты пойдешь, моя любимая, удалая, наживная
головашка,
На чужую-дальную сторонушку,
Что ль по дальней широкой дороженьке;
Шириной дорожка тридцать сажень,
Долиной дорожка — конца краю нет!
Ты вспомни-ко свою любимую домашнюю крестьянскую
жирушку,
И ты вспомни-ко меня, престарелую многопобедную
головашку!
И как придут-то честные годовые воскресные
владычные празднички;
И как наступят любимые веселые крестьянские
гуляньица,
Хороводы да игрища;
Как пойдут-то молодые, удалые добрые мѡлодцы,
Что ль твои ли сотоварищи;
Уж как я, многопобедная головашка,
Я, горяша горегорькая,
Как я сяду-то под свое любимое косящато окошечко,
Я покукую кокушицей,
И как вспомню про тебя, мое рожоное дитятко,
Моя наживная, удалая головашка,
Мое солнышко закатное,
Моя звездочка ненаглядная!
Ты не дай-ко, боже-господи,

Нам живого расставанья
С моим милым-любимым дитяtkом!
И как есть-то мне тошнешенько,
И как есть-то мне больнешенько,
Моему сердцу ретивому!
И как придет-то теперь времечко,
Что ль весна придет да красная,
Придет летушко ли теплое,
Как-то встану я, многопобедная
головушка,
Со своим со малым рожонным дитяtkом?
Как я стану обраб́отывать
Свою землю хлебопашеством,
Свои поженки прокосные,
И луга-нивы продольные,
Все поречья и все з́аречья,
Все мелки кусты-кустарнички,
Все лазуревые алые цветики?
И ты, любимая удалая головушка,
Ты уведо́мь меня бедную,
Мать, горюшу горегорькую,
Писемцом либо грамоткой,
Или ласковым словечу́шkom!
И ты не помни, мое милое,
Всех житейских моих грубостей;
И ты вспомни-ко, рожоное,
Мои ласко́вые словечушки!
И как я, многопобедная,
Я, горюша горегорькая,
 Попрошу царя небесного
И земного вседержителя,
Чтоб открыл он тебе ученье
И всю службу государеву!

ПЛАЧ ПО СЫНУ-РЕКРУТУ

Систь было мне, горюшице,
Бедною да горегорькою,
Мне под красное окошечко,
Мне на лавочку дубовую,
Ко прибоинке кленовою,

К своему да сыну милому,
К сыну милому-любимому,
Мне в остатние, в послидние!
Уж ты, мило мое дитятко,
Ты несчастное родилося,
Бесщастное да бесталанное!
Куды спешисься да торопишься
Изо свѣго ты дому благодатного,
Изо светлой изо светлицы,
Из новѣй да новы горницы?
Без тебя, да мило дитятко,
Отемнеет светла светлица,
Опустаёт дом-подворьицо!
Ты подѣшь, да мило дитятко,
Не в любимую да путь-дороженьку,
Не в любимую — во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да государскую,
Во солдаты новобранные!
Так ты послушай, мое дитятко,
Что я тебе буду наказывать,
Пословѣчно наговаривать:
Когда стоскнѣтся тебе сгорѣхнется,
Как ты подѣшь, да мило дитятко,
На ученѣ то великое,
Так примечай-ко, мое дитятко,
Со которые сторонушки
Так подует ветер буйной-от:
Как с полуденные подует-то,
Так гляди-тко письма-грамоты
От меня-то, от горящицы;
Так напишу я, бедна горькая,
Напишу письмо-грамоту
Я не на гербовой бумаге,
Не пером да не чернилами —
По горю да горячим слезам!
Ты возьми, да мило дитятко,
Ты возьми да письмо-грамоту,
Ты возьми да на белѣ руки,
Ты прижми да к ретиву сердцу,
Что пришло мне письмо-грамотка

С моей родимы стороны,
От родимыя от матушки,
От кормильца-то от батюшка,
От соколов от братьев милых,
От голубушек милых сестер,
От соседей от соседушек
И от соседних милых детушек!
Ты скажи-тко, мое дитятко,
Когда посулишься в дорогй гостй —
О господнеем о праздничке,
Поутру ли ты ранёшенько,
Ввечеру ли ты позднёшенько
Или середи бела дня?
Так я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частешенько
Я на красное крылечушко;
Я глядеть буду поглядывать,
Что нейдёт ли мое дитятко
Из дальние да из дороженьки,
Из городов-то понизовниих,
Понизовниих украинниих,
Из солдат новобранниих?
Ты простись, да мило дитятко,
Ты с соседям и с соседушкам,
И со красным со девушкам;
Поблагодари, да мое дитятко:
На беседе на смиренной
Как оне тебя да прилещали,
Неприятным словам да называли,
Оне некрутом считали!
Как ты придёшь, да мило дитятко,
Во свой во дом да благодатной-от,
Ты придёшь больно не весёл,
Буйну голову повесил!

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

Еще как-то мне, горяшечке,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повинут,
Все люди помолвят

Да меня ограят!
Снесможнехонько мне, горюшечке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С печали со кручины!
Куда мне кинуться,
Куда мне броситься?
Али в тёмные леса —
В темных лесах заблужуся,
В лесу зашатаюсь!
А неможнехонько молодешеньке
По сырой земле ходити,
На красное солнышко глядети!
Ознобила ты, кормилица,
Без морозу без лютого,
Ознобила, родитель матушка,
Без вьюги, без мятелицы!

ГОЛОШЕНИЕ МАТЕРИ НА МОГИЛЕ ВЗРОСЛОЙ ДОЧЕРИ ПОСЛЕ ОТНЕВАНИЯ

Отлетела наша чистая ли горличка,
Отлетела щебетунья наша птичечка,
Что ко господу ли богу ее душенька,
К милостливому Иусу на живленье.
Во его врата святые во спасенье!
Ты простилась со любимой своей горенкой,
Ты со мной ли, со родимой своей матушкой!
Ты великое мне горюшко да сдияла,
Вон из телушка мою ты душу выняла!
Я ль тебя, горюша мать, да не любила?
Николи тебе я грубным словечком не сгрубила,
А и утрышком раным я рано не сбудила!
Я взлелеяла тебя, мое дитя родное,
Ты мое желанное ли чадо дорогое!
Я тебя вскормила кушаньем сахарным,
А поила-то я питвицем медвяным!
Аль покрутушек я для тебя жалела,
Аль тебе моя заботушка да не довлекла?
Ты покоилась на мягкой на постелюшке,
Ты валялась в пуховой перинушке! —

Так почтѣ же нас ты рано покидаешь,
На кого нас, дитятко, здесь оставляешь?
Аль тебя подруженьки да разобидели,
Аль поклон тебе на улочке не сдѣяли?
Али добры молодцы тебя да обошли,
Что тебе забавушки во ум давно не шли?
И простилась ли навек с своим ты гнездышком,
А позналася семья твоя вся с горем-горюшком,
Как тебя из избы унесли, нашу лапушку!
Ты прости ли навек, девынька родимая,
Ты мое рожоно ли дитя любимое!
Уж не держут меня ножки резвые,
Подкосились оны, что трава под косой;
В ясных оченьках помутилось,
Во мыслях ли моих распалилось,
Красно солнышко мое закатилось!
Ясны звездочки за облачки туляются,
Громы-молнии на небе разряжаются,
На могилушке-то матушка убивается,
Она горькими слезьми что заливается!
Не воротится что красное-то солнышко
С окян-моря да после-то закаташка!
Не вернуть и мне, горюше горегорькоей,
Что своей ли ненаглядной дочи родной!
Буду я да на могилушку учащать,
Буду зде-ка долго-пóдолгу угащать:
Я по дитятке творить ли поминание,
Для ее ли душеньки во вечное спасение.
А подруженькам твоим раздам я покруты,
Раструбисты сарафаны, шёлком вышиты.
Чтоб оны за твою душеньку молилися,
Чтобы свѣчи в болтаре тебе теплилися;
Чтоб ходили на могилушку частешенько
Ранней порушкой что утрышком ранешенько;
Чтобы все тебя подруженьки не забывали,
На беседушках горюшу б вспоминали!
А меня пускай возьмёт скорей смерѣтушка,
Без тебя мне жизнь не в жизнь, рожона детушка:
Уж я старая стала совсем старешенька,
Во крестьянскую работу негоднешенька;
Мне бы преж тебя, белой лебедушки,
Что лежать да спать в дубовой ли колодушке:

Никому на свете я теперь не нужная,
Ни на что про что теперя и не годная!
А придет как мне-то скорая смерётушка,
Кто закроет мне-то тусклы мои очушки
Без тебя-то, дочи-то моей родимой,
Без тебя, рожоно дитятко, любимой?
Ох, уймись, уймись ли, сердце бедное,
Образумься ли, головушка победная!
Отвались от грудей что тяжёл свинец,
Дай закрыть глаза ты мне на белый свет!
Расступись, развались, мать сырá земелюшка,
Дай мне места не сомножечко в своих недрушках!

ПОМИНАЛЬНОЕ ПРИЧТАНИЕ ПО РОДНОЙ ТЕТКЕ

Как сегодня, сёго денечка господня,
Что во светлой-то во свѣтличке,
Во столовой новой горенке
Сидят гостюшки всё званные,
Гости званные и жданные!
На столе стоят всё кушанья выбранные
А и питьица стоят медвяные.
Что же, гостюшки, вы приуныли,
Что ж, желанные, вы не шутили?
Али свадьба та да не полюби?
Где ж княгинюшка здé во́ доме?
Не сростáло-то в большом углу,
Не сростало деревцо сахáрное,
Друго деревцо что виноградное?
А сидит-то во большом углу
Что родитель наш ли дядюшка.
Одинёшенек сидит — кручинится,
Словом еднým ни с кем-то не обмолвится!
И на праздничек то́ не похоже,
Так и гостюшек сретать негоже!
Нет, не свадьбушка ту́ собирается
И не праздные ту гости спотешаются,
Тут кручинушка великая справляется,
Горе горькое-то здé-ко изживается:
Схоронили мы родиму нашу тетюшку,
Сёму дому именитому хозяйюшку!

Как же гостюшкам не тосковатися,
Как родимым не сокрушатися,
Роду-племени не ужасатися,
Малым детушкам не убиватися?
Без нее в домѣ всё здесь нескладно:
И пирог-то выпечен неладно,
И столы дубовы пошатѣлись,
А и питьица на них пролѣлись!
А робятушки на лавочке голѣдны,
А и горенки-то все холѣдны,
А и дядюшко-то неприветлив,
А и сватьюшко-то безответлив!
Ты почто нас, родна тетушка, спокинула?
На кого сирѣтами ты всех оставила?

ПЛАЧ НАЕМНОЙ ВОПЛЕНИЦЫ ЗА МАТЬ О СЫНЕ

Стать-то мне на свои да на скоры ноги,
Ко столам-то подойди ко дубовым,
Ко тебе ли же, мой батюшка (*имя и отчество*),
Потихохоньку да полегохоньку,
Чтоб не испугать тебя от сна от крепкого,
От просоньца-то вековечного.
Аль спишь ты крепко, что не проснешься
И не пробудишься?
Унялись, знать, твои скорби-болести?
Знать, пришло к тебе теперь здоровьице?
Знать, на тот на белый свет снаряжаешься-
сподобляешься
От своей родимой матушки?
Я спрошу тебя, мой батюшка,
Кто звал тебя, кто подговаривал?
Кормилец ли звал батюшка
Али вкупе все сродцы и сроднички?
Так спрошу я тебя, батюшка,
Как подкралась к тебе смерть прекрасная,
Не побоялась ни погод, ни вьюг, ни снегов белых?
Как подошла да как подкралась она?
Тяжело было тебе с домом благодатным расставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой (*имя матери*
и других сродников),

Да еще-то тяжелей было расстаться,
И еще-то тяжелей было прощаться
С белым светом со прекрасным,
Со житьем-бытьем хорошим!
Пытали за тобой ухаживати:
Не жалела себя родима матушка,
Уж сокрушил же ты ее, кормилец батюшка!
Не ходили у ней ноженьки,
На твои глядя скорби-болести!
Не посмотрела, видно, смерть прекрасная,
Пожалела, что у тебя несносные скорби-болести.
Пустым-пустехонько стало в доме матушки,
Насилу ходит она при злодей-горе.
Только и видит она отхлянушки,
Коли съедет ко божьей церкви,
Коли выйдет да взойдет на твой высóк терем,
Только и в покоице бывает ретиво сердце.
А как вернется во твою спальеньку,
Завернется у ней ретиво сердце,
Что пустым везде пустехонько!
Что не думала она, не чаяла
Перенестъ-то злодей-горе.
Знать, поддержал ее господь бог,
Твою матушку родимую (*имя*).
Тяжело было ей с тобой расстаться,
Уж насилу подходила ко столам дубовым,
Что не доживши веку, батюшка,
Молодехонек решилсá житья прекрасного
Да хорошего дому, благодатного,
Успокоил свое ретиво ты сердце!
Подойду я, горюша-то горькая:
Уж и где же мой-то батюшка (*имя*)?
И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать с тобой легохонько,
Не поймешь ли мои речи горькие?
Да не проснешься ли, не пробудишься?
И не поговоришь ли со мной, не побаяешь ли?
Как ты расставался со белым светом,
И с твоим-то домом благодатным,
И со своим житьем-бытьем хорошим?
Ударил бы смерть прекрасную
Золотой казной несчетною:

Оставила б на сколь поры на времечко
Пожить бы тебе да повблеть
На сём на свету на вольном,
Во житье-бытье прекрасном!
А теперь, кормилец батюшка,
Приходит пора-времечко,
Что кретать тебе из дома благодатного!
Как приедут отцы-то духовные,
Тяжело тебе подняться со столов дубовых,
Видно, расставаться тебе с домом благодатным!
Поскопилися к тебе люди добрые
Да и взяли тебя на белы руки,
Положили тебя в вековечный дом,
Что без дверей-то сделан без ходячих
И без окошенек-то сделан без светлых.
И поставят тебя, нашего батюшку,
Во сыру землю, во желты пески.
Да как укладут тебя, да как устроят,
Крепким-накрепко умнут сыру-то землю
И уравниют заступами острыми,
Чтоб ни выходу не было, ни выезду!
Мы упрашивали рыльщиков-копальщиков,
Чтоб оставили они-то путь-дороженьку,
Хоть не ежжало да пешеходную.
Вот как скопимся мы к тебе, батюшка (имя),
Да придем на твой высок терем,
Кабы вышел ты к нам, батюшка,
Разговорился бы с нами да разбаялся
Про свое-то, про свое житье,
Хорошо ли тебе там со вольной волюшки,
Со житья-бытья хорошего?
Аль тоскливо, аль тошнехонько?
Только б жить тебе да волевать!
Коль посулился быть в дорогй гостй,
Коль назначишь пору-времечко,
Как зимой ходить-то больно вьюжливо,
А как осенью ходить-то больно морозно,
А весною-то ходить больно водяно;
Так назначил бы ты пору-времечко
Посередь лета, посреди теплого,
Посередь сенокосу красного,
Мы б удержали в те поры рабочих,

Наварили б, припасли пива пьяного,
И про тебя ли яства вкусу сахарного,
И питья-то медового!
И поскопились все-то да и съехались
На ту пору на времечко,
Встретили б тебя посередь поля чистого,
И посередь-то пути по дороженьке,
И подхватили б тебя под белы руки,
Да повели б во свой во благодатный дом,
Посадили бы тебя за столы дубовые,
Стали б за тобой ходить-ухаживать,
Говорить бы стали, разговаривать,
Поспросили бы, не сердишься, не гневаешься ли?
Да и проводили бы тебя во чисто поле,
Да уж тут-то и расстались и простились бы
с тобой (имя),
И поднялся бы опять ты на то мѣстечко,
Что ко матушке-то ко божьей церкви.

Что недохнул, не рассказал про житѣе тамошнее?
Нет оттуда ни выездцов, ни выходцов,
Ни письма-то нет оттоль, ни грамотки
И не словесного-то челобитьица.
Знать, сажали крепким-накрепко
Под замками под крепкими
Да за дверями за железиными.
Только и оставил ты одно званьице,
Что был наш кормилец батюшка (такой-то: имя).
А теперѣ нам никогда тебя не видывать
И голоску-то твоего не слыхивать,
Ни по походочке, ни по обрядочке
Нигде-то тебя не приметити:
Ни в добрых людях, ни в торгах, ни в ярмарках,
Ни в городах-то тех уездных,
Ни во матушке-то во божьей церкви.

ПЛАЧ БАТРАЧКИ

Мне-ка сестѣ-то бедной, позорной,
Мне-ка сестѣ-то, горегорькой,
На черны-ты бугры высокіе,

Мне-ка сесть да поглядети
Мне во все четыре стороны,
На чужу-ту на дальнюю сторону
И на злодеюшку мне на незнакомую.
Погляжу я, посмотрю-то
Во все четыре стороны.
Во всех-то четырех стóронах
Никто не идет-то, нейдет-то,
Ни из роду ни из племени,
Ни из честных моих родителей,
Ни из сердечных-то доброхотов-то.
Не схожо ль не идет солнце красное,
Ни родитель не идет ни родный батюшко,
Ни жалостница идет ни ласкотница,
Ни денная-то моя печальница,
Ни ночня моя богомольница,
Ни свет моя осударыня,
Ни разжеланна-то мила мамынька,
И ни родимы не идут милы братица,
Ни родимые не идут милы сестрицы.
Никто не идет, не зовет-то,
Никому, видно, меня не надоти!
Я раздумаюсь, дитя бедное:
У меня нет ни роду, нет ни племени,
Нет честных, видно, моих родителей.
Я, видно, от камешка-то засеяна,
Я от сырой-то земли спорóжена.
Мать сыра земля меня спородýла,
Спородýла и споносýла,
Меня бросила и кинула
На чужу на дальнюю сторону,
Велела жить мне да позориться
На чужой на дальней стóроне,
У чужих-то людей недобрых!
Мне-ка каждому надо уладить,
Мне-ка каждому надо управить,
Мне-ка робить-то бедной-злосчастной
На чужой-то тяжелой работушке,
Уж я ручушки-ти изрóбила,
Могуту-силу-ту исклáла,
Я здоровьице утеряла,
Ничего я не нажила я,

Не нажила я, не приобретаела,
Я ни дому-то благодатного,
Я ни именица, ни богатствица,
Ни многосчетной-то казны бумажной,
Не отвела я, дитя бедное,
Ни скота я, бедна, рогатого,
Ни житья я богатого!
Как жила я позорилась,
Я до горлышка не едала,
Я до солнышка не сыпала,
Я нарядной себя не видала.
Человеком меня не считали.
Погляжу я, посмотрю-то
На чужих людей недобрых,
Как живут они, красуются,
Красу-то они живут великую,
Они до солнышка высыпаятся,
Они до горлышка наедаются,
Они нарядно-то наряжаются,
Они жисть живут забудушу.
Я раздумалась, дитя бедное:
Почто попущено было, взрощено
У честных своих родителей?
Лучше жалостница меня,
Лучше ласкотница
На белой свет меня не попускала бы,
Именём бы не называла
И по отечеству не звеличала,
На роду бы меня истоптала бы,
На белой свет не попускала бы!
Не жила бы я, дитя бедное,
Не жила бы я не позорилась,
Могуты бы силы не искадывала,
А здоровье бы не теряла!
К тому-то я не знала,
Что жить в чужих-то людях недобрых-то,
Я не знала, дитя бедное,
Я ни будня и ни праздника,
И ни светлого воскресения,
Ни владычных честных праздников,
Ни двунáдесятых.
Не ходила я, дитя бедное,

В божью церкву священну,
К долгим ранным ко заутреням,
К долгим поздним ко обедням-то.
Я не знала, дитя бедное,
Уж я участи своей талани.
Видно, не молила себе, не просила
Себе участи-талани,
Только намолила-напросила
Позорú себе-то великую!

**ПЛАЧ ПО МУЖУ,
УБИТОМУ НА ВОЙНЕ С ЯНОНИЕЙ**

Как по нынешнему времячке
Вси орды свиховалися,
Вси земли скошевалися,
Вси цари своевалися,
Короли вси сбунтовалися —
У их роты не наполнены
Да полки не надоволены;
Им наполнить наб роты солдатамы,
А полки — офицерами!
Дак уж взяли удалу головушку,
Моего мужа законного,
На полюшко сраженное,
В грозну службу государеву,
На чужу-дальню сторонушку,
За синие за морюшка,
За шумливое Онегушко,
За горушки высокие,
За корбушки дыбучие,
За болотинки зыбучие,
За сыры боры дремучие,
По-край да свету белого!
Уж судил господь расстатися,
Судит ли нам свидатися
Со удалой головушкой?
Так возьму, бедна горящица,
На белые на ручушки
Косату лётну ластушку

Свою дочку бажёную,
Я пойду, бедна горюшица,
Ко круглистоу озерышку
По веснушке красивою!
Как над озером круглистым
Летят лебеди гульливые,
Летят гуси гордливые,
Серы маленькие утушки
В ключевой воды плавают,
В шелковú траву падают!
Как спрошу, бедна горюшица,
У гусей да у лебедей,
У серых у утушек:
«Припловите, гуси-лебеди,
Ко крутому ко бережку!
Как скажите мне-ка, беднушке,
Вы давно ли, гуси-лебеди,
Со чужой-дальней сторонушки?
Не видали ль, гуси-лебеди,
На пролете ясна сокола,
На проезде добра молодца —
Солдата горегорького,
Матросушка победного,
Моего мужа законного?
Как скажите мне-ка, беднушке,
Он уж чем да занимается:
Карауламы ли крепкими,
Аль наукамы тяжелыма,
Аль сраженьицем кровавым?»
Как, косата лётна ластушка,
Мне сказали гуси-лебеди
Про твоего кормильца батюшка:
«Положил свою головушку
На полюшке сраженном!
Как на полюшке сраженном
Удалы ты головушки
Не весельем занимались —
Своей кровь-рудой венчались!
Как на поле на сраженном
Головами мосты мощены,
От кровей реки пропущены!
На этом ли на полюшке

По ногам ядра катятся,
Круг сердечушка с ружья палят,
О бока пуля пролятывают,
Над глазами искры сыплются!»
Положил кормилец батюшко
Удалую головушку
Не на мягкой постелюшке,
Не на крутом зголовице.
Не под теплым одеялышком!
Как на полюшке кровавоем
Им така была постелюшка —
Мать холодная земелюшка;
Им тако было зголовице —
Ракитовые кустышки,
А такое покрывалышко —
Оружье-ранец тяжелые!
Не надюся я, беднушка,
Ни на гусей, ни на лебедей,
Ни на серых я утушек!
Я лучше по́йду, беднушка,
На тиху ключеву воду,
Ко быстрей ко риченьке,
Котора текет риченька
Со чужой-дальней сторонущи!
Так река бежит свирепая,
А вода теке угрюмая —
Не расскаже мне-ка, беднушке,
Про удалу про головушку!
Уж я лучше спрошу, беднушка,
У косатой лётной ластушки —
Тая ластушка-ласкотушка
Она летит ровнёшенько,
К нам прилетит тихошенько
На косивчато окошечко,
Жупить стане по-птичьему,
Говорить по-человичьему!
Возьмем мы ю, бедные,
Во новую горницу,
Во светлую свитлицу,
У ей станем выпрашивать,
Она стане нам рассказывать.
Рассказала мне-ка, беднушке,

Косата лётна ластушка
Про твоего кормильца батюшка,
Про мою удалу разумну головушку:
«Порешил он головушку
На полюшке сраженном!»
Как, косата лётна ластушка,
Не стало у тя батюшка,
У меня мужа законного,
По дому разрядчика,
На работу распорядчика,
Нету в полюшке пахаря,
Нет в темны лесы пастыря!
Нынь как станем жить бедные?
Как мне-ка, молодой вдовы,
Наб сердечком быть ласковой,
Разговорами быть вежливой,
Держать головушку поклонную,
А сердечушко покорное;
Надо сродцам поклониться,
Наб суседам покориться!
Хоть нам сродци да сродницы —
Не хлеб-соль столовая,
Не надія нам вековая;
Хоть лестить станут словечушком,
Не жалиют нас сердечушком!
Как скажу, бедна горюшица,
Тебе, косата ластушка:
«Ищи-тко ты жаланьца
Во красном во солнышке,
Чтоб пекло оно теплешенько,
Обогрело жалобнешенько
Сиротину горегорькую!
Так тепло-красное-то солнышко
По утрышку по ранному,
В туман да пекет в марёгу
На полюшка засевами,
На полянушки запашками,
А середь-то деньку белого —
На людей на богатых,
На детей на отцовых.
Только к вечеру поздешенько
Пекет оно тухлешенько

На сиротных малых детушек!
Уж я ли, мать несчастная,
Вдовица горегорькая,
Не могу скрепить обидушки
На ретивом на сердечушке!
Как на мое на сердечушко
Не пекало солнце красное;
На ём ли, на несчастном,
Во всяку пору-времечко
Е заносы снегу белого,
Погребочки ледку ярого!
Так пойду, бедна горящица,
Во тёмные во лесушки,
Чтобы ветрушки не вияли,
Меня людюшки не видели
Со злодийной со обидушкой!
Злодийна та обидушка
Со мною вдруг она родилася,
В одной купели окрестилася,
В одной зыбочке качалася,
Сестрою прозывалася,
Ко мне наве́к привязалася,
Никуда не оставалася!
Как от моей от обидушки
Во лесушках во темных
Деревиночки сломилися
От их сучья отвалилися!
От той ли от обидушки
На лужках трава повызябла,
На травы цветки повымерзли,
В озёрах вода повысохла,
В омутах рыба повытухла!
Как от этой я обидушки
На ретиво на сердечушко
Кладу обручи железные,
Скую полосы чугунные,
Закреплю сердце несчастное,
Не долило бы горящицу
Великое несчастьице,
Злодийная обидушка!

ПЛАЧ ОБ УШЕДШИХ В СОЛДАТЫ

Уж вы большие птички, не маленькие!
Уж вы слетите, серенькие пташечки —
У вас маленькие легонькие крылышки, —
Уж на чужую вы красну сторонушку,
Во неверную земелюшку,
На восход красного солнышка!
Уж вы слетите, серые пташечки!
Вы снесите-ка письмо-грамоту
Вы удалым нашим головушкам!
Расскажите, маленькие пташечки,
Вы удалым нашим головушкам,
Что это писано у нас, горемычных,
Не пером и не чернилами,
А всё писано горячими слезами!
Еще спросите, серые пташечки,
У удалых головушек про их житье
несчастное,
Несчастное, про военное:
Что позагнаны удалы головушки
Во чужую-то дальню сторонушку,
Разлучены они с молодými женами
И со своими-то малыми детушками!
Они не слышат там и не звона-то
колокольного,
И питья-то не пьют церковного,
Не в своих они живут горницах,
Да не на мягких спят постелюшках,
Не на пуховых-то на подушечках!
Жалко удалых нам головушек,
Что они мыкают горе лютое!

ПЛАЧ ПО РЕБЕНКУ

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные!
Прилети ты, маленькая пташечка,

Посреди-то летичка теплого,
Когда распустится наш зеленый сад
И расцветут всякие цветики!
Прилети ты серой пташечкой,
Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушком,
Чтобы батюшка с матушкой догадались,
Во зеленый сад похватались;
Как поймали бы эту пташечку,
Эту птичку во белы руки
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка,
Что ты, какого роду-племени,
Какого ты поколеньица?
Ты не нашего ль рода-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу.
Унимали мы маленьку пташечку:
«Останься ты, маленька пташечка,
На родной-то на сторонушке!»
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
Что не останусь я, батюшка с матушкой,
Я на вашей-то сторонушке, —
Там ведь жизнь-то горазд хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то добородные».
Удалая ты головушка!

ПЛАЧ У ГРОБА СЕСТРЫ

Подойду я, горька сирота,
Подойду я, гремышница,
К моей матушке — родной сестре:
«Ты позволь, моя мила сестра,
Вас спросить, моя голубушка!
Вы куда да сподобились,
Приубравши в платье цветное?

Во которы дорогй гости,
Ко которым ко сродникам?»
Уж я вижу, горька сирота,
Сподобилася милá сестра
Во останний край-дороженьку,
Ко своим да ко родимым,
На второй да суд, на праведный!
«Да я спрошу, моя милá сестра,
Я спрошу, моя голубушка:
Как сойдешь ты да посвидишься
Со своим кормильцем батюшкой,
Со родимой-то со матушкой,
Поприметь, моя милá сестра,
Поприметь, моя голубушка,
Ты свою да крестну матушку!
Подойди к ним поблизехонько,
Поклонись им понизехонько,
Ниже шелкового пояса
Ты до матушки сырой земли;
Расскажи да, сестра крестная,
Про житье да про сиротское,
Как мы жили, солнце красное,
Во житье да во сиротском,
Потерпели, бедны-горькие,
Всяких слов да понапрасных,
Износили злодей-горюшка
На своей да на белой груди!
Когда стóснется-сгорюхнется,
Уж мы выйдем, бедны-горькие,
Мы на матушку сыру землю,
Мы на ихну гробову доску,
На размай тоски-кручинушки!
Мы ронили горючи слезы
Мы до самой гробовой доски!
Мать сыра земля не вынесет,
Бел-горюч камень не выскажет
Басен тайных, беспроносных.
Как придем да бедны-горькие,
С тобой, да сестра крестная,
Мы во твой да благодатный дом,
Ты скидáешься, собираешься
Со словам-то ты со ласковым;

Ты поносишься, мила сестра,
Со яствам да со сахарным,
Со питьям-то ты со вкусным!
Как расскажешь, солнце красное,
Восприемной крестной матушке,
А моей родимой матушке:
Уж как мы, да горьки сироты,
Со тобой, моя мила сестра,
Как в лесу да были рощены,
Как во поле были брошены,
Как лесиночки подсохлые,
Семяниночки невсхожие!
Как от камышка родилися,
От березы откатилися!
Как посмотрю я, горька сирота,
На тебя, моя мила сестра,
Я на твой-то благодатный дом:
Что стоит моя мила сестра
В своем доме благодатном!
Ты стоишь да не по-прежнему,
Что никто, моя милá сестра,
Что к тебе да не подступится!
Верно, правда, солнце красное,
Прежни басни беспроносные:
«Нету сродников, приятелей
При твоей да гробовой доске,
Что не выются, солнце красное,
Вкруг тебя, моя мила сестра,
При последнем свиданьице,
При остатнием прощаньице!»
Я спрошу, моя мила сестра,
У тебя, моя голубушка:
«Где встречала бела лебедя,
Ты свою да смертку скорую?
Поправила ли, мила сестра,
У своей да смертки скорой
Ты часка да поры-времечка
Позвестить, да солнце красное,
Ко себе отца духовного?
Аль не кинулись, не бросились
За отцом да за духовным
Твои сродники, приятели,

Не послушали, мила сестра,
Что твоих да слов печальных?»
Подкосились скоры ноженьки
У тебя, моя мила сестра,
Тут душа с телом рассталася,
С вольным светом распрощалася!
Они тут да догадалися,
Они кинулись да бросились
На чужую дальнюю сторону
За любимым племянником,
Тебе строить благодатный дом
Без дверей да без окошечек,
Без хрустальных стеколышек!

Ты послушай-ко, ясён сокол,
Что скажу я, горька сирота!
Поклонюсь я, горька сирота,
Я тебе да ниже пояса.
Те спасибо, солнце красное,
Не покинул горьку сироту
Ты свою родиму тетушку;
Поспешил да поторóпился
Со чужой да дальней стороны
Положить да в гробову доску,
Схоронить да во сыру землю!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

При обмывании покойника:

Вы голубушки, мои тетушки,
Помогите моему горюшку,
Посмотрите-ка на горюшко,
На моёго друга милого!
Голубушка моя племянника!
Ты спроси-ка своёго дядюшка,
Он бывает ли тебе не скажет ли,
Куда он собирается,
Куда снаряжается?
На работочку тяжелую,
На гуляночку веселую?

А откуль-то его буду ждать,
Со которой со стороночки?
Со восточной ли, со западной,
Со работочки тяжелой ли,
Со гуляночки веселой ли?
Не оставьте, мои тетушки,
Не оставьте, мои голубушки,
Во время-то поздого вечеру,
Во время-то тёмной ноченьки,
Не оставьте меня однёшоньку,
Помогите-ка моёму горюшку!
Вы спросите-ка у моёго-то друга милого,
На кого-то он обиделся,
На кого-то оскорбился?
Не на меня ли, горьку сироточку,
Не на своёго ли милого дитятка?

На следующий день:

Ты ставай-ка, друг мой милой,
Наставляй-ка меня, друг милой!
Ты скажи-ка своёму дитятку,
Наставь-ка на ум на разум,
Кто его поить, кормить будет?
Кто его содержать будет?
На кого-то я буду надеяться,
На каку-то я упору,
На каку-то я надёжу?
Я надеялась, горька сироточка,
На своёго друга милого;
Упорины мои подломилися!
Балясочки мои отломилися!
Вы голубушки, мои тетушки,
Посмотрите-ка, мои голубушки!
На кого ты оставил меня, друг милой, —
На каких-то родимых братьцов!
Нет-то у меня родимых братьцов!
Нет-то у меня родимых сёстрицов!
Одна-то я однёшонька,
Одна-то я круглёшонька,
Без роду-то без племени!

Когда вносят гроб:

Состроили-то другу милому,
Состроили нову горницу,
Без окошочков, без дверей!

Когда выносят покойника:

Отвалилася стена каменна
От моего тёпла гнездышка!
Отпало правó крылышко
От меня, горько́й сирóточки!
Полетел ты, друг милой,
По дороженьке по широкою
Не по-старому, не по-прежнему,
Не на своих-то резвых ножках!
Понесли-то друга милого,
Понесли на белых рученьках!
Залетат-то друг мой милой,
Он на перепутьице на великое,
Он во матушку божú церквú;
Он из матушки божú церквú
Он во матушку во сыру́ землю.
Наглядися, друг мой милой,
На все четыре стороны,
Наглядися, очи ясные,
На моего друга милого!

Когда гроб опускают в могилу:

Спустили-то моего друга милого
Во матушку сырую землю,
Засыпали-то сырой землей,
Закрыли-то гробовой доской!
Отходил-то резвы ноженъки,
Оттоптал траву мура́вую,
Отмахал своим белым рученькам,
Отглядел очам ясными!
Отговорил своей речью ласковой
Со своим родимым дитятком!

Когда вернется домой с похорон:

Голубушки мои тетушки,
Я пришла домой, торопилася,

Думала, друг мой милой, —
А его-то дома нетути!
Вы голубушки, мои тетушки,
Поскажите мне, родимые,
Не видали ли друга милого?
Не летит ли он по поднёбесью,
По поднебесью ясным соколом,
А по дороженьке добрым молодцом?
Не сказал ли вам, мои тетушки:
Я кожды приду да приеду,
Я в праздничной день, не во будничной?
Все-то ветрички обдули нас,
Все-то люди нас обругали, —
Нет восстателя, нет пристателя!
Никто-то нас не пригреет,
Никто-то нас не обогреет
Без родимого нас батюшка!
Придет-то лето теплое,
Обогреет горьких сироточёк,
Обогреет красно солнышко!
Закокует в поле кокушечка —
Загорюю-то я, сироточка,
Загорюю со своим-то родимым дитятком!
Ты счастлива, моя суседушка,
Ты при своим-то друге милым;
А я-то, горька сироточка,
Кругом-то я однёшенька,
Одна-то я круглёшенька,
Без роду-то без племени!
Приходят все денёчки праздничны,
Суседи-то мои радуются
Годовому большому праздничку,
А я-то, горька сироточка,
Уливаюсь горьким слезам!

*При посещении могилы мужа
в родительскую субботу:*

Здравствуй-ка, друг мой милой!
Приходит-то лето теплое,
Настает-то у нас работочка!
Кто работочку у нас будет робить?
На кого-то мы будем надеяться?

Кому-то ты препоручил нас,
Кого-то оставил
Вместо себя хозяином?
Разгромися ты, мать сыра земля,
Разожгисъ ты, гробовá доска,
Распрохнися, бел-бран саванок!
Восстань, мой родимой батюшко,
Из матушки сырой земли
На свои на резвы ноженьки!
Распечатай устá сахарные,
Ты спроси-ка нас с речью ласковой,
Каково-то нам жить будет?
Опустело-то мое тепло гнездышко,
Опустело соловьиное!
Нет-то мне помощника,
Нет-то мне соблюдителя!

ПЛАЧ ОБ УМЕРШЕМ МУЖЕ

Вдова подходит к гробу мужа:

Ох ты мнecюшки тошнeхонько,
Сколь горазно обиднeшенько.
Подойду я, сиротиночка,
Я ж своeй да милой ладушке.
Я тебе буду рассказывать,
У тебя буду выпрашивать. —
Ты куды да сподобляeшьси?
Ты куды да снаряжаeшьси?
Ты надел да цветно платьицe,
Ты сложил да белы рученьки
На своeй да белой груди,
Ты прижал да к ретиву сердцу,
Ты закрыл да очи ясные,
Затворил уста сахарные.
На меня, да на торющицу,
Рассердилси да распрогневалси,
Укрепил да ретивó сердце
Крепче камешка горячeго.
Ты подумай-ко, да милая ладушка,
Как я жить да буду, бедная,

Как я жить да буду, горькая?
Без тебя, да милая ладушка,
Худая жизнь у меня, не хорошая, —
Изобидеть меня есть кому,
А пожалить-то меня некому!
Как меня, да горемышную,
Изобидят люди добрые,
Пожалеет красно солнышко!
Как у меня, да у горюшицы,
Как без жару сердце высохло,
Без морозу сердце вызабло.
Без тебя, да мила ладушка,
Не печет да красно солнышко
Не в которое окошечко,
На мою да светлу свитлицу,
На сиротскую-то хижину.
Подошла да студёна зима,
Зазнобила да заморозила
Как меня, да горьку-бедную.

Снова подходит к гробу:

Ох ты мнecюшки тошнeхонько,
Сколь гoразно обиднeшeнькo!
Что жe я, да горькa-бeднaя,
Что жe я да зaсидeлacя?
На кoгo я зaглядeлacя?
Чужих бacенoк зaслушaлacя!
Аль у мeня, да у гoрюшицы,
Ни тoски нeтy, кpучинyшки?
Уж я станy, да гoрькaя-бeднaя,
На cвoи да рeзвы нoжeньки,
Пoдoйдy я, гoрькa-бeднaя,
Я к тeбe, да милая лaдушкa!
Как oт сна да ты oт кpeпкoгo,
Ты oт сна да нeпрoбyднoгo
Стaнь, пpocнись, да мила лaдушкa!
Ты oткpой да oчи яcныe!
Пoгляди-ткo, да милая лaдушкa,
На мeня да ты, на бeднyю,
На мeня да ты, на гoрькyю,
На cвoих-тo милых дeтyшeк:

Не споены они, не скормлены,
У тебя они не зрощены;
Они малёшеньки-глупешеньки,
У них нету ума-разума!
Изобидеть детей есть кому,
Пожалеть-то будет некому!
Без кормильца-то без батюшка
Привыкнут малы детушки
К худому делу, нехорошему —
Поучить да будет некому!
Как у меня, да у горюшицы,
Ни ума-то нету разума
Во своей буйной головушке!
Как я жить буду, горюшица,
Я без трудничка-работничка,
Без великого помощничка?
Как пойдут мои суседушки
На тяжелую работушку,
На широкую полосыньку,
Моя сиротская полосынька
Без тебя, да мила ладушка,
Во всё время сиротой стоит:
Не обделана, не пахана,
У меня да не засияна!
Обо мне кто позаботится?
Я одна да одинешенька,
Как кокушка в лісе серая!
Как мене, да молодешеньке,
Сколько плакать да не доплакаться,
Сколько кликать да не докликаться,
Не разбудить да милу ладушку!
Пойду прочь, да горька бедная,
Я во светлую-то свитлицу,
Ко суседам, ко суседушкам,
К соколам да братьям миленьким,
Я к голубушкам милым сестрам.
Я просить да буду, кланяться:
«Вы суседи мои, суседушки,
Все родные мои знакомые!
Не покиньте вы меня, бедную,
Не оставьте да меня, горькую!
Мне не дайте-тко, горюшице,

Среди поля погибнути!
Пособите-ко, суседушки,
Моему да горю лютому;
Ведь вы знаете, суседушки,
Привязалось к горящице
Злоё горюшко великоё!»

ПЛАЧ КРУГЛОЙ СИРОТЫ

Радельник мой дядюшка,
Будь ты нам вместо родимого батюшки!
Остаемся мы, горькие сиротушки,
Без радельника без батюшки,
Без радельницы без матушки!
Опускает-то наша нова горница,
И пустым она пустехонька!
Ты, радельница наша матушка,
Не сказала нам, как в чужих людях жить,
Как в чужих людях работати!
Уж навеются про нас ветры буйные,
Уж набаются люди добрые,
Что ленивые, бесталанные!
Зарастет-то наша путь-дороженька
И травой она и былинóю;
Уж и некому нас встретить, горьких,
Проводить нас будет некому.
Уж радельница наша матушка
И радельник ты наш батюшка,
Уж любили вы своих детушек, лелеяли,
Не давали вы ветру дунути,
Ветру дунути, дождю канути,
Дождю канути, солнцу взглянути!
Разболелось мое сердечушко,
Разболелось, да не ўймется!
Навестить-то нас, горьких, будет некому:
Кому холодно, кому ветрено,
Кому ветрено, кому нёкогда!

ПРИЧТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Моя родненькая матынька,
Не сердись-ка на меня ты, на сиротушку,
Что стелила я, сиротонька,
Теби на жítье вековечное,
На вековечно-бесконечное!
Стелила я тебе постелюшку не мякешеньку,
Не мякешеньку, не хорошошеньку,
Не сердись-ка, моя родненькая матынька!
И что ты, на кого же ты меня оставила,
сиротинушку?
И что хоша придё ко мни, сиротинушке,
Велико большó горяшко,
Только не к кому, сиротинушке,
Пришануть буйной головушки!
Подожду-то я, сиротинушка,
Что любимой весны красная,
Весны красная с летом теплым:
Как повыеду, сиротинушка,
Во любимо чисто полюшко на тяжелую
работушку,
Прилети-тка си, моя родненькая матушка,
Любимую серою кукушечкой,
И сядь-кась ты на белую березушку
Ко мне, сиротушке, поблизешеньку!
И узнавать буду, сиротинушка,
Не по крылышкам, не по перушкам —
По твоей по буйной головушке!

ПЛАЧ СИРОТЫ НА КЛАДБИЩЕ В РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Как иду я, горька сирота,
Как иду я, горемычная,
Как в оградушку во мирскую,
Как к вам, мои родители,
Как к тебе, родима матушка!
Припаду я ко матушке сырой земле:
Не простонет ли мать сыра земля,

Не промолвит ли родитель мамонька
Что со мной, да горькой сиротой?
Подымитесь вы, ветры буйные,
Разнесите вы все желты пески,
Подымите родиму мамоньку
Что из этой из сырой земли!
Расскажу я, горька сирота,
Про свое да горе-кручинушку!
Исполать ты, родная мамонька,
Не могу я тебя докликаться,
Не могу тебя добудиться —
Ты уснула да крепко-накрепко,
Так не слышишь меня, горьки сироты,
Ты меня да горемычные!
Ты спроси, родная мамонька,
Про мое житье ты горькое,
Как живу я, да горька сирота,
Как не вижу я веселых дён,
Как живу я во рабах во работницах!
Мне не надо бы от чужих людей
Золотой казны,
Лучше быть мне, родима мамонька,
Со тобою во сырой земле!
Ты прижала бы меня, горькую,
К своему-то ретиву сердцу,
Ко своей-то ко белóй груди!
Ты раздай-кося, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты откинсья, да полотенечко,
Поднимись, родная мамонька,
Ты промолви со мной словечушко,
Ты прижми да к ретиву сердцу
Своего дитя несчастного,
На свету́ чтобы мне не маяться!
Что не гораздо, родима мамонька,
Не прижимаешь к ретиву сердцу
Своего ты дитю милого?
Как живет он да мотается —
У нас дело всё не приделано
И работушка не приработана,
Не берет нас управушка
Без тебя, родима мамонька!

ПРИЧИТАНИЕ ВДОВЫ НА СЕНОКОСЕ

Что чудное чудо за диво великое
Сегодня да по сегодняшнему
По долгому летнему дёнечку?
Чего ломаются мои скорые, резвые ноженьки,
Чего валяются лёгкие белые рученьки,
Не отворяются мои ясные очи слезливые,
У меня, у победной касатой голубушки?
Для того да потому,
Что повысталась темная туча плавучая,
Повыпадут, бывает, буйные ветры усильчаты,
Пойдут часты мочалые дождички!
Повеите-тось, буйные ветры усильчатые,
Разнесите-ко темную тучу плавучую
На все на четыре сторонушки!
На перву — разнесите-тось
За мхи, за болоты великие,
За топки, за приглубы озерышки,
На другу — разнесите-тось
На чужу на дальнюю сторонушку;
На третью — разнесите-тось
Не на ближное синее море соленое;
А на четверту — разнесите-тось
На дальнее синее море соленое!
У меня распеки-кось, божье красное солнышко,
На моем-то на гладком разносистом теребочеку,
У меня повысуши-ко траву-муравку шелковую —
Уж мне поработать с дня работы тяжелые.
Ох, я глупа да неразумна,
Победна касата голубушка!
Отправляю я эту темную тучу плавучую
На дальнее синее море соленое.
Туды ушли ведь чужие
Младые ясные соколы,
На дальнее синее море соленое;
У меня отправлены туды милые
Сердечные рожонные деточки
Со чужима младыма ясныма соколами!
Не возрощены еще до полного молодецкого возрасту,
Еще не полна у их силка-матушка великая, —
Падет буря, погода великая,

Пойдут часты мочалые дождички, —
Они во маленьких черненьких суденышках.
Некуда утулиться да ухорониться
От частых мочелявых дождичков,
Не могут работать во новых устройных, веселышках.
Возлюбятся да воспалятся на них
Чужие молодые ясные соколы.
Не со своим отправлены со теплым
Со красным со солнышком,
С многодобрым, желанным родителем батюшкой.
Уж падет им бедно да обидно,
Что отправила их со чужими
Со младыми ясными соколами
Без теплого красного солнышка.
Не подрастила еще до полного молодецкого возрасту
Своих милых, сердечных рожонных деточек.

**ПРИЧЕТЬ ПО СЫНУ, РАЗДАВЛЕННОМУ ЛЕСАМИ
ПРИ РЕМОНТЕ ОДНОГО ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ДВОРЦОВ**

Я погляжу пойду в зелёной сад.
У меня да в зелёном саду
Не трава да расстилается,
Не цветы да развиваются,
Тут сидя да милы дочери,
Речь говорят да жалостливую,
Плачут горько, заливаются:
«У нас не стало отца-батюшка,
Нет соколочка, братца милого,
Голубочка жалостливого!
Наша матушка старшенька,
Уж мы сами молодешеньки;
У нас был убажной братевко,
Нам посылал да золоту казну.
Не судил да Христос истинной
Ему пожить да на белом свите!
Мы работаем, сиротиночки,
Из утра да и до вечера.
Мы с вечера да до полуночи,
С полуночи до бела свету».

Зашла в сад родима матушка:
«Вы не плачьте, милы дочери, —
Станем писать письмо скорёшенько
Мы не пером да не чернилами,
Напишем да слезам горькими;
Мы отошлем с ветрами буйными
Мы в Петербург, столицу главную,
На Преображенско славно кладбище,
На могилу сыну милому!»
И вы подуйте, ветры буйные,
Вы разнесите пески желтые,
Ты пораздайся, мать сыра земля,
Да расколись, да гробова доска,
Ты вложи, да Христос истинной,
Ему язык да в буйну голову,
Ему здыхание во белы груди!
И ты вставай, да доброй молодец!
Ты далёко да на чужбинушке,
Лежишь во матушке сырой земле.
О тебе, да доброй молодец,
Плáчу братица и сестрицы,
Плачет матушка родимая
Целы дни и темны ноченьки!
Мне говорил дитя сердечное:
„Ты, наша мать трудолюбивая,
Ты не заботься, наша матушка,
Я не забуду родных сестриц,
Я помогать стану, утешивать”.
Нет уж, нет, и не дожидатися,
И глядеть — не доглядйтися!»

ПЛАЧ НА МОГИЛЕ МУЖА, УБИТОГО ДЕРЕВОМ НА ЛЕСОЗАГОТОВКАХ

Как сегодняшним господним божьим дёнечком
Пришла я на раскат-гору высокую,
Как на эту на могилушку умершую,
Как ко миленькой ко законной ко семеюшке.
Порассыпьтесь сегодня вы, желты́ пески,
Раскатитесь-ка, катучи белы камешки,

Приоткройся-ка, тесова гробова доска!
Встань-восстань, законная семеюшка,
Вынь-ка ручушки от ретивого сердечушка,
Проговори-ка мне единое словечушко,
Ты по-старому заговори со мной, по-прежнему,
Ума-разума ты дай мне во головушку,
Размышленья дай во ретиво во сердечушко!
Что приходит трудная крестьянская работушка
Выходить на поля на хлебородные,
Во-вторых, идти на лужки на сенокосные.
Уже знать-видать, законная семеюшка,
Что не порнá стала горюха горькая!
Мои ноженьки теперь да притоптались,
Мои рученьки теперь да примахались,
Помешался ум во млáдой во головушке.
Ума-разума нет во млáдой во головушке,
Размышленья нет во ретивом во сердечушке,
Как пахать мне во полях да хлебородных,
Как косить мне на лужках на сенокосных!
Хоть оставлена станица неудольная,
Все не труднички у меня да не работнички;
Чем мне жить, горюхе горегорькоей?
Уж ты, моя мила законная семеюшка,
Скоро-на́скоро от меня ты удалился,
Хоть не в синем море от меня ты удалился,
А во темном лесу ты да ушибился,
От удара во сыру землю укрылся,
Ты спокинул меня, горюху горегорькую!
Вот второй идет учетный долгий годушек —
Никакого я известья не полúчаю,
И скорописчатые грамотки я не полúчаю.
Наверно, нет у вас лавочек торговых,
Нет у вас бумаженьки гербовой
И нет у вас свободной поры-времени
Написать мне-ка скорописчатые грамотки!
Вот еще бужу, кручинная головушка:
Ты уж стань-восстань, законная семеюшка,
Не по-старому ты восстань, не по-прежнему,
Попусти по мне великое желаньице,
Ты по-старому пусти да и по-прежнему,
Дай ума-разума мне-ка, горюхи, во головушку,
Размышленья дай во ретíво во сердечушко,

И как работать мне-ка на крестьянской
на работушке,
И каково растить мне-ка сирот да бесприютных!
Хоть и принарос уже скачёная жемчужинка,
Да недорослая он да деревиночка,
Да недозрелая он да ягодиночка,
Нету силушки во белых во рученьках,
Нету рózмыслу во молодой во головушке!

**ПРИЧЕТЬ ПО СЫНУ,
УМЕРШЕМУ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ**

Ох ты мнecюшки тошнешенько,
Сколь горазно обиднешенько.
Как я сдумаю-подумаю
Про своего да сына милого,
Покатится с плеч головушка,
Призамрет да ретивó сердцó.
Не привел да мене господи
Мене видеть да сына милого.
Кончил жизнь да мое дитятко
На чужой да на сторонушке
Без отца он да без матери!
Я ждала да дожидалася,
Я сидела, да горька-бедная,
Кажней день да под окошечком,
Вось придет да мое дитятко?
Я глядела сквозь стеколышко, —
Вось придет да мое милое
На родимую сторонушку,
Он к кормильцу-то ко батюшку,
Он ко мне, горюхе матушке,
К соколам да братцам миленьким,
Ко голубушкам милым сестрам,
Ко дружьям-братьям-товарищам,
Он к своим да ко приятелям?
Не пришлось да сыну милому
Побывать, да добру молодцу,
На родимой-от на сторонушке.
Топерь знаю, да горька-бедная,

Мене ждать его не дождаться,
Его кликать да не докликаться
С безызвестной-то со сторонушки.
Из-за гор да ёсте вѣходцы,
Из-за морь да ёсте вѣплавцы,
А из матушки сырой земли
Нет ни выходцов, нет ни выплавцов,
Нет ни конного, ни пешего,
Ни письма нету, ни грамотки,
Никакой да нету весточки!
Как пойдут его товарищи
На веселое гулянище,
Погляжу я во окошечко.
Не могу я, горемычная,
Углядеть да сына милого
Не в народе да не в добрых людях,
Не в дружьях-братьях-товарищах,
Не во своих его приятелях!
Не придет да мое дитяtko,
Не придет да мое милое
На родимую сторонушку!
Не расскажет мое дитяtko
Как своей родимой матушке,
Как пришла да боль великая
К моему да сыну милому,
За болезней пришла смерточка
Как к тебе, да мое дитяtko?
Как бы был ты, мое дитяtko,
На родимой на сторонушке, —
Я сама бы, да горемычная,
Снарядила бы да сына милого
Я во матушку сыру землю,
Окопила бы дружьей-братьей,
Я твоих да всех товарищей, —
Тебя снесли бы, мое дитяtko,
До храма-то до божьего
Дружья-братья-товарищи
На своих бы белых рученьках,
Опустили бы в мать сыру землю!
Я бы знала, горемычная,
Где лежит да мое дитяtko,
Где лежит да во сырой земле;

Я ходила бы частешенько
На крутую горú вѣсокую,
На могилушку глубокую
Я к своему да сыну милому.
Я топерь, горюха бедная,
И не знаю и не ведаю,
Где лёжит да мое дитятко!
У меня, да у горюшицы,
У меня вышла могутá-сила.
Я старешенька, худешенька,
Не могу, да мое дитятко,
Я идти, да мое милое,
Идти искать да сына милого
На чужую на сторонушку.
Топерь я-то пристарелася,
Топерь я-то прихуделася.
Как меня, да горьку-бедную,
С того горюшка великого
Меня не носят резвы ноженъки.
Ты прощай, да мое дитятко,
Ты прощай, да мое милое,
Не видать тебя, не видывать,
Ничего боле не слыхивать.
Не дожидаться да отцу с матерью
Ни письма да и ни грамотки,
Никакой да боле весточки!

**ПРИЧЕТЬ СЕСТРЫ ПО БРАТУ,
ИДУЩЕМУ В СОЛДАТЫ**

Соколочек да милой брателко,
Ты куды да наряжаешься,
Ты куды да сподобляешься,
Во какую да путь-дороженьку?
Не в любую да подороженьку,
Ко судьям да немилóстливым,
Как к сердцам да нежалóстливым.
Как заведут, да сокол брателко,
Во присусьё да великоё,
Как поставят, да сокол братедко,

Тебя под мѣрушку казенную,
Станут брить, да сокол брателко,
Всѣ твои да всѣ русы кудри, —
Повалятся да русы кудри
Со буйные головушки,
Как у тебя, да сокол брателко,
Твои да всѣ русы кудри!
Как на каждой волосиночке
По горячей по слезиночке!
Как прилетала да птичка-пташечка
Ко косячѣвчету окошечку.
Как будила да птичка-пташечка
Соколочка да мила брателка,
Воспевала да птичка-пташечка
Слезяно да очень жалобно,
Как залетѣла да птичка-пташица
Как во светлую да свѣтлицу,
Как садилась да птица-пташица
На зголовьицо высокое,
Как будила да птичка-пташица
Соколочка да мила брателка:
Полно спать да высыпаться,
Пора ставать да пробуждаться,
Всѣ во путь да во дороженьку
Как тебе да наряжаться,
Всѣ город да во Кириллово,
Ко судьям да немилостливым,
Ко сердцам да нежалостливым!

ПРИЧИТАНИЕ ПО МУЖУ

*Когда покойного обмоют, оденут,
положат на лавку под кресты:*

Ой, ты скажи-ко, голубшик мой,
Ой, ты куда это собрался-тка,
Ой, да на какой это на праздничек,
Ой, да ты в какую да путь-дороженьку?
О-ой, оой, да ты собрался, голубшик мой,
Оой, да не во путь и не на праздничек,
Оой ой, да к пресвятой да богородице.

Оой ой, да не пора бы еще да не времечко
Оой ой, что идти да к богородице,
Оой ой, еще жить бы да красоваться
Оой ой, что в своем да теплом гнезде
Оой ой, со своим да малым деточкам!

*Конечно, в это время изба бывает полна соседями. Они ее уни-
мают: «Максимовна, а Максимовна! Что это, матка-свет, опомнись!
Этим ты не подымеешь, а надо подумать и о себе и о детках...»
и т. д. Но она продолжает выть. Слов уже нельзя понять, слышно
только одно «ой», она захлебывается от слов. Тогда уже соседки
ее оттаскивают от покойника и сажают на лавку. Она успокаива-
ется, перестает выть и начинает только уж причитать:*

Дух мой, свеча светлая, кровь ты моя кипучая,
Красавец мой! Промолви хоть одно словечушко.
Накажи, как мне жить-то.
Эку ты шуточку надо мной сшутил!
Подкосил ты мои ноженьки, как косой.
Жизнь ты моя! Радость моя! На что ты рассердился,
На какое ты слово грубое?
Мы, кажись, прытко-то с тобой и не ругались!
Дух мой, научи ты меня, как мне дом-то домить,
Да деток-то подымать!
Пожила я за тобой, за работничком,
да покрасовалась,
С кем теперь я думу-ту думать буду?
Ангел мой, взгляни хоть ты одним глазком!

*Наконец успокаивается и делает распоряжения по хозяйству...
Перед выносом из дому причитает:*

Ооой, оой, ты скажи-ко, голубщик мой,
Ооой, ой, да ты единое словечушко,
Ооой, ой, да вдостольные да во последние!
Ооой, ой, тебе недолго гостить да в дорогих гостях,
Ооой, ой, да во своем да теплом гнезде
Ооой, ой, со своим да малым деточкам!
Ооой, ой, ты скажи-ко, голубщик мой,
Ооой, ой, да ты когда в гости посулился,
Ооой, ой, да на какой ты на праздничек?
Ооой, ой, я бы вышла да стритила
Ооой, ой, среди да поля чистого,

Ооой, ой, посадила бы, голубшик мой,
Ооой, ой, под среднее да окошечко!

Ближние родственники также начинают выть и причитать — понять что-нибудь в этой разногласии нельзя. В это время покойного кладут в гроб и выносят. Жена плачет до беспамятства. Во время отпевания и погребения она также плачет, но не воет. На могиле в этот день также не принято выть, но по приходе домой с похорон воет:

Оой, ой, да опустело тепло гнездо,
Оой, ой, не стало моего поильщика,
Оой ой, не придет он ниоткуда-то,
Оой ой, да не скажот ни словечушка!
Оой ой, уж куда-то я ни погляжу,
Оой ой, да ведь нигде-то его нетутка!

В течение всего года, когда приходит молиться и особенно в дни поминовений, причитает на могиле:

Ты скажи-ко, голубшик мой, когда в гости
посулишься,
Ооой, ой, да на какой ты на праздничек?
Ооой, ой, я бы вышла да стритила
Ооой, ой, среди да поля чистого,
Ооой, ой, посадила бы, голубшик мой,
Ооой, ой, под среднее да окошечко!
Оой ой, уж как я, да бедная горья,
Оой ой, без тебя, да голубшик мой,
Оой ой, я всего да напримаюсь,
Оой ой, я голоду и холоду
Оой ой, и чужого да слова бранного!
Оой ой, да и детки-то обносились,
Оой ой, и купить-то нам не на что!
Оой ой, у суседей-то деточки
Оой ой, они все на праздник великой в обновочках,
Оой ой, у моих-то сиротиночек
Оой ой, нет отца и нет обновочек!
Оой ой, не пора бы еще не времечко
Оой ой, да что лежать да во сырой земле!
Оой ой, да ты убрал да свои ноженьки
Оой ой, да молодым да молодешенек,
Оой ой, ты оставил нас, голубшик мой,
Оой ой, ты не жить, а только маяться!

Воет до тех пор, пока кто-нибудь не поднимет.

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Не стосковалась ли, матушка,
По своему ладе милому,
Ты еще не стосковалась ли
По своим малым детонькам,
Ты еще не стосковалась ли
По маленьким глупеньким,
Ты еще не стосковалась ли
По мне, по горюшечке?
Ты восстань-ко-то, мамонька,
Обудися по-прежнему,
Ты сходи-ко, кормилица,
На ключи на подземные,
Приумой-ко, кормилица,
Со бела лица ржавчину,
Приутри-кося, мамонька,
Тонким белым полотенчиком!
Ты восстань-ко-то, мамонька,
Обудися по-старому,
Перкстися-ко, мамонька,
Своей-то правой рученькой!
Ты послушай-ко, мамонька,
Не кукушка ли кукует,
Не воркушка ли воркует
На широкой на площади —
Тута кокует-воркует
Твоя доча-то милая,
Твое дитя, твое рождение.
Не стосковалась ли, мамонька,
По своему-то теплу гнезду,
Ты еще не стосковалась ли
По этому свету белому?
Уж встану, горюшица,
По утру ранёшенько,
Я умоюся, горькая,
Водою холодною,
Опять же приутрюсь, горюшица!
По своему да по терему
Я пойду-ка, горюшица,
На работу на тяжёлую —
Я хвачуся тебя, кормилица,

Да на каждом-то местечке!
Вижу, вижу я, горькая:
У нас всё не по-старому,
У нас всё не по-прежнему!
Погляжу-ко я, горькая:
У нас всё да по-старому,
У нас всё да по-прежнему,
Только нет тебя, кормилица,
Ты послушай, кормилица,
Что я тебе náпоры скажу
Про свое-то житье-бытье,
Про свое горемычное:
Что пришла весна красная
Придет лето, придет красное,
Придет пора, придет работная,
Мы пойдем, моя кормилица,
Мы работу рабóтати,
Мы тяжёлую дéлати,
Уж мы хватимся тебя, мамонька,
Уж мы хватимся по-старому!
Поучи-ко меня, мамонька,
Как работу рабóтати
Как тяжелую дéлати.
Что ты послушай-ко, мамонька,
Что я тебе náпоры скажу:
По тебе, моя кормилица,
Больно шибко стосковалася,
Кажичи бы тебя, мамонька,
Через поле бы увидела,
Через речку слово молвила!
На кого ты, мамонька,
На кого ты обнадеялась,
На кого ты нас оставила,
На кого ты нас спокинула,
Своих малых-то детонек?
Я сама знаю-ведаю —
На своего ладу милого,
На меня, на горюшицу.
Ты сама знаешь, мамонька,
Ты сама знаешь-ведаешь,
У нас работы-то многошенько
У нас работниц малешенько,

Ты сама знаешь, мамонька,
Твоему-то ладе милому
Я плохая-то работница,
Я плохая же помощница.
Не в полных я леточках
Я работу рабóтала,
Я тяжелую делала;
Мне тяжелая работанька
Не под силу, не под моготу!
Что твои-то корминчики,
Они старым-то старёшеньки —
У их годки-то старые,
Не смогают корминчики
Работу рабóтати,
Они тяжелую делати.
Тебе пожити бы, да мамонька,
Что не два годка, не три годка,
Что один годок кругленький,
Позаменяла бы, горюшечка,
Меня молодешеньку,
Меня во всякой работушке!

ПРИЧИТАНИЕ ПЛЕМЯННИЦЫ ПО ДЯДЕ

Родимый ты наш дядюшка,
Что ты сделал с нами, бедными,
На кого ты оставляешь свою нову горницу,
Молодую жену и малых детушек?
Без тебя-то их кормить некому,
Без тебя-то кто оденет их?
Будут холодны, и голодны, и разуты.
Без тебя кто им хлеба напашет,
Кто дров нарубит?
Бывало, ты с базару приедешь, от праздника ли,
Всё гостинец мне принесешь,
А теперь ждать мне не от кого!
Собирался ты на свадьбу ко мне,
Да не пришлось тебе повеселиться —
Знать, уж так господь на роду писал,
Что придти твоей смертыньке в годах красных,
Да оставить молодую жену с детьми малыми!

Умереть бы надо бабушке,
А не тебе, родимый дядюшка,
По ней бы мы и плакати не стали и горевать,
А то умер ты, ненаглядный наш!
Надоел, знать, тебе вольный свет,
Что так рано убираешься
В сыру землю под бок к дедушке.
Ведь и он побранит тебя,
Что оставил ты родную матушку,
Молодую жену с малыми детками
Одним горе мыкати!
Ведь и нам с ними заботушка!
Встань, промолви с нами словечушко,
Распростись-ко хорошенечко!

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАТЕРИ-СОЛДАТКЕ

Уж родима моя матушка,
Уж куда ты собираешься?
Пробудись, родима матушка,
Ото сна ты от крепкого,
От просонья вековечного,
На кого ты нас оставила,
Ты кому об нас покучилась,
Ты кому об нас покланялась?
Не оставь-то нас горьких,
Нас сирот-то горемычных.
Ведь у нас, кокушек горьких,
Кабы был родимый батюшка,
И не столь бы было горюшка!
Уж придет-то лето красное,
Все пойдут-то люди добрые
В чисто поле на работушку
Со болезным-ту матушкам
И с родимым-ту батюшкам,
А у нас, у горемычных,
Работать работу некому —
Больно мы еще малехоньки,
Умом-разумом глупехоньки;
А родна матушка в сырой земле,

А родимый-то наш батюшка
На чужой дальней сторонушке!
Уж у нас, кокушек горьких,
Всё-то делишко не делано,
Вся работа не работана.
Уж мои-то милы детыньки
Уж малым еще малёхоньки —
Уж у нас, кокушек горьких,
Мать сыра земля не пахана,
Шелкова трава не кошена.
Уж пойду, кокушка горькая,
На чужу я сторонушку
К государю царю белому,
Упаду я во резвы ноги,
Я зальюся горючим слезам,
Закричу я громким голосом:
«Уж ты батюшка наш белый царь,
Пожалей-ко нас, разгорьких,
Нас сирот ты горемычных,
Уж ты батюшка наш белый царь,
Отпусти-ко нам, разгорьkiem,
Ты приятеля батюшка
Ты на малое-то времечко,
Хоть на думушку-ту крепкую,
На словечки матоние».
Кабы пришел приятель батюшка,
Уж с меня, кокушки горькие,
Хоть уж снял бы волю-большину
И великую заботушку
У меня, кокушки горькие!
Ведь не ходят с горя ноженьки,
Не глядят-то очи ясные,
У меня, кокушки горькие,
Уж одни-то дети малые —
Они нагие и босые
И голодные-холодные!
И приветить-то нас некому,
Уж кокушек горемычных,
Уж болезная-то матушка
Нас оставила-спокинула
Уж на все-то ветры буйные
И на дождички мочливые,

Уж меня теперь, разгорькую,
Без приятеля-то батюшка,
Без кормилицы-то матушки!
На меня, на кокушку горькую,
Не просветит красно солнышко;
Доживу, кокушка горькая,
Я до леточка-то красного —
Как растают снега белые,
Разольются реки быстрые,
Уж пойду я на быстру речку,
Уж я сяду на крутой берег,
Я покучуся быстрой реке:
«Уж ты, матушка быстра река,
Ты куда бежишь-торопишься?
Не во сине ли морюшко —
Захвати-ко мое горюшко!»
Отвечает быстра река:
«Мне идти-то далёконько,
А твое горе не тонется,
От часу-то горе копится,
Великого прибавляется».
От мого-то велика́ горя
Простонала мать сыра земля,
Покачнулися темны леса,
Колыхнулися сини́ моря!
Уж кабы знали люди добрые
Мое горюшко великое,
Неслезливый бы расплакался,
Негрустливый бы раздумался
О моем-то великом горюшке;
Да не знают люди добрые!

ПЛАЧ СИРОТЫ ПО МАТЕРИ

Отлетела моя матушка,
Оставила меня жить во горюшке!
Как я без тебя буду жить,
Я еще молодешонькая,
Ум у меня близнешонькой,
Во сиротстве жизнь горькая,
Нет у меня батюшки,

Нет у меня матушки,
А кругом я — горька́ сироточка!
Придет-то лето теплое,
Закокует-то в полé кокушечка,
Загорюю-то я, горька́ сироточка,
Без своей-то родимой матушки,
Без своёго-то родимого батюшка!
Тяжёло-то мне тяжелешонько,
Никто-то меня не пригреет,
Кроме солнышка, кроме красного,
Никто-то меня не приголубит,
Никто-то меня не приласкует,
Кроме матушки-то моей родимой!
Была бы моя матушка,
Был бы мой батюшко,
Разговорели бы меня, разбавили
От тоски-то от кручинушки,
От великой от невзгодушки!
Куды-то я ни пойду,
Куды-то я ни поеду,
Нет-то моёй матушки,
Нету моёго батюшка!
Пойду-то я во полюшко,
Пойду-то я во чистое;
Летят-то два голубя,
Летят-то два певучия,
Летит-то не мой батюшко,
Летит-то не моя матушка!
Спрошу-то я, сироточка,
Спрошу я их, двух голубех,
Спрошу я их, двух сизых,
Не батюшко ли мой,
Не матушка ли то моя?

**ПРИЧИТАНИЕ МАТЕРИ ПО СЫНУ-ПАРТИЗАНУ,
УБИТОМУ ЯПОНЦАМИ**

Да куда же ты, сыночек, уходишь от нас,
Да на кого же ты стариков своих покидаешь?
Да ты же, мой сыночек, был один работничек у нас.
. А теперь ты, сыночек, уходишь

От нас во сырую землю,
Оставляешь нас, стариков,
Не способных к работе!
Да и кто теперь нас, стареньких,
Будет поить-кормить?
И кто нас похоронит, как мы тебя?
Да мы же, сыночек, на тебя только и надеялись,
А ты, наш родимый, отказался от нас
И пошел в лес и горы свободу добывать.
Не добился ты свободушки, — а смерти себе,
А нам, старикам, горе-горести!
Сожгли вороги нас, всё разграбили,
И тебя, молодого, со свету сгубили!
Не дали они тебе свободы дожидаться,
Да не дали они тебе с новой жизнью спознаться!

ПЛАЧ ПО МУЖУ, ПОГИБШЕМУ В БОЯХ С БЕЛЫМИ

Ты, родитель моя матушка,
Как сегодняшнего денечку
Получила я словечко нелюбимое,
Нелюбимое-вдовиное!
Другой год живу я, беднушка,
Я вдовой многобедной,
И мои детушки сиротские!
Я не знала и не ведала,
Что нет во живности у беднушки
Да законной семеюшки!
Теперь как жить буду, беднушка,
Без законной без семеюшки,
Как буду рóстить, многобеднушка,
Я рожóных малых детушек
Без кормильца света батюшки?
Будут детушки-то вольные,
Они вольны-самовольные,
А уж я-то, многобеднушка,
От суседок спорядовых
Всякой славушки наслушаюсь,
Пустословьица натёрплюся!

Мне худá слава покажется,
Пустословье — что порог стоит!
Охти мне, мне-ка тошнешенько,
Мне гораздо обиднешенько,
Что законной семеюшке
Пришла скорая смерётушка
Не на своей брусовой лавочке,
А на чужой дальней сторонushке,
И на службе на военной,
И на стрёльбе на великой!
Защищал он свою родину!
Так того-то жаль тошнёшенько
Что я не была, победнушка,
У законной у семеюшки
У последнего здыханьца,
У последнего прощаньца!
Не видала, многобеднушка,
Как душа с телом расставалася,
С белым светом распрощалася!
Я, несчастная головушка,
Я вдовить да оставалася,
Я не спрашивала, беднушка,
У законной у семеюшки,
Мне-ка жить как, многобеднушке,
Как возвращать рожонных
Мне сердечных малых детушек?
Я не лежала на белóй груди,
Не глядела в личко блеклое!
Если б́ыла бы я, беднушка,
Как при этой при смерётушке
У законной у семеюшки,
Взяла бы писарей толковых,
Я бы сняла тело мертвое,
Его личушко бы блеклое,
Я бы клала, многобеднушка,
Уж на стеночку лицóвую;
Как глядела бы я, беднушка,
На законную семеюшку,
И мои рожоны детушки
На кормильца света батюшку!
Была умная законная семеюшка:
Он вином не упивался ведь,

Табачком не занимался ведь;
Хорошо было жить беднушке
При законной при семеюшке!
А уж как нынечу-теперечу
Всё пустым стало пустешенько,
Холодным да холоднешенько!
За стол сяду — брюшко го́лодно,
Лечь на печку — ногам холодно!
Не во пору, не во времечко
Голова моя состарееет,
И сердечко перержавееет,
Волоса-то поседаеют,
Возрастаючи сердечных
Тех рожоных малых детушек!
Но еще-то жаль-тошнешенько —
Далеко его умершая могилушка!
Так не сходишь ведь, победнушка,
На умершую могилушку,
Не роздеешь ведь обидушку,
Не расскажешь ведь кручинушку
Да не выплачешь горючих слез!

ПРИЧЁТ О ГОРЬКОЙ ЖЕНСКОЙ ДОЛЕ

Уж я бедна-горька, несчастна,
Я во горе была спосеяна,
Во несчастьи была спорожена,
Во нужде ли я была выращена!
И ты, талан ли да мое счастьеце,
Участь горькая моя несчастная!
На делѹ ли ты мне досталася,
В жеребью ли ты мне-ка выпала?
Веки горюшко мне-ка мыкати,
Во несчастьи да веки кыкати!
Уж я горька да горемыка,
С малых лет ли да уж я с детства
Добрых ден я да не видала,
Счастья-доли не испытала,
Во добре-житье не жывала —
Жила в горюшке во великом!

Я шаталась, бедна-злосчастлива,
По чужим людям сиротинкой,
По рабам я да по холопам!
Я не жизнь жила — горе мыкала
Во чужих людях да во работушке,
Утром рано-то была разбужена,
Вечер поздно была уложена,
Среди ночи потревожена.
День и ночь я была на работушке
Не у отца-то я, не у матушки,
У чужих людей — богачеев.
Уж я робила, бедна, моталась,
Не заслужила я, не заработала,
Я ни слова да себе гладкого,
Я ни куса да себе сладкого,
Я ни места да себе мягкого!
День и ночь, бедна, хоть работала,
Чужим людям меня было не жалко,
Чужие люди да не хранили,
Нашей молодостью не дорожили,
Посылали да наряжали
На работы да на тяжелы,
Везде по бурям и по падерам,
По тяжким темным заметелицам,
Зимний снег с меня да не стаивал,
Летний дождь с меня да не ссыхал!
Тут здоровье я свое вкладывала,
Тут я молодость свою теряла!
Не узревша я в поле ягодка,
Не разросла в саду малинушка:
Не успела да я сповырости,
Не успела да я привыцвести,
Я у роду да я у племени,
У родимой да своей матери!
Они вздумали меня замуж выдать
Не за знаема человека,
Не за знаема, не за знакомого,
Что за злого да за лихого,
Молоду меня молодехоньку,
Зелену меня зеленехоньку
Не по охоты да ума-разума,
Споневоли честных родителей!

Споневолила да родна маменька,
Не постояла, не подорóжила
Ни красотой ли да моей девьей,
Ни молодостью ли молодою!
Поспешила-поторопила,
Кинула меня да она бросила!
Она думала меня горя избавить,
Хотела выкупить меня, выручить
Из тяжкой ли меня работушки —
Не могла меня горя избавить,
Ни выкупить меня, ни выручить,
Хотела горюшка у меня сбавить —
Еще больше мне горя прибавила!
Мне замужье пало неважно,
Мне-ка участь досталась несчастна,
Мне судьба ли да горегорька:
Бил-терзал меня муж нелюбимой
Не за дело, не за провинность —
От бедна житья, горегорька,
От лихой нужды, да неизбывной!
Мне нигде-то да счастья не было!
Куда кинуся, куда брошуся?
И не укрыть-то мне, не успокоить
Своей буйной да мне головушки
Ни от ветра, да ветра буйного,
Ни от тучи, да тучи грозной,
Ни от крупна ли дождя мокрого.
Нет приладу и нет пристрою,
Обогревы нет да ретиву сердцу!
Так вот молодость издержала,
Красоту с лица потеряла!
Я еще, бедна, в горе кинулася,
Призабравши тогда годами,
Призаживши да я летами,
На второй ли я раз замуж вышла
Не за ровнюшку да за свою,
Уж я думала оприютиться,
Уж я думала успокоиться
Уж я за старого, я за древнего.
Уж я тем была довольна,
Уж я тем была благодарна,
Что нашла себе горя выход,

Дожила тогда до хозяйства!
Я жила тогда, горе-злосчастлива,
Хошь не у ровнюшки у своей —
Я у старого, у свирепого,
Уж я у скупа хошь жила у яства,
Уж я сыта была, довольна,
И обута была, одета.
Только всё была недовольна
Я судьбой своей горе-горькой:
Пусть хоть сверху меня шуба грела —
Сысподá мое сердце ныло
За свою ли да жизнь бессчастну,
За свою ли да бесталанну!
Тут еще меня горе достигло,
Тут еще меня поимало
Еще горше, еще тошнее:
От того ли да мужа старого
Я осталась одна-одинешенька.
Я осталась, горе-злосчастлива,
Уж не в явстве да не в достатке
Я со малыми да со детьми,
Со малыми да многостадными!
Уж я не знаю, да как мне-ка жить,
Я не знаю, да как мне быть,
Видно, надо да спроводить:
Мертвый живому да не товарищ!
Спроводила да схоронила,
В мать землю да уложила,
Я желтым песком призарыла,
Пусть потянут да ветры буйны,
Призавеют да пусть могилу,
Пусть прогрянут да громы громки,
Пусть вернут ли да дожди мокрые,
Пусть примочит его могилушку,
Прорастет ли да зеленой травой,
Расцветут пусть цветы лазоревы
На сырой ли его могиле,
На приметном да его месте.
Я тогда-то, горе-злосчастливая,
Пришла, горюшко, да я домой
Я не к топленой, бедна, печке,
Ко потухлому да, бедна, уголью,

Я ко малым-то своим деточкам.
Собрала их да захватила
Во свое ли да гнездо вито,
Куковать стала, горевать:
«Как я буду да с вами жити,
Как я буду да горе мыкать,
Как я буду да вас уж растить?!»

ПЛАЧ О ЛЕНИНЕ

Уж пойти-ка мне, горящице,
Уж ко столу да ко дубовому,
Уж поприсести мне да потихошеньку.
Уж как не знаю только, беднушка,
Сесть мне к резвым ли ноженькам
Али к буйной ко головушке?
Уж лучше сяду только, беднушка,
Против сердечушка ретивого;
Уж погляжу на тело мертвое,
Уж тело мертвое, личко блеклое;
Да как спрошу, бедна горящица,
Дорогого вождя Ленина:
«Уж как что с Вами случилось,
Что за боль да приключилась?
Уж ты ведь трудничек-рабочник,
Уж всему миру был пособничек,
Уж малых детушек повыучил,
Уж как сирот наших повыростил,
Уж моих маленьких да детушек,
Уж как сирот да малолетушек
Уж во школушках повыучил,
Уж ты ведь хлебушком повыкормил!
Да ты вставай-ко нонь, пожалуйста,
Владимир Ильич Ленин наш,
Уж на резвые на ноженьки,
Уж ты на белые сапоженьки!
Уж бери в рученьки маханьице,
Уж как во белу грудь здыханьице,
Уж во уста да говореньице,
Уж во ясны очи гляденьице!

Уж мы возьмем да за белы руки,
Уж поведем да в зелены сады
Тебя к сиротам малым детушкам,
Ко вдовам престарелым,
Уж как твоей да любимой жены!
Уж вся советска власть обрадуется,
Уж по Россиюшке радость пойдет!
Уж каб знала это, ведала,
Уж во Москву-то я ведь сбегала,
Дак прогнала бы смерётушку,
Уж отогнала бы злодейную!
Уж как взяла ты, смеретушка,
Уж человечушка ты нужного,
Уж человечушка великого,
Уж ты трудничка-работничка,
По России ты хлопотничка!
Уж у него столь было работушки,
Уж на сердечушке заботушки!
Уж как злодейная смеретушка
Она в лесу не заблудилася,
Она в воде не заронила,
Уж у ворот не колотилася,
Уж всё в избушечку явилася.
Дак уж нынечку-топеречку
Уж ты, вдова многострадальная,
Как его да хорошая жена,
Уж ты построй, моя голубушка,
Уж своему мужу законному
Уж ты высоко нову горенку,
Уж сделай стенушки хрустальные,
Уж потолки сделай зеркальные,
Уж обей кирпичну белу петушку
Уж со муравчатым ошёсточком,
Уж ты наливчаты окошечки,
Уж как двери ты дубовые,
Уж как ступенечки кленовые,
Уж как замочки черкасские,
Чтоб замочки не ржавели,
Уж ключи-то не терялися!
Как придет веснушка красивая,
Пройдет времечко тоскливое,
Уж порастают ведь снежочки,

А унесет с реки ледочки;
Дак уж сделай ты, голубушка,
Сделай легкие весёлышка,
Уж мы сошьем да быстру лодочку
Уж с голубыма весёлкамы;
Уж от твоего ноне терема,
Уж со твоих да со ясных очей,
Уж от твоих да горячих слез,
Уж от сирот да молод-бедных,
А мы от вдов да от несчастных
Уж мы пропустим речку быструю
И поедем этой реченькой
Как к его да телу мертвому!
Уж на середке этой лодочки
Сидеть будет его вдова,
А по краям да этой лодочки
Будут маленьки сироточки.
Уж как на этой да на лодочке
Будут вдовы престарелые.
Дак мы поедем-ка, несчастные,
Уж мы к товарищу ведь к Ленину,
Уж к твоему мужу законному,
А уж мы да к благодетелю,
А уж как сиротам родителю!
Эти царские фамилии
Были чистые вредители,
Навредили нам ведь бедным,
Всему миру да всем людюшкам!
Были злые ведь исправники,
Все грубые ведь начальники,
Как его да ненавидели,
У него здоровье схитили!
И скрывался от злых людюшек
По лесам да он по темным,
По подпольцам глубокиим
Как от злых он от начальников;
Но как злые да бессовестны
Загубили жизнь молодую,
Застудили груди белые
Володимиру Ильичу Ленину!
Как при царском правительстве
Было денег недостаточки,

У нас в хлебе недохваточки,
А у советской у Россиюшки
Уж у нас хлебушка ведь досыта,
Уж у нас денежек ведь дѳпьяна,
Уж наши детушки повыучены.
Вы, вожди-руководители,
Всей страны вы избавители,
Нас ведь, женщин, вы поправили,
Равноправие наладили,
От трудов больших избавили,
Хѳрошѳ память оставили!
И мы очень благодарствуем
Володимиру Ильичу Ленину
За сердечко его доброе,
За его приветы ласковы!
Нам и жаль его тошнешенько,
На сердечке тяжелешенько!

ПЛАЧ ПО МУЖУ

Уж не доли-тко меня, беднушку,
Уж как злодийная обидушка,
Уж окаянная кручинушка,
Уж не теките, горючи слезы,
Уж со моих да со ясных очей!
Уж по сегодняшнему дѳнечку
Уж закатилось красно солнышко.
Уж как по утрышку по раннему
Уж очи ясны помутилися,
А резвы ноженьки сломилися:
Уж пришла весточка нерадостна,
Уж пришла вѳсть да невеселая
Со путистой со дороженьки,
Уж как от мужа от законного,
Уж как со Онегушка широкого!
Уж захватила болѳсть сильная
Уж на ретивое сердечушко,
Болѳсть на сердечушко садилася,
Дак тут смеретушка явилася,
Уж во его сердце вселилася!

Дак он пытал да смерть отказывать,
Уж он пытал да уговаривать:
«Уж как, злодейная смеретушка,
Уж дай мне время ненадолечко,
Так уж мне-ка съездить да, смеретушка,
На родимую сторонущу
Уж к роженным малым детушкам,
Уж мне с молодой женой проститися,
А малым детушкам сказатися,
А мне с дорожки показатися!»
Так ведь злодийная смеретушка,
Она его да не послушала,
Уж ему да не сказалася,
А за сердечушко ималася;
Да как уж сняла да смеретушка
Да его здох да со белых грудей,
Уж его свет да со ясных очей
Уж насередь Онегушка шумячего,
Уж как на белоем снежочике,
Ой да на яровом ледочике!
Уж как не видим тут мы милого,
Уж моего мужа любимого,
Уж как сиротны малы детушки,
Уж я несчастна молода жена!
Уж только видели несчастного
Уж только птицы тут летучие,
Ой только звездочки сыпучие!
Дак привезли мужа законного
Ой на лошадке его мертвого
Ведь не во вито его гнездышко,
Ой не домой да во новой терем;
А привезли мужа законного
Ой во больницы во казенные,
Ой во больницы во приемные —
Ему разрезать тело мертвое,
Уж тело мертво, груди белые,
Уж поглядеть да во его телах,
А что за боль да во его грудях!
Уж доступалась я да, беднушка,
Моего мужа законного, —
Дак я с милицией ведь спозналася,
Дак я с има ведь поругалася,

Что отпустите-ка, пожалуйста,
Моего мужа законного
Вы во витое во гнездышко
Уж к сиротам да ведь несчастным,
А ко мне домой, ко вдовушке!
Дак положила мужа законного
Уж я в домички на столички,
Дак уж я села тут, беднушка,
Уж я на ступенечки дубовые
Уж я тут к мужу ко законному;
Дак со моих-то со ясных очей
Протекала речка быстрая!
Дак у его стала выпрашивать:
«Дак уж как мне жить нонь, беднушке,
Уж с твоима маленькими детушками,
Уж как я буду их выкармливать?
Уж у меня голые да босые,
Уж нету хлебушек выкармливать,
Уж у меня нету золотой казны
Уж одевать сирот несчастных,
Уж как мне рендушки уплачивать?»
Дак мне во снях да показалось, —
Уж как ночью мало спалось, —
Что говорил да мне законной муж:
«Не плачь, жена моя несчастная,
Уж как моя головка бесталанная,
А ныне ведь времечко счастливое,
Уж будет время таланливое,
Уж теперь времечко советское!
Уж ты ведь сходишь, моя милая,
Уж обратят да ведь вниманьице!»
Дак я от радости да проснулась,
Да от большой да пробудилась,
Уж я сказала малым детушкам,
Уж своему сыну бажёному:
Уж ты, дитя мое бажёное,
Сходи во лавочку торговую,
Купи лист бумаженьки гербовой,
А пиши-ко заявленьице
Уж ты в Москву да в управленьице
Уж дорогому вождю Ленину.
Уж попрошу я, беднушка:

Уж как советские правители,
А всему свету избавители,
Уж вы призрите-тко, пожалуйста,
Уж как моих сирот несчастных
Уж как во школы да казенные,
Уж в города да вы во новые;
Да обратись, товариш Ленин-то,
Уж на моих детей несчастных,
Уж дай хоро́шо воспитаннице,
Дай казенно содержаннице;
Моих детушек повыучи,
В советску жизнь да их повыведи!

ПЛАЧ ПО СЫНУ, УЖАЛЕННОМУ ЗМЕЕЙ

Охти мне да тошнёшенько
Да по сегодняшнему дёнечку,
Уж как сяду я, многобеднушка,
К своему сыну любимому,
К соколику златокрылому,
Ко его телу ко мертвому,
Ко личушку ко блеклому!
Как повырою обидушку
Да повыскажу кручинушку!
Уж как мать я многообидная
Да головушка кручинная,
Как у меня, у многообиднушки,
Есть три полюшка кручинушки посеяно,
Есть три полюшка обидушки насажено!
Сама знаю я, многобеднушка,
Как мне этой кручинушки не выжати,
Худой жирушки не про́жити,
И вас, мои рожоны малы детушки,
не вырастить!
Как растила я, беднушка,
Как вас, рожоны детушки,
Безо всякой я защитушки;
Уж как не было мне, беднушке,
Неоткуда мне помогушки.
А как нынечко-теперечко,

По сегодняшнему дёнечку
У нас всё переродилось,
Стара власть переменялась.
Как у советского правительства
По вдовам стала заботушка,
По сиротам стала защитушка!
Как думала я, беднушка,
Что тебя, рожоно дитятко,
Грамотке повыучат,
В добры людюшки выпустят,
Так, может, буду я, беднушка,
Из-за тебя да я счастливая
Да головка таланливая!
Уж вдруг пришла тут смерть холодная,
Со темна леса голодная,
Она взяла да приубрала
Мою крепкую надеюшку!
Как повырвала у беднушки,
Будто свет да со ясных очей,
Будто крест да со белых грудей.
Сама знаю я, многобеднушка,
Не пришла бы к тебе, рожоно дитятко,
Не пришла бы смерть холодная,
А оклежала тебя, беднушку,
Змея лютая, да кровопивка кровожадная,
Оборвала твои годушки молодые!
Хоть осталась я, беднушка,
Без тебя, родного дитятка,
Теперь времечко не старое:
Ведь я стала разживатися,
Моя спинка разгибатися!

ПЛАЧ ОБ ОДИНОКОЙ ДОЛЕ

Как я ростила, горящица,
Я рожоных своих детушек,
Ночью спать я не ложилась,
А днем на место не садилась,
Вила вито это гнездышко,
Да строила хоромное строеньеце.

Я тоё думу удумала:
Как под этим витым гнездышком
Да под хоромным строеньицем,
Да под косивчатым окошечком
Разведу сады зеленые;
Будут яблони кудрявые,
Будут пташечки веселые,
Будут петь да эти ташицы,
Да будут гуркать соловеюшки!
Так мои рожины детушки,
Дочери бажёные
Распевать да будут песенки
Во саду да во зеленоем!
Видно, такая мне судьба пришла,
Тако да пришло времечко:
У мяя яблони сломилися,
А в саду ташки разлеталися.
У мяя, у матери кукушицы,
Как поразошлися да поразъехалися
Дочери бажёные
Да по разным губернкам,
Не в свои да дерёвенки!
У мяя есть да приосталося
Как одно только бажёное,
Мое дитятко рожиное
На одно на нагляженьице,
Да не в моем распоряженьице!

ПЛАЧ О ЖИЗНИ В ОККУПАЦИИ

Как наехали фашисты окаянные,
Нас повыгнали с хоромного строеньица,
Разлучили со сердечным малым детушкам
И нарушили хоромное строеньице.
Поотправили горюх да горегорьких
Во леса во эти во дремучие,
Во мхи да во топучие.
Как привидели мы голоду и холоду,
Были согнаны в хоромное строеньице
Спорядовые да три наши соседушки.

Не натоплена кирпична бела печенька,
Не закрывается хоромное строеньеце,
А снежок летит в косивчаты окошечка,
Лютый ветер дует с запада и с севера.
Принуждали нас работать окаянные
Непосильную тяжелую работушку,
Издевались над нами горегорькими!
Как придем домой, все три соседушки,
Малы детушки у дому нас встречают,
Желты ротушка они да открывают —
Хлеба нет у нас, у бедных у горющиц!
Уж как вздумаем, горюхи горегорькие!
Пораспущены да были мои детушки,
Были согнаны да наши белы лебеди
Как во эти лагеря да во фашистские;
Уж их мучили злодеи окаянные,
Не по силе была трудная работушка,
И сидели за колючей проволокою!
Как я справлюся, горюха горегорькая,
Посмотреть да на свое я на строеньеце,
 Попрошу я у злодеев этих пропуска
И пойду я на родимую сторонушку.
Приужахнулось ретливое сердечушко,
Как подошла я ко хоромному строеньицу:
Приразбиты все хрустальные стеклышка,
Как приразломана стоит да бела печенька.
Как я выйду во широкое во полюшко,
Я как сяду там, горюха горегорькая,
Уж я вспомню своего сына любимого!
Как не стало у меня сердечна дитятка,
Приоставлен он во щельях во дремучих,
Как во этих во болотах во топучих,
Даже птиченька туда не залетает,
И лютый зверь туда не забегает!
Как направились я в осенню темну ноченьку
Как во эти-то во щелья во высокие,
Спожалели меня спорядовые соседушки,
Они вывезли горюху горегорькую
Из-за этого глубокого озёрышка!
Теперь уехала оттуль я, горегорькая,
На свою да на родимую сторонушку.
Уж как пришла я на хоромное строеньеце,

Как поправила хоромное строеньеице,
Но не радуется мое ретливое сердечушко,
Как уж нету у меня сыночка милого!

**ПЛАЧ ПО СЫНУ, ПОГИБШЕМУ НА ФРОНТЕ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Уж как сегодня ночью темною
Что-то беднушке не спалось,
Уж мне худые сны казались!
Я вставала утрышком ранёшенько,
Уж как садилась я, горюшица,
Ко косивчату окошечку,
Уж поглядела в ту сторонушку,
Куда отправлено-снаряжено
Мое рожно мило дитятко.
В эту пору в это времечко
Прилетела птичка вещая,
Она села на околенку
И запела жалким голосом;
А у меня-то ведь, у матери,
Как у матери несчастной,
Уж сердечушко занояло,
Уж я сразу тут завояла!
Говорю я птичке-пташечке:
«С чем прилетела, птичка вещая?
С доброй вестью иль не с доброю?»
Птичка крылышки расправила,
По стеклу клювом ударила
И пропела жалким голосом.
Уж я сразу догадалась,
Что недобрó с сыном случилось:
Как на полюшке на бранном
Со врагом ведь он сражается!
Неужели пуля вражеска
Прострелила груди белые
Моему-то ведь бажёному,
Соколинчику рожнему?
Уж гляжу я, мать несчастная:
Красна зорька поднимается,

Свет в окошечко пихается,
А за зорькой туча темная,
Туча темная с пригромами
На мою хату надвинулась —
Туча громом разразилась!
В эту пору в это времечко
В хату двери открываются,
Почтальон в избу пихается,
Подает мне извещеньице,
Что моего сына бажёного
Как на полюшке на бранном
Уложила пуля вражеска!
У меня-то ведь, у матери,
А у матери несчастной,
Резвы ноги подломились,
Белы руки опустились
И очи ясны помутились.
Охти мнешеньки тошнешенько,
Больно сердцу тяжелешенько!
Уж как жаль мне ведь бажёного,
Уж мне сынушка рожоного!
Уж не дожждаться больше, беднушке,
Уж ни с полюшка колхозного,
Да и с моря рыболовного,
Ни от праздника с гуляньица
И ни с клуба с танцеваньица!
Уж не прибрать теперь мне, беднушке,
Уж ни голосом, ни возрастом
И ни цветными его платьями!
Как взяла его одежицу,
Прижала я ко сердечушку,
Уж я клубышком каталася,
Два дня червышком свивалася,
С угла на угол металася;
Уж как сердце материнское
Всё на части разрывается!
Я уж сяду да подумаю,
Что мне делать, многобеднушке:
Только было и надеюшки
На рожоного, бажёного
Своего сына родимого!
Уж я тогда лишь успокоюся,

Когда сырой землей зарююся,
Гробовой доской закроюся!
Уж мне жаль того тошнешенько,
Что года мои состарились,
Мои силушки ослабили,
А то я села б на добра коня,
Поскакала бы в Германию,
Уж я к Гитлеру проклятому!
Уж я Гитлеру проклятому,
Я с живого кожу б выдрала,
Изо лба глаза бы вырвала,
Отомстила бы я, беднушка,
Я за сынушка рожегого!
Уж я знаю, верно ведаю,
Что у нас в стране советской
Есть печальщики народные,
Есть ведь Красная-то Армия;
Наши верны корабельщики,
Наши верные кормильщики
Отомстят злодею Гитлеру
За меня, старуху старую,
За рожего мое дитятко!

ПЛАЧ О ПОГИБШЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Мне-ка сесть было, кручинной головушке,
Что ль на этот недвигучий серый камешек,
Прочитать мне скорописчатую грамотку —
Не знакомая ль рука да тут писала,
Не знакомая ль головушка сочиняла?
Эта грамотка написана у сердечного у дитятка!
Он во младости писал да всё для шалости,
Он за шуточки друзьям своим товарищам.
Эта грамотка дождями не смывается,
В зимню пору бурей-снегом не стирается,
Знать, на память мне, кручинной головушке!
А теперь-то я, кручинная головушка,
Получила я ведь весточку нерадостну,
Получила я письмо да похоронное,

Что ль про свѣго про ясного про дитятка,
Я про свѣго про ясного про сокола,
Он склонил свою младую-то головушку
Как на этой-то на битве — поле брани,
Он от этой-то злодейной пули вражьей!
Как бы были у кручинной головушки
Как бы эти легки малы сизы крылышки,
Я от этой от кручинной от досадушки
Полетела бы, кручинная головушка,
Я во эти города да отдаленные,
Облетела бы всю Россию повселенную,
Облетела бы всю Советскую республику,
Я по этому письму да всё по грамотке
Отыскала бы полки да всё военные,
Отыскала бы солдатика знакомого,
Я бы этого соседа спорядового,
Попросила бы, кручинная головушка,
Показать бы мне могилушку умершую,
Где положено сердечно мое дитятко!
Мураву-траву сама бы я повырвала,
Я сыру землю сама бы откопала,
Я сыночка бы с сырой земли достала,
Близко прижала ко белому ко личушку,
Крепко обняла б к ретливому сердечушку,
Ясны очушки его бы приоткрыла,
Горячими слезами тяжелы раны бы обмыла,
И легче было бы ретливому сердечушку,
Поотраднее несчастной утробушке!
Что ль нашлись такие добрые бы людюшки,
Распорили бы мою несчастную утробушку
И посмотрели бы мое ретливое сердечушко —
Там не лютая змея да всё свивается,
Бурным пламенем сердечко разгорается!
Уж как я, кручинная головушка,
Я от малости во радости не жівала,
От рожденьица весельица не видела,
Но не кручинила своей-то я головушки,
Не печалила ретливого сердечушка,
Въявь горячих слез я, бедная, не лила,
Я законной семеюшки не гневилла,
Всё я думала, кручинная головушка,
Как подрощу сердечных своих детушек,

Легче будет жить победным головушкам!
Всю мы силушку свою да положили,
Их возвышенным наукам научили,
А теперь-то нам, победным головушкам,
Нам удар идет да за ударом,
За потерю идет у нас потеря!
Потеряшечку горюша потеряла,
Я большой оброн, несчастна, обронила
Как за эти за учетны долги три года:
Что ль не шелковый ведь пояс со часами,
Я не золоту цепочку с орденами —
Потеряла я сердечных милых детушек,
Потеряла я наживных головушек!
Помешался ум во молодой во головушке,
Помутился свет во ясных во очушках —
Как мы станем жить, победные головушки.
Как доразвивать сердечных своих детушек?
Недорослые в бору да деревиночки,
Недозрелые в саду да ягодиночки.
Раньше до сего, до этой поры-времечка
Приходили скорописчатые писемка,
Утешали меня ласковы словечушки:
«Не горюй-ка ты, родитель наша маменька,
Не тоскуй-ко ты, кручинная головушка,
Ты во старости будешь жить да всё на радости».
Растеряла я сердечных своих детушек,
Во глазах они мне больше не покажутся,
На виду они мне да не появятся,
Укатилось тёпло-красное да солнышко
Что ль за эти-то за горы за высокие.
Укатилось, знать, великое желаньице
Как от этой кручинной головушки!
Знать, несчастная я есть да неталанная,
Знать, в несчастный день — во среду спосеяна,
Не в талантный день — во пятницу спорожена.

СКАЗ ОБ ОСВОБОЖДЕННОМ ЗАОНЕЖЬЕ

Белый светушко на улице рассвётился,
Красно солнышко с-за лесушка повысталло,
Буйны ветрушки теплешенько завяели,

Добры людюшки ранешенько забаяли,
Что от врага теперь да нас посбавили!
Как за эти за учётны за три годушка
Много приняли великого мы горюшка!
Будто пташки были в клетку посажённы,
Будто рыбки во сетку изловлённы,
Мы ни роду-то не знали и ни племени,
Не получали мы ни весточки, ни грамотки
От своих да от законных семеюшек!
А еще скажу, кручинная головушка:
Уж волостей и деревень-то поразрушено,
Хлебородных полей да призапущено
И сенокосных лужков да призарощено!
Нам дожждаться бы своих удалых молодцев,
И поля у нас опять да пораспахнутся,
И лужка опять по-старому расчистятся!
Хоть не все придут удалы добры молодцы,
Но не плачьте-ко, родные бédны матери,
Не тужите, жёнки с малыми ребятами:
Есть надеюшка у нас великая!
Уж вы слушайте, спорядовые соседушки,
Отнесем поклон во матушку Москву да
во широкую
Мы всем бойцам своим удалым
Как за ихнюю великую заботушку,
Что не забыли они нас да не покинули!

СВАДЕБНЫЕ ПРИЧИТАНИЯ

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ НА РУКОВИТЬЕ

Чего век-то я не думала,
Отродесь своих не чаяла,
Что во эту студену зиму
На меня повыпадет невзгодушка!
Не из тучи громы грянули,
Не с небес снега повыпали
На мою на буйну голову,
На мою на красну красоту.
Я не знаю да не ведаю,
Вы на что, мои родители,
Рассердились да разгневались.
Кажется, я, красна девица,
Не жалела могуты-силы
Я ни в летней-то работушке,
Я ни в зимнем обряжаныце!
Я слуга была всем верная,
Была верная я ключница.
Вот уже, мои родители,
Вы посхватитесь, поскаетесь!
Пора-время приобойдется,
Народ-люди все разойдутся,
Со двора гости разъедутся,
С терема гости разойдутся;
Как пройдет зима студеная,
Как настанет весна красная,
Как поспеют все работушки,
Все отхожие, тяжелые;
Как пойдут да люди добрые

На отхожую работушку
Со семьями, со артелями,
Со коза́ками, с козачихами,
С дочерями — белыми лебедями.
Уж как мой кормилец батюшко
И кручинная моя матушка —
Пойдут одни-то одинешеньки
На отхожую работушку!
Государыня моя матушка,
Ты повыйди на крылечушко,
Как пойдут милы подруженьки,
Запоют-то звонки песенки, —
Ты послушай, кручинна матушка,
Моего-то зычна голоса,
Как по-старому, по-прежнему!
Ты вспомни да повспомяни
На чужой меня сторонушке, —
Мне йкнется легошенько,
Мне вздохнется тяжелешенько.
Хоть говорить-то мне будет некогда,
Так сама себе подумаю,
Что вспоминает кручинна матушка
На родимой на сторонушке;
Там запели милы подруженьки
Заунывные-то песенки!
По заре-то по вечерней
Не могла моя матушка
Не учуть да не услышати
Моего-то зычна голоса!
Как кручинная-то матушка
Обольется горячим слезам;
Меня вспомнила, молодешеньку,
На чужой на сторонушке!
Ты подумай, тепла пазушка:
А в чужих людях не бываючи,
Чужих людей не выдаючи,
Я жила-то, красна девица,
У вас, мои родители;
Я жила да красовалася,
Мое сердце радовáлося,
Как пчела в меду купалася!
Я не знала, красна девица,

Как ни раннего вставаньца,
Как ни позднего лежаньца,
Ни грубого побужденьца;
Ты побудишь, кручинна матушка,
Истиха-то, полегошеньку:
«Ты вставай-ко, мое дитятко,
Ты вставай-ко, мое милое!
Все дела у нас не деланы,
Все работы не работаны!»
Уж я встану, молодёшенька,
Я со мягкой-то постелюшки,
Со высокого зголовьца.
Погляжу я, красна девица, —
Все дела у ней приделаны,
Все работы приработаны.
Как подумаю, красна девица,
Про чужую-то про сторонушку, —
Сердце кровью приобольется,
Живот камнем перевернется!
А просплю-то, красна девица,
Со девичьей воли вольные
До зари-то, до белóго дня,
До восхода красна солнышка!
Как заходят злы-чужий люди,
Закричат-то по-звериному,
Зашипят-то по-змеиному:
«Ты вставай, вставай, сонливая,
Пробуждайся-тко, дремливая.
Все дела у нас приделаны,
Все работы приработаны!»
Как я встану, молодешенька,
Я со мягкой со постелюшки,
Со высокого зголовьца;
Приумою лицо белое
Не водой да не ключёвою,
А своими-то да горячим слезам
Я утру-то лицо белое.
Погляжу я, молодешенька,
У себя-то в честном дому,
У кормильца-то у батюшки,
У родители у матушки:
Не волна ли то взволновалася,

Чужи люди взбунтовалися.
Какой шумит сват, злодей большой,
Со кормильцем-то со батюшкой,
Со кручинною со матушкою;
У них сватовство заводилося,
Рукобитьице сочинилося.
Не спеши, кормилец батюшко,
Засвечать-то воскову свечу,
Подавать-то руку правую
За столы-то за дубовые,
За скатерти-то браные,
За яства-то сахарные,
За питья-то медвяные.
Погляжу я, молодешенька,
За столы да за дубовые,
Во батюшкову сторонушку:
Всие-то да родни нетути
Пропивать-то буйну голову,
Запоручивать красну красоту.
Мене дай, да красной девице,
Да повыдти, да повыступити
На широкую на улицу,
Опустить да свой зычен голос
Что на все четыре стороны.
Надо мне собрать вся родня своя,
Вся природа-то сердечная
На ручное рукобитьице!
Бог судья вам, столы дубовые,
Да и вам, скатерти браные!
Не могли, столы, отодвинуться,
Браны скатерти завернутися!
Бог судья вам, хлебы ситные,
Не могли вы откатитися!
Бог судья, свеча восковая,
Не могла ты закратитися!

ПЛАЧ НА ДЕВИШНИКЕ

Не в саду я загулялася,
Не на вишни засмотрелася,

Засмотрелася я, девица,
Загляделася я, красная,
Что на вас, мои подруженьки,
Что на вас, мои голубушки!
Вы сидите все веселые
На своих местах на радостных,
Вы срядились сряднехонько,
Платье цветно на вас новое,
И головушки причесаны,
В косах ленточки вплетеные!
А вот я-то, красна девица,
Сижу в месте во печальном;
У меня платье измятое,
У меня буйна головушка
Порастрепана, нечесана,
В косу лента не вплетеная,
С красотою на стол положена;
Вы сидите распеваете,
А я плачу, горегорькая!
Ты прости-ко, краса девичья!
Я навек с тобой расстануся,
Молодехонька, наплачуся!
Опущу я тебя, красота,
Опущу тебя со ленточкам,
Во поля, в луга широкие,
Во леса, в боры дремучие,
На быстрые реки текущие.
Погляжу я, красна девица,
Погляжу на свою красоту,
Вкруг чего она обвилася:
Вкруг осинушки ли горькия,
Вкруг берёзоньки ли белыя
Аль вкруг яблоньки кудрявыя?
Если ты обвилась, красота,
Вкруг осинушки горькия,
Мне житье-то будет горькое,
Мне замужье, красной девице,
Нехорошее, печальное.
Если ты обвилась, красота,
Вкруг берёзоньки-то белыя, —
Мне житье-то будет ровное,
Житье будет долговечное.

Если ты обвилась, краса́та,
Вокруг яблоньки кудрявая,
Мне житье будет хорошее,
Развеселое, богатое!
Я возьму ли тебя, краса́та,
Во луга наши зеленые,
Положу я тебя, краса́та,
На шелковую на травушку,
На высокую, зеленую;
Как придут-то люди добрые
В лето теплое и красное
Во луга с косами острыми,
Что найдут-то тебя, краса́та,
И возьмут на руки белые,
Вот как скажут: чья-то краса́та,
Не на местечке положена,
Хоть и бережно поношена.
Тут не место тебе, краса́та,
Тут не место красоватися!
Я отдам же тебя, краса́та,
Что голубушке милой сестре,
Поклонюся ей низехонько:
«Ты возьми-возьми, мила сестра,
Покрасуйся в моей краса́те!»
Ты прости-ко, моя краса́та,
Я в тебе покрасовалась,
Берегла тебя, лелеяла,
И от солнышка от красного,
И от вихря-ветру буйного,
И от дождичка от частого!
Ты дороже мне казалась
Золотой казны рассыпчатой,
Светлей ясного ты месяца,
Ярче солнышка ты красного!»

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ

Вы ставайте-тко, сонливые,
И пробуждайтесь, дремливые,
По дворам да пеуны поют,

По избам да печки топят,
По горницам девки моются!
Вы, мои миленькие подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Как ночесь да в тёмну ноченьку
Вам спалось ли, дремалось
И во снах ли что приснилось?
Как мене, да красной девице,
Мене ночесь да в тёмну ноченьку
Мало спалось и дремалось,
А во снах много приснилось!
Мене приснилось, молодёшеньке,
Будто у окна поколотилось,
У ворот да в кольцо брякнуло,
У дверей да попросилось.
Я ставала, молодешенька,
Со кроваточки тесовые,
Со перинушки пуховые
И со кручинного изголовья;
Я отворяла двери на пята
И дубовую доску на стену,
Я запускала волю вольную.
Она середь поля остановилась,
Господу богу помолилась,
Понизку мене поклонилась:
«Здравствуй, милая подруженька,
Моя сестрица ты, голубушка!
Мене попеняли да посудачили:
Тебе бог судья, мила подруженька,
Ты как поспешила-поторопилась,
Меня отказала, волю вольную,
От себя да молодешеньки!»
Моя пошла да воля вольная
От меня, да молодешеньки. —
Она со мной да не простилась
И назад не воротилась.
Уж я вышла, красна девица,
На широкую-то улицу,
Я поглядела, красна девица,
Вслед за волюшкой-то вольною,
Куда пошла да воля вольная,
Моя девичья дрока дпрочная

Во далёчи во темны леса!
Моя села воля вольная
Она на елку на кужлявую.
Я подходила, молодешенька,
К своей волюшке-то вольною,
Хотела взять ее, волю вольную, —
Как нельзя, никак не можно:
Ведь зелёна елка подкарзяна!
Я пошла прочь, слезно заплакала.
Как и еще да сон привидела:
Я выходила, красна девица,
На круто красна крылечушко.
Из-под висока нова терема,
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроваточки тесовые,
Из-под перинушки пуховые,
Из-под кручинного изголовья
Протекала ричка быстрая.
Что по этой быстрой риченьке,
По ней плывёт да легка лодочка;
А во той ли легкой лодочке
Есть сидит да красна девица,
В руках держит красну красоту.
Вы, народ да люди добрые,
Все суседи порядовные
И мои любимые подруженьки;
Вы разгадайте да раздумайте —
Этот сон к чему да сон привиделся?!Хоть вы молчите, мене не скажете,
А я сама да знаю-ведаю,
Что к чему да сон привиделся!
Из-под крута красна крылечушка,
Из-под кроватушки тесовые,
Из-под перинушки пуховые
Протекала быстра риченька —
Это мои слезы горячие.
А как плывет да легка лодочка —
Это гульба-игра веселая;
А как сидит да красна девица —
Это воля моя вольная;
В руках держит красну красоту —
Мою просекную ленту шитую

Со жемчужной-то со поднизью!
Мене еще во снах приснилось,
Как ровно вяво показалось:
Я выходила, красна девица,
На широкую на улицу.
Будто у нас да во чистом поле
Есть крутая гора высокая;
Как на этой на крутой горе
Лежит зверь да со звериною;
А под крутой горой высокою
Лежат змеи со змеями.
И посреди да поля чистого
Стоит столб да новоточеной —
Колется да раскалется,
Он горит да разгорается.
«Мои любимые подруженьки,
Мене скажите, белы лебеди,
Этот к чему да сон привиделся?»
Я сама да догадалась,
Девушка я домекнулася,
Что к чему мне сон привиделся:
На крутой горе высоко лежит
Не зверь да со звериною,
А лихой свекорь со свекровкою;
Под крутой горой высокою
Лежат не змеи со змеями —
То деверья со золовками;
Во широком во чистом поле
Стоит не столб да новоточеной,
Не колется, не раскалется,
Не с огня да разжигается —
Это чужой да добрый молодец,
До поры он да до времечки
Мной, девицей, похваляется.
Во сегодняшний во белой день
У моего корминца батюшка
Быть двору да растворенному
И тыну да раскаченному,
Мене, девице, да увезенною.

**ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ
В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ СВАТОВСТВА**

Благослови-тко, боже господи,
Причитать меня, укладывать,
Погромчее выговаривать!
Ты бежи-тко, мой зычен голос,
Со устов да серым заюшком,
Со язычка горносталюшком
По пути да по дороженьке;
Ты не стой-ко, мой зычен голос,
Ты у рек за переходамы,
У ручьев за перебродамы,
У полей за огородамы,
А ты бежи-тко, мой зычен голос,
Во церковь во соборную;
Там ударь-ко в большой колокол,
Чтобы шел звон по Русиюшке,
Шла бы жалость по знакомым,
Чтобы знали люди, ведали,
Что я девушка просватанная,
Моя воля обневолена,
Нунь головка обзабочена!
Клали волюшку в неволюшку
Да сердечко в попеченьице!
Отвернуться красной девушке
Во почетный во большой угол,
Там на стенку на лицевую,
На икону золоцовую!
Там светло светит топилице,
Там слезно богу молилися!
Я глядела, красна девушка,
Я на стенку на лицевую,
Будто вороны слеталися,
А там два сватá съезжались,
И там родной кормилец батюшка
Пропивает мою волюшку!
Я спрошу, девка-невольница,
У кирпичной белой печеньки:
«Ты, кирпична печка белая,
Говори, не заговаривай,
Расскажи мне, не затаивай:

Среди да ночки тёмной
Кто огню был выдувателем,
Кто лучинки подавателем,
Кто светилу зажигателем?
Сама знаю, девка, ведаю,
У добротушки у матушки
Хорошо печка замазана,
Она крепко приказана:
Не расскажет мне-ка, девушке!
Сама знаю, сама ведаю,
Самой можно догадаться —
Выдувала огни тлящие
Доброта родитель матушка,
Подавал-то лучинушку
Братец-красно мое солнышко.
Как у мила братца родимого
Была этая лучининка
На болоте была ссечена,
За три года была смечена,
По-мелку́ была расколота,
По-часту́ была рассщипана,
На собаке домой вожена,
На трех гряdochках дымлѣнная,
Во трех печеньках сушѣнная,
К этой свадьбке пасѣнная!
Зажигал да воскову свечу
Мой родной кормилец батюшка!
Я пойду, да красна девушка,
На бросову белу лавочку,
Под косивчато окошечко.
Как на бросовой белой лавочке
По сегодняшнему дѣнечку
У сердечных родителей
Надо мной нунь что случилось, —
В доме всё переменялось!
По мне окошко запечалилось,
Все стеколка затуманились:
Не видать да свету белого
Под косивчатым окошечком!
Там была уличка плановая,
Там площадки сторублевые,
Там сады были зеленые.

Были яблони лазуревы,
Распевали птички-ташечки,
Там жупили соловеюшки
У меня, у красной девушки,
Потешали мою волюшку!
А по сегодняшнему денечку
В саду яблони повянули,
В саду вишенки поблекнули,
Захлебнулись птички-ташечки,
Задавились соловеюшки!
Охти мнешенько тошнѣшенько!
Верно мне, да красной девушке,
Мне одной думы не выдумать,
Вопотай речей не высказать!
Подо мной, под красной девушкой,
Нонько вдоль доска не ломится,
Поперек доска не колется.
Надо выстать красной девушке,
Стать на резвые на ноженьки,
На сафьяные сапоженьки!

Обращается к отцу:

Где-то есть у меня, у девушки,
Где родной кормилец батюшка?
В доме нет, так поищите-тко,
Во деревне поищите-тко,
Ко мне, к девушке, пошлите-тко!
Вы, родной кормилец батюшка,
Допустите красну девушку
Не в первых меня, в последних
Со бажёной вольной волюшкой!
Не должна я на ногах стоять,
Должна девушка в ногах лежать,
Должна клубушком кататися,
Должна червушком свиватися,
До желанья добиватися!
Ты родной кормилец батюшка,
Пожалей-ка меня, девушку,
Ты мою бажёну волюшку!
Я ведь дочь твоя бажёная,
Твоя дочь была любимая!
Ты, родной кормилец батюшка,

Я за ваше возвращенье
Отнесу благодаренье!
Ты держал да меня, девушку,
Во прекрасном во девочестве,
Будто крест да на белой груди,
Будто перстень на правой руки!
У кормильца света батюшки
Была словцом не огрублена,
Я работкой не огружена,
На гулянье не задержана,
Что во праздничках годовых,
Воскресеньях христовых!
Были конюшки запряжены
И извозчики налажены!
Вот, родной кормилец батюшка,
Не прошу я, красна девушка,
На судимую сторонушку,
Я ни на поле долиночки,
Я ни в доме половиночки,
Только, родной кормилец батюшка,
Наделите меня, девушку,
На судимую сторонушку
Вы таланом меня участью,
Вы господней божьей милостью!
Как родной кормилец батюшка,
Ты веди обидну свадьбу
Ты честно да свадьбу имянно!

Обращается к матери:

Где-то есть еще у девушки
Где родитель моя матушка,
Тепла права моя пазушка?
Где денна моя заступница,
Где ночная богомольница?
Она ночь богу молилася,
Днем от ветру становилася —
Буйны ветрышки не веяли,
Добры людишки не баяли
Про меня, про красну девушку!
Охти мнешенько тошнешенько,
Мне-ка жаль воли тошнешенько,
Жаль гораздо обиднешенько!

Ты родитель моя матушка,
Наклонись ко мне низешенько,
Подойди ко мне близешенько,
Обними меня крепешенько!
Будет жаль тебе, тошнешенько.
Я ведь дочь твоя родимая!
Что родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
Не сердитесь-ка, не гневайтесь
На меня, на красну девушку,
Не губите мою волюшку!
Ножкой левой проступилася,
Ручкой правой промахнулася,
Девка богу помолилася
Во проклятое замужество:
Я пошла, потом схватилася!
Как родитель моя матушка,
Во прекрасном девочестве
Ты держала меня, девушку,
Будто гостейку во горнице.
Будто тащицу во клеточке!

**НЕВЕСТА РАССКАЗЫВАЕТ «СОН»
УТРОМ В ДЕНЬ СВАДЬБЫ**

Будет спать мне высыпатися,
Надо встать да пробуждатися!
По сегодняшнему дёнечку,
Среди да ночи темной
Подневольна красна девушка
Мало спала, много видела!
Мне ночесь во сне казалось,
Будто я да молодёшенька
В темном лесе одиношенька,
В темном лесе я, во ельничке.
Я со ельничка в березничек,
Я с березничка в осинничек,
Подневольна красна девушка!
В этом горьком осинничку
Стоит маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка.

Долотом двери продолблены,
Там сверлом окна просверлены,
Решетом свету наношено.
Я зашла тут, красна девушка,
В эту маленьку избушечку, —
У порога там на лавочке
Там орел да со орлятамы,
Во печном углу на лавочке
Там волчиха со волчатамы,
Во почетном во большом углу!
Там зима стоит холодная
Со крещенскими морозама,
Леса темны всё вилавые!
Застрашило красну девушку,
Я проснулася, невольница!
Да где-то есть у меня, у беднушки,
Братец-красно мое солнышко!
Ты возьми-ка, братец-солнышко,
Ворона коня неезжена,
Плетку нову неосвистану,
Съездите, пожалуйста,
Вы за Осипом Прекрасным,
За сонным да рассудителем,
Добрый людям рассказителем!
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Вы, сердечные родители,
Вы, подружки мои милые,
Задушевные красны девушки,
Становитесь ко головушке,
Вы кругом да меня около!
Я сама вам сон порбссужу,
В добры людишки порбсскажу:
Эта маленька избушечка,
Небольшая фатерушечка,
Там судимая сторонушка, —
Она темная, угрюмая!
У порога там на лавочке
Не орел там со орлятама,
А свекор со деверьяма;
А во печном углу на лавочке
Не волчица со волчатама,
А там свекрова со золовкама;

А во почётном во большом углу
Не зима стоит холодная,
А там млад отецкий сын!
Там не лесушки вилавые,
А живут людишки лукавые
На судимой на сторонушке!

**ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ
ПРИ ВСТРЕЧЕ ЖЕНИХА
В ДЕНЬ СВАДЬБЫ**

Наставала тучка темная,
Туча тёмна страховитая,
Со громом-то, частой молнией,
Со великой божьей милостью!
По морям тучка катилася —
Там вода с песком смутилася,
Рыба ко́ дну обрядилася;
По лесам туча катилася —
Леса с корнюшка ломилися!
Раскатилась туча темная
На две, на три половиночки,
На четыре на градиночки.
Первая пала градиночка
Что ль на батюшков высок терем,
Что другая градиночка
На матушкину горницу,
Третья градиночка
На братьев колесист сарай,
А четвертая градиночка
На меня, на красну девушку,
На мою буйну головушку,
На мою бажёну волюшку!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Вы, злодеи сваты большие,
Вы послушайте, пожалуйста:
Ведь у меня, у красной девушки,
У сердечных родителей,
У милых братьёв родимых
Была уличка плановая,

Там дороженька почтовая,
У нас площадка сторублевая,
Там сады были зеленые;
Уж вы, чуж да млад отецкий сын,
Прогонили вы, проехали
Со хоронным своим поездом,
Со молодыма со вершникам,
Вы побили путь-дороженьку,
Вы посмяли шелкову траву,
Доломали в саду яблони,
Пощипали в саду яблоки!
Дак вы, злодеи сваты большие,
Вы за девушку имаетесь,
Да, знать, с кошельком спознаетесь,
С золотой казной считаетесь!

Жених подносит деньги:

Чуж да млад отецкий сын,
Я ведь девушка не бедная,
Не беру я денег медных!
Я ведь девушка середняя,
Мне наб денежек серебряных!
Я девушка разважная,
Надо денежки бумажные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Не ходи-тко, не нахалуйся
Вы во батюшков высок терем!
Ты деньгами не откупишься,
Ты словама не откажешься!
Ведь у меня, у красной девушки,
У кормильца света батюшки
Много злата, много серебра —
Богачища непомерные!
На родимой на сторонушке
Мне-ка с меди не мосты мостить,
С серебра мне не плоты плотить,
Мне бумажкамы не кровли крыть!
У кормильца света батюшка,
У нас медь роют лопатама,
Серебро роют маленкама,
Кровли кутают бумажкама!

Жених заходит в коридор

Подождите, не нахалуйте,
Вы злодеи сваты большие,
Чуж да млад отецкий сын,
Без доклада в новы́ сені,
Без допросу в нашу горницу!
У мня у батюшка не спрошено,
У мня матушке не сказано
Запустить гостей любимых
Во любимое гостебище!

*Гости и жених сидят за столом.
Невеста подходит к жениху и причитывает:*

Порастроньтесь, люди добрые,
Порастроньтесь, православные,
Дайте местечка немножечко,
На одну дайте мостиненку,
На едину перекладинку!
Мне пройти бы, всей невольнице,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молодому.
Бью челом да низко кланяюсь
Всему кругу молодецкому,
Поезду да княженецкому,
Младому сыну отецкому,
Я первой брюзги в особину!
Ты, брюзга да княженецкая,
Брюзга навлась, накупалася,
Брюзга богом увещалася,
Брюзга врать не собиралася.
Ах ты, брюзга да княженецкая,
Протопопша ты вытегорская,
Ты, купчиха новгородская,
Госпожа брюзга-боярыня,
Настояша брюзга-барыня!
Ах ты, брюзга да княженецкая,
У вас буду я выпрашивать,
Вы должны мне всё рассказывать
Про млада сына отецкого!
Говори, не заговаривай,
Расскажи всё, не затаивай,

Он охоч ли ходить, ухаживать,
Ночки темные проваживать?
Над держать да будет девушке
Ножки резвы на дороженьке,
Ручки белы на заложечке,
Свое личко во окошечке,
Дождать да мужа пьяного?!

Обращается к жениху:

Я клоню буйну головушку
Младому сыну отецкому.
Становитесь-ка, пожалуйста,
Стань на резвые на ноженьки,
На козловы стань сапоженьки!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Ты сидишь да как свеча горишь,
Говоришь — да как рублем даришь!
У тебя, да млад отецкий сын,
Белота взята с белá снежку,
Красота взята от солнышка!
У вас брови чёрна соболя,
У вас очи ясна сокола!
Говори-тко, млад отецкий сын,
Ты где меня повысмотрел,
Уж ты где меня повыглядел?
Ты во праздничке гуляючи,
Аль на горушке катаючи,
Аль на работке работáючи?
Погоди-тко, млад отецкий сын,
Тебе женитьба неудачлива:
Молода жена невзрачлива,
Белоручка и не коровница,
Тонконожка, не работница!
Отъезжайте-тко, пожалуйста,
От стола да от дубового,
Со хоромного строеньца!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Я на горочке каталася,
Мое личко принавеело.
В ту пор я была хорошая,
А на трудной на работушке
Пред тобой я выславлялася,

На часу́ сила сдержалася,
На другом краска стерялася!

*Отворачивается от стола.
Начинается передача «воли»:*

Ну вот сяду, красна девушка,
Я на лавочку брусовую.
Подходите-тко, пожалуйста,
Вы кругом да меня около,
Все родные сродцы-сроднички,
Все милы́ братья родимые,
Все мои сестрицы милые,
Задушевные красны девушки
Да восприемна крёстна матушка!
Поспевала, крёстна матушка,
Ко купели, ко святой воды,
Так успевай-ка, крёстна матушка,
Ко разлуке дорогой воли!
Вы, родитель моя матушка,
Ты, великое желаньице,
Принеси, родитель матушка,
Мне трубу да стоаршинную,
Мне другу да миткалинную,
А вы, мои подружки милые,
Задушевные красны девушки,
Слушайте, голубушки,
Вы на ту нашейте завесу,
На двенадцати на тресточках:
На одной нашейте тресточке
Вы царя да благоверного,
На второй, моей головушке,
Вы царицу милосердную,
На третьей шейте тресточке
Вы царевых малых детушек.
Как еще шейте, голубушки,
Шейте полк да со солдатама,
Петроград да со бурлакама,
Вы Москву да со боярама;
Как еще, мои голубушки,
Вы себя, подружки милые,
Вы меня, да красну девушку,
Вы мою бажёну волюшку!

И вот поставьте-тко, голубушки,
Ко столу да ко дубовому,
Ко князю да ко молодому.
Тут бурлакушки распляшутся,
Тут солдаты расстреляются,
Утка сера разгогочется.
В ты пор царь да смилосердится,
Царица сожалеётся,
Малы детушки расплачутся,
А вы, мои подружки милые,
Вы запойте жалки песенки.
Может, чуж да млад отецкий сын
Оглядится, остолопится,
От стола да поворотится, —
Я во девушках остануся,
Я во красных приагляюся!
Где-ко есть у мя, у девушки,
Братец-красно мое солнышко,
Братец-тоненька тониночка,
Золота, братец, вербиночка,
Братец — сердца половиночка!
Так сохраните у мя, девушки,
Вы мою бажёну волюшку!
Охти мнёненько тошнёненько!
Всё прошло, всё миновалося,
Назади всё приосталося,
Прошло воли волеваньице,
Красной девушке гуляньице.
Не отдам бажёной волюшки!
Тут моя бажёна волюшка
Крылья, перышка расправила,
Во головушку ударила,
Улетела во чистó поле,
Села на горькую осиненку,
На несчастну деревиненку,
Проклинат да меня, девушку:
«Будя про́клят, красна девушка,
Ты умела волю вырастить,
А не сумела волю выпустить,
Ты умела красоватися,
Не сумеешь расставатися!»

Подходит к столу:

Порасстроньтесь, люди добрые,
Порасстроньтесь, православные,
Пропустите красну девушку
Со бажёной дорогой волёй
Ко столу да ко дубовому!
Я не знаю, красна девушка,
Куда класть бажёну волюшку?
Я кладу, девка-невольница,
Да на местну богородицу,
Котора богородица
Сохраняла меня, девушку,
В летню пору от прохожего,
В зимню пору от проезжего!
Так сохрани-тко, богородица,
По сегодняшнему дёнечку
Ты мою бажёну волюшку
От млада сына отецкого!
Я кладу бажёну волюшку
На косивчато окошечко,
Пусть-ка воля наволюется,
Дорогая накрусуется!
В уголок кладу перчаточкой,
В стену я кладу булавочкой.
Так ты, родитель моя матушка,
Станешь мыть, так не спашните-тко.
Вы водой не сполощите-тко,
Вы во грязь да не свалите-тко
Вы бажёну мою волюшку!
Я неладно, девка, вздумала,
Я не место воле прибрала.
Ведь пройди зимушка холодная,
Будет вёснушка разливная,
Тут полётят гуси-лебеди,
Да улётит моя волюшка
На круглистое озёрушко,
На тихое на затишье,
На зелено слетит захрестье!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын!
Он начнет ходить-похаживать,
Серых утишек поймавать,

Поимат да утку серую,
А тут моя бажёна волюшка!
Я кладу бажёну волюшку
Осередь стола дубового,
Я на скатерти шелковые,
Я на едушки сахарные,
Я на вина кладу пьяные.
Наедайся, воля, досыта,
Напивайся, воля, допьяна,
Покуль свой дом, так своя воля,
У своих пока родителей!

Жених берет «волю»:

Отвернуться красной девушке
От стола да от дубового,
От князя да от молодого!
Подойдите-тко, пожалуйста,
Все сердечные родители,
Вы милы братья родимые,
Еще крёсна моя матушка!
Это что в доме заведено,
Это что у вас запущено?
Во почетном во большом углу
Это чистые разбойнички,
Настоящи поддорожнички.
Грабежом девку ограбили,
Как силом да волю отняли!

Обращается к жениху:

Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Ты за волю поймаешься,
Никогда не рассчитаешься!
Ты родной кормилец батюшка,
Ты охоч ходить, разъезживать,
В торги-ярманки поезживать,
Так принеси, кормилец батюшка,
Тут веревочек недержанных!
За мою бажёну волюшку
Завяжите-тко, пожалуйста,

Младого сына́ отецко́го,
Поезжанов княженецких!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Дай мою бажёну волюшку!
Закажу я, красна девушка,
Я во по́греба глубокие,
Во подпольица во темные,
Во подвалы во холодные!
Уж ты, чуж да млад отецкий сын,
Ты отдай бажёну волюшку!
Буде будем богом сужены
И попом будем овенчаны,
Божьей церковью обзаконены,
Взвеличать да стану, девушка,
Твоего кормильца батюшка,
Почитать я буду, девушка,
Я твою родитель матушку
И всех твоих сестриц-голубушек!
Ведь сама знаю, сама ведаю,
Что замужество не шуточка,
Не ребячья поигрушечка,
Ты отдай бажёну волюшку!
В ту пор буду, красна девушка,
Я головушкой поклонная,
Я сердечушком покорная,
Как тебя, да млад отецкий сын,
Буду звать тебя по имечки,
Взвеличать да по изотченки!

*Невеста называет жениха по имени, жених отдает «волю»,
она идет от стола и причитывает:*

Ты лукав, а я лукавее!
Обманула, облукавила!
Боле век вам в доме не́ бывать,
Вам меня вам глазом не́ видать,
Я не стану звать по имечки,
Взвеличать да по изотченки,
Не пойду да не подумаю,
Во проклятое замужество!

ПРИЧЁТ ПРИ РАССТАВАНИИ С ПОДРУЖКОЙ

Уж мы жили, две красны девушки,
С малых лет мы вместе повыросли,
У нас две ли да было буйных головы, —
Одно только ретивó сердце!
Мы одну ли да думу думали,
Мы одни ли да речи молвили,
У нас тайны были разговоры,
Непроносны да словеса.
Что мы думали, то и делали,
Никому мы не изведывали,
Всё ходили да мы гуляли,
Вместях двое да с тобой нáдвое,
Друг без дружки да никуда,
По играм мы да по веселым,
По беседам по хорошим,
По лугам ли да по зеленым,
Мы по горочкам по ледяночкам.
Нонь пришла ли да пора-времечко
Расставаться да расступаться!
Как мы станем да распрощаться,
Красны девушки расставаться?
Расставанье тяжело,
Нам в разлушке нелегко,
Головам нашим тяжело,
Ретиву сердцу не легко,
Всё останется от нас, от девушек,
Вся гульба ли наша, веселенье,
Тайны-тайности, непроносны словеса.
Заповедали мы, красны девушки,
Чтоб никому было не известно,
Только знали бы, только ведали,
Только мы ли, две красны девушки!
С этой тайностью мы порем,
В мать землю да так пойдем!
Еще вспомни-ка, красна девушка,
Ты, подружка задушевная:
Надойдет ли пора-времечко,
Накатится да весна тепла,
Протекут ли да ручьи с гор земли,
Как пробрызжут ли реки быстрые,

Как прокатится ли мать Печорушка
Вниз по быстери да до синя моря;
Как по той ли да по Печорушке
Поплывут ли да легки стружечки,
Как поедут ли да всё во лодочках
На гуляньице да на весельице
Как по вешным да тихим заводям
Всё со песнями да всё со баснями,
Как пойдут-то еще в лодочках
По путям ли да по дорожечкам,
По рекам ли да по Печорушкам,
По губам ли да до синя моря,
Как на промыслы да на богаты,
Как во тех ли во лодочках,
Что со белыми парусами,
Со белыми да полотняными, —
Помяни-косе, да где мы были,
Где мы были, да где мы рóбили,
Где мы робили да где моталися,
Моталися да позорилися:
Мы по ловлям да рыболовным,
По вода́м ли да по глубоким,
По тоням ли да по убойным.
Тяжело нам да доставалось,
Уж мы ночи да не сыпали,
Уж мы днем да не отдыхали,
Бури-падеры да не держали,
Дожди мокры да проливали,
До костей мы да промокали.
Руки, ноги да промерзали,
Зубы о зубы у нас трещали,
Ретиво сердце дрожало,
Кровь горяча да захлывала!
Только было нам согреты,
Только было нам пригревы:
Ключевой воды принагрём,
Изопьем воду́ — сердце огрём!
Как со той же мы со работушки,
Как со той же да со тяжелой,
Со богатого мы со промыслу
Домой при́дем мы не ко бабушку,
Возвернемся мы не ко матушке,

Мы ко тем ли да злым хозявам.
Мы глазами не оглядимся,
Резвых ног мы не обогрем,
Как на ту же опять работу,
Как на ту же опять тяжолу!
Ты пойдешь ли, моя подружечка,
По лугам ли да по зелёным,
Ты по по́жням, по сенокосам, —
Вспомяни-косе, бела лебедь:
Всё мы вместе с тобой ходили
Всё на долгих да на покосах,
На широких да на погра́бах,
На тяжелой да на работушке!
Тяжелым ли да тяжело было,
Молодым ли да нам молодехоньким
Не по силушке да было нашей!
Тяжело рукам доставалось,
Могучи́ плеча́ уставали,
Со работы ноги дрожали,
Со тяжелой мы уставали.
Мы не плату да получали,
Хошь копеечки собирали!
Что за наш-то труд-работушку
Кто ли денежки собирал,
Себе богатство да наживал!
Подойдет-то пора-время,
Докатится час-минутушка
До тебя ли, до красной девушки,
Как в расстанюшке житья девьего
Спомяни-косе, бела лебедь,
Про меня ли про красну девушку:
Каково было мне-ка, красной девушке,
Таково будет тебе, белой лебеди!

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании представлены все жанровые разновидности и основные областные типы русских народных причитаний — севернорусские, сибирские, костромские, владимирские, новгородские и т. д.

В связи с тем, что причитания — один из наиболее импровизационных жанров русского фольклора и творческая индивидуальность исполнителя выявляется в них со значительно большей силой, чем в лирических песнях, исполняющихся хором, или в былинах, обладающих большей устойчивостью текста, в первом разделе помещаются избранные записи от трех наиболее выдающихся мастеров русской причеты: середины XIX века — И. А. Федосовой, конца XIX и начала XX века — Н. С. Богдановой, предреволюционного и советского времени — А. М. Пашковой. Во втором разделе объединены бытовые, рекрутские и похоронные причитания других исполнительниц, расположенные в хронологическом порядке по времени их возникновения (или, когда это невозможно установить, по времени их записи или публикации). В третьем разделе даны избранные образцы свадебной причеты.

Все тексты печатаются полностью, без сокращений, в том виде, как они были опубликованы собирателями. Как правило, сохраняются также и названия плачей, присвоенные им собирателями. Исправления вносятся в тех случаях, когда названия противоречат содержанию текста (ср., например, плач, записанный от Е. Николаевой и ошибочно названный «Воплем дочери об умершем отце» — см. стр. 296 и примечания — стр. 409). Кроме того, в названиях повсюду принята более распространенная форма: плач по отцу, по мужу, по сыну и т. д. вместо встречающейся у публикаторов «по отце», «по муже», «по сыне» и т. д. Все ремарки, поясняющие, *кто, в каком случае, обращаясь к кому* и т. д. причитывает, печатаются в тексте курсивом. В некоторых случаях, когда это было необходимо, ремарки подверглись редактированию или уточнению (см., например, «Плач о холостом рекруте» И. А. Федосовой).

Текстологическое редактирование выразилось главным образом в приведении устаревшей орфографии к современным нормам и в некоторой правке фонетической стороны записей. Во всех случаях, когда собиратели передавали при помощи фонетической транскрипции слово, произношение которого не отклоняется от литературной нормы, написание его заменялось литературным

(например, ярово — ярого, горемышный — горемычный, друг — друг, собираетца — собирается и т. д.). Не сохраняются и такие особенности диалекта, которые затрудняют художественное восприятие текста и могут представить интерес только для специалиста-диалектолога (например, бладой — младой, гля — для, оци — очи, девоцы — девочки, птича — птица и т. д. Не сохраняются также попытки некоторых собирателей изобразить тем или иным способом редуцированные гласные в неударной позиции (например, обидили — обидели, дубовьи — дубовые, атлетаит — отлетает и т. д.). Восстанавливается литературное написание слов с непроизносимыми согласными (например, милосливый — милостливый, незгода — невзгода, слать — стлать и т. д.).

Исправлениям также подвергались явные опечатки или описки собирателей. Остальные случаи существенного текстологического редактирования оговариваются в примечаниях.

В примечаниях, кроме обычной документации, сообщаются некоторые исторические, этнографические и фольклорные сведения, необходимые для понимания текста, и в тех случаях, когда это возможно, дается реальный комментарий и сведения о творческой истории текста. Истолкованию также подвергаются некоторые наиболее трудные для понимания строки и отдельные словосочетания.

Областные и малопонятные слова объясняются в словаре. При пользовании этим словарем следует учитывать сравнительную сложность языка причитаний, в котором сочетаются архаизмы, удерживавшиеся в обрядовых причитаниях, и глубокая и живая связь с диалектами. Читателю могут встретиться слова, близкие по звучанию и начертанию к словам, употребляющимся в литературном языке, однако не совпадающие с ними по своему значению (ср. «возраст», «природа», «сурово», «хобот», «крутить» и др.).

Кроме того, дается словарь устойчивых метафорических замен. Удобнее познакомиться с ним до чтения текстов, это поможет избежать элементарных ошибок в понимании причитаний. Так, например, «Как схватилась спорядная суседушка за свою она надежную головушку» следует понимать не как «соседка схватилась за свою голову», а как «соседка спохватилась — где же ее муж», так как «надежная головушка» в причитаниях всегда означает «муж».

Список условных сокращений

Агренева — О. Х. Агренева-Славянская. Описание русской крестьянской свадьбы, ч. 3. Тверь, 1889.

Азадовский — Марк Азадовский. Ленские причитания. Чита, 1922.

Андреев — Виноградов — Русские плачи (причитания). Вступительная статья Н. П. Андреева и Г. С. Виноградова. Редакция текстов и примечания Г. С. Виноградова. Изд. «Библиотека поэта», большая серия, 1937.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Чч. 1—2. М., 1872—1882.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Тт. 1—4. М., 1955.

Леонтьев — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.

Михайлов — Русские плачи Карелии. Подготовка текстов и примечания М. М. Михайлова. Статьи Г. С. Виноградова и М. М. Михайлова. Петрозаводск, 1940.

Смирнов — В. И. Смирнов. Народные похороны и причитания в Костромском крае. «Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению местного края». Кострома, 1920.

Соколовы — Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

Фольклор Советской Карелии — Фольклор Советской Карелии. Подготовка текстов к печати и примечания А. Беловановой и А. Разумовой. Вступительная статья В. Базанова. Петрозаводск, 1947.

Шайжин, 1907 — Н. С. Шайжин. Олонецкие водопады Кивач, Пор-Порог и Гирвас в описаниях туристов. Петрозаводск, 1907.

Шайжин, 1910 — Н. С. Шайжин. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись). «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1910 год». Петрозаводск, 1910.

Шайжин, 1911 — Н. С. Шайжин. Олонецкий фольклор. Похоронные причитания вопилицы Н. С. Богдановой. «Памятная книжка Олонецкой губернии на 1911 год». Петрозаводск, 1911.

Шейн — П. В. Шейн. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказаниях, легендах и т. п., т. 1, вып. 2. СПб., 1900.

Н. А. Федосова

Плач о старосте. Впервые — «Современные известия», 1870, 4 августа, № 212. Печ. по Барсову, ч. 1, стр. 282; зап. в августе — ноябре 1867 г. В обеих публикациях, очевидно, по цензурным соображениям были выпущены строки: от «Как сберутся в божью церковь посвященную» до «Как у старых стариков было рассказано», в которых современным Федосовой несправедливостям противопоставляются «новгородские времена». Эти строки были отдельно опубликованы Е. В. Барсовым в статье «Об олонецком песнотворчестве» в «Записках Русского Географического Общества по отделению этнографии», 1873, т. 3, стр. 516, и повторно в предисловии ко 2-й части «Причитаний Северного края» (стр. XII), в первом случае с прямым указанием: «Из плача о старосте». Место их в тексте указано Барсовым строкой точек после строки «Без Иисусовой молитвы намолилися». Полностью текст плача публикуется впервые. «Плач о старосте» Федосовой — одно из ярчайших выражений настроений русского крестьянства 1860-х годов в народном творчестве. В этом плаче Федосова причитывает от имени вдовы старосты — крестьянского

заступника, погибшего в результате столкновения кузарандских крестьян с мировым посредником. Плач возник на основе факта, происшедшего в августе — сентябре 1867 г. В этом году был объявлен добавочный сбор к оброчной подати, что особенно обострило взаимоотношения крестьян и губернских властей. «Плач о потопших», записанный Е. В. Барсовым от Федосовой, дает основание предполагать, что август 1867 г. Федосова провела в Кузаранде. Назначение мирового посредника второго участка Петрозаводского уезда, в который входила и Толвуйская волость (на эту должность был назначен коллежский секретарь П. П. Дро-таевский), состоялось за год до этого — 27 августа 1866 г. Упомянутый выше «новгородский» отрывок связан с заонежской крестьянской утопической легендой о «новгородском времени», которое было якобы «золотым веком» крестьянской вольности (см. вступительную статью, стр. 30). Н. А. Некрасов использовал этот плач в гл. «Демушка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (см. приезд «судей неправосудных», проклятье «судьям» и др.).

Общество собраное. «Общество» или «община» — крестьяне одной волости или одного прихода, состоявшие под общим управлением. *Земская изба* — официальное помещение крестьянской общины. Земская изба Кузарандского общества находилась в д. Юсова гора. *Уже нет ли где корыстного делишечка* — т. е. не продавали ли крестьяне хлеб нового урожая до уплаты подати. *Уж не бросить же участков деревенских.* В XIX в. известно несколько десятков случаев бегства олонечских крестьян в леса от начальства. Бежали не только целыми семьями, но иной раз и целыми деревнями, селились в глуши, заводили там хозяйство, пока губернское начальство не открывало никому не известные селения и не ставило их в прежнюю зависимость от государства (см., например, «Олонечские губернские ведомости», 1866, № 23—28, «Дорожные заметки» М. Г. и др.). Н. Флеровский в книге «Положение рабочего класса в России» (М., 1869, стр. 89 и след.) рассказывает о бегстве более пятисот семей из Олонечской губернии в южные области России. *Хоть своей казной теперь да долагайте-тко.* Староста и другие выборные собственным имуществом отвечали за исправный сбор податей. *Кижский остров* — один из заонежских островов, знаменитый Кижским архитектурным ансамблем — памятником крестьянского зодчества начала XVIII в. (двадцатидвухглавая деревянная Преображенская церковь, девятиглавая Покровская и шатровая колокольня). *Толвуя.* Кузаранда, в которой жила Федосова до переезда в Петрозаводск, входила в Толвуйскую волость Петрозаводского уезда. *Земские вси избы...* *часовенки спасенье.* Речь идет о наступлении на крестьянское самоуправление (*Будут земские вси избы испражнятися*, т. е. пустеть), об учреждении института мировых посредников (*Скрозекозные судьи да присылаются*), о преследовании староверов и т. д. Таким образом, нарушение «досюльных законов» выражено здесь в конкретных формах событий середины XIX в. *Город Повенецкой* — Повенец, уездный город, в то время важный узловой пункт на Петербургском тракте и пристань на Онежском озере. *На пути*

злой смерётушка стретала. Староста, по-видимому, умер по дороге из петрозаводской тюрьмы домой в Кузаранду.

Из плача о писаре. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 288; зап. в июне — ноябре 1867 г. Слова в заглавии «Из плача» указывают на то, что по цензурным причинам Е. В. Барсов не решился опубликовать текст полностью. По всей вероятности, в опущенной части рассказывалось об истории и причине гибели писаря — крестьянского заступника. Не исключено, что смерть писаря произошла в 1866—1867 гг. — во время наиболее острых столкновений крестьян с губернским начальством, осуществлявшим в эти годы «крестьянскую реформу» среди государственных крестьян. Особенно замечательна в плаче легенда о происхождении горя, использованная Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в так называемой «легенде о ключах от счастья женского» (глава «Бабыя притча»). Образ Гора-Доли у Федосовой связан с традиционными представлениями о Горе-Доле-Судине (и через них — с представлениями о смерти), широко распространенными в народных песнях, сказках, причитаниях и легендах (ср. также «Повесть о Горе-Злочастии»). Вместе с тем эти представления получили у Федосовой своеобразную трактовку. Враждебная сила, олицетворенная в образе Гора, реальна; она действует на земле: это «судьи неправосудные», т. е. государственные чиновники, проводящие реформу. Кроме того, Горе не всегда действовало на земле. Было будто бы время, когда оно не могло подступиться к людям; это был своего рода «золотой век» идеальной социальной организации людей. В настоящем издании восстанавливается порядок строк «Как в досюльны времена... вроде как козлиная», нарушенный в издании Барсова при наборе или переписке. *В подземельные норы ключ поладился, Где сидело это горюшко великое.* В тексте Федосовой есть известное противоречие: в первой части легенды говорится о том, что само Горе спряталось в море «под колодинку»; во второй же части оказывается, что в море-окиян были брошены только ключи от подземелья, в которое было посажено Горе. *К писарю.* В этой части, после ремарки, дается как бы реальное объяснение легенды. *Ты про общество крестьян да православных* — т. е. про крестьянское житье-бытье. *Вся отцовщина у них нонь придержалася* — т. е. кончилось все хорошее, что было раньше (при отцах). *Не насыпаны... у их хлебушков.* О недородах, голоде и эпизоотии в северных деревнях в 1861—1867 гг. см. вступительную статью, стр. 27.

Плач об убитом громом-молвией. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 245; зап. в июне — ноябре 1867 г. По старинному крестьянскому поверию, каждый убитый молнией поражен Ильей-пророком, «громовником», за какие-либо прегрешения. На этом основано содержание плача. Илья карает крестьянина за безбожие. Разрешение на это он получает в пасху, а убивает на троицкой неделе (когда начинаются грозы). Поводом для кары

является то, что крестьянин во время грозы продолжает работать, в то время когда другие укрываются по домам и молятся. *Светлый владычный божий праздник*. Владычный — т. е. относящийся к числу самых главных церковных праздников; здесь: пасха. *Как схватилась спорядная суседушка за свою она надежную головушку* — т. е. соседка спохватилась о своем муже. *Город Петровский* — Петрозаводск (в прошлом Петровская слобода, Петровский городок). *Все ведь гнали за крестьянской работойшкой* — т. е. прилежно трудились на поле.

Плач о потопших. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 252; зап. в сентябре—ноябре 1867 г. В основе плача лежит факт, известный по полицейскому сообщению в «Олонецких губернских ведомостях» от 30 сентября 1867 г. (№ 39, стр. 711): «Крестьянин Петрозаводского уезда Ругозерского общества Василий Радионов вместе с сыном своим Андрианом Васильевым, дочерью Марьей и крестьянином Василием Петровым в последних числах августа отправились из своей деревни на противоположный берег озера Онеги, к Тимбас-губе для сбора мху. На возвратном пути, 28 августа, их застигла буря и понесла лодку в озеро; в это время Петров упал в воду и утонул, а Радионова с детьми прибило в лодке к о. Сосновцу в 4-х верстах от д. Шуровой. Здесь Радионов и сын его Андриан сразу же умерли, а дочь Марья была вывезена на берег прибывшим на ее крик крестьянином д. Королевской Иваном Андриановым». Описанное происшествие произошло в нескольких верстах от Кузаранды, где жили родные Федосовой и где она, вероятно, провела август 1867 г. Особенная лиричность плача, возможно, объясняется еще и тем, что в памяти Федосовой была жива трагическая гибель ее родных при близких обстоятельствах за три года до происшествия в Тимбас-губе (см. «Олонецкие губернские ведомости», 1864, 1 августа, № 30, стр. 238). В происшествии особенно поразила Федосову судьба девушки, чудом спасшейся от гибели и заброшенной волнами на безлюдный и незнакомый ей остров; Федосова причитывает от имени этой девушки. *Снарядились мы... не затопляли*. Характерное для причитаний объяснение несчастья грехом, совершенным кем-нибудь из родных. *Судинушка* — Судьба-Доля, мифическое олицетворение судьбы. *Морюшко* — огромные размеры Онежского озера (площадь зеркала свыше 10 тыс. км²), его глубина (до 120 м), постоянная волна морского типа объясняют то, что в песнях и причитаниях оно нередко называется «морем», «морюшком». *Ветрышки способные* — попутные ветры. *Не радиою, победна, во добры люди* — не пожелаю я добрым людям. *Быв на синем я на славном этом морюшке* — как будто я все еще в море. *Я схватилась за родителя за батюшка* — я спохватилась, т. е. вспомнила об отце. *Повозничек любимый*. Девушка называет брата традиционным для свадебных и похоронных причитаний названием «повозник» — т. е. тот, кто возит по гуляниям, по посиделкам. *Попахали бы*. «Попахать могилу» означает определенное обрядовое действие: придя на могилу в родительский день,

прежде всего обметали платком и обчищали могильный холм. *На гербовой лист бумагу обчинили* — т. е. записали все на гербовой бумаге. *Я бы воропу, победна, во темных лесах.* Вороп — грабеж, нападение, разбой. У Барсова ошибочно и бессмысленно: «Я бы ворону...», — в этом случае неясно, что именно «не радела бы» «ворону» (либо кому «не радела бы» «ворона»). *На кирпичную, звать, печеньку ложила И сосновую лучину подстилала.* Новорожденного полагалось обнести вокруг избы и в первую купель положить дары — зерна, соль, деньги и т. д. Причитывающая хочет сказать, что мать, положившая ее на кирпичную печь и на занозистую лучину, виновата в том, что последующая ее жизнь сложилась столь несчастно.

Из плача о попе-отце духовном. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 293; зап. в июне—ноябре 1867 г. Нарисованный Федосовой образ попа, близкого крестьянам, вызвал возмущение постоянного корреспондента «Православного обозрения» и других церковных изданий Н. Покровского. В статье «Рассказы из крестьянского быта Северного края» («Гражданин», 1872, № 19, стр. 44) Покровский называет попа из плача Федосовой «безнравственным» за то, что он «одного поля ягода» с крестьянами (стр. 46). Этот плач использован Н. А. Некрасовым в гл. «Демушка» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (гибель ребенка, судебно-медицинское вскрытие его тела, роль попа и т. д.). *Начало полагал он по-писаному* — т. е. вступительную молитву читал так, как полагается по писанию (по церковным книгам). *Он закону-то, отец, не поступает* — т. е. не нарушает закона (у Барсова ошибочно: «Он закону-то, отец, не выступает»). *Быдто дитятко буде исповедано* — как будто ребенок был раньше исповедан. *Рукописание.* Речь идет о документе, удостоверяющем, что ребенок умер естественной смертью. *Ризы опальные* — не совсем ясная строка; м. б., «палевые», т. е. светло-желтые ризы? Похоронный обряд полагалось отправлять в белых либо светлых ризах.

Плач об у пьянсливой головушке. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 271; зап. в феврале—ноябре 1867 г. Плач особенно интересен сложным отношением причитывающей к покойному — она не может не оплакивать его как мужа и вместе с тем вспоминает о том, сколько несчастий приносило ей его пьянство. *Владычной праздничек* — см. стр. 398. *Я у у пьянсливой.* У Барсова ошибочно: «Я у пьянсливой». *Тут я тяжкого греха-то залучила* — тут я впала в тяжкий грех. *Царёвый каба́к.* Все питейные заведения в России принадлежали царской фамилии. *Произвел* — здесь: пропил. *Пятисотские* — выборные помощники старосты от 500 человек. *Рассильные* — крестьяне, выполняющие распоряжение старосты или старшины. *Впереди да в божью церковь приходило.* Имеется в виду венчание, которое было началом всех несчастий причитывающей. *Райские двери* (или царские) — средние двери в иконостасе, против которых ставили жениха и невесту во время

венчания. *Стол княжецкий* — свадебный стол в доме жениха. *Наступили* — здесь: сглазили. *Наб сидеть им тут у тела запитущего*. До начала следствия полагалось охранять труп. *Петров город* — Петрозаводск.

Плач вдовы по мужу. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 1; зап. в июне — ноябре 1867 г. Публикуемый текст является характерным примером превращения традиционного вдовьего плача в плач-поэму, рисующую широкую картину крестьянской жизни той поры. Плач особенно замечателен выразительным описанием положения вдовы и ее детей в патриархальной семье после смерти мужа. В гл. «Трудный год» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасов использовал многие мотивы и образы этого плача (см. отрывок: «Теперь уж я не дольщика...», описание ужина в крестьянской семье, плач Матрены Тимофеевны и др.). *По подоконью столыпатися* — здесь: нищенствовать (просить милостыню под чужими окнами). *Со детиною* — с детьми. *Калека* (точнее: «калика») *перехожая* — странствующий нищий. *Дверная лавочка* — лавка, расположенная от дверного угла в сторону красной лавки. «Посадить на дверную лавку» означало не оказывать внимания. *Деревня садовитая* — обсаженная садами, красивая. *На речи не ставишься* — не желаешь разговаривать. *Прохладная жирушка* — хорошая жизнь. *Во пятницу засияны... во среду вспожены* — пятница и среда считались «постными» днями. Быть зачатым в пятницу означало родительский грех и сулило ребенку несчастную долю. *Победное живленьце* — жизнь, полная беды, горя. *Наб за прялочкой саженьки не дотягивать* — строка не совсем ясная. По-видимому: надо, меряя выработанную пряжу, не натягивать ее, отмерять с запасом, чтобы не было попреков. *Иное живленьце* — тот свет. *Никольская улица, Варварская буява* — кладбище, могила. *Ухожу детушек* — т. е. уложу детей спать. *Повоню* — стоит палата *грановитая* — снаружи может показаться, что это палата *грановитая*. *Как пройдет худа слава нехорошая, Тут отрётся порода именитая*. По обычному крестьянскому праву XIX в. родственники могли лишать вдову доли в хозяйстве, если она навлекла на себя дурную славу. *Край пути нашла, горяща, перепутьицо* — т. е. на краю дороги нашла место отдыха. *Тут издула огонёчки муравейные* — т. е. затопила печь («муравейные» от «муравчатая», «муравленная», покрытая глазурью). *На сговоры мне, победной, не даваешься* — т. е. не хочешь со мной поговорить. *Али выдти на родиму взад на родину*. По обычному крестьянскому праву XIX в. вдова с детьми не могла возвратиться к своим родным, теряла свою долю в хозяйстве и т. д. С другой стороны, в семье мужа она тоже не имела права на самостоятельную долю до совершеннолетия одного из своих сыновей. *Корабли идут по морю* — по Онежскому озеру, см. стр. 398. *Ластушки* — дети. *Мне пойти было... к ретливому сердечушку*. Единственным бесспорным имуществом вдовы-снохи по обычному крестьянскому праву XIX в. считалась одежда покойного

мужа. *Мелкорубленая клеточка* — клеть, чулан либо пристройка для неотделившегося сына с семьей. *Не могу прибрать* и т. д. — т. е. не могу найти никого, похожего на моего мужа. *Им не в честь моя крестьянская работушка* — т. е. они не ценят мою работу. *Дольщичка* — равноправный член семьи.

Плач по дочери. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 114; зап. в июне — ноябре 1867 г. Плач этот был использован П. И. Мельниковым-Печерским в романе «В лесах» в причитании «плачей» Устиньи Клешихи по Насте Чапурной (ч. II, гл. 11). *Грузна-больна белая лебедушка* — т. е. дочь забеременела. *По уму... те* — т. е. какие тебе захочется. *Кругом-наокол огней* — вокруг костра. *Я пойду с горя... на белых на плеченьки*. Строки интересны как редкий образец крестьянского описания облачения невесты в середине XIX в. *Став* — ткацкий станок; *Тамбурка* — игла, крючок для вышивания «тамбуром» (техника вышивки, издавна принятая в Заонежье, при которой нитка продевается при помощи «тамбурки» из петли в петлю). У Барсова явно ошибочно и бессмысленно: «За столом да дорогая была ткнюшка, Из котурна досужна рукодельница». *Наряжена покрутушка* — приготовлена одежда. *Гостиная неделюшка*. По севернорусским обычаям девушек отпускали зимой гостить на неделю-две к родственникам; эти недели проводились молодежью особенно весело и вольно. В некоторых местах гостиные недели приурочивались к рождеству, Новому году или пасхе. *Не началась* — стяженная форма от «начаялась», т. е. не ожидала. *Дяденки* — здесь тетки, жены дядей. *Христово воскресенье* — пасха. *Сожидаяча родима засмотреньица* — ожидая, когда увидит родных. *Зачитаются* — здесь: стяженная форма от «зачитываются», путаются при чтении. *Умерший венец* — атласная или бумажная лента с изображением Христа, богородицы и Иоанна Богослова, которые возлагались на чело усопших при погребении. *Под праву руку бумагу кладавают*. В руку умершего вкладывалась молитва, написанная на бумаге («пропуск»). *Крещенская уличка, Микольска буява* — кладбище. *Спасают белую лебедушку* — т. е. молятся за дочь. *Сарафаны мелкоскладные* — сарафаны в мелкую сборку.

Плач о свате. Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 231; зап. в июне — ноябре 1867 г. Характерна в этом плаче прозаическая экспозиция, которая особенно ясно обнаруживает стремление Федосовой воспроизводить не только заплачку, но и обстоятельства, в которых она возникла. «Сватьями» обычно называли родителей мужа и жены по отношению друг к другу. Сват — термин, обозначающий отношения не родства, а свойства. В публикуемом тексте «невесткина свекровь», т. е. мать мужа, отправляется на похороны и затем причитывает по свату, т. е. по отцу жены. *Большак* — здесь, очевидно, муж причитывающей. *Во собой* — с собой. *Великое желаньице* — хорошее отношение. *Судимая сторонушка* — деревня, семья, в которую вышла замуж. *На*

ричную поговорочку бросливая — резкая на слово. *Кофеи горячие*. Кофе был для заонежских крестьян 1860-х годов очень дорогим и редким напитком. *Староверы со пустыней-то ссезжаются*. Покойный был старообрядцем, хоронить его приехали старцы из лесных келий — «пустынь», в которых скрывались староверческие начетники после «разорения» Выговского староверческого общежития правительственными чиновниками в 1859 г. Староверы поморского согласия попов не признавали и отправляли все «таинства», включая похороны, общиной. *Одноручное кадило* — староверческое кадило с одной ручкой в отличие от «православного», которое держалось на трех цепочках. *Начало староверское* — вступительная молитва с обязательными поклонами.

Плач о холостом рекруте. Впервые — Барсов, ч. 2, стр. 1; зап. в 1868 г. В плаче речь идет о наборе рекрутов во время войны либо перед войной. Можно предположить в связи с этим, что Федосовой припоминались какие-то события начала 50-х годов XIX в. Несколько раз говорится об отборе рекрутов путем жеребьевки, которая была введена с 1854 г. Следовательно, факт, легший в основу причети, мог произойти в 1854—1856 гг. Однако очевидно и наслоения тех лет, когда Федосова жила в Петрозаводске (1865—1868). Известно, что в 1866—1868 гг. наборы рекрутов были ежегодными. Конец плача производит впечатление некоторой незавершенности. Возможно, что следующий за ним в сборнике Барсова «Плач о рекруте женатом» рассматривался Федосовой как вариант комментируемого плача. *Жеребья дубовые*. В качестве «жеребья» употреблялись деревянные планки с отметками либо условными номерами. *Вы на этих горах да на искатных* — т. е. когда будете зимой кататься с гор на санках. *Судьи* — здесь: староста и писарь. *Город Петровский* — Петрозаводск. *Нынь не скроешь-то сердечного ведь дитятка*. Укрывательство беглых рекрутов и солдат чрезвычайно жестоко преследовалось властями — ср. «Рассказы о беглых рекрутах», записанные от В. П. Щеголенка (Барсов, ч. 2, стр. 286—302). *Крепости новгородские* — дальние, надежные крепости. Об идеализации Новгорода см. вступительную статью, стр. 30. *И как подвязаны звон-унылы колокольчики*. По старинному обычаю колокольцы подвязывали, чтобы не звенели, во всех печальных случаях (болезнь, смерть и т. д.) *Отданные сестрицы* — сестры, выданные замуж в чужую семью. *Пелены шелковые* — расшитое покрывало на алтарь (или убрус к иконе). *Принёмная палата* — сборный пункт рекрутов. *Духовно угощеньце* — угощение для духовенства. *Князь* — здесь: жених. *Мера государева* — измерение роста на приемном пункте. *И буде «лоб» скричат* — если признают годным. *И повыкинут с хоромного строеньца. Иль сожгут оны в огни да в этом плящем*. Выкинуть или сжечь «кудри», отрезанные на память, по поверию означало заставить забыть того, кому они принадлежали. *Во середу засияла... во пятницу воспродила* — см. стр. 400. *И знать, не в ту пору... были приотпер-*

ты — так наз. царские врата в церкви открывались при трудных родах. *И в бесталанный час... ему, свету, уписана.* Согласно так наз. «родильным» приметам, мальчик-новорожденный будет крестьянином, кузнецом, столяром, каменщиком и т. д., в зависимости от того, чем занят был его отец или ближайший родственник-мужчина во время его рождения. *И на делю ему от братьев при-делялася* — ему пришлось служить за братьев. *Изменушка* — здесь: замена. *И всех желаннее родитель была тетушка.* У Барсова ошибочно: «И всё желанная родитель была тетушка». *Не участник он участков деревенских.* Рекрут при уходе в солдаты терял свое право на долю в крестьянском хозяйстве. *Таки ль — верно ли.* *Орда* — здесь: эпическое обозначение дальних, неизвестных стран. *На спасенья* — там, где спасаются (т. е. отмачивают свои грехи). *В сон не забранось* — не могли заснуть. *И как при-ставлены судьи... пожар в ретливых сердечушках.* В этих строках, по-видимому, отразился какой-то реальный факт разгона женщин, провожавших рекрутов, который Федосова могла наблюдать в Петрозаводске в 1865—1868 гг. *При последи-то походе* — перед отправлением в поход. *Отрешить желаньице* — погубить любовь. *Похожденьице* — здесь: уход из дома. *И всё от добрых людей да непонятная* — т. е. не научилась причитывать у других женщин. *И добра молодца возьмем да мы нанемщицка.* Начиная с 40-х годов XIX в. правительство допускало замену рекрутов путем найма добровольцев («нанемщицков», «охотников»). *Не по розмыслам* — не так, как мечталось. *И часты по-шли наборы государевы.* После 1862 г. в связи с сокращением срока службы в армии с 25 до 15 лет резко участились рекрутские наборы. Так, наборы «с обеих полос империи» (Россия была разделена на две полосы) производились подряд в 1866, 1867 и 1868 гг. *Как в досюльны времена... наборы государевы* — одно из наиболее ярких проявлений «новгородской темы» в творчестве Федосовой. См. об этом стр. 30. *И чтоб подальше в жеребьях.* У Барсова ошибочно: «И чтоб подальше жеребьям». *Поблизешеньку в бумажку записали* — определили в близкую очередь идти в солдаты. *Престол* — церковный праздник в честь святого, которому посвящена приходская церковь (здесь: в честь богородицы). *Шестёра* — широко распространенный в Прионежье севернорусский танец, в котором участвовало две тройки танцоров (три девушки и трое парней). *Сидима, прядима беседашка* — посиделки, на которых девушки пряли или вышивали, а парни плели сети, лапти, корзины и т. д. (в отличие от «игримой беседы» — посиделок с играми и танцами). *Микола многомилостливой.* Святой «Микола» считался специальным мужицким заступником. *Отца-матушку рекруты проклинали.* В солдатскую присягу входило отречение от родных.

Плач о солдате, прибывшем на похороны отца. Впервые — Барсов, ч. 2, стр. 248; зап. в 1868 г. События, о которых рассказывается в плаче, произошли, по-видимому, вскоре после 1856 г., так как герой плача, солдат, приходит домой на

побывку после конца Крымской войны 1853—1856 гг. Перед этим он вместе с армией, возвратившейся с фронта, побывал в Петербурге и участвовал в параде на Марсовом поле. *Письма не принимали* — здесь: не получали. *Билет* — солдатский отпускной билет. *И большаком да по дому я настоятелем*. Причитывающая надеется, что солдат, пришедший на побывку, станет «большаком» (т. е. главой патриархальной семьи) вместо умершего мужа. *Наследник* — Александр II, превратившийся во время Крымской войны из наследника в царя. *И как война... за Русию подселенную*. Речь идет о конце Крымской войны (Парижский мир в марте 1856 г.) и награждении солдат. *И мы бы наняли охотна добра молодца* — см. стр. 403. *Ограда обложённая* — ограда кладбища.

Н. С. Богданова

Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса. Впервые — Шайжин, 1907, стр. 44. *Кивач* — крупнейший в европейской части Советского Союза водопад на р. Суне. Сунa издавна использовалась в качестве сплавной реки; сплав по ней считался одним из наиболее опасных на северных реках, т. к. Суну перерезает 27 порогов, из которых самыми крупными являются *Гирвас*, *Пор-порог* и Кивач, упоминаемые в плаче. В современном путеводителе так описывается сплав на Суне в дореволюционное время: «Трудна и опасна работа сплавщика. Огромной массе бревен, несущихся по быстрине, то тут, то там угрожает «залом». Стоит задержаться передним бревнам, как в несколько мгновений все необозримое поле плывущего сзади леса словно приходит в неуправляемую ярость. Пытаясь прорваться, бревна нелезают друг на друга, сзади них поднимаются все новые и новые, иные вздымаются стоймя кверху, и вся масса как бы застывает в грозной неподвижности. Задача сплавщиков — предупредить залом, ибо разбирать и ликвидировать уже образовавшийся залом — чрезвычайно опасное и дорогостоящее дело. Работа на сплаве требует от сплавщика не только смелости, ловкости и силы, но и быстроты, недюжинной смекалки. ...Особо выделялись люлечники. Их работа заключалась в том, что они направляли бревна над самым падуном (т. е. водопадом. — К. Ч.), сидя на скользкой от водяных брызг доске, прикрепленной к протянутому с берега на берег канату. Малейшая неточность в движении грозила неминуемой гибелью. И действительно, нередки были случаи, когда смельчак, сорвавшись в пучину, находил в ней свой конец» (А. Старогин, А. Капусткин и Л. Каган. Путешествие на Кивач. Петрозаводск, 1952, стр. 35). Как следует из текста плача, муж Богдановой впервые отправился на сплав, работал там в качестве «люлечника» и по неопытности погиб. *Как пойдут да добры людушки... али при доме останется?* Во второй половине XIX в. и в начале XX в. в Карелии широкое развитие получило отходничество. Так, в предрево-

люционные годы из 290.000 человек населения Карелии до 70 тысяч было связано с отхожими промыслами, из них до 50 тысяч было занято на заготовке и сплаве леса (см. «Очерки истории Карелии», т. 1. Петрозаводск, 1957, стр. 351 и др.). *Утопил очень-ки* — опустил глаза. *Выгонка бревенна* — гонка бревен, сплав леса. *Работа там задорная* — работа, понуждающая к безрассудной смелости. *Сплавка Кондопожская*. Суна впадает в Онежское озеро недалеко от с. Кондопоги (ныне город Кондопога). *Доски посторонние* — доски гроба.

Плач о дочери («Подойти мни вот, спобедной кручинной головушке...»). Впервые — Шайжин, 1911, стр. 197. Как следует из текста причета, Богданова после смерти мужа должна была поселиться у мужниного брата («брата богаданного»), который превратил ее и ее старшую дочь в батрачек. О смерти этой дочери и рассказывается в публикуемом тексте. *Пелены шелковые* — см. стр. 402. *Стадо гусиное* — сыновья. *Стадо лебединое* — дочери. *Столамы-то стращали всё отдельными* — т. е. грозили кормить отдельно, как батрачек, а не членов семьи. *Спасет бог... теперь прощеньицу* — обращение к родственникам, пришедшим на похороны дочери. *Обидушки выбрасывать* — высказывать накопившиеся обиды. *Скolyбається зазнобушка в утробушке* — порасходится горе в душе.

Вопль дочери об отце («Не осудите-ко, народ да люди добрые...»). Впервые — Шайжин, 1910, стр. 204. О смерти своего отца в конце декабря 1871 г. Богданова сообщает в своей автобиографии, записанной от нее Н. С. Шайжиным: «Тата наш поехал за рыбой, затеял торговать да по пути и на свадьбу к Л-ву, меня стал звать. Я не поехала — не было хорошей одежды — пальта. Тата уехал. Свадьба богата была. Вина всем вдоволь. Пили кружками с бочки-сороковки, и тата выпил изрядно; поставив (т. е. удержать. — К. Ч.) его было некому... Клали его в сани, свезли к свату, отливали водой да мокрого по морозу и отправили на дорогу домой за волость. Тут он и замерз: его, пьяного, сбил под дорогу сусед» (Шайжин, 1910, стр. 201). *Аль от добрых людей да напущенная*. Как рассказывает Богданова, после смерти отца производилось следствие, которое установило, что он умер от опоя. *Дача казенная* — территория казенного леса. *До полного до возраста*. В год смерти отца Богдановой исполнилось 16 лет. *Не осталось именица-богачества*. После раздела с братьями отца и с дедом семья Богдановой находилась в крайне тяжелом положении, осложнявшемся пьянством отца («в путь житье не шло; жили будто на холодну каменку воду лили»). *Водушки у нас да не наловятся* — строка не вполне ясная. Очевидно, в значении «В воде не будут ловить рыбу».

Плач сестры по сестре. Впервые — Шайжин, 1910, стр. 208. В этом тексте Богданова воспроизводит причитание на могиле сестры через пять лет после ее смерти. О сестре Богда-

нова рассказала в своей автобиографии следующее: брат, «на- сильно» отправленный матерью на заработок в Петербург, после возвращения выгнал из дома мать и малолетнюю сестру (отец к этому времени умер). Сестра стала жить у Богдановой, помогала ей нянчить детей, воспитывалась ею («Об соби-то забота да и об сестры: не дай бог быть нагой, как я была девушкой») и была ею выдана замуж (ср. «Хоть сестриченькой всегда тебя я назы- вала — за роженного дитя тебя я почитала»). *Уж мы пришли-то все к тебе да по-дорожному.* Богданова жила в это время на Ки- вас-озере, где муж ее служил лесником, т. е. более чем в 150 км от родной деревни Зиновьево (около Кижей). *Иль того да рас- сердилася ... белая лебедушка.* Одежда, входившая в приданое невесты, могла быть востребована родственниками, «снаряжав- шими» невесту к венцу в случае, если брак был недолгим (см.: С. В. Пахман. Обычное гражданское право в России, т. II. Се- мейное право, наследство и оценка. СПб., 1879, гл. «Право обы- чного наследования»).

А. М. Пашкова

Плач после пожара. Впервые — Михайлов, № 9; зап. в феврале 1938 г. Пожар произошел, как следует из автобиогра- фии Пашковой, в 1888 г.: «Как мне стало двадцать лет, так наша деревня вся сгорела... Ну и кой-чего вынесли хлебно (т. е. из съестных припасов. — К. Ч.), а скот спасся. В этот день на паст- бище был скот выгнан первый день. А у нас ведь как скот вы- пускали, дак свечки жгли. Одна баба ушла гнать корову, а свечку оставила зажжену перед иконой, а свечка упала, постели заго- релись и пошла писать» (Михайлов, стр. 54).

Плач замужней сестры по брату. Впервые — Ми- хайлов, № 2; зап. Е. И. Родиной в августе 1939 г. По просьбе со- бирательницы Пашкова повторила плач, который звучал за 30 лет до записи (стр. 311). Очевидно, что не следует понимать буквально сообщение собирательницы о сроке, прошедшем со времени пер- вого причитывания, и нельзя считать абсолютно точным его по- вторное воспроизведение (ср. упоминание «телеграммы скороносной», явно незнакомой пудожским крестьянам в 1909 г.; обороты более позднего происхождения — «сошлись», «по возможности» и т. д.). *Душевно расставиньце* — расставание души с телом, смерть. *Пеньышки* — пенечки. *Волока* — прогон, переход по лесу. *Не женись ты в роду в племени.* Брат Пашковой женился про- тив воли родных на родственнице, что считалось дурным предзна- менованием. *Есть на оелый свет дается* — т. е. еще ожидается на свет ребенок. *Рукава носить по-долгому* — т. е. жить хорошо; рубаха-долгорукавка считалась праздничной одеждой, носить дол- горукавку означало зажиточность. *Сувоотушка вселенская* — роди- тельская (или «дмитриевская») суббота, которая падала на конец октября и считалась днем общего поминовения усопших.

Плач по мужу («Не доли-тко меня, беднушку...»). Впервые — Михайлов, № 1; зап. в феврале 1938 г. По свидетельству собирателя, Пашкова в этом плаче воспроизводила некий «типовой» дореволюционный плач вдовы-беднячки. Это подтверждается и текстом. В плаче говорится о молодой крестьянке, оставшейся вдовой с двумя детьми и ожидающей третьего (*На божий свет дадается*). В год же смерти мужа Пашковой было 67 лет, дети ее были взрослыми, и последние восемь лет она жила вдвоем с мужем. *Не простёшеньки* — не пустые, не занятые. *К тебе машину сухопутную*. Тут Пашкова явно забывает о взятой на себя роли дореволюционной вдовы. *Со площадью сторублевой* — здесь: с площадью дорогой, милой (ср., например, традиционный ответ свахи: «у меня место не ковшовое, а сторублевое»). *Соседи подугольные* — живущие угол в угол, рядом. *Пелены шелковые* — см. стр. 402. *Колá камушек мужа богатого*. В Пудожском районе чрезвычайно каменистая почва, и труднейшей работой считалось убрать камни с поля.

Плач сироты по дяде. Впервые — Михайлов, № 5; зап. в феврале 1938 г. Собиратель сообщает: «Причитывает от имени девушки-сироты. Слышала плач лет 25 тому назад». Как следует из автобиографии Пашковой, отец ее умер в то время, когда она уже была замужем. *Желаньице часовое* — отношение переменчивое, расположение «на час».

Плач по сыну, увезенному на лечение в город. Впервые — Михайлов, № 8; зап. в феврале 1938 г. По свидетельству собирателя, Пашкова повторила для записи плач, созданный ею в 1929 г., когда сын отправлялся на лечение в Петрозаводск. О болезни сына Пашкова рассказала в автобиографии: «Дочки здоровья росли, а с сыном много горя приняла, двух с половиной лет сына разбило параличом, простудился. Тяжело и споминать. 12 годов не ходил. Ездил с ним по больницам. В 1910 г. была в Питере, в больнице, да предложили платить 50 рублей, так увезла. А потом в 22 году сам захотел лечиться и уехал. Там и учился он и поступил в Промышленно-экономический техникум, а потом заболел (а уже ходил тогда), вывезли домой, он у нас и умер» (Михайлов, стр. 55). *И ничем была не нужная* — т. е. ни в чем не испытывала нужды.

Бытовые, рекрутские и похоронные причитания, записанные от разных лиц

Плач по сестре («Со восточной со сторонушки...»). Впервые — Е. Бурдин. Причитания по покойнику в Кунгурском уезде. «Пермский сборник», кн. 2, М., 1860, стр. 128. Исполнитель неизвестен. *Нанести* — здесь: наговаривать. *Пристать* — здесь: заступаться.

Плач дочери по отцу («Приходила, молодёхонька...»). Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 58; зап. от А. Е. Лазоревой из с. Логинова, Череповецкого у., Новгородской губ., в 1876 г. Анне Егоровне Лазоревой в год записи было 60 лет, родом она из д. Еляхиной того же уезда. Лазорева рассказывала Барсову: «В Логиново просватали нехотя — барин Андриан Хлебников силой сюда отдал, жених нелюбой; в семье, куда отдали, была ватага 20 человек. Все в горе живу; с 13 лет ходила на баршину — больше 25 годов; помаялась в сытость; бывало, на неделю себе хлеба неси, а на белой двор придешь, стоит розга» (Барсов, ч. 1, стр. 325). Е. В. Барсов записал от Лазоревой кроме того еще «Плач невесты на могиле матери» — см. ниже. *Площадочка красная, округа государева* — кладбище. *Свою мысль потешаючи* — успокаивая себя. *Не бивать да ключу на воде* — т. е. не бить ключу из воды, а только из земли. *От неволи откупаются* — можно выкупиться из крепостной неволи. *Никакого проповещичка* — строка не совсем ясна. Возможно, что «проповещичка» связано с «вещать»; в таком случае «про» и «по» — усилительные приставки и всю строку следует понимать примерно так — «нельзя подать о себе вести».

Плач невесты на могиле матери («Выйду я на широкую долину...»). Впервые — Барсов, ч. 1, стр. 74; зап. от А. Е. Лазоревой из с. Логинова, Череповецкого у., Новгородской губ., в 1870 г. *Стережатые да бережатые* — т. е. те, кто стережет и бережет сироту, не пускает ее на могилу матери. *Верстать во чужи люди* — т. е. выдать замуж. *Мост* — сени и крыльцо перед сенями. *Именье середовое* — средний достаток. *Под переднее окошечко* — т. е. «в большой угол», в котором обычно стоял стол и висели иконы.

Плач святозерской крестьянки по рекруту. Впервые — П. Гроховский. Причитание матери по сыне-рекруте (Святозеро). «Олонецкие губернские ведомости», 1873, № 10; зап. от крестьянки из д. Святозеро, Петрозаводского у., Олонецкой губ. Исполнительница неизвестна. Текст перепечатывался Е. В. Барсовым во 2-м томе «Причитаний Северного края» (стр. 82—84) с ошибкой в заголовке («Святогорский крестьянки») и в имени собирателя (Г. Гроховский). Святозеро — карельская деревня (ныне Пряжинского р-на КАССР); следовательно, текст, записанный П. Гроховским, представляет собой образец записи рекрутского причитания карелки на русском языке. Впоследствии такие записи делались неоднократно (А. В. Ватчиева и др.). Собственно карельские похоронные и свадебные плачи, как отмечалось исследователями, стилистически очень близки к русским. *Все поречья и все заречья, Все мелки кусты-кустарнички*. Покосы вдоль рек и по заречным поймам между кустами, очень неудобные, характерны для Олонецкой губернии.

Плач по сыну-рекруту («Систь было мне, горющице...»). Впервые — Барсов, ч. 2, стр. 84; зап. от И. А. Калиткиной из д. Хмелины, Череповецкого у., Новгородской губ. Возможно, что Е. В. Барсов записал от нее этот плач в 1870 г., когда он побывал в родном для него Череповецком уезде (см. Барсов, ч. 1, стр. 325). Возраст Калиткиной к моменту записи неизвестен. Судя по автобиографии, записанной от нее Е. В. Барсовым, в это время она не была еще замужем и батрачила на кулаков. Следовательно, Калиткина повторяла не свой, а слышанный ею плач по сыну-рекруту. *Из городов-то понизовниих, Понизовниих украинниих* — формула, перенесенная из песен (волжских, донских и т. д.). Здесь: из дальних краев.

Плач по матери («Еще как-то мне, горюшечке...»). Впервые — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», т. 17, стр. 25; зап. Ф. О. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ., в 70-х годах XIX в. Исполнительница неизвестна. Печ. по Смирнову, № 33.

Голошение матери на могиле взрослой дочери после отпевания. Впервые — Агренева, стр. 44; зап. от «нищей Ульяны» из Вологодской губ. в 1886—1887 гг. Фамилия и отчество исполнительницы остались неизвестными. На титульном листе 3-й части своего сборника О. Х. Агренева-Славянская называет ее «нищей Ульяной из Петрозаводска». От Ульяны в этом томе опубликовано пять текстов причитаний. *Угащивать* — гостить. *Раструбисты сарафаны* — косоклинные широкоподольные сарафаны.

Поминальное причитание по родной тетке. Впервые — Агренева, стр. 57; зап. от «нищей Ульяны» в 1886—1887 гг. *Княгинюшка* — невеста.

Плач наемной вопленицы за мать о сыне. Впервые — Ю. Готье. «Вопи» Вельегонского у., Тверской губ., — «Этнографическое обозрение», 1897, № 4, стр. 112; зап. от Е. Николаевой из д. Макой-Горы, Щербовской вол., Вельегонского у., Тверской губ. Екатерина Николаева — профессиональная вопленица, очень бедная старуха-бобылка. В год записи ей было 80 лет. Публикуемый текст — своеобразный пример индивидуального творчества со сравнительно слабым использованием традиционных мотивов (ср. записанный от нее же рекрутский плач — Готье, стр. 116). Объяснение этому следует искать, очевидно, не столько в слабости местной традиции (судя по имеющимся записям, она была достаточно сильна), сколько в обстоятельствах жизни исполнительницы, вынужденной причитыванием добывать себе пропитание. Своеобразная черта ее плачей — название по имени покойного и его родственников. Текст ошибочно назван собирателем «Вопль дочери об умершем отце», что совершенно противоречит содержанию плача.

Плач батрачки. Впервые — А. М. Астахова. Плач батрачки (К вопросу о народных внеобрядовых лирических импровизациях). — «Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков», М. — Л., 1958, стр. 28; зап. от А. Т. Онуфриевой из д. Нижняя Золотица, Приморского р-на, Архангельской обл., в июле 1937 г. Авдотье Трофимовне Онуфриевой в год записи было 60 лет. С восьмилетнего возраста ей пришлось пойти «в чужие люди» и с тех пор и до образования колхозов непрерывно батрачить. Подробнее об А. Т. Онуфриевой см. в статье А. М. Астаховой, стр. 33—34. Записанный в 1937 г. текст воспроизводит, по-видимому, неоднократно повторявшийся в прошлом плач о тяжелой батрацкой доле (ср. «Прежде, как я в казачьих жила, и вспомню, как я позорилась, сяду на угор и все приплачу» — стр. 34). Публикуемый текст представляет собою редкий образец записи батрацкого плача. *Праздников... двенадцатых*. «Двенадцатыми» назывались важнейшие церковные праздники, которых насчитывалось (без пасхи) двенадцать.

Плач по мужу, убитому на войне с Японией. Впервые — Н. С. Шайжин. Приплач вдовы по мужу, убитом на Дальнем Востоке. — «Олонецкие губернские ведомости», 1905, № 107 и 109; зап. от Н. В. Конихиной из д. Корнышевской, Нигижемской вол., Пудожского у. (ныне КАССР), в 1905 г. Муж Конихиной служил матросом в Тихоокеанской эскадре. *Полки не довольны* — полки не скомплектованы. *Нет в темны лёсы пастыря*. В Карелии коров пасут в лесу.

Плач об ушедших в солдаты. Впервые — А. Суворовский. Вопли Новгородской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1907, № 3, стр. 93; зап. от Е. Денисовой из с. Коломны, Перегинской вол., Старорусского у., Новгородской губ. В плаче речь идет о солдатах, ушедших на русско-японскую войну. От Елены Денисовой записаны еще «Вопль по отцу» и «Плач по ребенку».

Плач по ребенку. Впервые — А. Суворовский. Вопли Новгородской губернии. — «Этнографическое обозрение», 1907, № 3, стр. 90; зап. от Е. Денисовой. *Поколеньице* — здесь: род, племя, семья.

Плач у гроба сестры. Впервые — А. Малиновский. Похоронные причеты в Перской вол., Устюженского у., Новгородской губ. — «Живая старина», 1909, вып. 1, стр. 72. Исполнительница неизвестна. В плаче идет речь о двоюродной сестре причитывающей, с которой она жила в одном доме у родственников (обе были сироты). В первой части плача содержится просьба рассказать матери причитывающей (при встрече «на том свете») о том, как они вместе горевали. *Ты свою да крестну матушку*. Из дальнейшего текста выясняется, что крестная мать умершей

была родной матерью причитывающей. *Дом благодатный* — гроб. *Ты послушай-ко, ясён сокол*. Причитывающая обращается к племяннику умершей, пришедшему на похороны.

Плач по мужу («Вы голубушки, мои тетушки...»). Впервые — Азадовский, № 53; зап. от А. С. Белоусовой из с. Белоусово, по р. Куленге, Верхнеленского уезда, летом 1915 г. Анисье Семеновне Белоусовой в год записи было 55 лет. О ней см. Азадовский, стр. 47—48, 58, 67 и др. *Нас не пригреет*. У Азадовского ошибочно: «его не пригреет». *Нас не обогреет*. У Азадовского ошибочно: «его не обогреет». *Без родимого нас батюшка*. У Азадовского: «без родимова его батюшка».

Плач об умершем муже («Ох ты мнечюшки тошнехонько...»). Впервые — Соколовы, стр. 398; зап. от Л. А. Шарашевой из д. Терехово-Малахово, Белозерского у., Новгородской губ. В год записи Лукерье Афанасьевне Шарашевой было около 40 лет. Кроме семи кратких текстов похоронных причитаний от нее записаны одна историческая и тринадцать лирических песен.

Плач круглой сироты. Впервые — Андреев—Виноградов, стр. 209; зап. В. И. Чернышевым от Е. Я. Чернышевой из с. Давыдовского, Юрьевского у., Владимирской губ., в августе 1886 г. Екатерина Яковлевна Чернышева, как сообщает В. И. Чернышев, «бывшая дворовая помещиков Изъединовых, жившая у них то в роли няни, то в роли экономки». По просьбе собирателя Е. Я. Чернышева, воспроизводила плач не сложенный ею самой, а слушанный «в деревне».

Причитание по матери («Моя родненькая матынька...»). Впервые — Андреев—Виноградов, стр. 207; зап. В. И. Чернышевым от исполнительницы из д. Горловой, Гдовского у., Петроградской губ. Собиратель оставил о ней следующие сведения: «Имя ее не сообщается по ее желанию. Мать ее «хорошо плакала». И сама она в плачах по матери, муже и взрослому сыну причитала много, не отдавая себе отчета, как это выходило, и не обдумывая заранее. Рассказывать причитания об умерших так, ради любопытства спрашивавшего, ей не хотелось; от нее записано мало, между прочим, потому, что воспоминания об умерших ее очень волновали».

Плач сироты на кладбище в родительский день. Впервые — Смирнов, № 20; зап. Д. Ершовым от М. К. Сановой из д. Братухиной, Варнавинского у., Костромской губ., в 1919 г. *Родительский день* — день поминания умерших родственников, особенно родителей. В большинстве губерний старой России родительскими днями считались так наз. «дмитриевская суббота» («родительская суббота»), т. е. последняя суббота перед 26 октября, вторник на так наз. «фоминной неделе» (первая неде-

ля после пасхи) и др. В эти дни посещали могилы умерших, вспоминали их, причитывали по ним, совершали обрядовую трапезу и обрядовое «кормление» покойников (т. е. оставляли часть пищи на могиле; по позднейшему объяснению — оставляли для них) и т. д. *Оградушка мирская* — кладбищенская ограда. *Полотенечко* — полотняный саван, в который была обряжена покойница.

Причитание вдовы на сенокосе. Впервые — Михайлов, № 18; зап. от Е. А. Петуховой из с. Нюхча, Беломорского р-на КАССР. Евдокия Антоновна Петухова родилась в семье рыбака-помора. В 17 лет потеряла руку. Стыдилась своего уродства и тайне оплакивала свою жизнь. Вышла замуж 30 лет и в 42 года овдовела. Была пастухом, работала на лесозаводе в Сороке (теперь г. Беломорск). В 1938 г. жила на иждивении старшего сына. Муж умер в дореволюционное время. Плач был повторен исполнительницей по просьбе собирателя в 1935 г. От нее же записано «Причитание на зимнем ужбище наваг на морской губе». Вдова причитывает во время кошения сена на «теребе», т. е. на расчищенном участке леса. Ее сыновья в это время впервые отправились в море с рыбацкой артелью без отца.

Причеть по сыну, раздавленному лесами при ремонте одного из петербургских дворцов. Впервые — Соколовы, стр. 399; зап. исполнительницей П. В. Ершовой из д. Покровской, Пунемской вол., Кирилловского у., Новгородской губ. В год записи Парасковье Васильевне Ершовой было 60 лет. В сб. Соколовых публикуются две сказки, четыре стихотворных эпических текста, 27 песен и 26 заговоров, записанные от нее. *Преображенско славно кладбище* — Преображенское кладбище в Петербурге.

Плач на могиле мужа, убитого деревом на лесозаготовках. Впервые — Михайлов, № 15; зап. от А. Ф. Касьяновой в д. Лисициной, Кузарандского с/с, Заонежского р-на КАССР. Александра Федоровна Касьянова в детстве слышала причитания своей землячки И. А. Федосовой и ее ученицы М. И. Лобачевой. См. о ней: Михайлов, стр. 116; В. Г. Базанов. За колючей проволокой. Петрозаводск, 1945, стр. 14. Муж Касьяновой был убит деревом на лесозаготовках в дореволюционное время. Плач был повторен исполнительницей по просьбе собирателя в 1938 г. *Раскат-гора* — «искат-гора» (см. словарь).

Причеть по сыну, умершему на военной службе. Впервые — Соколовы, стр. 400; зап. от Л. А. Шарашевой из д. Терехово-Малахово, Мишутинской вол., Белозерского у., Новгородской губ. О Шарашевой см. стр. 411.

Причеть сестры по брату, идущему в солдаты. Впервые — Соколовы, стр. 401; зап. от А. Ф. Карповой из

г. Кириллова, Новгородской губ. От нее же в сборнике Соколовых публикуются записи восьми песен и трех причитаний. *Кириллово* — г. Кириллов.

Причитание по мужу («Ой, ты скажи-ко, голубчик мой...»). Впервые — Смирнов, № 5; зап. в январе 1920 г. Е. Д. Козловой в Шушкодомской вол., Буйского у., Костромской губ. Исполнительница неизвестна. *К пресвятой да богородице* — т. е. на кладбище.

Причитание по матери («Не стосковалась ли, матушка...»). Впервые — Смирнов, № 23; зап. около с. Пыщуг, Ветлужского у., Костромской губ., в 1919 г. Исполнительница и собиратель неизвестны. *По своему ладе милому* — причитывающая говорит о своем отце (для покойной матери он — «лада милая», т. е. муж). *Перкстися* — пережестись.

Причитание племянницы по дяде. Впервые — «Труды Владимирской ученой архивной комиссии», т. 17, стр. 25. Печ. по Смирнову, № 39; зап. Ф. Д. Нефедовым в Кологривском у., Костромской губ., в 70-е годы XIX в. Причитает племянница, жившая в семье дяди, по-видимому девушка «на выданьи» (*Собирался ты на свадьбу ко мне*). Ф. Д. Нефедов так комментирует запись: «Причитание прерывается. Племянница, увидавши дыру в гробе: «Какая у тебя, дядюшка, дыра-то», — говорит. У крестьян есть примечание: если на гробе покойного найдут дырочку, то стараются ее или заделать, или чем-нибудь закленить, думая то, что мертвый унес с собой все счастье из дому, а если какое и осталось, то оно может перейти к мертвому через самую малую скважину. Все перестают плакать и стараются заделать на гробе дыру, скважину» (Смирнов, стр. 78).

Причитание по матери-солдатке. Впервые — Смирнов, № 70; зап. М. М. Зиминым в Ковернинской вол., Макарьевского у., Костромской губ., в 1917 г.

Плач сироты по матери («Отлетела моя матушка...»). Впервые — Азадовский, № 63; зап. от Ф. И. Белоусовой из с. Усть-Тальма, Верхнеленского уезда, летом 1915 г. В год записи Федосье Ивановне Белоусовой было 65 лет. В сборнике М. К. Азадовского, кроме публикуемого текста, приводятся записи пяти плачей от той же исполнительницы: «По сыну», «По матери», «Когда несут из церкви, если отец еще раньше умер», «В родительскую субботу», «На войну провожать». *Разбавили* — здесь: избавили.

Причитание матери по сыну-партизану, убитому японцами. Впервые — А. Н. Соколова. Материалы для изучения партизанской поэзии. — «Сибирская живая ста-

рина», вып. 5, Иркутск, 1926, стр. 161; зап. от А. Л. Клиндух из с. Черниговки, Никольско-Уссурийского у., Приморской обл. В год записи Александре Лаврентьевне Клиндух было 19 лет. По просьбе собирателя, она воспроизвела плач, слышанный ею в годы японской оккупации Приморья. Текст, записанный от нее, представляет собой редкий образец причитания, сложенного в годы гражданской войны. От нее же записано «Причитание жены по мужу-партизану».

Плач по мужу, погибшему в боях с белыми. Впервые — Михайлов, № 37; зап. В. В. Чистовым от А. Н. Корешковой из д. Сиверской, Песчанского с/с, Пудожского р-на КАССР, в 1938 г. Причитывала в 1921 г., когда узнала о смерти мужа, погибшего в 1920 г. От Анны Николаевны Корешковой записан кроме того плач о В. И. Ленине (Михайлов, № 64). *Я бы сняла тело мертвое* — велела бы сфотографировать портрет. *Стеночка лицая* — стена, окна которой выходят на улицу.

Причёт о горькой женской доле. Впервые — Леонтьев, стр. 87; зап. от М. Р. Голубковой из д. Голубковой, Нижнепечорского края, в апреле 1938 г. В год записи Маремьяне Романовне Голубковой было 45 лет. Голубкова — известная советская сказительница, знаток печорских песен, сказок, причитаний и др. Записи от нее производились в конце 30-х годов. Тогда она начала складывать сказы на советские темы («Мать Печорушка — всем рекам река...» и др.). В годы Великой Отечественной войны она приобретает значительную известность как мастер стихотворного сказа (см.: М. Р. Голубкова. Слово — силушка большая. Архангельск, 1949, и др.). Своеобразный характер приобретает ее творческое содружество с писателем Н. П. Леонтьевым, в соавторстве с которым она создает автобиографические книги «Два века в полвека», «Оленьи края» и др. Подробней о ней см. во вступительной статье Л. Скоринко к книге «Слово — силушка большая». Публикуемый текст воспроизводит бытовое причитание о горькой доле, созданное, по-видимому, в предреволюционные годы и повторявшееся в 1920-е годы. Голубкова рассказывала о себе: «До семи лет по миру ходила, а с семи до девятнадцати на чужих людей здоровье вкладывала. Семнадцати лет не исполнилось — отдали меня против воли в Пустозерск замуж. До самой свадьбы не видела жениха в глаза. Бил меня муж смертельно. Когда от побоев выкидыш получила, ушла от мужа. Жить было очень трудно: недаром у меня с двадцати четырех лет волосы седые. Пришлось мне снова замуж идти. За старика вышла. Жила кое-как, да ребяташек много пошло: семнадцать человек родилось всего, а после мужа шестеро осталось... Когда я своего старика хоронила, так я не так, как все люди, плакала, а вспоминала всю свою прежнюю жизнь и обсказала свое горе» (Леонтьев, стр. 11). *На делѹ* — при дележе, т. е. когда делили «дом» между людьми.

Плач о Ленине. Впервые — «Сказы и плачи о Ленине». Петрозаводск, 1938, стр. 42—47 (см. также «Советский фольклор»,

№ 6, 1939, стр. 90). Печ. по Михайлову, № 67; зап. Л. Грозовым и В. Чистовым от Е. П. Копейкиной в 1937 г. в с. Пудож, Пудожского района КАССР. Повторная запись была произведена В. Чистовым в 1938 г. (см. «Народное творчество Карело-Финской ССР. Записи 1937—1938 гг. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания В. Чистова. Под редакцией А. Н. Лозановой». Петрозаводск, 1940, стр. 25). О Копейкиной см. примеч. к след. тексту.

Плач по мужу («Уж не доли-тко меня, беднушку...»). Впервые — Михайлов, № 52; зап. Е. П. Родиной от Е. П. Копейкиной из с. Пудож, Пудожского р-на КАССР, в мае 1939 г. Евдокия Павловна Копейкина хорошо знала и исполняла старинные песни, свадебные и похоронные причитания и сказки. В год записи ей был 61 год. Выросла в бедной, многодетной крестьянской семье. 22 лет вышла замуж. В 1929 г. муж, о котором говорится в плаче, по дороге из Петрозаводска на Онежском озере заболел и умер. Копейкина осталась с четырьмя детьми, из которых только старший сын к этому времени имел самостоятельный, но незначительный заработок. Копейкина обратилась к правительству с просьбой о помощи. После этого ее младший сын был помещен в детский дом, а одной из дочерей была назначена стипендия до окончания учебы. В публикации Михайлова после строки «В советску жизнь да их повыведи» (стр. 205) приводится еще одиннадцать строк, добавленных при повторном исполнении для записи, которые мы в настоящем издании опускаем. Плач впервые исполнялся в 1929 г. Автобиографию Копейкиной см.: Михайлов, стр. 201—202.

Плач по сыну, ужаленному змеей. Впервые — Михайлов, № 31; зап. Г. Н. Париловой от Е. С. Журавлевой из пос. Первомайского, Пудожского р-на КАССР, в июле 1939 г. Екатерина Семеновна Журавлева — видная сказительница, знаток былин (см.: Былины Пудожского края. Петрозаводск, 1941, стр. 449—458), сказок, песен, причитаний (см.: Михайлов, №№ 29—32, 65, 68, 72, 75 и 80). В год записи Журавлевой было 42 года. В конце 30-х годов Журавлева пыталась складывать сказы-плачи о Ленине, Кирове, Крупской, Чкалове и др. и сказы-былины («О боях на озере Хасан»); некоторые из них были опубликованы в названных изданиях и в книге «Народное творчество КФССР». Петрозаводск, 1940, стр. 134—135. В публикуемом тексте речь идет о сыне Журавлевой, умершем в 1928 г., пятнадцати лет, от укуса змеи.

Плач об одинокой доле. Впервые — Михайлов, № 48; зап. от Г. Моисеевой из с. Ножево, Колдовского с/с, Пудожского р-на КАССР. Ульяна Григорьевна Моисеева растила пятерых детей (о ней см. Михайлов, стр. 190). Старший сын умер в 1937 г. от тифа, остальные уехали из дома на различные работы. Дочери вышли замуж. В 1938 г., когда плач был записан, ей было 58 лет. От Моисеевой записаны, кроме публикуемого текста, плачи по сыну, по тетке и по матери. *Да не в моем распоряженьице.* Имеется в виду старший сын, умерший ко времени записи плача.

Плач о жизни в оккупации. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 71; зап. А. П. Разумовой от А. М. Мишиной из д. Царево, Заонежского р-на КАССР, в сентябре 1944 г. Заонежье — один из районов Карелии, во время Великой Отечественной войны временно оккупированный немецко-финскими войсками. Большинство жителей Заонежья было эвакуировано оккупантами, многие селения были разрушены, молодежь согнана в лагеря и т. д. *Спорядовые да три наши соседушки*. Причитывающая жила в эвакуации в одной избе с двумя другими семьями. *Вспомню своего сына любимого*. Один из сыновей причитывающей погиб в партизанском отряде.

Плач по сыну, погибшему на фронте Великой Отечественной войны. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 68; зап. от А. Т. Конашковой из Петрозаводска (родом из д. Семеново, Пудожского р-на КАССР). Александра Тимофеевна Конашкова — известная сказительница, знаток традиционных песен и сказок; невестка знаменитого пудожского сказителя Ф. А. Конашкова. С 30-х годов Конашкова создавала песни и сказы на советские темы (см. «Народное творчество КФССР». Петрозаводск, 1940, стр. 102—103, 199 и др. издания). Сын Конашковой погиб во время Великой Отечественной войны.

Плач о погибшем в годы Великой Отечественной войны. Впервые — В. Базанов. За колючей проволокой. Из дневника собирателя народной словесности. Петрозаводск, 1945, стр. 54; зап. В. Г. Базановым и А. П. Разумовой от А. К. Калининой из д. Паяницы, Заонежского района КАССР, в 1944 г. В сентябре 1944 г. после освобождения Заонежья Александра Кирилловна Калинина получила извещение о гибели сына на фронте Великой Отечественной войны. Во время оккупации у нее, кроме того, погибла дочь. *Мне-ка сесть было, кручинной головушке*. Как сообщают собиратели, сын Калининой в школьные годы сторожил гороховое поле и в шутку выбил на одном из камней надпись:

Прощай, гороховое поле,
Провел с тобой я много дней
И не вернусь к тебе я боле...

Сказ об освобожденном Заонежье. Впервые — «Фольклор Советской Карелии», стр. 72; зап. А. П. Разумовой от Е. Ф. Герасимовой из д. Палтега, Заонежского р-на КАССР, в сентябре 1944 г. после освобождения Заонежья от финско-немецкой оккупации.

Свадебные причитания

Плач невесты на рукобитье («Чего век-то я не думала...»). Впервые — Шейн, № 1663; зап. в с. Витушево, Белозерского у., Новгородской губ. Исполнительница неизвестна. *Зим-*

не обряжанице — зимняя домашняя женская работа. *Засвечать-то воскову свечу*. Свечи зажигались во время рукобитья в знак того, что сговор состоялся, невеста просватана.

Плач на девишнике («Не в саду я загулялася...»). Впервые — «Труды Ярославского статистического комитета», 1868, вып. 5. Печ. по Шейну, № 2184—2185, в составе описания свадебного обряда; зап. С. Я. Деруновым в Пошехонском у., Ярославской губ. Девишник, по описанию С. Я. Дерунова, в Ярославской губ. бывает в последний вечер перед свадьбой. Во время причитывания невеста сидит за столом с закрытым лицом. В публикуемом причитании невеста обращается к подругам, а потом, начиная со слов «Ты прости-ко, краса девичья», к «красоте» (о «красоте» см. стр. 40). *В косу лента не вплетеная*. Имеется в виду лента-косоплетка, которую вплетали девушки в косу на девишнике (вплеталась в «красоту»). *Ты возьми-возьми, мила сестра*. После причитаний невеста раздает ленты из «красоты» подругам и если среди них есть младшая сестра — ей первой.

Плач невесты в день свадьбы («Вы ставайте-тко, сонливые...»). Впервые — Шейн, № 1670; зап. в д. Дуброво, Белозерского у., Новгородской губ. Исполнительница неизвестна. *Не с огня да разжигается*. У Шейна ошибочно: «Не стогня да разжигается».

Причитание невесты в первый день сватовства. Впервые — Михайлов, № 54, стр. 232; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г. Матрене Филатовне Павковой в год записи было 59 лет. С детства батрачила на кулаков. Муж вскоре после возвращения с японской войны умер. Павкова рассказывала собирателю: «Тут я наскопила горюшка три морюшка, а слез-то три озерышка, как причитывала тогда: я и на лесозаготовку, и на поденщину к богатым за 20 копеек в день, и туда, и сюда. Ни обуви, ни одетки, ни хлеба». После революции Павкова стала женделегаткой, участвовала во Всекарельском съезде женщин. В год записи ее сын был старшим агрономом МТС. Павкова смолоду научилась складывать и бытовые, и свадебные причеты, подголосничала на свадьбах. Подробнее о ней см.: Михайлов, стр. 98. В сборнике Михайлова опубликованы ее плачи по сыну, по мужу и плач по В. И. Ленину. *Клади волюшку в неволюшку* — сменили волю на неволю. *Там была улличка... потешали мою волюшку*. Счастливое девичество невесты сравнивается с ровной, красивой улицей, богато устроенной площадью, цветущим садом и т. д. *Допустите... в последних Со баженой вольной волюшкой* — т. е. дайте мне в последний разок погулять на воле. *Возвращенице* — здесь в смысле воспитания (от «ростить»). *На судимую сторонушку*. У Михайлова ошибочно: «Не судимую сторонушку». *Я ни на поле долиночки* — т. е. не прошу доли земельного участка семьи.

Невеста рассказывает «сон» утром в день свадьбы. Впервые—Михайлов, № 54, стр. 237; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г.

Причитание невесты при встрече жениха в день свадьбы. Впервые—Михайлов, № 59; зап. от М. Ф. Павковой из д. Песчаное, Пудожского р-на КАССР, в феврале 1938 г. Членение причитания соответствует обряду «отдания волюшки» («красоты») невестой жениху. *Поезд княжеченский*—все лица, сопровождающие жениха. *Завеса*—занавеска, которой прикрывается невеста до приезда жениха в ее дом в день свадьбы. *Петроград да со бурлакама*. В конце XIX—начале XX века основная масса «бурлаков» из северных губерний направлялась в Петербург. Петроград—явный анахронизм. Павкова выходила замуж в 90-е годы XIX в.; следовало бы—Петербург. *Местная богородица*. Местными назывались нижние, постоянные иконы в церковном иконостасе («спаситель», «богоматерь», «евангелисты» и др.).

Причѣт при расставании с подружкой. Впервые—Леонтьев, стр. 85; зап. от М. Р. Голубковой из д. Голубковой, Нижнепечорского края, в апреле 1938 г. О Голубковой см. стр. 414. В публикуемом тексте причитывающая прощается на девишнике со своей подругой, делившей с ней все горести. *Как в расстанюшке житья девьего*—т. е. когда мы будем жить в разлуке.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ¹

Аще — ежели, коли.

Бажёный — желанный, любимый.

Балясины — перила.

Баский, баской — красивый.

Бедбвый — бедственный, гибельный.

Безунённый — неугомонный, беспризорный.

Беспронбсный — тайный, секретный.

Бесталáнный — несчастливый, неудачливый.

Благоденец — младенец.

Богоданный (родитель, брат и т. д.) — родственник по жене или мужу (напр., «богоданный батюшка» — свекор, «богоданная матушка» — свекровь).

Болта́рь — алтарь.

Больша́к — глава патриархальной семьи.

Большу́ха — жена большака (см.) или другая старшая женщина в патриархальной семье.

Бра́ный — затканый узором.

Бросли́вый — опрометчивый.

Брю́зга, брю́дга — посаженная от жениха или сватья от невесты.

Бу́де — если, как будто.

Бурла́к — холостой крестьянин, отправляющийся на заработки, добытчик.

Бусе́ть — темнеть, тускнеть.

Бу́ява, бу́ево — кладбище, могила.

Быв — как будто, якобы.

Быва́т — может быть, если.

Быстерь — стержень, место наиболее сильного течения реки.

Вдостольные — вдосталь, вконец, окончательно.

Велика́тие — важность, приличие.

Ве́ргать — бросать, швырять.

¹ В словаре приводятся значения слов применительно к публикуемым текстам.

- Вершник* — свадебный дружка, едущий верхом впереди свадебного поезда.
Ветля́ный — приветливый, обходительный.
Взыска́ть — искать.
Взышо́н, зыче́н — звучный, громкий.
Вила́вый — извилистый (о дереве).
Вину́ть — повеять, пахну́ть (о ветре).
Вкру́те — быстро, скоро.
Вночесь — прошлой ночью.
Возгорчи́ться — разобидеться.
Возду́х — покров на сосуды со «святыми дарами» в церкви.
Возраст — возрастание, рост.
Волок — переезд, расстояние.
Волокитный, волоки́дный — бездельный, бестолковый.
Вон — внешняя сторона.
Вопота́й, впо́тай — тайно, исподтишка.
Вопрягу́ (про лошадь) — запряжена, наготове.
Воспитыва́ть — прокармливать (от «питать»).
Вось — авось.
Всобину́ — особо, отдельно.
Вспомя́тить — вспомнить.
Выру́чка — прилавок.

Го́зеба, го́стеба — гошение, угощение, пир.
Го́левый — сделанный из го́ли (китайская шелковая ткань вроде камки).
Гостя́бище — пир, угощение, гошение.
Гру́бный — грубый, невежливый.
Гру́зная (о женщине) — беременная.
Грядка — полка, идущая от печи к стене.
Гряновита́я — а) гряновитая палата — грановитая, облицованная граненым камнем; б) гряновитая туча — туча, готовая грянуть громом.
Гуля́рное (платье) — выходное, праздничное.

Давать́ся — просить разрешения, отпрашиваться.
Дайво́люте — дайте волю, разрешите.
Добира́ться — добиваться.
Доброу́мь — учить уму-разуму.
Довле́ть (с род. пад.) — удовлетворить, доволить.
Домови́ще — гроб.
Досю́льный — давний, прежний.
Дробить — дрожать, испытывать страх.
Дро́ка — ласка, баловень.
Дрочи́ть — гладить, ласкать.
Ду́-друга — друг друга.
Дяденка, дя́инка — тетка; жена дяди.

Жадо́бный — желанный, любимый.
Живле́нье, живле́ннице — жизнь.
Жир, жиру́шка — жизнь в достатке.
Жирный — богатый, доходный.

Жировать — отдыхать, жить в достатке.

Жуковина — камень на перстне.

Жупётъ — петь птицей.

Жупление — звонкое птичье пение.

Забра́ный — см. браный.

Забуду́щий — беззаботный.

Заведенье — имущество.

Завихнуть — сдвинуть, загнуть, отвернуть.

Заволочиться — зарости травой, покрыться тиной.

Загозка, загошечка — кукушка.

Задлиться — замешкаться.

Задорная (работа) — беспокойная.

Задумный — задумчивый.

Заедино — заодно.

Закратить (свечу) — загасить. *Закратиться* — укоротиться, погаснуть (о свече).

Заложка — щеко́лда, закладка.

Зало́м — нагромождение бревен, мешающее сплаву.

За́пад — западный ветер.

Заполька — отдаленная пожня, за полями.

Запольные (соседушки) — дальние.

Запоручить (красоту) — сговорить девушку замуж.

Заразить — убить, поразить насмерть.

За́риться — завистливо глядеть.

Заси́ять — зачать.

Захлынуть — прихлынуть.

Захрестье — заросль, глухое заросшее место в лесу.

Зде-ко — здесь.

Здор — ссора.

Здоровье (содиять здоровье) — поздороваться, повеличать кого-нибудь.

Зды́нуть — поднять, возложить (о руках).

Зень — земля.

Злокоманный — злонамеренный, злорадный.

Золоцовый — золоченый.

Зорить — разорять, портить.

Зябелъ — холод, стужа.

Зяблый — погубленный морозом.

Изведывать — рассказывать, поведать.

Измо́га — сила, возможность.

Изотчина — отчество.

Изъезжаться — издеваться.

Изъянить — причинять кому-нибудь ущерб, убыток.

Има́ть — брать.

Ими́нье (именье) — имущество, состояние.

Инный — иной.

Искатная (гора) — крутая (от «скат»).

Кажы́ный — каждый.

Ка́жици — кажется.

Казак, казачиха — батрак, батрачка.

Кáнуть — капать.
Кáрзать — рубить.
Кехтать — желать, охотно делать что-нибудь (от карельского *keh(t)ata* — хотеть).
Клеть, клеточка («мелкорубленная клеточка») — пристройка к крестьянской избе — чулан либо помещение для новобрачных, не имеющих еще своего жилого помещения.
Кливить — дразнить до слез.
Кокоша — кукушка.
Коло́вый — жесткий.
Колода (белодубовая) — гроб.
Колы́бать — колыхать, качать.
Комо́нь — конь, лошадь.
Ко́рба — лесная заросль, чашоба.
Кори́ться — виниться, смиряться.
Корминочки — родители, кормильцы.
Косевчатое, косивчатое (косящатое) (окно) — окно с косяками и рамой (в отличие от волокового).
Кра́сота — венец невесты из лент и цветов, символизирующий девичество и девичью волю.
Кретать (*кренуть*) — двигать, двинуться с места.
Крутить — одевать, наряжать.
Кужля́вый — кудрявый, курчавый.
Кыкать — кричать по-лебединому.

Лади́ть (кого-нибудь кому-нибудь) — отдавать по уговору.
Лади́ться — собираться.
Левантеровый (платок) — платок из шелковой ткани (привозившейся с Востока, первоначально из Леванта).
Леси́на — ствол дерева.
Ли́пина — косяк (окна или двери).
Ли́стье — листва.
Лопо́ть, лопоти́на, лопотьё́ — рабочая, плохая, ветхая одежда.
Лудá — мель, камни в озере, выступающие из воды.

Мале́нка — мера зерна, равная восьми гарнцам.
Мани́ть — обманывать, дурачить.
Ма́рёга — марево, туман.
Матоний — возможно: нежный, ласковый (от «матоня» — ухажер, любимый).
Меженный, межо́ный — длинный, долгий, летний.
Метаться (ногами) — сбиваться, путаться.
Могота, могу́та — мощь, сила.
Мостина, мостинка — половица моста, т. е. сеней и крыльца.
Моча́лый (дождик) — сильный дождь, прсмачивающий насквозь.
Мутарсли́вый — неприятный, трудный, беспокойный (от «мотор-ный»).

Мишо́ный — конопаченный мохом.

Наб — надо бы.
Наважа́ть, наважда́ть — искушать, соблазнять.
На́вляться — мазаться, умащиваться.

Надёя — надежда.
Надяться — надеяться.
Надрыгаться — грубо насмехаться, издеваться.
Наздынуть — наложить на что-нибудь.
Назóла, назолушка — грусть, огорчение; *давать назолушку* — огорчать, досаждать.
Найстойсливый — упорный, настойчивый.
Накрывать — одолевать (о работе).
Наместные, местные свечи — церковные свечи в больших подсвечниках.
Нанёмицик — нанятый вместо рекрута.
Напоры — тем временем, кстати, впору.
Наряжать — а) задавать работу, б) приготавливать.
Настоятель — старший в доме, большак.
Начáл, начáло — вступительная молитва, которая читалась старобрядцами перед каждым церковным или светским обрядом.
На часú — быстро, скоро, второпях.
Начаяться — надеяться, ожидать.
Нéвесто — неизвестно.
Нéкак — невозможно, никак.
Непосульная смерётушка — неподкупная смерть.
Непроносный — см. пронос.
Неудольный — а) неодолимый, б) обделенный, несчастный.
Неустижимый — непонятный, непостижимый.
Ноньку, нуньку, нёнько — нынче.
Нужный — бедный, убогий.

Обаить — а) оговорить, б) сглазить.
Обзавидать — позавидовать.
Обидный — обиженный, обездоленный.
Обмендёрить — одеть в мундиры.
Обряжáнье — ведение домашнего хозяйства.
Обрящаться — а) явиться, произойти, б) обретаться, находиться.
Обумиться — прийти в себя, подумать о своих делах.
Огрáять — охулить, осмеять.
Огрúбить — ругать, оскорблять.
Огрúзить — утруждать.
Одинóва — однажды, один раз.
Одинцовая (шуба) — а) шуба из целого куска, б) шуба из соболя — одиноца (лучшего соболя).
Озáриться — позариться, польститься.
Ознобушка — огорчение, забота (от «озноблять» — поморозить).
Окинуться — ошибиться, обмануться, соблазниться.
Оклóчина, оключина — уключина.
Окобница, околени — оконница, оконная рама.
Окопíть — собрать.
Окутьице — придверный угол избы вместе с придверной лавкой.
Опришенный, опишний — отделенный, отрешенный от чего-либо.
Ослухаться — прислушиваться.
Осмелить (головушку) — набраться храбрости.
Остолопиться — растеряться, застыть в изумлении (от «столоп» — столб).

Остри́ть, *остра́живать* — страшать, угрожать.
Ота́дные (сестрицы) — замужние, отданные в другую семью, де-ревню.
Отлѣи́ться — потерять, лишиться.
Отложи́ть — открыть, отпереть.
Оттолкѹ́ — толком, внятно.
Оттошнѹ́ — тошным-тошнѹ.
Отхлянушка — облегчение, выздоровление.
Оты́ней — отныне.
Очѣ́мый — сказанный в глаза.
Ошѣ́сток — передняя часть русской печи (перед челом).

Па́дора, па́дера — буря с дождем либо снегом.
Па́трушить — вскрывать мертвое тело.
Пелена — салфетка, убрus, подвешенный под икону, шитый золо-том, низанный стеклярусом, вышитый и т. д.
Перебо́дный — прошлогодний, оставшийся с прошлого урожая.
Перебо́вщик — вожак, зачинщик, коновод.
Перейма́ть, перея́ть — а) перехватить, б) найти.
Пе́рое (крылечко) — окруженное перилами.
Перепа́сться — изнемо́чь.
Пе́рески — пальчики (от «перст»).
Перестави́ться — прѣстави́ться, умереть.
Пеун (петун) — петух.
Плановый (улочка плановая) — прямой, ровный.
Плѹ́тивце — поплавок.
Побаси́ть — украсить.
Побѣ́шенный — украшенный (см. баский).
Победная — горемычная.
Поблагѹ́ — по-хорошему, удачно.
Повѹ́д — хлопоты.
Повѹ́лка — послабление, распушенность.
Повонѹ́ — снару́жи.
Погра́бы — сгребание сена.
Подава́ться — см. дава́ться.
Подвѣсточка, подвесочка — женский головной убор — жемчужная сеточка на лоб или серьги (или то и другое вместе).
Подворник (ца) — батрак, работник.
Подкарзя́ный — см. карза́ть.
Подлѣ́тная (сторона) — южная.
Подра́живать — поглаживать по голове.
Подстрѣ́льный (сокол) — подстреленный, раненый.
Подсты́лый — охладѣвший, остывший.
Поезжа́не — участники свадебного поезда.
Пожитой — богатый, зажиточный.
По́жня — покос, луг.
Позора — мученье.
Позори́ться — мучи́ться.
Покру́та, по́крут — одежда, наряды.
Поку́читься — настойчиво просить, умолять.
Полномочный. (крестьянин) — зажиточный.
Полоха́ть, полоши́ть — волновать, пугать.

Помблвить — наговорить, заподозрить.
Поправить — требовать.
Попрежде — незадолго до чего-нибудь.
Пораздять — см. раздять.
Поретовать — см. ретовать.
Порный — а) сильный, здоровый, б) взрослый.
Поровёнок, поровечник — ровесник.
Порода — родственники, род.
Порозно — пусто.
Порядный (сосед) — сосед, односельчанин (от «ряд» — улица).
Порядня — домашняя женская работа.
Послий — последний.
Постановіться — приостановиться.
Постатейный — приличный, не нарушающий обычаев.
Постоятельный — старинный, давний.
Потленая (свеча) — обгоревшая.
Потужать — тянуть, заставлять.
Потурять — см. турить.
Потягі — сила, натуга.
Походня. В походню запохаживать — быстро, взволнованно ходить.
Почасту́ — часто.
Прелестный — прельщающий.
Прибадуручка — прибауточка.
Приберёгушка — защита, забота, опора.
Прибирать — подбирать, приискивать.
Прибоинка, пробоинка — дверная пробоина.
Привитать — пребывать, гостить, жить.
Приворотчик — сторож, привратник.
Приглубый — глубокий.
Пригодиться — случаться, удаваться.
Придержаться — израсходовать.
Придрокунка — ласка.
Прикинуться — пристать к кому-нибудь (внезапно).
Прилучиться — случиться, оказаться.
Природа — см. порода.
Присусьё — присутствие.
Пришануть (головушку) — приклонить, прислонить.
Проглунать — прозевать, пропустить.
Произвести — извести, уничтожить.
Проклада — нега, забава, праздность.
Прокладіще, прокладбище — гулянье, увеселения.
Проклажаться — забавляться, нежиться, тешиться.
Пронос — от «проносить»: распустить слух. *Не в пронос сказано* — между нами, по секрету.
Пряг — упряжка (лошадиная).
Пузовая — толстая, надутая.
Пытать — пробовать, добиваться.
Пятá (дверная) — деревянный шип вверху и внизу двери, замывавший дверную петлю.
Раденье — старанье, усердие, работа.
Радетель, радельник — заступник, благодетель.

Радѣть, радеть — желать.
Раздѣять (кручину) — развеять.
Разманивать, размаивать — а) (тоску) — разогнать, б) (руки) — раз-
 мять.
Разряжать (см. *наряжать*) — распределять работу.
Расположѣсь — разлиться, выйти из берегов (от «полюй»).
Ретливое (сердечушко) — горячее, сердитое.
Рѣтовать — сердиться, браниться.
Рѣшиться — лишиться.
Родимица — роженіца.
Рѣдышка — родимый, желанный.
Рѣзной, розной — ветхий, дырявый, худой.
Россыпь — сильное прибрежное волнение, бурун.
Рутить — см. рушить.
Рѣшать (о хлебе, пище) — делить, резать.
Рѣшить — лить, проливать (от рутить).

Саватиночка — уменьшительное от саван.
Сбы(н)дѣть — соскочить, сорваться.
Светило (*светильно*) — приспособление для держанія горячей
 лучины с целью освещенія.
Светлить — чистить до блеска.
Свиховаться — сдвигаться.
Сгрустнѣть (на кого-нибудь) — обидѣться.
Сдайволью — дай волю, позволю.
Сдвуродимый — двоюродный.
Сдовольный — а) имеющийся в достаточном количестве, б) при-
 носящий удовольствіе.
Сербетливый — свободный, бездельный? (возможно, от «сѣртать» —
 мотаться, шлѣться без дела, Даль, т. IV, стр. 178).
Сесветный — земной (происходящий на сем свете).
Сѣвер — а) север, б) северный ветер.
Скѣтный — ровный, круглый, будто скатанный.
Скидаться — раздеваться, разуваться.
Скляный — полный, налитый всклень, т. е. по самые края.
Сколота — заботы, тревога, беспокойство.
Скоп — толпа, сходка.
Скошеваться — собираться в одно место.
Скрозекозный — зловредный, всюду чинящий козни.
Славутный — славный, завидный.
Смелугище — смельчак.
Смѣкаться — бродить, разгуливать повсюду.
Снаряд — наряд, убор, одежда.
Снесможнехонько — невозможно.
Сноровить — разрешить, позволить.
Собраный — весь, целый.
Советный — задушевный, любимый.
Содержѣть — сдержать.
Сожалѣть, сожалеать — вызвать чувство жалости.
Сойма, соемка — большая озерная или речная лодка с килем.
Соложий — лакомый на что-нибудь, падкий, жадный.
Сосветный — см. сесветный.

Состоро́нь — со стороны, издали.
Сочини́ть — учинить, натворить; *сочини́ться* — случиться.
Спамя́тить — вспоминать.
Спа́хнуться — вспомнить о ком-нибудь.
Спа́цливый — вежливый, обходительный.
Сподоби́ться — собраться.
Споло́хаться — пугаться, поражаться.
Спо́рядный — см. порядный.
Срека́ться — корить, укорять.
Сру́чный — сподручный, подходящий.
Срыга́ться — издеваться.
Стави́ться — останавливаться.
Станица — стая, ватага.
Станли́вый — устроенный, пристойный.
Сто́лько — только.
Столы́паться — бродить толпами, слоняться.
Сто́пка — деревянный гвоздь в стене для одежды.
Стосну́ться — загрустить, затосковать.
Стра́женье — сражение, бой.
Странство, *страньство* — странствие, скитание.
Страхови́тый — страшный, наводящий страх.
Стре́та — встреча.
Сугре́вный — а) теплый, б) милый, сердечный.
Суди́мый — суженый.
Судину́шка — судьбинушка, судьба.
Судья́чить — судачить, порицать.
Су́рово — резко, бойко.
Су́ровство — рьяность, быстрота в деле.
Сухо́вывать — кручиниться, горевать.
Схвати́ться — спохватиться.
Сы́ченье — еда, трапеза.
Съеду́ба, *съеду́га* — сутяга, сварливый человек.

Тала́н — счастье, удача, судьба.
Таше́ца — птичка (от «пташица»);
Тэ́реб — место, очищенное от кустарника, зарослей.
Терпну́ть (о членах, частях живого тела) — неметь, затекать.
Томны́й — усталый, истомленный.
Топили́ще — нечто горящее (свеча, печь, лампада и т. д.).
Торо́к — порыв ветра, шквал.
Тосме́нный — тесмянный, сделанный из тесьмы.
Травча́тый — сделанный из травчатой — узорной с разводами — ткани.
Трестá — полотнище, полоса ткани.
Тро́сть — трос, веревка.
Труба́ — сверток материи.
Труд — болезнь, боль, недуг, скорбь.
Туля́ться, *тули́ться* — прятаться, скрываться; *с-за ту́льица* — из-за укрытия.
Тури́ть — гнать, прогонять.
Тухлы́й (голос) — отдаленный, едва слышный (от «тухнуть», «затухать»).

Убажной — см. бажёный.

Ублаждать — ласкать, улаживать.

Убоженство — чистоплотность, опрятность, порядливость.

Ударить — одарить, подкупить.

Удаты — удача, отвага.

Удобрять — одобрять.

Удблить — см. долить.

Укать — громко кричать, призывая кого-нибудь.

Улётый, улётный — резвый, быстрый, скорый.

Уловная, уловный (рыба) — пойманная.

Улыбчатая (лодка) — неустойчивая.

Унывный — грустный, печальный.

Уный — новый, лучший.

Упад, упадь — падаль.

Упáлый (зверь) — припавший, притаившийся.

Упьянсливый — пьяница.

Уречный — назначенный, определенный.

Устройный — устроенный по-хорошему, ладный.

Утулиться — спрятаться.

Учливый — вежливый, учтивый.

Фатера — лесная охотничья или рыбацья избушка (искаж. от «квартира»).

Хобот — крюк, окружной путь; *давать хобота* — давать круг.

Хоботистый — а) излучистый, извилистый; б) зажиточный, полный добра.

Хробыстать, хробоста́ть — трещать, хрустеть, шуметь.

Чáсовый — временный, недолговечный.

Чваковитая (поговорочка) — хорошая, ладная (от чвакать — про-
износить «ч» вместо «ц»).

Шариночка — шеренга.

Шатить(ся) — колебать(ся), качать(ся).

Шеломчатый (гвоздь) — с выпуклой шляпкой.

Шеломчёный — покрытый крышей.

Шмон, шмоночки — шутки, лясы, насмешки.

Штуковатый — затейливый, себе на уме.

Щебливый, щепливый — щегольской.

Щельи (щели) — каменная гряда, берег.

Щепетенье, щепетинице — а) щегольство; б) принадлежности для
женского рукоделия.

Ю — ее.

Ям — место сбора.

СЛОВАРЬ УСТОЙЧИВЫХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЗАМЕН¹

Бедна горюша — причитывающая о себе.

Белая лебедушка — дочь, племянница.

Боровяя ягодиночка — дочь, сын.

Великое желаньице — муж или сын.

Верба золоченая — сын, дочь.

Ветляная нешутушка — невестка.

Горепящица — вдова, причитывающая о себе.

Горюша — причитывающая о себе.

Горющица — вдова, причитывающая о себе.

Желанная семеюшка — муж.

Законная державушка, сдержавушка — муж.

Законная семеюшка — муж.

Звезда подвосточная — муж, сын.

Злой разлучник — жених

Изюмна ягодиночка — дочь, сын.

Кокбша горегорькая — причитывающая о себе.

Косата ластушка — дочь, племянница.

Красно на золоте — муж, сын.

Красно солнышко — муж, сын.

Кручинна, кручинная — причитывающая о себе.

Кручинная головушка — причитывающая о себе.

Крылатый ясный сокол — сын.

---

¹ О происхождении и стилистическом значении устойчивых метафорических замен см. вступительную статью, стр. 12—13. Словосочетания, употребляющиеся для подобных замен, даются в алфавитном порядке по первому слову.

Лада милая — муж.

Лебедь белая — см. белая лебедушка.

Любимая сдержавушка — муж.

Любимо краснословице — муж, сын.

Меженьско мое солнышко — муж, сын (меженный — полуденный, долгий, летний).

Млад отецкий сын — жених.

Мой мижонной день — мать или отец (ср. «меженьско мое солнышко»).

Надёжа — муж.

Надёжная головушка — муж или большак.

Надёжная семеюшка — муж.

Надиюшка — муж, большак.

Наживная головушка — муж, старший сын, большак, добытчик.

Налимна ягодиночка, наливна ягодиночка — дочь, сын.

Невольница — невеста.

Обідна — причитывающая о себе.

Остүдник — жених.

Племя любимое — племянник, племянница или кто-нибудь из младших родственников.

Побѣдна, победная — причитывающая о себе.

Победная головушка — вдова, причитывающая о себе.

Сахарна деревиночка — дочь, сын.

Свет-надёженька — муж.

Свеча воску ярого — муж, сын, вообще покойник мужского пола.

Свеченька топлёная — сын, племянник.

Семеюшка — муж, жена.

Скачёная жемчужинка — сын.

Спобедна — см. победна.

Станица неудольная — дети покойного.

Стена городóвая — муж, большак.

Тáлая тали́ночка — муж, сын.

Тёпла па́зушка — мать, тетка или другая старшая родственница.

Трудная (тяжелая) постелюшка — постель больного, болезнь.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 64 и 65.* Ирина Андреевна Федосова. Помещено в журн. «Игрушечка», 1895, № 8.

2. *Между стр. 160 и 161.* Весть о рекрутском наборе. Репродукция с картины В. И. Бочина. (Помещена в книге: «Русское народное поэтическое творчество», т. 2, вып. 2. М. — Л., 1956.

3. *Между стр. 224 и 225.* Настасья Степановна Богданова. Помещено в книге «Былины Севера», т. 2. М. — Л., 1951.

4. *Между стр. 272 и 273.* Анна Михайловна Пашкова. Помещено в книге: «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941.

5. *Между стр. 320 и 321.* Репродукция с картины В. Г. Перова «Проводы покойника».

СОДЕРЖАНИЕ¹

Русская причес. Вступительная статья К. В. Чистова . . .	5
--	---

И. А. Федосова

<i>Биографическая справка</i>	49
Плач о старосте	53 395
Из плача о писаре	59 397
Плач об убитом громом-молнией	62 397
Плач о потопших	68 398
Из плача о попе-отце духовном	79 399
Плач об у пьянсливой головушке	83 399
Плач вдовы по мужу	92 400
Плач по дочери	122 401
Плач о свате	130 401
Плач о холостом рекруте	141 402
Плач о солдате, прибывшем на похороны отца	205 403

Н. С. Богданова

<i>Биографическая справка</i>	219
Плач вдовы по мужу, погибшему в Киваче при сплаве леса .	221 404
Плач о дочери («Подойти мни вот, спобедной кручинной головушке...»)	227 405
Вопль дочери об отце («Не осудите-ко, народ да люди добрые...»)	238 405
Плач сестры по сестре	242 405

---

¹ Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

А. М. Пашкова

<i>Биографическая справка . . . . .</i>	249
Плач после пожара	251 406
Плач замужней сестры по брату	252 406
Плач по мужу («Не доли-тко меня, беднушку...»)	264 407
Плач сироты по дяде	272 407
Плач по сыну, увезенному на лечение в город	276 407

Бытовые, рекрутские и похоронные причитания, записанные от разных лиц

Плач по сестре («Со восточной со сторонушки...»)	281 407
Плач дочери по отцу («Приходила, молодехонька...»)	282 408
Плач невесты на могиле матери («Выйду я на широкую долину...»)	284 408
Плач святозерской крестьянки по рекруту	289 408
Плач по сыну-рекруту («Систь было мне, горющице...»)	290 409
Плач по матери («Еще как-то мне, горюшечке...»)	292 409
Голошение матери на могиле взрослой дочери после отпевания	293 409
Поминальное причитание по родной тетке	295 409
Плач наемной вопленицы за мать о сыне	296 409
Плач батрачки	299 410
Плач по мужу, убитому на войне с Японией	302 410
Плач об ушедших в солдаты	307 410
Плач по ребенку	307 410
Плач у гроба сестры	308 410
Плач по мужу («Вы голубушки, мои тетушки...»)	311 411
Плач об умершем муже («Ох ты мнecuшки тошнехонько...»)	315 411
Плач круглой сироты	318 411
Причитание по матери («Моя родненькая матынька...»)	319 411
Плач сироты на кладбище в родительский день	319 411
Причитание вдовы на сенокосе	321 412
Причeть по сыну, раздавленному лесами при ремонте одного из петербургских дворцов	322 412
Плач на могиле мужа, убитого деревом на лесозаготовках	323 412
Причeть по сыну, умершему на военной службе	325 412
Причeть сестры по брату, идущему в солдаты	327 412
Причитание по мужу («Ой, ты скажи-ко, голубчик мой...»)	328 413
Причитание по матери («Не стосковалась ли, матушка...»)	331 413
Причитание племянницы по дяде	333 413
Причитание по матери-солдатке	334 413
Плач сироты по матери («Отлетела моя матушка...»)	336 413
Причитание матери по сыну-партизану, убитому японцами	337 413
Плач по мужу, погибшему в боях с белыми	338 414
Причeт о горькой женской доле	340 414
Плач о Ленине	344 414
Плач по мужу («Уж не доли-тко меня, беднушку...»)	347 415

Плач по сыну, ужаленному змеей	350 415
Плач об одинокой доле	351 415
Плач о жизни в оккупации	352 416
Плач по сыну, погибшему на фронте Великой Отечествен- ной войны	354 416
Плач о погибшем в годы Великой Отечественной войны	356 416
Сказ об освобожденном Заонежье	358 416

Свадебные причитания

Плач невесты на рукобитье («Чего век-то я не думала...»)	363 416
Плач на девишнике («Не в саду я загулялася...»)	366 417
Плач невесты в день свадьбы («Вы ставайте-тко, сон- ливые...»)	368 417
Причитание невесты в первый день сватовства	372 417
Невеста рассказывает «сон» утром в день свадьбы	376 418
Причитание невесты при встрече жениха в день свадьбы	378 418
Причёт при расставании с подружкой	387 418
Примечания	391
Словарь местных слов	419
Словарь устойчивых метафорических замен	429
К иллюстрациям	431

Редакционная коллегия

*В. Н. Орлов (главный редактор), М. О. Ауэзов,
В. Г. Базанов, Б. И. Бурсов, В. М. Жирмунский,
В. О. Перцов, А. А. Прокофьев, М. Ф. Рильский,
А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, С. И. Чиковани,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)*

ПРИЧИТАНИЯ

Редактор Б. Н. Пугилов

**Художник И. С. Серов. Худож. редактор А. Ф. Третьякова
Техн. редактор В. Г. Комм. Корректор З. Н. Петрова**

**Сдано в набор 28/III 1960 г. Подписано в печать 11/VI 1960 г.
Бумага 84×108^{1/2}. Печ. л. 13^{18/16} (22,86). Уч.-изд. л. 25,05
Тираж 10 000. Заказ № 618. Цена 9 р. 45 к.**

**Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28**

**Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3**

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
81	3 сн.	коромное	хоромное
193	4 св.	хот	хоть
203	7 св.	с безызвестную	в безызвестную
209	16 св.	крестьянска	крестьянска